

**Вестник Южно-Российского
государственного технического
университета (НПИ).**

**Серия:
Социально-экономические
науки**

**Bulletin
of the South Russian
State Technical
University (NPI).
Series:
Socio-Economic Sciences**

Научный журнал

2024 год Том 17 Выпуск 2

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2

Учредитель и издатель

Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова

Главный редактор

Воденко Константин Викторович,
доктор философских наук, профессор
ЮРГПУ(НПИ)
г. Новочеркасск, Россия
vodenkok@mail.ru

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС 77-37943

Издается с 2008 года
Выходит 6 раз в год

Тематика номера:

Социология
Экономика
Философия

Журнал включён ВАК при Минобрнауки
РФ в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс в каталоге агентства
«Пресса России» — 10228

ISSN 2075-2067
eISSN № 2409-9163

Ответственный секретарь

И. И. Сальникова

Верстка и редакция

В. Г. Рыжкова

Адрес редакции и издателя

346428, Россия, Ростовская обл.,
г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
vestnik-npi@yandex.ru

Выход в свет 28.04.2024 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (главный редактор);

Абакумова Ирина Владимировна, академик РАО, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Архипова Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, Высшая школа экономики, Москва, Россия;

Ван Лэй, PhD, Чанчуньский инженерно-технологический институт, Чанчунь, Китай;

Волков Юрий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Голенко-Гинзбург Дмитрий Исаакович, доктор технических наук, профессор, Университет имени Бен-Гуриона провинции Негев, Беер-Шева, Израиль;

Дергачева Елена Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор РАН, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Иванченко Ольга Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (зам. главного редактора);

Ивушкина Елена Борисовна, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Комиссарова Мария Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Мемпель-Снежик Анна, PhD, Вроцлавский экономический университет, Вроцлав, Польша;

Нижегородцев Роберт Михайлович, доктор экономических наук, доцент, Института проблем управления РАН, Москва, Россия;

Осмонова Нургул Исраиловна, доктор философских наук, профессор, Российско-Киргизский славянский университет, Бишкек, Киргизия;

Попкова Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор, Институт научных коммуникаций, Волгоград, Россия; Российский экономический университет имени В.Г. Плеханова, Москва, Россия;

Почтовюк Андрей Борисович, доктор экономических наук, профессор, Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградского, Кременчуг, Украина;

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия;

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия;

Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия;

Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Сорвилов Борис Владимирович, д.э.н., профессор, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Белоруссия;

Степан Каван, PhD, Университет Южной Богемии в Ческе-Будеевице, Ческе-Будеевице, Чехия;

Сухарев Олег Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН, Москва, Россия;

Тихоновская Светлана Александровна, кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Череповицын Алексей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Черных Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Щербакова Лидия Ильинична, доктор социологических наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Юлиус Раманаускас, Dr. hab., Университет имени А. Стуглинскаса, Каунас, Литва;

Сальникова Инна Ивановна, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (ответственный секретарь).

**ВЕСТНИК ЮЖНО-РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (НПИ)
СЕРИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

2024 год Том 17 Выпуск 2

Содержание

Contents

**Междисциплинарные исследования
в образовании**

**Interdisciplinary Research
in Education**

Воденко К. В., Богданова О. В.
Институциональные возможности
и ограничения распространения
менеджеристских практик в форме
дополнительного образования
в российской общеобразовательной
школе.....7

Vodenko K. V., Bogdanova O. V.
Institutional Opportunities and
Limitations of the Dissemination
of Managerial Practices in the Form
of Additional Education
in Russian Secondary
Schools.....7

Астоянц М. С., Тарасенко Л. В.
Социально-профессиональное
самочувствие педагогов: почему
в российских школах сохраняется
дефицит педагогических кадров.....18

Astoyants M. S., Tarasenko L. V.
Social and Professional Well-being
of Teachers: why There Remains
a Shortage of Teaching Staff in Russian
Schools.....18

**Вакула И. М., Лацвеева А. В.,
Гафиатулина Н. Х.**
Компетентностно-ориентированное
образование: взаимосвязь традиций
и инноваций.....30

**Vakula I. M., Latsveeva A. V.,
Gafiatulina N. Kh.**
Competence-Based Education:
The Relationship Between Tradition
and Innovation.....30

Теоретическая и прикладная социология	Theoretical and Applied Sociology
Бабинцев В. П., Серкина Я. И. Организация публичных коммуникаций в процессе консолидации регионального сообщества в приграничных регионах России.....40	Babinsev V. P., Serkina Ya. I. Organization of Public Communications in the Process of Consolidation of the Regional Community in the Border Regions of Russia.....40
Литвина К. Я. Современная концепция формирования доверия в социуме.....51	Litvina K. Ya. The Modern Concept of Forming Trust in Society.....51
Шилина Н. А., Кокуашвили Н. Б., Самыгина Л. В. Роль музея в трансляции духовно- нравственных ценностей современной русской молодежи.....59	Shilina N. A., Kokuashvili N. B., Samygina L. V. The Role of the Museum in Broadcasting the Spiritual and Moral Values of Modern Russian Youth.....59
Шилкина Е. Л., Енина В. В. Социальное здоровье как объект управленческой деятельности.....69	Shilkina E. L., Enina V. V. Social Health as an Object of Management Activity.....69
Экономика и управление	Economics and Management
Волков В. А. Цифровой переход южнороссийских регионов к импортозамещению: учет асимметрии отраслей высоких технологий.....79	Volkov V. A. Digital Transition of South Russian Regions to Import Substitution: Consideration of Asymmetry of High-Tech Industries.....79
Довлатова Г. П., Каращенко В. В. Оценка включенности малого и среднего предпринимательства в стратегическое развитие Южного федерального округа.....93	Dovlatova G. P., Karashchenko V. V. Assessment of the Inclusion of Small and Medium Enterprise in the Strategic Development of the Southern Federal District.....93
Долматова Л. Г. Эффективность проведения мониторинга как инструмента выявления степени деградации ценных земель.....106	Dolmatova L. G. Effectiveness of Monitoring as a Tool for Identifying the Degree of Degradation of Valuable Land.....106
Коршунова Л. Н. Систематизация эколого-экономических факторов разработки и внедрения	Korshunova L. N. Systematization of Environmental and Economic Factors in the Development

наилучших доступных технологий в области обращения с электронными отходами.....114	and Implementation of the Best Available Technologies in the Electronic Waste Management Field.....114
Куликов М. М. Возможности использования инструментов искусственного интеллекта и нейросетей для прогнозирования фондового рынка.....130	Kulikov M. M. Possibilities of Using Artificial Intelligence Tools and Neural Networks for Stock Market Forecasting.....130
Медведева Л. Н., Пахомова А. А. Концептуально-методологический подход в обосновании устойчивых орошаемых агроландшафтов.....138	Medvedeva L. N., Pakhomova A. A. Conceptual and Methodological Approach to Substantiating Sustainable Irrigated Agricultural Landscapes.....138
Митенков А. В., Елисеева Е. Н. Эволюция инновационных экосистем и трансформация бизнеса.....154	Mitenkov A. V., Eliseeva E. N. Evolution of Innovation Ecosystems and Business Transformation.....154
Погорелова Л. А. Исследование трансформаций трудовых рынков при внедрении инновационных технологий искусственного интеллекта....166	Pogorelova L. A. Research of Labor Market Transformations in the Implementation of Innovative Artificial Intelligence Technologies.....166
Фетюхина О. Н., Землякова С. Н., Фетюхин В. И. Выбор брендов на маркетплейсах как основной механизм совершения покупки в условиях цифровой трансформации.....176	Fetyukhina O. N., Zemlyakova S. N., Fetyukhin V. I. The Choice of Brands on Marketplaces as the Main Mechanism for Making Purchases in the Context of Import Substitution.....176

Философская инноватика

Philosophical Innovation

Герасимов М. В., Шевченко О. М. Современные тенденции развития спортивной деятельности: массовизация и гуманизация.....189	Gerasimov M. V., Shevchenko O. M. Modern Trends in the Development of Sports Activities: Mass Characterization and Humanization.....189
Ерёмченко Е. Н. Неоплатонизм, изложенный ясно, как солнце, и Цифровая Земля.....197	Eremchenko E. N. Neoplatonism, Explained Clearly as the Sun, and the Digital Earth.....197
Кузьмичева Л. Н., Хурина К. Р. Индустрия 4.0: социокультурные преобразования и пути адаптации в современном обществе.....210	Kuzmicheva L. N., Khurina K. R. Industry 4.0: Sociocultural Transformations and Ways of Adaptation in Modern Society.....210

Плотникова Т. В., Волохова Е. В. Концептуализация проблемы трансгуманизма в современном философском дискурсе.....219	Plotnikova T. V., Volokhova E. V. Conceptualization of the Problem of Transhumanism in Modern Philosophical Discourse.....219
Положенкова Е. Ю. Соотношение христианства и культуры в религиозно-философских и теологических учениях XX столетия.....229	Polozhenkova E. Yu. The Relationship of Christianity and Culture in the Religious, Philosophical and Theological Teachings of the XX Century.....229
Якунина И. С., Тищенко И. А., Тищенко Ю. Г. Развитие представлений о массовой культуре в зарубежной традиции.....240	Yakunina I. S., Tishchenko I. A., Tishchenko Yu. G. The Development of Ideas About Mass Culture in the Foreign Scientific Tradition.....240

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ INTERDISCIPLINARY RESEARCH IN EDUCATION

Научная статья

УДК 330.839

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-7-17

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МЕНЕДЖЕРИСТСКИХ ПРАКТИК В ФОРМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Константин Викторович Воденко¹, Оксана Владимировна Богданова²✉

*¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия*

*²Социально ориентированная автономная некоммерческая организация
«Первый консалтинговый институт социально-экономического развития»,
Ростов-на-Дону, Россия*

*¹vodenkok@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5283-0466, AuthorID РИНЦ: 289484,
WoS Research ID: L-4112-2016, AuthorID Scopus: 56669747300*

²oksanavelo9@bk.ru✉, ORCID: 0000-0002-5540-4008

Аннотация. *Целью исследования* является изучение институциональных возможностей и ограничений внедрения такого управленческого инструмента и такой педагогической практики, как платные образовательные услуги в виде программ дополнительного образования в общеобразовательную школу, а также определение, насколько негативное или позитивное воздействие оказывает эта модификация на ход обучения и общее функционирование школьных организаций как центральных элементов в социальном институте общего образования.

Методологической базой исследования является менеджеристская методология, сформированная на неоинституционализме Д. Норта и в отечественной социологической и экономической традиции продолженная В. В. Вольчиком, М. В. Курбатовой, А. Б. Пономаревым и т. д. Кроме того, применяется инструментарий сравнительного анализа среди ранее проведенных исследований и эмпирических источников.

Результаты исследования. В ходе обзорного исследования с применением основ менеджеристской методологии были выявлены реальные и потенциальные дисфункции в работе общеобразовательной российской школы при использовании и внедрении платных услуг дополнительного образования, а именно: смещение мотивации поведения руководителей школ и учителей от традиционно-просветительских к «бизнес-мышлению», перерасходы материальных, временных и кадровых ресурсов, противоречия и ограничения на полноценное развитие рыночными методами качества дополнительного образования, возможность возникновения имитационных практик и занятия программами дополнительного образования в ущерб основному обучению.

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем поиске причин наличных для общего, дополнительного и высшего образования в современной России социальных проблем через обоснование и понимание их посредством применения менеджеристской методологии и формирования соответствующих практических рекомендаций для корректирования ситуации на рынке образовательных услуг.

Ключевые слова: дополнительное образование, школьное образование, школа как социальный институт, менеджери́зм, платные образовательные услуги

Для цитирования: Воденко К. В., Богданова О. В. Институциональные возможности и ограничения распространения менеджери́стских практик в форме дополнительного образования в российской обще-образовательной школе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 7–17. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-7-17>.

Original article

INSTITUTIONAL OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS OF THE DISSEMINATION OF MANAGERIAL PRACTICES IN THE FORM OF ADDITIONAL EDUCATION IN RUSSIAN SECONDARY SCHOOLS

Konstantin V. Vodenko¹, Oksana V. Bogdanova²✉

¹Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

²Autonomous Non-Profit Organization of Supplementary Professional Education
«First Consulting the Institute of Socio-Economic», Rostov-on-Don, Russia

¹vodenkok@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5283-0466, AuthorID RSCI: 289484,

WoS Research ID: L-4112-2016, AuthorID Scopus: 56669747300

²oksanavelo9@bk.ru✉, ORCID: 0000-0002-5540-4008

Abstract. *The purpose of the research* is to study the institutional possibilities and limitations of the introduction of such a management tool and such pedagogical practice as paid educational services in the form of additional education programs in secondary schools, as well as to determine how negative or positive this modification has on the course of study and the general functioning of school organizations as central elements in the social institute of general education.

The methodological basis of the research is the managerial methodology, formed on the neo-institutionalism of D. North, and continued in the Russian sociological and economic tradition by V. V. Volchik, M. V. Kurbatova, A. B. Ponamarev, etc. In addition, the tools of comparative analysis among previously conducted studies and empirical sources are used.

Research result. In the course of a review study using the basics of managerial methodology, real and potential dysfunctions in the work of a comprehensive Russian school in the use and implementation of paid additional education services were identified, namely: a shift in the motivation of the behavior of school leaders and teachers from traditional educational to «business thinking», overspending of material, time and human resources, contradictions and restrictions on the full-fledged development of the quality of additional education by market methods, the possibility of imitation practices and additional education programs at the expense of basic training.

The prospects of the research are to further search for the causes of existing social problems for general, additional and higher education in modern Russia through the justification and understanding

of them through the application of managerialism methodology and the formation of appropriate practical recommendations for correcting the situation in the educational services market.

Keywords: *additional education, school education, school as a social institution, managerialism, paid educational services*

For citation: *Vodenko K. V., Bogdanova O. V., Institutional opportunities and limitations of the dissemination of managerial practices in the form of additional education in Russian secondary schools // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 7–17. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-7-17>.*

Введение. Социальные проблемы в общеобразовательной российской школе, как и вообще в сфере образования (и высшего, и профессионального, и т.д.), сохраняются до сих пор. Падение качества образования¹, несогласие части экспертного и родительского сообществ с проводимыми реформами в социальном институте школы², споры о дальнейшем пути развития национальной образовательной системы от школьного до вузовского этапов³ — все это сохраняет актуальный статус в современных дискуссиях об обучении в школе.

В предыдущих работах мы уже предлагали к этому списку проблем и вопросов добавить обсуждение задач и сути дополнительного образования (ДО) внутри школьного образования [2], а именно: мы полагаем, что предлагаемая и проводимая реформаторами от образовательной области практика формирования и реализации программ дополнительного образования на платформе общеобразовательной школы и путем использования ее внутренних ресурсов представляет собой преимущественно негативный сценарий для этого социального института. Более того, этот путь институционального преобразования представляет собой часть менеджериализации общего образования [7] и поэтому может быть включен в широкую менеджеристскую карту исследований [6], а значит, изучен именно с этой стороны.

Тем не менее, занимая подобную исследовательскую позицию, т.е. критическую ус-

тановку в анализе реализации менеджериализма в общественном секторе, выдвигая и пробуя доказать и обосновать гипотезы о негативном воздействии реформ в подобном духе на соответствующие социальные институты, мы считаемся с объективными изменениями в экономике, культуре и технологиях, значит, и в функционировании тех институтов, которые связаны с меняющимися экономическими, культурными и техническими практиками. Цифровая экономика, регулярно обновляемые, изменяемые и заменяемые профессиональные навыки и знания, все большая специализация труда с необходимостью ставят новые, вынужденные и значимые, задачи перед традиционными социальными институтами предоставления образовательных благ, поэтому так или иначе организации в этих институциональных структурах должны будут трансформироваться. Вопрос состоит в том, насколько радикальными будут эти изменения и как провести их с минимальным ущербом для основополагающих целей этих институций, т.е. формирования путем передачи знаний, ценностей и навыков целостных, самостоятельных и зрелых умов нового поколения граждан нашей страны.

Методика. Как и в прошлый раз [2], для исследования институциональных изменений в системе общешкольного образования мы остановимся на методологии менеджериализма.

1 Лапилина А. Третей родителей недовольны качеством обучения в школах [Электронный ресурс] // Skillbox Media. 28.08.2023. URL: <https://skillbox.ru/media/education/tret-roditeley-nedovolny-kachestvom-obucheniya-v-shkolakh/> (дата обращения: 15.11.2023).

2 Реформа образования — отзывы родителей. Замечают ли родители школьников изменения в школьном образовании? И как их оценивают? [Электронный ресурс] // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/12294> (дата обращения: 15.11.2023).

3 Цикулина С. Битва чиновников в сфере образования за детские умы и финансирование в 2023 году усилится [Электронный ресурс] // Октагон. 03.01.2023. URL: https://octagon.media/istorii/bitva_chinovnikov_v_sfere_obrazovaniya_za_detskie_umy_i_finansirovanie_v_2023_godu_usilitsya.html (дата обращения: 15.11.2023).

Под менеджери́змом как управленческой идеологией далее будем понимать сумму идей, установок и практик, направленных на замену традиционных управленческих форм в общественном секторе на рыночные (и квазирыночные) инструменты управления, включающие в себя количественные показатели, коммерциализацию (или квазикоммерциализацию), искусственно порождаемую конкуренцию, децентрализацию деятельности агентов и общую направленность усилий различных акторов на достижение исчисляемой в показателях эффективности [6].

Менеджеристская методология (или методология менеджери́зма), таким образом, представляет собой набор теоретических инструментов, на которых частично и основано конструирование, обоснование и внедрение управленческих реформ в разные сферы внутри общественного сектора. Иначе говоря, это инструментарий неонституциональной теории, который ранее действовал как один из структурных элементов менеджеристской управленческой идеологии [11], а теперь обращен в критический анализ результатов и последствий проведенных реформ, а именно: неонституциональная теория Д. Норта [9] уже применялась ранее в исследованиях менеджери́зированных институтов в работах А.Б. Понамарева [11], Ю.В. Туркота [13], В.В. Вольчика [3], М.В. Курбатовой [8] и т.д.

Анализ социальных институтов, формальных и неформальных норм в них и институциональных практик, из них состоящих, представляет собой изучение того, насколько эффективно позволяют выбранные в организациях, инкорпорированных в исследуемых институциональных структурах, инструменты достигать фундаментальных целей этих самых социальных институтов [9]. Именно такое рассмотрение дополнительного образования внутри школьных образовательных организаций как специфического менеджеристского инструмента, который либо помогает, либо не помогает достичь целей социального института общего образования, мы и предлагаем ниже.

Обсуждение. Программы дополнительного образования в школе, а если точнее — платные программы ДО, предусмотрены ФЗ «Об образовании»⁴. Вкупе с другим нормативно-правовым актом, а именно Распоряжением Правительства РФ от 31.03.2022 №678-р (об уточнении государственной политики в отношении тех программ дополнительного образования, чье финансирование предусмотрено федеральным бюджетом для реализации таких целей, как «создание условий для самореализации и развития талантов детей, а также воспитание высоконравственной, гармонично развитой и социально ответственной личности»)⁵, они составляют единую политику по модификации и расширению деятельности общеобразовательных организаций.

Цель и общая направленность этой федеральной программы обосновываются фундаментальными изменениями общественных, экономических и культурных процессов»: «В ситуации перехода Российской Федерации от индустриального к постиндустриальному информационному обществу нарастают вызовы системе образования и социализации человека. Все острее встает задача общественного понимания необходимости дополнительного образования как открытого вариативного образования и его миссии наиболее полного обеспечения права человека на развитие и свободный выбор различных видов деятельности, в которых происходит личностное и профессиональное самоопределение детей и подростков»⁶.

Разумеется, помимо обоснования проводимых модификаций и обновлений школьного обучения при помощи расширения доли дополнительных образовательных программ из-за глобальных процессов трансформации, акцент государственной политики на ДО реализуется с привлечением концепций непрерывного образования и компетентностного подхода [1].

Тем не менее политическая линия образовательных властей по расширению и углублению использования ДО, имея безусловные объективные основания (уже перечисленные

⁴ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 №273-ФЗ.

⁵ Концепция развития дополнительного образования детей [Электронный ресурс] // Российская газета. 07.09.2014. URL: <https://rg.ru/documents/2014/09/08/obrazovanie-site-dok.html> (дата обращения: 15.11.2023).

⁶ Там же.

выше мировые тенденции в экономике, культуре и технологиях с воздействием на рынки труда), может характеризоваться как не просто менеджеристская по своей сути, но и имеющая негативные последствия для основополагающих практик в рамках школы как социального института. Одно из таких тревожных оснований мы можем увидеть в слишком сильном росте общей учебной нагрузки на среднего ученика общеобразовательной организации, которая негативно отражается на качестве осваиваемых им знаний и навыков: «В школах фиксируется резкий рост нагрузки на детей, в том числе за счёт введения добровольно-принудительных дополнительных занятий и кружков. На фоне увеличения количества обязательных часов качество обучения продолжает падать. Из-за неграмотно составленных программ и некачественных учебников школьники не могут усвоить материал в стенах учебных заведений и после уроков в ущерб отдыху занимаются с родителями и репетиторами. Одно из последствий — в стране растёт число учащихся, имеющих проблемы со здоровьем»⁷. Конечно, самым тревожным в этом свидетельстве представляется, помимо названного непомерного роста учебных часов, принудительность в охвате учащихся практиками ДО.

В отличие от чрезмерного роста занятости и утомлений, связанная с ней принудительность и вообще акцентирование руководителей, администрациями и учителями в школах программ ДО вызвана вполне конкретными управленческими решениями. Именно их и можно характеризовать как менеджеристские. Ведь ДО, особенно платные ДО — это и необходимое финансирование школьных учреждений, и выполнение ими поставленных целевых показателей эффективности. Более того, сама практика ДО попадает под признаки менеджеризации через введение децентрализации, коммерциализации, количественных показателей [6]. Помимо этого, дополнительное образование как таковое — яркий пример внедрения в общественный сектор сервисного, потребительского подхода, где главным ответственным

за собственное будущее и удовлетворенность получаемыми услугами представлен сам конечный потребитель, в данном случае — дети и их родители [1].

Если рассматривать содержание и наиболее распространенные типы дополнительного образования, то одним из самых широко встречаемых видов подобных программ, реализуемых в школе, является подготовка к выпускным экзаменам: «Доля вовлеченных в компенсаторные дополнительные занятия резко увеличивается в старшей школе, что, по всей вероятности, связано с подготовкой к ЕГЭ и другим экзаменам. Так, в 9-м классе почти половина всех школьников, родители которых приняли участие в опросе, посещают какие-либо занятия по школьным предметам, при этом существенная часть этих школьников... посещают только эти занятия и не ходят на какие-либо другие кружки и секции. Небольшая доля занимающихся на курсах по школьным предметам есть и в основной, и даже в начальной школе. Эта доля плавно растет от начальной школы к 8-му классу...» [10, с. 246–247]. При этом, что также вызывает определенную настороженность, многие программы ДО направлены на освоение тех знаний, которые должны предоставляться в ходе реализации основного школьного образования: «В основной школе занятия по школьным предметам напрямую не связаны с подготовкой к поступлению в вуз, а направлены на то, чтобы ребенок справился с основной программой... это занятия с репетитором по тем предметам, по которым ребенок не успевает» [10, с. 246].

Ранее мы не акцентировали внимание именно на платных программах ДО внутри школ, но посмотрим, что показывают эмпирические исследования об их распространенности и широте спроса на них: «...среди учащихся, включенных в систему дополнительного образования, практически каждый второй (47,3%) занимается бесплатно. Каждый третий (33,6%), посещает как платные, так и бесплатные занятия. И, наконец, каждый пятый (19,1%) посещает только платные кружки, секции, студии... с возрастом

⁷ Цикулина С. Нагрузка на школьников резко растёт, а качество обучения падает [Электронный ресурс]// Октагон. 13.11.2023. URL: https://octagon.media/istorii/nagruzka_na_shkolnikov_rezko_rastet_a_kachestvo_obucheniya_padaet.html (дата обращения: 15.11.2023).

заметно уменьшается доля школьников, которые получают дополнительное образование только на бесплатной основе — с 52,1% в 7-м классе до 39,1% в 11-м ($p=.000$). Подобное снижение происходит в основном за счет увеличения с возрастом числа тех школьников, которые занимаются в кружках, студиях и секциях, используя комбинированную стратегию, т.е. совмещая платные и бесплатные образовательные услуги. Так, если в 7-м классе таких детей 27,6%, то в 11-м их уже 40,9%... При этом характерно, что доля подростков, занимающихся в системе дополнительного образования исключительно на платной основе, с возрастом практически не меняется (в 7-м классе 20,3%, в 11-м — 20,0%)» [12, с. 66].

Платные программы дополнительного образования — это и один из важных источников доходов общеобразовательных организаций, помимо того, что степень и глубина распространения вместе с успешностью этой практики есть также показатель эффективности. Действительно, ввиду устоявшегося в пореформенном общем образовании в России механизма финансирования школ, который представляет собой подушевой способ, в связи с которым малокомплектные учреждения почти обречены на низкий уровень материальных ресурсов (не считая гранты, социальное партнерство и т.д.), платные образовательные услуги — один из немногих инструментов преодоления ограничителей в источниках денежных средств. Недостаток финансовых средств до сих пор остается одной из фундаментальных социальных проблем не только в школах регионов, но и даже в столичных общеобразовательных учреждениях: «Государство оказывает огромную финансовую поддержку образовательным учреждениям, но все же важной проблемой, с которой сталкиваются многие детские сады, школы, вузы, является нехватка бюджетных средств для удовлетворения всех потребностей учреждения, развития современной материально-технической базы, косметического ремонта зданий и многого другого. Поэтому образовательные учреждения вынуждены

ставить перед собой новую задачу — удовлетворение потребности потребителей в дополнительных образовательных и иных услугах. Проблема финансового обеспечения остро стоит в ряде школ Московской области» [4, с. 144].

Именно из-за этой реальной потребности решение в виде формирования на собственной базе различных платных образовательных программ видится наиболее рациональным и эффективным решением. Но сами попытки реализации подобного сценария — или любого иного подхода для поиска необходимых ресурсов — уже вызывают траты имеющихся у школ ресурсов (трудовых, интеллектуальных, временных, материальных и т.д.), притом предложение в конечном счете может и не найти спрос, учитывая, что многие школьники готовятся к тем же итоговым государственным экзаменам вне стен своих школ⁸. Сам факт необходимости преобразования управленческой деятельности с чисто педагогических задач на рыночные операции, напрямую не связанные с основным образованием, формирование «бизнес-мышления» у школьной администрации вместо исключительно просветительской миссии — все это в общей сумме ставит вопрос о том, насколько вообще возможно и нужно реализовывать школам в массовом порядке коммерческий трек в своей деятельности, насколько негативно и губительно это отражается на всем остальном функционале учреждений общего образования.

При этом создаются определенные противоречия в работе подобного образовательного рынка. Из-за многочисленных нормативно-правовых актов цены на дополнительные услуги ограничиваются во многих муниципалитетах через введения некоторых предельных значений, а также через механизм льгот для различных категорий семей и их детей [4]. Помимо этого, поведение основного агента на этом рынке — общеобразовательной школы (т.е. при рассмотрении рынка услуг платного дополнительного образования исключительно внутри школы) — из-за внутренней специфики этого института

⁸ Гурова Г. Высокие достижения или открытость для всех? Почему рейтинговая система управления российскими школами увеличивает социальное неравенство [Электронный ресурс] // НОЖ. Медиа. URL: <https://knife.media/kpi-school/> (дата обращения: 15.11.2023).

и других обстоятельств даже вне законодательных корректировок и ограничений разительно отличается от рыночного же поведения (а последнее негативно сказывается на развитии самого продукта, его распространении и качестве), например, несоответствие теории ценообразования [5]. Последнее можно связать с тем, что образовательные рынки вообще и рынки дополнительного образования в частности — это не типичные рынки, а т.н. «квазирынки»⁹. Но даже если и так, поведение школ в рамках реализации этого менеджеристского инструмента отличается от подобного же в высшем образовании [14] (как и вообще то, что менеджеризация общеобразовательных российских школ [7], ее характер и степень, во многом несхожи с аналогичным процессом в университетах [15; 16]).

Действительно, лучше всего сравнивать наличие и эффекты от введения и расширения практик дополнительных платных образовательных услуг в общеобразовательной школе с аналогичной ситуацией в высшем образовании. Соответствующая исследовательская литература есть как в отечественном, так и в зарубежном академическом пространстве в изобилии, особенно в их связи с другими менеджеристскими практиками [14; 15; 16]. И вполне обоснованно перенести, частично и с учетом контекста, выводы для высшего образования на образование общее. Механизмы конкуренции, рейтингования, коммерциализации и многие другие инструменты, производимые от использования идеологии менеджеризма, наносят урон качеству образования в высших учебных заведениях. По некоторым свидетельствам и результатам сторонних исследований, которые мы привели выше, подобный вывод можно сделать и для общеобразовательных организаций и основного для них процесса обучения.

В отличие от вуза негативные эффекты — потенциальные и реальные — во многом связаны не столько с самим менеджеризмом, сколько с тем, что реализовать его до конца с возможными позитивными следствиями в рамках институциональных особенностей российской школы не представляется

возможным. Огромный груз законодательной базы для общего образования, поведение основных агентов на рынке дополнительных образовательных услуг, иные препятствия для полноценного развития качества программ дополнительного образования на платной основе в школах, необходимость значительных изначальных затрат на реализацию таких проектов в нуждающихся и малокомплектных школьных учреждениях и другие факторы — все это приводит к негативным последствиям для основного образовательного процесса в общем образовании. Одним из многих возможных решений, на наш взгляд, представляется государственная поддержка в правовом, налоговом и финансовом планах для частных и независимых компаний, предлагающих услуги дополнительного платного образования, т.е. вывод этой сферы из пределов школьных образовательных организаций. Это позволит последним расходовать основные и дополнительные, внебюджетные, ресурсы эффективнее для реализации своих непосредственных и главных функций.

Вполне возможно, несколько позднее, после достаточного развития в ходе конкуренции и установления рыночного равновесия на рынке частных в предложении платных дополнительных образовательных услуг, создать новый налог или несколько увеличить прежние имеющиеся государством для этих коммерческих структур, чтобы увеличить финансирование общеобразовательных организаций. В любом случае это — дело будущего, а для настоящего необходимо не допустить даже возможность формирования в школах имитационных практик, в которых основные образовательные программы будут искусственным образом реализоваться менее эффективно по сравнению с существующими в школах платными услугами. Это и позволит повысить качество общего образования в стране в целом.

Заключение. Таким образом, если мы применяем к наличной эмпирической информации в уже проведенных исследованиях и иных источниках сведений об общеобразова-

⁹ Степанищев С. Образование как отрасль производства. Взгляд из Стэнфорда [Электронный ресурс] // Новости науки в НИУ ВШЭ. 15.09.2009. URL: <https://www.hse.ru/news/science/10359188.html> (дата обращения: 15.11.2023).

тельной школе и применению в ней практики услуг платного дополнительного образования менеджеристскую, то приходим к скептическому, критичному и осторожному отношению к этим институциональным модификациям.

Основная функция общеобразовательной российской школы как социального института — социализация, передача необходимых знаний и общепризнанных ценностей в обществе, конвенционально признанных нынешним и прошлым поколениями. Но в настоящее время эти организации испытывают недостаток в материальных и кадровых ресурсах, которые они стараются нивелировать через внедрение коммерческих образовательных услуг. Мы показали выше, что подобное приводит к серьезным сбоям и противоречиям в управленческой политике, педагогическом процессе, распределении ресурсов и профессиональной этике, что в перспективе, а где-то и в этот момент, формирует основания для возникновения имитационных практик. Последние могут вызвать дальнейшее падение качества образования и новые серьезные деформации основных и фундаментальных ценностей, функций и норм рассматриваемого социального института. Для улучшения качества как основного, так и платного дополнительного образования нами предлагается изменить и скорректировать образовательную политику государства и существующую правовую базу, позволяющие школам инициировать частные услуги образовательного характера. Разделение на первых порах может привести к ухудшению положения в материальном спектре в общеобразовательных учреждениях, но затем при расширении и обогащении рынка частных агентов по предложению дополнительного образования через налоговые механизмы можно будет с избытком компенсировать потери российских школ, а по итогу и значительно улучшить их положение.

Список источников

1. Бердашкевич А.П., Тихомирова Н.В. Образовательные стандарты и непрерывное образование // Народное образование. 2011. №2. С. 11–19.
2. Богданова О.В. Институциональные ограничения интенсификации распростра-

нения менеджеристских практик в форме дополнительного образования в российских университетах // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. №6. С. 165–173.

3. Вольчик В.В. Возрастающая отдача и российская инновационная система // Управление наукой: теория и практика. 2022. №4(4). С. 88–116.

4. Гайдай А.Н., Куломзина Е.Ю. Внебюджетные источники финансового обеспечения образовательных организаций // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. 2022. №4(34). С. 143–148.

5. Гришанова О.А., Соколова Е.Ю. Инвестиционная составляющая в цене платной образовательной услуги // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2012. №1. С. 46–52.

6. Казанцев О.А. Картографирование менеджизма и менеджизация школы: от описания метода к пониманию предмета // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12. №4(62). С. 215–230.

7. Казанцев О.А. «Менеджизация» общего образования: к постановке проблемы // Caucasian Science Bridge. 2023. №1(19). С. 96–103.

8. Курбатова М.В., Левин С.Н. Эффективный контракт в системе высшего образования РФ: теоретические подходы и особенности институционального проектирования // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2013. №5(1). С. 55–80.

9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.

10. Павленко К.В., Поливанова К.Н., Бочавер А.А., Сивак Е.В. Дополнительное образование школьников: функции, родительские стратегии, ожидаемые результаты // Вопросы образования. 2019. №2. С. 241–261.

11. Пономарев А.Б. Барьеры достижения общественной состоятельности института сити-менеджмента // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. №1. С. 279–283.

12. Собкин В.С., Калашникова Е.А. Отношение к дополнительному образованию

учащихся основной и старшей школы: социально-психологические аспекты // Национальный психологический журнал. 2018. №1(29). С. 63–76.

13. Туркот Ю.В., Понамарев А.Б. Потребители муниципальных услуг ЮФО об эффективности менеджеристской модели управления // Гуманитарий Юга России. 2021. №12(5). С. 230–239.

14. Aspromourgos T. The managerialist university: an economic interpretation // Australian Universities' Review. 2012. Vol. 54. №2. Pp. 44–49.

15. Houtum v. H., Uden v. A. The autoimmunity of the modern university: How its managerialism is self-harming what it claims to protect // Organization. 2022. Vol. 29. №1. Pp. 197–208.

16. Lynch K. New Managerialism: The Impact on Education // Concept. 2014. Vol. 5. №3. Pp. 1–11.

References

1. Berdashkevich A. P., Tihomirova N. V. Obrazovatel'nye standarty i nepreryvnoe obrazovanie [Educational standards and continuing education]. *Narodnoe obrazovanie [National education]*. 2011; (2): 11–19. (In Russ.).

2. Bogdanova O. V. Institucional'nye ogranichenija intensivizatsii rasprostraneniya menedzheristskih praktik v forme dopolnitel'nogo obrazovaniya v rossijskih universitetah [Institutional restrictions on the intensification of the dissemination of managerial practices in the form of additional education in Russian universities]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic sciences]*. 2023; 16(6): 165–173. (In Russ.).

3. Vol'chik V. V. Vozrastajushhaja otdacha i rossijskaja innovacionnaja sistema [Increasing returns and the Russian innovation system]. *Upravlenie naukoj: teorija i praktika [Management of science: theory and practice]*. 2022; 4(4): 88–116. (In Russ.).

4. Gajdaj A. N., Kulomzina E. Ju. Vnebudzhetnye istochniki finansovogo obespechenija obrazovatel'nyh organizacij [Extra-budgetary sources of financial support for educational organizations]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo*

pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Jekonomika [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Economics]. 2022; 4(34): 143–148. (In Russ.).

5. Grishanova O. A., Sokolova E. Ju. Investicionnaja sostavljajushhaja v cene platnoj obrazovatel'noj uslugi [The investment component in the price of a paid educational service]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Seriya: Jekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom [Izvestia of higher educational institutions. Series: Economics, Finance and Production Management]*. 2012; (1): 46–52. (In Russ.).

6. Kazancev O. A. Kartografirovaniye menedzherizma i menedzherizatsiya shkoly: ot opisanija metoda k ponimaniju predmeta [Mapping of managerism and school managerization: from the description of the method to the understanding of the subject]. *Gumanitarij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]*. 2023; 4(62): 215–230. (In Russ.).

7. Kazancev O. A. «Menedzherizatsiya» obshhego obrazovaniya: k postanovke problemy [«Managerization» of general education: towards a problem statement]. *Caucasian Science Bridge*. 2023; 1(19): 96–103. (In Russ.).

8. Kurbatova M. V., Levin S. N. Jefferektivnyj kontrakt v sisteme vysshhego obrazovaniya RF: teoreticheskie podhody i osobennosti institucional'nogo proektirovaniya [Effective contract in the system higher Education of the Russian Federation: theoretical approaches and features of institutional design]. *Journal of Institutional Studies (Zhurnal institucional'nyh issledovanij)*. 2013; 5(1): 55–80. (In Russ.).

9. Nort D. Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovaniye jekonomiki [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy]. Moscow: Nachala, 1997. 180 p. (In Russ.).

10. Pavlenko K. V., Polivanova K. N., Bochaver A. A., Sivak E. V. Dopolnitel'noe obrazovanie shkol'nikov: funktsii, roditel'skie strategii, ozhidaemye rezul'taty [Additional education of schoolchildren: functions, parental strategies, expected results]. *Voprosy obrazovaniya [Questions of education]*. 2019; (2): 241–261. (In Russ.).

11. Ponamarev A. B. Bar'ery dostizheniya obshhestvennoj sostojatel'nosti instituta siti-menedzhmenta [Barriers to achieving social viability of the Institute of City Management].

Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski [State and municipal management. Scientific notes]. 2021; (1): 279–283. (In Russ.).

12. Sobkin V. S., Kalashnikova E. A. Otnoshenie k dopolnitel'nomu obrazovaniju uchashhihsja osnovnoj i starshej shkoly: social'no-psihologicheskie aspekty [Attitude to additional education of primary and high school students: socio-psychological aspects]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal]. 2018; 1(29): 63–76. (In Russ.).

13. Turkot Ju. V., Ponamarev A. B. Potrebite-li municipal'nyh uslug JuFO ob jeffektivnosti menedzheristskoj modeli upravlenija [Consum-

ers of municipal services of the Southern Federal District on the effectiveness of the managerial management model]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2021; 12(5): 230–239. (In Russ.).

14. Aspromourgos T. The managerialist university: an economic interpretation // *Australian Universities' Review*. 2012; 54(2): 44–49.

15. Houtum v. H., Uden v. A. The autoimmunity of the modern university: How its managerialism is self-harming what it claims to protect // *Organization*. 2022; 29(1): 197–208.

16. Lynch K. New Managerialism: The Impact on Education // *Concept*. 2014; 5(3): 1–11.

Статья поступила в редакцию 05.12.2023; одобрена после рецензирования 24.12.2023; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted on 05.12.2023; approved after reviewing on 24.12.2023; accepted for publication on 12.02.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воденко Константин Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. Руководитель научно-образовательной школы «Управление социальными процессами в поликультурном регионе». Сфера научных интересов — социально-культурные и социально-экономические институты и процессы в условиях формирования инновационной модели общественного развития. Руководитель многочисленных прикладных социологических исследований.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Konstantin V. Vodenko — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Head of the scientific and educational school «Management of social processes in a multicultural region». Research interests — socio-cultural and socio-economic institutions and processes in the formation of an innovative model of social development. Head of numerous applied sociological studies.

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Богданова Оксана Владимировна — кандидат социологических наук, генеральный директор СО АНО «Первый консалтинговый институт социально-экономического развития».

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Ерёменко, 87/2

Oksana V. Bogdanova — Candidate of Sociological Sciences, General Director of Autonomous Non-Profit Organization of Supplementary Professional Education «First Consulting Institute of Socio-Economic Development».

87/2 Eremenko str., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 37.08

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-18-29

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ПЕДАГОГОВ: ПОЧЕМУ В РОССИЙСКИХ ШКОЛАХ СОХРАНЯЕТСЯ ДЕФИЦИТ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ

Маргарита Сергеевна Астоянц¹, Лариса Викторовна Тарасенко²✉

^{1, 2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹mastoyanc@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-0373-7484,

AuthorID РИНЦ: 492636, AuthorID Scopus: 57189328022

²lvtarasenko@sfedu.ru✉, ORCID: 0000-0002-7589-0429,

AuthorID РИНЦ: 448297, AuthorID Scopus: 56740540900

Аннотация. Цель исследования: на основе анализа социально-профессионального самочувствия педагогического сообщества, в том числе удовлетворенности работников образовательных организаций жизнью и профессиональной деятельностью, выявить представления педагогов о социальной значимости педагогической деятельности, проанализировать мотивации профессионального выбора педагогов и возможные способы ее повышения.

Методы исследования. Эмпирической базой исследования послужили результаты заочного анкетирования методом онлайн-опроса, в котором приняли участие 1290 сотрудников педагогических организаций Ростовской области, в том числе 700 сотрудников общеобразовательных организаций — учителей и представителей администрации школ.

Результаты исследования. В ходе исследования определены позитивные факторы, способствующие сохранению вовлеченности в работу, устойчивости к негативным воздействиям, а также деструктивные факторы, создающие риски профессионального выгорания и как следствие порождающие проблему дефицита педагогических кадров. Авторами выявлен комплекс проблем нематериального характера, решения которых позволит улучшить кадровую ситуацию в российских школах.

Перспективы исследования заключаются в возможности проведения мониторинга социально-профессионального самочувствия учителей Ростовской области для принятия управленческих решений в целях снижения остроты проблемы дефицита педагогических кадров.

Ключевые слова: школа, педагог, социально-профессиональное самочувствие педагогов, профессиональная мотивация, удовлетворенность трудом, субъективное благополучие, профессиональное выгорание

Для цитирования: Астоянц М. С., Тарасенко Л. В. Социально-профессиональное самочувствие педагогов: почему в российских школах сохраняется дефицит педагогических кадров // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 18–29. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-18-29>.

Original article

SOCIAL AND PROFESSIONAL WELL-BEING OF TEACHERS: WHY THERE REMAINS A SHORTAGE OF TEACHING STAFF IN RUSSIAN SCHOOLS

Margarita S. Astoyants¹, Larisa V. Tarasenko²✉

^{1,2}*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

¹*mastoyanc@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-0373-7484,*

AuthorID RSCI: 492636, AuthorID Scopus: 57189328022

²*lvtarasenko@sfedu.ru✉, ORCID: 0000-0002-7589-0429,*

AuthorID RSCI: 448297, AuthorID Scopus: 56740540900

Abstract. *The purpose of the research.* Based on the analysis of the socio-professional well-being of the pedagogical community, including the satisfaction of employees of educational organizations with life and professional activities, to identify teachers' ideas about the social significance of pedagogical activity, to analyze the motivation of teachers' professional choice and possible ways to improve it.

Research methods. *The empirical basis of the study* was the results of an online correspondence survey, which was attended by 1,290 employees of pedagogical organizations in the Rostov region, including 700 employees of general education organizations — teachers and representatives of school administrations.

The results of the study. *The study identified positive factors that contribute to the preservation of involvement in work, resistance to negative influences, as well as destructive factors that create risks of professional burnout and, as a result, give rise to the problem of shortage of teaching staff. The authors have identified a set of non-material problems, the solutions of which will improve the personnel situation in Russian schools.*

Research prospects lie in the possibility of monitoring the socio-professional well-being of teachers in the Rostov region for making managerial decisions in order to reduce the severity of the problem of shortage of teaching staff.

Keywords: school, teacher, socio-professional well-being of teachers, professional motivation, job satisfaction, subjective well-being, professional burnout

For citation: Astoyants M. S., Tarasenko L. V. Social and professional well-being of teachers: why there remains a shortage of teaching staff in Russian schools // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 18–29. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-18-29>.

Введение. Одним из важнейших факторов качественного школьного образования является обеспеченность педагогическими кадрами. Несмотря на предпринимаемые на государственном уровне действия по повышению престижа профессии педагога, проблема кадрового дефицита работников

образовательных организаций остается весьма серьезной. Так, по данным Министерства просвещения Российской Федерации, в образовательных организациях на начало 2022/23 учебного года оказались вакантными 72267 ставок, из которых 42644 составляют ставки должностей педагогических работников¹.

¹ Сведения об образовательных организациях, осуществляющих подготовку по основным программам общего образования [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/id/3616>.

Важно отметить, что проблема дефицита педагогических кадров не нова, более того, в последние годы она имеет, скорее, отрицательную динамику. Как показывают результаты «Мониторинга экономики образования» НИУ ВШЭ, за последние десять лет количество обучающихся растет, в то время как численность педагогов снижается, что приводит к увеличению доли старших возрастных групп среди педагогических работников [12].

По утверждению Председателя комитета Законодательного Собрания Ростовской области по образованию, науке, культуре и информационной политике Светланы Мананкиной, действующие механизмы решения кадровой проблемы в бюджетной сфере малоэффективны — учителя сейчас занимают пятое место в списке самых востребованных на Дону специалистов, в школах области не хватает около 1500 учителей². Донские парламентарии считают, что проблема заключается в низком уровне оплаты труда, и предлагают ряд мер, способных, по их мнению, решить проблему. Среди предлагаемых мер — вузовская подготовка педагогов по целевым договорам, выплата «подъемных» при первичном трудоустройстве с обязательством отработки не менее трех лет и ежемесячные доплаты к заработной плате молодым педагогам в течение первых трех лет. Интересно, что в ходе дискуссии, инициированной С. Мананкиной в социальных сетях, педагоги не только предлагали меры материального стимулирования, но и обосновывали необходимость мер нематериального характера, в частности снижение бюрократической нагрузки на учителя.

Для того чтобы решить проблему нехватки педагогических кадров, важно выявить существующие очаги напряженности в этой профессиональной группе, проанализировать социально-профессиональное самочувствие педагогических работников, что впоследствии позволит предложить обоснованные рекомендации для принятия управленческих решений.

Методика. Социально-профессиональное самочувствие педагогов как в России, так и зарубежом на протяжении нескольких десятилетий привлекает внимание ученых и общественности, поскольку значение педагогической профессии в жизни общества трудно переоценить. Установлено, что социально-профессиональное самочувствие определяет отношение педагога к себе, детям и коллегам [15; 16]. Имеется непосредственная связь мотивации, педагогических установок и эффективности труда педагога с его эмоциональным состоянием и удовлетворенностью работой. Как следствие, это отражается на академической успеваемости учащихся, их вовлеченности в учебу, социальную мобильность [17].

Профессиональное самочувствие учителей, их профессиональная мотивация и удовлетворенность находятся в фокусе внимания российских ученых (Д. Л. Константиновский, А. В. Собкин, М. А. Пинская, Л. В. Клименко, О. Ю. Посухова и др.) [3]. Ведущие российские исследовательские центры регулярно проводят мониторинги мотивации и профессионального самочувствия, удовлетворенности профессиональным и социальным положением педагогов. Среди них можно отметить исследования ФГБНУ «ИУО РАО» [8], мониторинг эффективности школьного образования Центра экономики непрерывного образования ИПЭИ РАНХиГС [5], мониторинг экономики образования НИУ ВШЭ [7]. Анализируя отношение педагогов к собственной профессиональной деятельности и образовательной политике, эти исследования выявляют ряд проблем, негативно отражающихся на социально-профессиональном самочувствии педагогов, их удовлетворенности трудом, жизнью и своим положением.

Удачным, на наш взгляд, является определение Ю. С. Панфиловой, которая рассматривает социально-профессиональное самочувствие как комплекс «показателей, используемых в социологии в первую очередь для выявления открытых и латентных очагов напряженности, существующих в конкретных профессиональных группах» [6, с. 101].

2 Власти Ростовской области заявили об остром дефиците врачей и учителей [Электронный ресурс] // Rostov gazeta.ru. URL: <https://rostovgazeta.ru/news/2023-08-10/vlasti-rostovskoy-oblasti-zayavili-ob-ostrom-defitsite-vrachey-i-uchiteley-3009257?ysclid=lll12tqad433008164>.

Для изучения социально-профессионального самочувствия сотрудников педагогических организаций Ростовской области авторами было проведено исследование в форме заочного анкетирования методом онлайн-опроса, в котором приняли участие 1290 человек (генеральная совокупность составляет 56255 человек), доверительная вероятность («точность») — 97%, доверительный интервал («погрешность» $\pm\%$) — 3% [11]. В том числе было опрошено 700 сотрудников общеобразовательных организаций — учителей и представителей администрации школ (91% и 9% в выборке соответственно), из которых 95% составили женщины и 5% мужчины.

Для анализа социально-профессионального самочувствия учителей Ростовской области был адаптирован инструментарий мониторинга социально-профессионального самочувствия ЮФУ [10] и разработана анкета, состоящая из 36 вопросов.

Для изучения социально-профессионального самочувствия педагогов мы проанализировали удовлетворенность работников образовательных организаций жизнью и своей профессиональной деятельностью, выявили представления педагогов о социальной значимости своей профессиональной деятельности, мотивацию их профессионального выбора и возможные способы ее повышения.

Результаты исследования и их обсуждение. Социально-демографические и профессиональные характеристики работников общеобразовательных организаций Ростовской области, опрошенных в ходе проведенного нами исследования, в целом соответствуют данным общероссийского Мониторинга экономики образования. Если обратить внимание на возрастную структуру, в нашей выборке оказалось 13% молодых педагогов в возрасте до 30 лет и примерно столько же (13,1%) сотрудников старшей возрастной группы более 60 лет; по общероссийской выборке таких оказалось 13,9% и 14,2% соответственно³. Возраст педагогов тесно коррелирует со стажем (коэффициент корреляции, по данным Мониторинга экономики образования, 0,9)⁴,

стаж работы до года имеют 3,7% педагогов, до 5 лет — 13,4%. Интересно, что в группах с большим стажем работы доля мужчин становится все меньше, что, на наш взгляд, свидетельствует о снижении привлекательности профессии школьного учителя для мужчин по мере увеличения стажа их работы.

Доля учителей с высшим образованием также соответствует общероссийским показателям: 86,8% педагогов, имеющих высшее образование по России [12], против 86,6% в Ростовской области, около 2/3 из которых составляют выпускники специалитета, около 1/5 — выпускники бакалавриата и около 1/10 — имеющие среднее профессиональное образование.

Существенным показателем социально-профессионального самочувствия является уровень материального благополучия педагогов. По этому параметру положение учителей Ростовской области несколько хуже, чем по стране в целом. Как видно из таблицы 1, наибольшая часть опрошенных не испытывает проблем с покупкой продуктов и одежды, приобретение бытовой техники уже вызывает трудности (38,1%), 17,7% испытывают трудности с приобретением одежды, а у 18,1% денег хватает лишь на еду. В Ростовской области значительно выше доля самой малообеспеченной категории учителей, которым денег не хватает даже на продукты питания — 5,7% против 3,8% в общероссийской выборке.

Мы предложили учителям оценить соответствие размера заработной платы их трудовым усилиям. Лишь один из десяти учителей с уверенностью подтвердил, что его заработная плата адекватна трудовым усилиям (всего 9,7% опрошенных выразили согласие с этим утверждением). Количество тех, кто скорее согласен, что размер заработной платы является справедливой оценкой его труда, тоже невелико и составило 17,7%. Следует заметить, что среди всех категорий педагогических работников именно школьные учителя реже всего считают размер своей заработной платы соответствующей затраченным трудовым усилиям — всего 27,4%, тогда как

³ Человек и его работа [Электронный ресурс] // ВЦИОМ Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chelovek-i-ego-rabota>.

⁴ Там же.

в группе педагогов ДОУ таких оказалось значительно больше — 38,3%. Учителей, считающих свой труд недооцененным, оказалось 65,3%. Таким образом, лишь каждый четвёртый учитель считает размер своей заработной платы справедливым, остальные в той или иной мере ощущают материальную депривацию.

Важным индикатором субъективного благополучия является удовлетворенность жизнью. Как показали результаты нашего анкетирования, школьные учителя демонстрируют довольно высокий уровень удовлетворенностью жизнью — общее число полностью и скорее удовлетворенных ею оказалось 74%, тогда как неудовлетворенных частично или полностью — 20,8%. Однако сравнение школьных учителей с другими категориями педагогических работников показало, что в группе учителей меньше всего полностью удовлетворенных жизнью — таких оказалось менее 1/5 из всех опрошенных (19,4%).

Удовлетворенность работой вносит важный вклад в удовлетворенность жизнью, что особенно сильно проявляется у лиц, имеющих высшее образование [9]. По результа-

там нашего исследования удовлетворенность профессиональной деятельностью педагогов оказалась несколько ниже их удовлетворенности жизнью — доля полностью и скорее удовлетворенных составила 72,1% (полностью удовлетворены 16% и скорее удовлетворены 56,1%).

Этот показатель значительно ниже аналогичных данных общероссийского опроса ВЦИОМ (в августе 2021 г. в целом удовлетворены своей работой 82% россиян, в том числе полностью удовлетворены 33% и скорее удовлетворены 49%)⁵. Таким образом, среди учителей работой удовлетворен полностью лишь один из шести опрошенных, что вдвое меньше, чем в общероссийской выборке и почти 1/4 опрошенных скорее не удовлетворены (19,1%) и совсем не удовлетворены (5,5%) своей профессиональной деятельностью.

Анализ удовлетворенности условиями труда показал, что трое из четырех учителей в целом довольны своим рабочим графиком (это наиболее благополучный показатель социально-профессионального самочувствия), но лишь каждый второй (50,7%) доволен техническим оснащением своего рабочего мес-

Таблица 1
Table 1

**Распределение педагогов общеобразовательных учреждений
по материальному положению, %
Distribution of teachers of educational institutions by financial status, %**

	РФ	Ростовская область
Материально обеспечены, можем позволить себе дорогостоящий отпуск и покупку автомобиля	1,5	1,3
Достаточно обеспечены материально, но для покупки автомобиля и дорогостоящего отпуска пришлось бы залезть в долги	19,1	19
На еду и одежду хватает, но покупка телевизора, холодильника и т. п. представляет трудности	37,8	38,1
На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды уже представляет трудности	21,1	17,7
На еду денег хватает, но в других ежедневных расходах приходится себя ограничивать	16,6	18,1
Иногда не хватает денег на необходимые продукты питания	3,8	5,7

⁵ Человек и его работа [Электронный ресурс] // ВЦИОМ Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chelovek-i-ego-rabota>.

та. В целом условия труда оценили как комфортные около половины учителей (18,6% полностью и 32,3% частично согласились с этим утверждением).

Среди всех опрошенных категорий педагогических работников в нашем исследовании именно учителя показали самый низкий уровень удовлетворенности трудом. Одной из причин, по нашему мнению, может быть высокий уровень стресса, с которым сталкиваются школьные педагоги (45,6% полностью или частично согласились, что постоянно испытывают стресс на работе). Этот стресс может быть вызван не только проблемами во взаимоотношениях учителя с администрацией, родителями, учащимися, но и высокой учебной нагрузкой [17; 18]. Каждый пятый педагог в возрасте до 30 лет постоянно пребывает в состоянии стресса, причем если в первый год работы стресс не так заметен или воспринимается как нормальное состояние, то педагоги, имеющие стаж работы от 1 до 5 лет, испытывают стресс на работе гораздо чаще (35,1% учителей, имеющих стаж работы до 1 года и 47,9% со стажем от 1 до 5 лет частично или полностью согласны с этим утверждением).

Такой уровень стресса частично объясняется чрезмерной загруженностью учителей на работе — 68% школьных учителей отметили свою перегруженность работой (для сравнения: среди воспитателей ДОО таких оказалось 51,8%, а среди педагогов ДООД и вовсе 40,8%). Высокая загруженность на работе вызывает дискомфорт у 64,4% опрошенных учителей: с утверждением «Я постоянно испытываю дискомфорт из-за выполнения большого объема работы» согласились полностью 27% и частично согласились 37,4% учителей, причем женщины заявляют о своей перегруженности работой в 1,5 раза чаще мужчин.

Стресс становится ключевым фактором профессионального выгорания, разочарования в выбранной профессии, что может приводить педагогов к желанию сменить место работы. Именно в группе школьных учителей больше всего неудовлетворенных трудом и больше желающих сменить место работы или вообще перестать работать. Из числа опрошенных 29,6% заявили о том, что хотели бы сменить место работы, однако лишь

3,3% из них уже нашли новое рабочее место, 18% хотят, но пока не предпринимают реальных действий по его поиску и еще 8,3% думают, что не могут найти такое место, даже если начнут его искать. Еще 13% предпочли бы не работать вообще — выйти на пенсию или заняться домашним хозяйством.

Важно, что среди молодых педагогов больше всего тех, кто в самое ближайшее время собирается сменить рабочее место — 5,8% в группе до 30 лет уже нашли новую работу. В этой возрастной группе гораздо выше уверенность в собственных силах при желании найти новое рабочее место — всего 2,9% молодых педагогов полагают, что не смогут найти новое место работы. Молодые учителя чаще не могут определиться с тем, нужно ли менять работу (12,1% затруднились ответить) и готовы выждать, прежде чем заниматься поисками новой работы (18,7%).

Важнейшим индикатором социально-профессионального самочувствия является восприятие профессии учителя в обществе как социально-значимой и восприятие социальной значимости своей профессии самим учителем. По данным исследователей, общества, которые придают большое значение профессии учителя, имеют наиболее успешные системы образования [19]. Негативное восприятие профессии учителя, снижение престижа профессии в обществе может повлиять на производительность и качество труда учителя, и, следовательно, на развитие и формирование личности обучающихся.

Результаты исследований во многих европейских странах указывают на снижение престижа профессии учителя. Например, анализ привлекательности профессии учителя в Европе [14] продемонстрировал, что профессия учителя в большинстве европейских стран в значительной степени утратила свою привлекательность для потенциальных претендентов, поскольку престиж профессии снизился, условия труда ухудшились, а учителя получают относительно низкую заработную плату по сравнению с представителями других профессий умственного труда.

В нашем исследовании, сравнивая результаты опроса педагогических работников образовательных учреждений различного типа, мы обратили внимание на то, что, хотя абсолютное большинство опрошенных счи-

тают свою профессию важным и значимым занятием, ниже всего оценивают социальную значимость собственной профессиональной деятельности именно школьные учителя — 84,5% против среднего значения 87,1% (см. табл. 2).

Понимая под мотивацией «совокупность внутренних и внешних движущих сил, которые побуждают человека к деятельности, задают ее границы и формы, придают ей направленность, ориентированную на достижение определенных целей» [2, с. 78], мы проанализировали мотивы профессиональной деятельности школьных учителей (см. табл. 3).

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что ведущими мотивами профессиональной деятельности учителей являются такие внутренние мотивы, как любовь к детям (64,4%) и желание обучать

и воспитывать детей (52,6%). Более трети опрошенных также отметили в качестве значимых факторов интерес к содержанию педагогической профессии (37%) и возможность проявлять творчество в работе (35,4%).

Ожидаемо менее значимыми оказались внешние мотивационные факторы — внешние стимулы в форме уважения и признания, которые учителя получают от администрации, коллег, родителей, учащихся и общества. Это желание иметь постоянную работу (37%), получение материального вознаграждения (17,6%) и престиж педагогической профессии (12,1%).

Как показывают результаты исследования, школьные педагоги по-прежнему перегружены составлением отчетной документации. По данным Мониторинга экономики образования, более половины учителей из 22 предложенных в ходе опроса видов отчетнос-

Таблица 2
Table 2

**«Я занимаюсь чем-то важным и значимым для общества», %
«I'm doing something important and meaningful for society», %**

	Всего	ДОУ	Школа	ДОД	СПО
Согласен и скорее согласен	87,1	90,7	84,5	86,1	92,3
Не согласен и скорее не согласен	8,8	5,5	11,2	7,8	5,4
Затрудняюсь ответить	4,1	3,8	4,3	6,1	2,3

Таблица 3
Table 3

**Мотивация профессиональной деятельности педагогов
общеобразовательных учреждений, %
Motivation of professional activity of teachers of educational institutions, %**

	Мотивы профессиональной деятельности	%
1	Любовь к детям	64,4
2	Желание обучать и воспитывать детей	52,6
3	Желание иметь постоянную работу	37
4	Интерес к содержанию профессии	37
5	Возможность проявлять творчество в работе	35,4
6	Призвание к профессии педагога	28
7	Получение материального вознаграждения	17,6
8	Престиж педагогической профессии	12,1
9	Возможность карьерного роста	8,7

ти, подготовленной ими в течение учебного полугодия, указали не менее 13 видов документации. Чаще всего учителя называли рабочие программы дисциплин (92,6%), электронные журналы (88,9%), конспекты уроков (80,2%), журналы и инструкции по технике безопасности (79,8%), протоколы родительских собраний и планы работы классного руководителя (71,9%), отчеты о проверке письменных работ учащихся (69%), социальный и психолого-педагогический паспорт класса (68,4%), отчеты о проведении массовых мероприятий (65,9%) и др. [13], поэтому не удивительно, что в нашем исследовании на первом месте в ранжированном списке способов повышения профессиональной мотивации учителей (см. табл. 4) оказалось улучшение организации труда педагога, освобождение его от рутинной работы, максимальное высвобождение времени для чисто учебной и воспитательной деятельности (68,6%).

Вторым по значимости способом повышения мотивации школьные педагоги считают повышение престижа учительской профессии в глазах общественности, родителей

(65,4%). Результаты исследований российских ученых показывают, что престиж профессии является значимым ресурсом повышения удовлетворенности педагогов профессиональной деятельностью, оказывающей заметное влияние на их профессиональное развитие и успешность, причем проблема низкого уровня престижности профессии особенно значима для возрастной группы учителей старше 50 лет [4].

По мнению почти половины опрошенных (47,1%), мотивирующим фактором может стать создание более комфортных условий труда (материально-техническое обеспечение, условия для отдыха, питания, медицинское обслуживание и пр.), каждый пятый педагог нуждается в помощи службы психологической разгрузки (19%).

Для молодых учителей в возрасте до 30 лет востребованность службы психологической помощи и разгрузки педагогов еще выше — 26,6% считают, что ее организация помогла бы им повысить профессиональную мотивацию. Позитивное стимулирование со стороны администрации могло бы про-

Таблица 4
Table 4

Способы повышения профессиональной мотивации учителей, %
Ways to increase teachers' professional motivation, %

	Способы повышения профессиональной мотивации	%
1	Улучшение организации труда педагога, освобождение его от рутинной работы, максимальное высвобождение времени для чисто учебной и воспитательной деятельности	68,6
2	Повышение престижа профессии педагога в глазах общественности, родителей	65,4
3	Более комфортные условия труда	47,1
4	Интерес администрации к проблемам конкретного педагога и моральное поощрение любого успеха	22
5	Организация в образовательном учреждении службы психологической помощи и разгрузки педагогов	19
6	Предоставление педагогу большей свободы в выборе форм, методов работы, возможности экспериментирования	13,6
7	Предоставление педагогу больше прав в принятии управленческих решений, касающихся проблем образовательного учреждения	13,6
8	Организация системы самообразования педагога	7,4
9	Расширение участия педагогов в конкурсах, грантах	4
10	Затрудняюсь ответить	1,9

фессионально мотивировать 22% учителей, особенно важна поддержка администрации школы для молодых учителей — о ее необходимости заявили 25,2% школьных педагогов в возрасте до 30 лет.

Заключение. Проведенное авторами исследование позволяет выделить определенные особенности социально-профессионального самочувствия, характерные для современного российского педагогического сообщества.

Большинство педагогических работников удовлетворены своей жизнью и считают себя успешными людьми. Удовлетворенность профессиональной деятельностью также достаточно высока. Большинство педагогических работников получают удовольствие от своей работы, считая ее социально значимой.

В то же время анализ деструктивных факторов, создающих риски профессионального выгорания, показал, что для большинства педагогов характерной является перманентная ситуация профессионального стресса, который воспринимается как неотъемлемая составляющая педагогической профессии.

Исследование выявило ряд особенностей труда учителей, вызывающих стрессовое состояние и как следствие — профессиональное выгорание. К таковым относятся высокая учебная нагрузка и низкая вовлеченность в принятие управленческих решений, чрезмерный объем нагрузки, не связанной с преподаванием. Также в ходе исследования были выявлены проблемы в удовлетворенности условиями труда, техническим оснащением рабочего места педагогов.

В исследовании не выявлено корреляций между объемом заработной платы, трудовым стажем и возрастом учителей с их социально-профессиональным самочувствием. Более того, в своей работе педагоги руководствуются главным образом нематериальными мотивами, а именно: любовью к детям (64,4%), желанием обучать и воспитывать детей (50,8%), возможностью проявлять творчество в работе (39%).

Данные результаты свидетельствуют о том, что предлагаемые депутатами Законодательного собрания Ростовской области меры материального характера, хотя и важны как инструмент мотивации молодых педаго-

гов, сами по себе не решат проблему кадрового обеспечения. Исследование выявило целый комплекс проблем нематериального характера, без решения которых коренным образом улучшить кадровую ситуацию в школах представляется крайне маловероятно.

Несомненно, инструментарий, разработанный и опробованный в ходе исследования, нуждается в дальнейшем совершенствовании. Необходимо уточнить оценку состояния структуры педагогического сообщества, осуществить его типологизацию с точки зрения особенностей социально-профессионального самочувствия. Разработка инструментария, позволяющего осуществлять мониторинг социально-профессионального самочувствия педагогических работников, является важным условием для решения проблемы кадрового обеспечения образовательных учреждений.

Список источников

1. Заир-Бек С. И., Мерцалова Т. А., Анчиков К. М. Кадры школьного образования: возможности и дефициты // Мониторинг экономики образования: 2020. М.: ВШЭ, 2020. 257 с.
2. Зубов Н. Н. Как руководить педагогами. М.: АРКТИ, 2002. 144 с.
3. Константиновский Д. Л., Пинская М. А., Звягинцев Р. С. Профессиональное самочувствие учителей: от энтузиазма до выгорания // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 14–25.
4. Красношлыкова О. Г. и др. Престиж профессии педагога как ресурс повышения удовлетворенности профессиональной деятельностью // Вестник Самарского государственного технического университета. 2018. № 4(40). С. 98–110.
5. Логинов Д. М., Токарева Г. С., Аврамова Е. М., Клячко Т. Л. Эффективность школьного образования: позиция учителей. РАНХиГС. М.: Дело, 2017. 77 с.
6. Панфилова Ю. С. Социально-профессиональное самочувствие медицинских работников красной зоны (на материалах Ростовской области) // Актуальные проблемы моделирования, проектирования и прогнозирования социальных и политических процессов в мультикультуральном пространстве современного общества. Материалы VI Всероссийской на-

учной конференции (с международным участием) молодых ученых. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2022. С. 100–105.

7. Пинская М. А., Евстигнеева Н. В., Бысик Н. В., Косарецкий С. Г., Звягинцев Р. С. Как меняются условия работы и профессиональное самочувствие учителей? М.: НИУ ВШЭ, 2017. 33 с.

8. Собкин В. С., Адамчук Д. В. Современный учитель: жизненные и профессиональные ориентации. М.: ИУО РАО, 2016. 214 с.

9. Соболева Н. Э. Факторы, влияющие на вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. №1. С. 368–390.

10. Социально-профессиональное самочувствие сотрудников ЮФУ: анализ вовлеченности и удовлетворенности (2020–2021 гг.): препринт / Под ред. Е. В. Михалкиной, Л. С. Скачковой. Ростов н/Д — Таганрог, 2021. 222 с.

11. Социологический портрет педагогических работников Ростовской области: монография / М. С. Астоянц, В. Г. Гайворонский, С. А. Дюжиков, Л. В. Тарасенко. Южный федеральный университет. Ростов н/Д — Таганрог, 2023. 118 с.

12. Школьное образование в контексте национальных целей и приоритетных проектов: аналитический доклад / Т. А. Мерцалова, С. Г. Косарецкий, К. М. Анчиков и др. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 96 с.

13. Школьные учителя в изменяющихся условиях: адаптивность и готовность к инновациям: информационный бюллетень / С. И. Заир-Бек, К. М. Анчиков. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 44 с.

14. Carlo A., Michel A., Chabanne J. C., Bucheton D., Demougin P., Gordon J., Sellier M., Udave J. P., Valette S. Study on Policy Measures to improve the Attractiveness of the Teaching Profession in Europe [Electronic resource]. European Commission, Directorate General For Education and Training. 2013. 80 p. URL: http://ec.europa.eu/assets/eac/education/library/study/2013/teaching-profession1_en.pdf.

15. Klassen R., Tze V. M. C. Teachers' Self-efficacy, Personality, and Teaching Effectiveness: A Meta-analysis // Educational Research Review. 2014. Vol. 12. Pp. 59–76. DOI: 10.1016/j.edurev.2014.06.001.

16. Klassen R. M., Bong M., Usher E. L., Chong W. H., Huan V. S., Wong I. Y. F., Georgiou T. Exploring the Validity of a Teachers' Self-efficacy Scale in Five Countries // Contemporary Educational Psychology. 2009. Vol. 34 (1). Pp. 67–76. DOI: 10.1016/J.CEDPSYCH.2008.08.001.

17. Klusmann U., Kunter M., Trautwein U., Lüdtke O., Baumert J. Teachers' Occupational Well-being and Quality of Instruction: The Important Role of Self-regulatory Patterns // Journal of Educational Psychology. 2008. Vol. 100(3). Pp. 702–715. DOI: 10.1037/0022-0663.100.3.702.

18. McKenzie P., Santiago P., Sliwka A., Hase H. Teachers Matter: Attracting, Developing and Retaining Effective Teachers. Paris: OECD Publishing, 2005. 244 p.

19. Schleicher A. Valuing our teachers and raising their status: How communities can help, international summit on the teaching profession. Paris: OECD Publishing, 2018. 113 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264292697-en>.

References

1. Zair-Bek S. I., Mercalova T. A., Anchikov K. M. Kadry shkol'nogo obrazovaniya: vozmozhnosti i deficit [School education personnel: opportunities and deficits]. Monitoring jekonomiki obrazovaniya: 2020 [Monitoring the economics of education: 2020]. Moscow: VShJe, 2020. 257 p. (In Russ.).

2. Zubov N. N. Kak rukovodit' pedagogami [How to lead teachers]. Moscow: ARKTI, 2002. 144 p. (In Russ.).

3. Konstantinovskij D. L., Pinskaja M. A., Zvjagincev R. S. Professional'noe samochuvstvie uchitelej: ot jentuziazma do vygoraniya [Professional well-being of teachers: from enthusiasm to burnout]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2019; (5): 14–25. (In Russ.).

4. Krasnoshlykova O. G. et al. Prestizh professii pedagoga kak resurs povysheniya udovletvorennosti professional'noj dejatel'nost'ju [The prestige of the teaching profession as a resource for increasing professional satisfaction]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Bulletin of the Samara State Technical University]. 2018; 4(40): 98–110. (In Russ.).

5. Loginov D. M., Tokareva G. S., Avraamova E. M., Kljachko T. L. Jefferktivnost' shkol'no-

go obrazovaniya: pozicija uchitelej [The effectiveness of school education: the position of teachers]. RANHiGS. Moscow: Delo, 2017. 77 p. (In Russ.).

6. Panfilova Ju. S. Social'no-professional'noe samochuvstvie medicinskih rabotnikov krasnoj zony (na materialah Rostovskoj oblasti) [Socio-professional well-being of medical workers of the red zone (based on the materials of the Rostov region)]. Aktual'nye problemy modelirovaniya, proektirovaniya i prognozirovaniya social'nyh i politicheskikh processov v mul'tikul'tural'nom prostranstve sovremennogo obshhestva. Materialy VI Vserossijskoj nauchnoj konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) molodyh uchenyh [Actual problems of modeling, designing and forecasting social and political processes in the multicultural space of modern society. Materials of the VI All-Russian Scientific Conference (with international participation) of young scientists]. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya, 2022. Pp. 100–105. (In Russ.).

7. Pinskaja M.A., Evstigneeva N.V., Bysik N.V., Kosareckij S.G., Zvjagincev R. S. Kak menjajutsja uslovija raboty i professional'noe samochuvstvie uchitelej? [How are the working conditions and professional well-being of teachers changing?] Moscow: NIU VShJe, 2017. 33 p. (In Russ.).

8. Sobkin V.S., Adamchuk D.V. Sovremennyy uchitel': zhiznennye i professional'nye orientacii [Modern teacher: life and professional orientations]. Moscow: IUORAO, 2016. 214 p. (In Russ.).

9. Soboleva N. Je. Faktory, vlijajushhie na vklad udovletvorennosti rabotoj v udovletvorennost' zhizn'ju v Rossii [Factors influencing the contribution of job satisfaction to life satisfaction in Russia]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: Economic and social changes]. 2020; (1): 368–390. (In Russ.).

10. Social'no-professional'noe samochuvstvie sotrudnikov JuFU: analiz vovlechnosti i udovletvorennosti (2020–2021 gg.): preprint [Social and professional well-being of SFU employees: analysis of engagement and satisfaction (2020–2021): preprint]. Pod red. E. V. Mikhalkinoj, L. S. Skachkovoju [E. V. Mikhalkina, L. S. Skachkova (eds.)]. Rostov-on-Don — Taganrog, 2021. 222 p. (In Russ.).

11. Sociologicheskij portret pedagogicheskikh rabotnikov Rostovskoj oblasti: monografija [Sociological portrait of teachers of the Rostov region: monograph]. M. S. Astojanc, V. G. Gajvo-

ronskij, S. A. Djuzhikov, L. V. Tarasenko. Juzhnyj federal'nyj universitet. Rostov-on-Don — Taganrog, 2023. 118 p. (In Russ.).

12. Shkol'noe obrazovanie v kontekste nacional'nyh celej i prioritetnyh proektov: analiticheskij doklad [School education in the context of national goals and priority projects: an analytical report]. T. A. Mercalova, S. G. Kosareckij, K. M. Anchikov et al. Moscow: NIU VShJe, 2022. 96 p. (In Russ.).

13. Shkol'nye uchitelja v izmenjajushhihsja uslovijah: adaptivnost' i gotovnost' k innovacijam: informacionnyj bjulleten' [School teachers in a changing environment: adaptability and readiness for innovation: newsletter]. S. I. Zair-Bek, K. M. Anchikov. Moscow: NIU VShJe, 2022. 44 p. (In Russ.).

14. Carlo A., Michel A., Chabanne J. C., Bucheton D., Demougin P., Gordon J., Sellier M., Udave J. P., Valette S. Study on Policy Measures to improve the Attractiveness of the Teaching Profession in Europe [Electronic resource]. European Commission, Directorate General For Education and Training. 2013. 80 p. URL: http://ec.europa.eu/assets/eac/education/library/study/2013/teaching-profession1_en.pdf.

15. Klassen R., Tze V. M. C. Teachers' Self-efficacy, Personality, and Teaching Effectiveness: A Meta-analysis. *Educational Research Review*. 2014; (12): 59–76. DOI: 10.1016/j.edurev.2014.06.001.

16. Klassen R. M., Bong M., Usher E. L., Chong W. H., Huan V. S., Wong I. Y. F., Georgiou T. Exploring the Validity of a Teachers' Self-efficacy Scale in Five Countries. *Contemporary Educational Psychology*. 2009; 34(1): 67–76. DOI: 10.1016/J.CEDPSYCH.2008.08.001.

17. Klusmann U., Kunter M., Trautwein U., Lüdtke O., Baumert J. Teachers' Occupational Well-being and Quality of Instruction: The Important Role of Self-regulatory Patterns. *Journal of Educational Psychology*. 2008; 100 (3): 702–715. DOI: 10.1037/0022-0663.100.3.702.

18. McKenzie P., Santiago P., Sliwka A., Hase H. Teachers Matter: Attracting, Developing and Retaining Effective Teachers. Paris: OECD Publishing, 2005. 244 p.

19. Schleicher A. Valuing our teachers and raising their status: How communities can help, international summit on the teaching profession. Paris: OECD Publishing, 2018. 113 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264292697-en>.

Статья поступила в редакцию 30.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 04.04.2024.
The article was submitted on 30.01.2024; approved after reviewing on 20.02.2024; accepted for publication on 04.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Астоянц Маргарита Сергеевна — доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой отраслевой и прикладной социологии, Институт социологии и регионоведения, Южный Федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Margarita S. Astoyants — Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Branch and Applied Sociology, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia

Тарасенко Лариса Викторовна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры образования и педагогических наук Академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет. Сфера научных интересов: социология молодежи, социология образования, дополнительное профессиональное образование. Стаж научной работы 30 лет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13

Larisa V. Tarasenko — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Education and Pedagogical Sciences of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University. Research interests: youth, sociology of education, additional professional education. The experience of scientific work is 30 years.

13 Nagibina ave., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК: 378

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-30-39

КОМПЕТЕНТНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ

Иван Михайлович ¹, Александра Владимировна Лацвеева²,
Наталья Халиловна Гафиятулина³✉

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

²Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

³Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹imvakula@mail.ru, AuthorID РИНЦ: 284506

²iluxin.2011@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4565-1387, WoS Research ID: AAE-3619-2022

³gafiatulina@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0002-7548-1350, AuthorID РИНЦ: 674856

Аннотация. Цель исследования заключается в установлении взаимосвязи традиционных и инновационных технологий в системе современного высшего образования.

Методологическую базу исследования составляют компетентностный, а также компаративный подходы, позволяющие проанализировать соотношение и взаимосвязь традиций и инноваций в компетентностно-ориентированном образовании.

Результаты исследования. Проведен компаративный анализ традиционной и компетентностной парадигмы в системе образования. Составлена авторская таблица, в которой представлено соотношение традиций и инноваций в компетентностно-ориентированном образовании, отражающая основные методы, технологии, ключевые компетентности, позиции субъектов образовательного пространства, компетенции и результаты обучения. Анализ взаимосвязи традиций и инноваций позволил выделить ряд принципов в компетентностно-ориентированной парадигме образования. Данные принципы являются звеном, связующим теорию (знаниевую составляющую) с практикой (практико-ориентированную составляющую). Кроме того, описаны профессиональные компетенции (*hard skills*) и универсальные (*soft skills*), представлено содержание модели цифрового вуза. Авторы приходят к выводу о том, что необходимо учитывать органичное сочетание традиций и инноваций, требуется синтезировать две образовательные парадигмы: знаниевую и компетентностную.

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем рассмотрении компетентностной модели научно-преподавательского состава высшей школы в условиях контаминации традиционных и инновационных технологий.

Ключевые слова: компетентностно-ориентированное образование, студенты, компетентностный подход, традиции, инновации, цифровая компетентность, профессиональные и универсальные компетенции, цифровая кафедра

Для цитирования: Вакула И. М., Лацвеева А. В., Гафиятулина Н. Х. Компетентностно-ориентированное образование: взаимосвязь традиций и инноваций // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 30–39. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-30-39>.

Original article

COMPETENCE-BASED EDUCATION: THE RELATIONSHIP BETWEEN TRADITION AND INNOVATION

Ivan M. Vakula¹, Alexandra V. Latsveeva², Natalya Kh. Gafiatulina³✉

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

²Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

³Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹imvakula@mail.ru, AuthorID RSCI: 284506

²iluxin.2011@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4565-1387, WoS Research ID: AAE-3619-2022

³gafiatulina@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0002-7548-1350, AuthorID RSCI: 674856

Abstract. *The purpose of the research is to establish the relationship between traditional and innovative technologies in the system of modern higher education.*

The methodological basis of the research consists of competence-based as well as comparative approaches that allow analyzing the correlation and interrelation of traditions and innovations in competence-oriented education.

Research result. *A comparative analysis of the traditional and competence-based paradigms in the education system is carried out. The author's table has been compiled, which presents the relationship between traditions and innovations in competency-based education, reflecting the main methods, technologies, and key competencies, positions of subjects of the educational space, competencies and learning outcomes. Analysis of the relationship between traditions and innovations made it possible to identify a number of principles in the competency-oriented education paradigm. These principles are the link connecting theory (knowledge component) with practice (practice-oriented component). In addition, professional competencies (hard skills) and universal (soft skills) are described, and the content of the digital university model is presented. The authors come to the conclusion that it is necessary to take into account the organic combination of traditions and innovations; it is necessary to synthesize two educational paradigms: knowledge and competence.*

The prospects of the research *lie in further reflection on the socio-pedagogical competence of a higher school teacher in the context of contamination of traditional and innovative technologies.*

Keywords: *competency-based education, students, competency-based approach, traditions, innovations, digital competence, professional and universal competencies, digital department*

For citation: *Vakula I. M., Latsveeva A. V., Gafiatulina N. Kh. Competence-based education: the relationship between tradition and innovation // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 30–39. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-30-39>.*

Введение. В настоящее время в высшей школе реализуется компетентностный подход в организации учебно-образовательной деятельности, направленный на приобретение студентами определенных компетенций. В научный обиход вошли различные категории, производные от категории «компетентность»: «компетентностная парадиг-

ма», «ключевые компетентности», «компетентностная модель», «компетентностный подход». Актуализация обозначенных нами категорий связана с тем, что российское образование стало в определенный момент начала XXI века интегрироваться в систему высшего образования мирового уровня. Данная система опирается прежде всего на активное

внедрение в образовательное пространство различных информационно-коммуникационных технологий, направленных на то, чтобы обучение сделать интереснее [9].

Особенно важно компетентностно-ориентированное образование в XXI веке, когда активно развиваются и внедряются во все сферы образовательного процесса информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и любая профессиональная сфера трансформируется в соответствии с применением данных технологий, что требует не просто фрагментарных знаний, а целно сформированных компетенций, а также формирования креативных навыков [3].

Актуальность заявленной темы исследования подтверждается и идеями Ф.Э. Шереги, обращаясь к которым, стоит указать на тот факт, что критерием эффективности образовательной системы является не только сама система образования, но выпускаемые ею специалисты, их компетенции [12]. Таким образом, компетентностный подход в образовании открывает возможности в деле формирования у студенческой аудитории знаний и умений, позволяющих решать разнообразные проблемы и задачи, многие из которых не имеют еще (уже) готовых решений.

Компетентностный подход в образовании: взаимосвязь традиций и инноваций. В современных социально-педагогических исследованиях, имеющих непосредственное отношение к компетентностно-ориентированному образованию, продолжают вестись различные дискуссии, связанные с вопросами этимологического происхождения компетентностных дефиниций. В рамках этих дискуссий можно зафиксировать общую тенденцию в определении компетенций. Данная тенденция состоит в накоплении студентами в процессе обучения знаний, умений и навыков [5], что в свою очередь позволяет развивать прикладные способности в рамках приобретаемой обучающимися профессии [1].

Благодаря использованию компетентностного подхода можно провести корректную оценку получаемых в течение обучения студентами как теоретических, так и практических знаний [7].

Компетентностный подход в образовании, в отличие от знаниевой парадигмы, ко-

торая была сконцентрирована больше на передаче готовых знаний, а не применении их на практике, представляет собой не просто передачу знаний от преподавателя к обучающемуся. В рамках компетентностного подхода акцент делается на попытке внести личностный для студента смысл в образовательный процесс, а также на формировании навыков (компетенций), которые смогут быть успешно использованы в практической деятельности. Компетентностный подход прежде всего является практикоориентированным [9]. Кроме того, как отмечает С.С. Савельева, профессиональная компетентность является определенным мостиком, который связывает две парадигмы: традиционную и компетентностную.

Исследователи, занимающиеся изучением компетентностного подхода, выделяют два основных понятия: компетенция и компетентность.

По мнению А.В. Хуторского, компетенция — это «совокупность взаимосвязанных качеств личности, задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним»; компетентность же — это «владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности» [10, с. 8].

Мы полагаем, что категория «компетентность» является сложноорганизованным личностным образованием, проявляющимся в деятельности и включающим в себя определенные профессиональные компетенции, приобретенные в процессе обучения. Т.е., на наш взгляд, такой подход позволяет в компетентности как общей интегральной характеристике личности различить компетенции как что-то особенное.

В рамках компетентностного подхода выпускнику предоставляется большое количество возможностей, нежели чем в рамках традиционной модели [4]. Но также стоит обозначить и тот факт, что компетентностно-ориентированное образование — это не новаторство, поскольку отдельные элементы данного подхода уже применялись ранее в системе профессиональной подготовки [9].

Проанализировав пул работ, посвященных осмыслению взаимосвязи традиций

и инноваций в компетентностно-ориентированном образовании, мы составили таблицу, которая, на наш взгляд, отражает следующие идентификационные параметры: парадигмальную направленность, контроль знаний, основные методы и технологии обучения, ключевые компетентности, позиции субъектов образовательного пространства, компетенции и навыки коммуникации, а также результат обучения (табл. 1)¹.

Из таблицы 1 видно, что традиции в компетентностно-ориентированном образовании не исчезают бесследно, они вступают во взаимодействие с инновациями, дополняются последними, сочетаясь между собой, усложняются. Иными словами, инновационная направленность образования дополняется, включая в себя применение различных новшеств, связанных в том числе с цифровыми технологиями и ИКТ. При этом, по мнению Е.В. Коломийченко, «сочетание традиционных и новых технологий само по себе явление инновационное» [6, с. 108].

Так, например, как в традиционной, так и в инновационной образовательных парадигмах ключевой компетентностью является языковая. В условиях развития современного рынка труда большой значимостью для работодателей обладает знание иностранных языков, что позволяет масштабировать бизнес, налаживать сотрудничество с международными компаниями, развивать зарубежные проекты [8]. В связи с этим языковая компетенция среди ожиданий работодателей занимает одну из важных позиций. Как показывает мониторинг, провиденный платформой Head Hunter, около 6 % компаний при поиске кандидатов среди прочих требований, указывают на наличие знаний иностранного языка, чаще всего английского². Обретением языковой компетенции, по мнению Т.А. Чеблуковой и Т.П. Чудочиной, является погружение в виртуальное пространство, которое выступает «аутентичной виртуальной интерактивной языковой средой» [11].

Прослеживаемая взаимосвязь традиций и инноваций позволяет нам выделить ряд принципов в современной ком-

петентностно-ориентированной парадигме образования:

— принцип практико-ориентированности, в рамках которого для студента представляется важным научиться приобретать компетенции и реализовывать их на практике, выполняя определенные профессионально значимые функции;

— принцип профессиональной направленности обучения, который заключается в том, что освоение академических дисциплин в компетентностном подходе всегда связано с реальной практической деятельностью;

— принцип непрерывности образования;

— принцип профессиональной мобильности, предполагающий интенцию студента быть активным, самому строить отношения с обществом, уметь гибко адаптироваться, быть конкурентоспособным;

— принцип активности и интерактивности в применяемых образовательных технологиях;

— принцип креативности и вариативности — принцип, связанный с умением принимать нестандартные решения;

— принцип формирования профессиональных и универсальных компетенций (речь о которых пойдет далее).

Профессиональные и универсальные компетенции. В настоящее время компетенции подразделяются на *hard skills* (профессиональные и технические компетенции) и *soft skills* (не связанные с профессиональными компетенциями, но помогающие лучше выполнять свою работу и важные для построения карьеры). Таким образом, в процессе обучения студенты формируют не только профессиональные компетенции (*hard skills*), но и универсальные (*soft skills*), а также общекультурные (*soft skills*) (рис. 1)³.

Как показывают результаты исследования, проведенного Национальным агентством развития квалификаций совместно с ВЦИОМ, среди общепрофессиональных компетенций, которые востребованы со стороны работодателя, наиболее важными яв-

¹ Составлено авторами.

² Топ востребованных навыков молодого специалиста [Электронный ресурс] // Head Hunter. URL: <https://spb.hh.ru/article/31231>.

Таблица 1
 Table 1

**Соотношение традиций и инноваций
 в компетентностно-ориентированном образовании
 The ratio of traditions and innovations in competence-based education**

Идентификационные параметры	Традиции	Инновации
Парадигма	Знаниево-ориентированная: усваивается «готовое» знание, предложенное к усвоению	Практико-ориентированная: усваивается не просто «готовое» знание, но прослеживаются условия его происхождения
Контроль знаний	Централизованный и многоуровневый, тест-контроль	Самоконтроль, значимость внешней экспертной оценки, тест-контроль
Методы обучения	Дистанционное, проблемное, объяснительно-иллюстративное, программированное	Дистанционное, компьютерное, проектное, проблемное, модульное, рефлексивное, эвристическое, кейс-методы
Ключевые компетентности	Языковая, социокультурная, информационная	Языковая, проектная, информационно-сетевая, гражданская, прогностическая
Основы организации практических занятий	Семинары, коллоквиумы, диспуты и пр.	Вебинары, семинары, веб-квесты (интернет-проекты) и пр.
Технологии обучения	Активные, пассивные: мастер-классы, технологии обратной связи, творческие мастерские, тесты и тренинги и пр.	Активные, интерактивные: мозговой штурм, тренинговое проектирование, использование ИКТ, тестирование и пр.
Позиция преподавателя	Преподаватель в позиции старшего, носителя «сакрального знания»	Преподаватель -консультант
Позиция обучающегося	Обучающийся – объект обучения	Обучающийся – субъект собственного развития
Компетенции и навыки коммуникации	Компетенции и навыки непосредственного межличностного общения и деловой коммуникации, социокультурные компетенции	Цифровые компетенции и цифровая культура, компетенции онлайн-коммуникации, навыки сетевого взаимодействия, связанные с возрастанием информатизации образования
Результат обучения	Личность обучающегося, эффективно функционирующая в условиях общественной стабильности	Личность обучающегося, готовая к самостоятельному обучению в течение всей жизни в условиях социальной нестабильности

ляются: работа в коллективе, самообразование, деловая коммуникация, инициативность и применение информационно-коммуникационных технологий. Именно обозначенные компетенции набрали более четырех баллов по шкале важности для работодателей⁴. Схожие данные также были получены и в ходе мониторинга на платформе Head Hunter (рис. 2)⁵.

Как мы видим, среди топ-3 наиболее востребованных компетенций значатся как soft-skills — работа в команде (32%), грамотная речь (22%), так и hard skills — пользователь ПК (18%).

Сегодня высшие учебные заведения особое внимание уделяют формированию цифровых навыков студентов. Например, активно развивается проект «Цифровая кафедра» — проект по реализации программ профессиональной переподготовки, направленный на приобретение ИТ-компетенций. Заметим, что проект «Цифровая кафедра» направлен на приобретение компетенций информационно-коммуникационного профиля студентами различных направлений обучения, что позволит им стать квалифицированными специалистами своей сферы и внедрять цифровые решения. В.Н. Власова подчеркивает, что цифровая трансформация образовательного

процесса так или иначе «влияет на изменение формата организации учебного процесса в вузе, требует освоения новых компетенций» [2, с. 201]. В конечном итоге цифровая трансформация приводит к формированию цифрового вуза⁶. Элементы модели цифрового вуза (рис. 3)⁷ отражают разные аспекты его деятельности, но представляют собой единый системный процесс.

Из рисунка 3 объективным становится факт о том, что цифровой университет — это противоположность традиционного университета, т.к. переход от традиционного университета к цифровому осуществляется посредством применения цифровых технологий в различных сферах жизнедеятельности вуза: образовательной, технологической, компетентностной.

Заключение. Компетентностный подход несет в себе комплекс традиций и внедрение инноваций. Не представляется возможным полностью отказываться от традиций в образовании, однако необходимо учитывать органичное сочетание традиций и инноваций, требуется синтезировать две образовательные парадигмы: знаниевую и компетентностную. В этой связи первоочередной задачей должна быть разработка системы образова-

Рис. 1. Требования работодателей к кандидатам согласно исследованию Head Hunter
Fig. 1. Employers' requirements for candidates according to the Head Hunter study

4 Работодатели определили требования к кандидатам: топ-5 востребованных компетенций на российском рынке труда [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabotodateli-opredelili-trebovaniya-k-kandidatam-top-5-vostrebovannykh-kompetencij-na-rossijskom-rynke-truda>.

5 Топ востребованных навыков молодого специалиста [Электронный ресурс] // Head Hunter. URL: <https://spb.hh.ru/article/31231>.

6 ИТ-специальности стали самыми популярными у поступающих в вузы и колледжи [Электронный ресурс] // Сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/46616/>.

7 Составлено авторами на основе информации сайта Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Рис. 2. Основные требуемые навыки в вакансиях для молодых специалистов в России
 Fig. 2. The main required skills in vacancies for young professionals in Russia

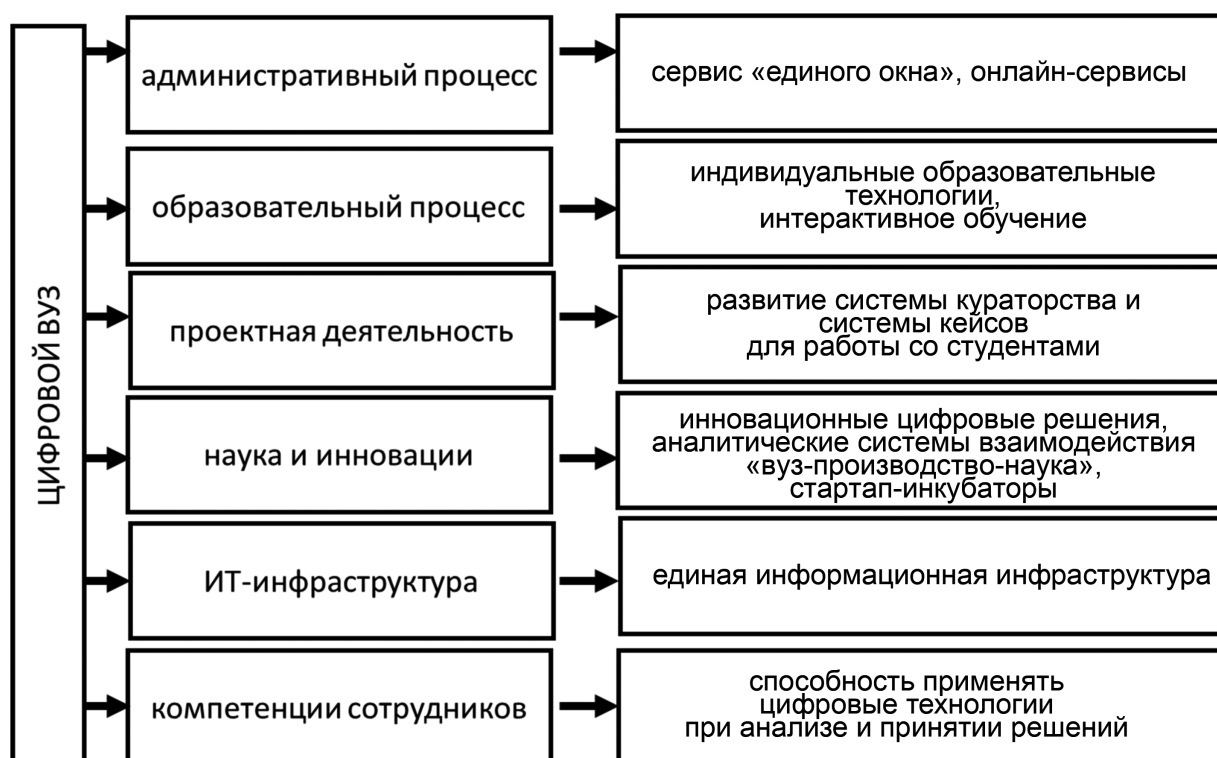

Рис. 3. Содержание модели цифрового вуза
 Fig. 3. The content of the digital university model

тельного процесса, включающей в учебный план интегрированные курсы, в которых в свою очередь знаниево-ориентированная (предметно-знаниевая) парадигма будет соотноситься с компетентностной парадигмой. Это позволит стать высшему профессиональному образованию более продуктивным и востребованным на современном рынке труда, ведь каждый специалист на рынке труда сейчас встречается с конкурсным отбором в соответствии со своими компетенциями, где в лидеры выходит наиболее компетентно-подготовленный профессионал.

Список источников

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.
2. Власова В.Н. Компетентностная модель современного преподавателя высшей школы / В сборнике: Медицинская этика и деонтология. Психология профессионального общения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной Году педагога и наставника. Махачкала: Издательско-полиграфический центр ДГМУ, 2023. С.199–203.
3. Воденко К.В., Гурба В.Н., Черных С.С. Академическое лидерство: институциональные и региональные аспекты // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. №1. С. 7–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-7-17>.
4. Воденко К.В., Пономарев П.А., Гафиагулина Н.Х. Проблемы и перспективы развития современного гуманитарного образования в российской высшей школе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. №2. С.217–228.
5. Галустян О.В., Радченко Л.А., Плешаков М.А., Пальчикова Г.С. Понятия компетенции и компетентности в современной педагогике // Гуманитарные науки. 2019. №2. С. 10–14.
6. Коломийченко Е.В. Использование инновационных методов обучения на прак-

тических занятиях // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2014. №4(66). С. 107–110.

7. Лебедев О.Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2014. №5. С. 3–12.

8. Колесина К.Ю. Цифровизация иноязычного образования в современном вузе // Гуманизация образования. 2023. №3. С. 132–140.

9. Савельева С.С. Педагогические условия формирования профессиональной компетентности учителя в образовательном процессе вуза: монография. М.: ИНФРА-М, 2023. 215 с.

10. Хуторской А.В. Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов // Вестник института образования человека. 2022. №1. С. 1–13.

11. Чеблуква Т.А., Чудочина Т.П. Формирование у студентов колледжа социокультурной компетенции на занятиях по иностранному языку // Реализация компетентностного подхода в образовательном процессе: традиции, инновации, перспективы. Сборник материалов V Международной заочной научно-практической конференции. Абакан: Хакасский гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, 2017. С.38–41.

12. Шереги Ф.Е. Образование как социальный институт: функции и дисфункции [Электронный ресурс] // Россия реформируется. 2015. №13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-sotsialnyy-institut-funktsii-i-disfunktsii-1> (дата обращения: 03.04.2024).

References

1. Azimov Je. G., Shhukin A. N. Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponjatij (teorija i praktika obuchenija jazykam) [A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)]. Moscow: IKAR, 2009. 448 p. (In Russ.).
2. Vlasova V. N. Kompetentnostnaja model' sovremennogo prepodavatelja vysshej shkoly [Competence model of a modern high school teacher]. V sbornike: Medicinskaja jetika i deontologija. Psihologija professional'nogo obshhenija. Materialy Vserossijskij nauchno-prakticheskoj

konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj Godu pedagoga i nastavnika [In the collection: Medical ethics and deontology. Psychology of professional communication. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the Year of the teacher and mentor]. Mahachkala: Izdatel'sko-poligraficheskij centr DGMU, 2023. Pp. 199–203. (In Russ.).

3. Vodenko K. V., Gurba V. N., Chernyh S. S. Akademicheskoe liderstvo: institucional'nye i regional'nye aspekty [Academic leadership: institutional and regional aspects]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic sciences]. 2023; 16(1): 7–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-7-17>. (In Russ.).

4. Vodenko K. V., Ponomarev P. A., Gafiatulina N. H. Problemy i perspektivy razvitiya sovremennogo gumanitarnogo obrazovanija v rossijskoj vysshej shkole [Problems and prospects of development of modern humanitarian education in the Russian higher school]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic sciences]. 2023; 16(2): 217–228. (In Russ.).

5. Galustjan O. V., Radchenko L. A., Pleshaikov M. A., Pal'chikova G. S. Ponjatija kompetencii i kompetentnosti v sovremennoj pedagogike [Concepts of competence and competence in modern pedagogy]. *Gumanitarnye nauki* [Humanities]. 2019; (2): 10–14. (In Russ.).

6. Kolomijchenko E. V. Ispol'zovanie innovacionnyh metodov obuchenija na praktičeskikh zanjatijah [The use of innovative teaching methods in practical classes]. *Vestnik Ufimskogo juridičeskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2014; 4(66): 107–110. (In Russ.).

7. Lebedev O. E. Kompetentnostnyj podhod v obrazovanii [Competence-based approach in education]. *Shkol'nye tehnologii* [School technologies]. 2014; (5): 3–12. (In Russ.).

8. Kolesina K. Ju. Cifrovizacija inozazychnogo obrazovanija v sovremennom vuze [Digitalization of foreign language education in a modern university]. *Gumanizacija obrazovanija* [Humanization of education]. 2023; (3): 132–140. (In Russ.).

9. Savel'eva S. S. Pedagogičeskie uslovija formirovanija professional'noj kompetentnosti uchitelja v obrazovatel'nom processe vuza: monografija [Pedagogical conditions for the formation of professional competence of a teacher in the educational process of a university: monograph]. Moscow: INFRA-M, 2023. 215 p. (In Russ.).

10. Hutorskoj A. V. Opredelenie obshhepredmetnogo soderžanija i ključevyh kompetencij kak harakteristika novogo podhoda k konstruirovaniju obrazovatel'nyh standartov [Definition of general subject content and key competencies as a characteristic of a new approach to the design of educational standards]. *Vestnik instituta obrazovanija čeloveka* [Bulletin of the Institute of Human Education]. 2022; (1): 1–13. (In Russ.).

11. Cheblukova T. A., Chudochina T. P. Formirovanie u studentov kolledža sociokul'turnoj kompetencii na zanjatijah po inostrannomu jazyku [Formation of socio-cultural competence among college students in foreign language classes]. Realizacija kompetentnostnogo podhoda v obrazovatel'nom processe: tradicii, innovacii, perspektivy. Sbornik materialov V Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-praktičeskoj konferencii [The implementation of the competence approach in the educational process: traditions, innovations, prospects. Collection of materials of the V International Correspondence scientific and practical conference]. Abakan: Hakasskij gos. un-t im. N. F. Katanova, 2017. Pp. 38–41. (In Russ.).

12. Sheregi F. E. Obrazovanie kak social'nyj institut: funkcii i disfunkcii [Education as a social institution: functions and dysfunctions] [Elektronnyj resurs]. *Rossija reformiruetsja* [Russia is being reformed]. 2015; (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-sotsialnyy-institut-funksii-i-disfunktsii-1> (data obrashhenija: 03.04.2024). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 14.04.2024.

The article was submitted on 28.02.2024; approved after reviewing on 18.03.2024; accepted for publication on 14.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вакула Иван Михайлович — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Ростовский юридический институт МВД России.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Ерёменко, 83, стр. 4

Ivan M. Vakula — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

83 Eremenko str., bld. 4, Rostov-on-Don, Russia

Лацвеева Александра Владимировна — ассистент кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Alexandra V. Latsveeva — Assistant of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Гафиатулина Наталья Халиловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Моделирование социальных процессов» факультета социологии и политологии, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Natalia Kh. Gafiatulina — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Modeling of Social Processes, Faculty of Sociology and Political Science, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY

Научная статья

УДК 316.351

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-40-50

ОРГАНИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ КОНСОЛИДАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Валентин Павлович Бабинцев¹, Яна Игоревна Серкина²✉

^{1,2}*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия*

¹*babintsev@bsu.edu.ru, ORCID: 0000-0002-0112-6145, AuthorID РИНЦ: 265785*

²*serkina_ya@bsu.edu.ru✉, ORCID: 0000-0002-5106-7104, AuthorID РИНЦ: 643045*

Аннотация. *Цель исследования:* рассмотреть особенности организации публичных коммуникаций в консолидирующихся сообществах приграничных с Украиной субъектах РФ.

Методологическую базу исследования представляют варианты позиционирования коммуникаций в зависимости от избранных моделей консолидации: стихийной, кризисной, имитационной, административной, утопической и партнерской.

Результаты исследования. Доказывается, что в настоящее время наиболее перспективной является партнерская модель, в рамках которой возможно построение сбалансированной системы конструктивных коммуникаций, предполагающей их институционализацию. Формулируются принципы формирования такой системы и даются рекомендации по их реализации.

Перспективы исследования заключаются в обеспечении развития процесса консолидации региональных сообществ в приграничных регионах России в условиях нестабильной социальной среды.

Ключевые слова: регион, региональное сообщество, социальная конъюнкция, социальная дизъюнкция, солидарность, консолидация, публичные коммуникации, идентичность, доверие, справедливость, ответственность, консолидационный потенциал региона

Для цитирования: Бабинцев В. П., Серкина Я. И. Организация публичных коммуникаций в процессе консолидации регионального сообщества в приграничных регионах России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, №2. С. 40–50. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-40-50>.

Original article

ORGANIZATION OF PUBLIC COMMUNICATIONS IN THE PROCESS OF CONSOLIDATION OF THE REGIONAL COMMUNITY IN THE BORDER REGIONS OF RUSSIA

Valentin P. Babinsev¹, Yana I. Serkina²✉

^{1,2}Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

¹babintsev@bsu.edu.ru, ORCID: 0000-0002-0112-6145, AuthorID RSCI: 265785

²serkina_ya@bsu.edu.ru✉, ORCID: 0000-0002-5106-7104, AuthorID RSCI: 643045

Abstract. *The purpose of the research is to consider the peculiarities of the organization of public communications in the consolidating communities of the subjects of the Russian Federation bordering Ukraine.*

The methodological basis of the study is represented by options for positioning communications depending on the selected consolidation models: spontaneous, crisis, imitation, administrative, utopian and partnership.

Research result. *It is proved that the partner model that has developed at the present time is the most promising, within the framework of which it is possible to build a balanced system of constructive communications, assuming their institutionalization. The principles of the formation of such a system are formulated and recommendations for their implementation are given.*

The prospects of the research *are to ensure the development of the process of consolidation of regional communities in the border regions of Russia in an unstable social environment.*

Keywords: *region, regional community, social conjunction, social disjunction, solidarity, consolidation, public communications, identity, trust, justice, responsibility, consolidation potential of the region*

For citation: Babinsev V. P., Serkina Ya. Organization of public communications in the process of consolidation of the regional community in the border regions of Russia // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 40–50. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-40-50>.

Введение. Проблематика консолидации населения России, в том числе и субъектов РФ, стала исключительно актуальной в последнее время, что, несомненно, связано с внешнеполитической ситуацией, характеризующейся реализацией политики санкций, осуществляемой в отношении нашего государства политическим руководством ряда западных стран и их участием в вооруженном геополитическом конфликте на Украине. Однако в отечественной научной литературе она стала предметом анализа задолго до обострения отношений России и «Запада», представляя собой рефлексию интегративных и дезинтегративных процессов в стране. В частности, иркутские исследователи еще

в середине 2010-х годов разработали концепцию социальной конъюнкции и дизъюнкции. При этом если последняя представляет собой «процесс разъединения, угрожающий самой жизни общества — его социальному воспроизводству» [4, с. 11], то первая, выступая в качестве альтернативы разъединения, обеспечивает воспроизводство социума. И консолидация в их понимании — не просто форма социальной конъюнкции, процесс, ведущий к формированию важнейшего социального метainститута — солидарности.

Метainститут рассматривается рядом исследователей как «феномен человеческого общества, обусловленный биологическими факторами, получающий психологическое

сопровождение и обоснование, имеющий социальные последствия в виде практик, структур и институтов и создающий тем самым одну из базовых возможностей для общей жизнедеятельности социума» [5, с. 10]. Без таких феноменов невозможно воспроизводство общества.

Одним из оснований конструирования метаинститута солидарности в российском регионе является эффективно функционирующая система публичных коммуникаций, которая способна создавать и распространять «метаинституциональные концепты», возникающие «как коллективные представления (ментальные модели, актуализирующиеся в дискурсе), распространяемые посредством языка» [9, с. 29], поэтому важно иметь ясное представление о специфике организации публичных коммуникаций в консолидирующемся обществе. Особое значение она приобретает в приграничных субъектах РФ, являющихся наиболее открытыми объектами для внешних опасностей и угроз.

Материалы и методы исследования. Материалами для работы стали:

— публикации, посвященные анализу проблем социальной консолидации [1; 3; 5; 6; 7; 13]. В ходе их анализа был применен метод реконструкции, предполагающий в данном случае восстановление значений и смыслов, заложенных в тексты в условиях дефицита знаний, либо сознательного искажения (изложения эзоповым языком). Этот метод целесообразен, поскольку вследствие влияния общественно-политической конъюнктуры авторы публикаций не всегда откровенно и последовательно излагают свои позиции. В ситуации, когда в социологии нет однозначных требований к применению данного метода [2, с. 168–169], мы при анализе руководствовались критерием, который можно определить как «коммуникационные основания консолидационного процесса», позволяющим выделить в нем коммуникативную составляющую;

— материалы авторских социологических исследований, проведенных под руководством или при участии авторов в приграничных с Украиной регионах РФ: исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в ус-

ловиях дигитализации урбанизированной среды», осуществленного в 2022 году методами массового анкетного опроса ($n = 1518$, выборка квотная) городских жителей (Курская, Белгородская, Воронежская области); экспертного опроса (50 экспертов); фокус-группового интервьюирования городских жителей (6 групп); «Комплексного мониторинга “Консолидационный потенциал Белгородской области”», осуществленного методом анкетного опроса населения Белгородской области в 2022 году научно-исследовательской лабораторией развития гражданского общества Белгородского государственного национального исследовательского университета ($n = 6800$, выборка квотная);

— результаты включенного наблюдения, полученные в ходе непосредственного участия в разработке и реализации в Белгородской области Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы».

Результаты и обсуждение. В настоящей статье мы рассматриваем три наиболее значимых, на наш взгляд, аспекта формирования публичных коммуникаций в консолидирующихся региональных сообществах российского приграничья: политико-идеологический, организационно-технологический и содержательный.

Политико-идеологический аспект сводится к проблеме выбора варианта реализации консолидационного процесса. Рассматривая консолидацию как объединение и сплочение региональных сообществ, нельзя не учитывать, что объединить их можно различными способами, и каждый из них будет опираться на специфическое решение проблемы публичных коммуникаций. В ходе реконструкции научных текстов, теоретического анализа проблемы, эмпирических исследований и опыта участия в разработке Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы», утвержденной Правительством Белгородской области в 2011 году, у нас сложилось представление о возможности различных моделей консолидации.

1. Стихийная консолидация. Очевидно, что для абсолютного большинства граждан, за исключением тех, кто руководствуется

в жизни деструктивными, антисистемными установками, консолидация и интеграция являются предпочтительными (в сравнении с дезинтеграцией и автономизацией) вариантами регионального развития. Это вполне адекватно человеческой природе, выражающейся в готовности идентифицироваться с социальной группой, общиной и использовать такую идентификацию в своих интересах [18].

Стихийная консолидация не предполагает акцентирование внимания на системном решении проблемы публичных коммуникаций. «По умолчанию» допускается, что они будут выстраиваться автоматически, как следствие самоорганизации и саморегуляции.

2. Кризисная консолидация. В определенной степени ее можно рассматривать в качестве специфического варианта стихийной, поскольку данная модель также предполагает самоорганизацию граждан, но осуществляемую под влиянием внешнего триггера, в качестве которого выступает источник опасностей и угроз. Как показывает ситуация в Белгородской области и в других приграничных областях в ходе проведения специальной военной операции на Украине, кризисная консолидация находит свое выражение в формах взаимопомощи и поддержки, волонтерства, благотворительности.

Однако влияние триггера внешней опасности на перспективы консолидации неоднозначно. У части граждан он провоцирует нарастание пессимизма, фобий, в ряде случаев ведет к психическим расстройствам, к тому же его воздействие на консолидационный процесс ограничено по времени. Публичные коммуникации в субъекте РФ в этом случае будут выстраиваться фрагментарно. Как показывает опыт Белгородской области, интенсифицируется общение в сетевых группах, связанное с обменом полезной для предотвращения опасностей и угроз информацией. Возникает феномен «кризисного пиара» представителей политических институтов.

3. Административная консолидация. Она предполагает принудительное объединение граждан с использованием ресурсов государственной и муниципальной власти. В сущности, эта модель применительно к современным условиям воспроизводит концепцию механической солидарности Э. Дюркгейма [15], несмотря на то, что последняя

строилась на анализе архаических обществ (впрочем, современный социум довольно успешно воспроизводит в своем развитии элементы ретроархаики). Характерными чертами данной модели являются: нормативное регулирование процесса; управление процессом консолидации посредством государственных и муниципальных структур; институционализация процесса в форме создания так называемых ГОНГО-организаций, то есть государством организованных негосударственных организаций, имитирующих институты гражданского общества; формализация и бюрократизация деятельности. Фактически этот вариант был реализован при разработке и осуществлении Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы» в Белгородской области, которая была инициирована губернатором и его администрацией.

Проблема публичных коммуникаций в данном случае трансформируется в проблему поиска каналов, позволяющих эффективно доносить до населения информацию, полезную для институтов власти, в том числе и консолидационные инициативы. Реакцией на эту односторонность, как правило, является отказ значительной части населения региона воспринимать идущую «сверху» информацию. Показательно в данной связи, что мониторинговые исследования в Белгородской области даже 2014 году выявили: только 37% населения имели представление о стратегии консолидации, несмотря на то, что она два года усиленно пропагандировалась.

4. Имитационная консолидация. Сегодня можно утверждать, что она является логическим продолжением административной модели, ее превращенной формой. Опыт Белгородской области дает основание утверждать, что такая модель отражает реакцию инициаторов консолидационного процесса на его неудачи. Для модели типична симуляция практик консолидации, выражающаяся в декларациях о приверженности консолидационным ценностям, демонстрации намерений объединяться и декорировании интеграции опять-таки путем создания «псевдогражданских» структур. Данный вариант модели рассчитан на приобретение лидерами и группами дополнительного политического капитала за счет спекуляции на действительно привле-

кательной идее солидарности. Возможность осуществления этой модели довольно велика в силу широкого распространения симулятивных практик. Публичные коммуникации в данном случае будут рассматриваться и оцениваться обычно под углом зрения их способности обеспечить имидж консолидационного процесса.

5. *Утопическая консолидация*, представляющая собой мечту об обществе социально-го единства, братства справедливости. Примером вполне может служить идея А. Проханова об обществе «русской мечты».

Эта модель консолидации включает в себя формирование «образа консолидированного региона», организацию многочисленных обсуждений идеи в рамках публичного дискурса (конференции, форумы, презентации), мультипликацию образа в виде символов, лозунгов, нарративов [11]. Коммуникации в данном случае будут выполнять (и фактически уже выполняют) роль инструмента организации дискурса между сторонниками и в определенной степени мобилизации общественного мнения.

6. *Партнерская консолидация*. Она представляет своего рода идеальную модель и может интерпретироваться как основанный на регулируемом достижении ценностно-смыслового консенсуса совместный проект государственных структур и институтов гражданского общества, где инициатива последних является приоритетной, а управление сводится к созданию условий для реализации решений.

Характерными чертами взаимодействия акторов регионального пространства в данном случае должны стать четкое определение границ, обеспечение гражданам возможности выбора форм взаимодействия, создание условий для участия в публичном диалоге, опора на интеллектуальную элиту, консенсусный язык общения. Фактически речь в данном случае идет о переходе к модели так называемого «умного управления», предполагающего социетальную ориентацию решений и действий, активное участие объекта и эффективные обратные связи [12].

В рамках данной модели создаются возможности для построения сбалансированной системы публичных коммуникаций. Однако при этом возрастает значение *организацион-*

но-технологического аспекта выстраивания публичных коммуникаций. Он сводится к необходимости их институционализации.

Под институционализацией мы понимаем решение предельно широкого круга задач, включающих в себя: 1) нормативное регулирование коммуникативных практик; 2) формирование реализующих их в публичном пространстве субъектов, обеспечение условий для их деятельности; 3) достижение общественной конвенции относительно интерпретации феноменов солидарности и консолидации, их роли в современном социуме.

Решение этих задач может быть наиболее последовательным только при реализации партнерской модели консолидации и лишь в случае «мягкого» управления или регулирования, предполагающего соблюдение ряда правил, которые мы свели к девяти требованиям, представленным в таблице 1.

Мы полагаем, что соблюдение этих требований создает реальные условия для перехода от преобладающего сегодня символически-декларативного отношения к солидаризации к деятельностному (праксеологическому). Но этот шаг предусматривает реализацию взаимоувязанных действий, укладываемых в рамки следующих направлений: социально-технологическое, нормативно-правовое, организационное, научно-аналитическое.

1. *Социально-технологическое направление*. Оно может быть реализовано в виде дорожной карты институционализации публичных коммуникаций в приграничном регионе.

2. *Нормативно-правовое направление*. Поскольку наиболее перспективной, хотя и трудно осуществимой, моделью консолидации является партнерская, она предполагает минимальное нормативно-правовое регулирование. Мы полагаем, что нормативную базу консолидации в данном случае могут составлять два документа:

— *Общественный договор о принципах публичных коммуникаций в региональном сообществе*, определяющий основы взаимодействия субъектов в публичном пространстве. В подписании его должны принять участие руководители представительных и исполнительных государственных органов, органов местного самоуправления, Общественной палаты, наиболее влиятельных

институтов гражданского общества, бизнеса, церкви;

— *Стратегия консолидации регионального сообщества*, характеризующая последовательность действий и направления консолидации. Ее мы предлагаем выстраивать на основе проектного подхода.

Целесообразным представляется разработка и реализация пяти проектов, каждый из которых курируется адекватными его содержанию по своим функциям государственными и общественными структурами:

1) «Духовные скрепы». Цель — переориентация (насколько это возможно в обществе

Таблица 1

Table 1

Требования для построения сбалансированной системы публичных коммуникаций при реализации партнерской модели консолидации региональных сообществ
Requirements for building a balanced system of public communications in the implementation of the partner model of consolidation of regional communities

Требование	Суть требования	Обеспечение реализации
«Высокая размерность»	Преодоление практики анализа ситуации лишь в контексте чисто региональных проблем (мышление в «низкой размерности»), способность видеть макросоциальные и даже глобальные причины событий и явлений	Формирование профессионального экспертного сообщества
Гибридность	Реализация процесса институционализации не только в традиционной «физической», но и виртуальной среде	Подготовка специалистов в сфере виртуальных технологий
Антропоцентризм	Приоритет интересов человека	Комплексная диагностика «человека» как субъекта коммуникаций; наличие системы гражданского контроля
Социетальность	Активность институтов гражданского общества	Формирование механизма общественного участия
Стратегическая ориентированность	Построение долгосрочных планов	Долгосрочное прогнозирование и планирование («жизнь в долгую»)
Рискогенность	Прогноз рисков и умение прогнозировать их негативные следствия и использовать открываемые ими возможности	Управление процессом рискогенеза в гибридной среде
Ресурсная оптимизация	Компетентный анализа имеющихся возможностей и оптимизации использования средств	Внедрение «ресурсозамещающих» моделей управления
Технологичность	Рационализация управленческих подходов и решений, использование социальных технологий	Алгоритмизация управления
Дигитальность	Использование цифровых технологий и в перспективе искусственного интеллекта	Формирование цифровых сетевых платформ как перспективных механизмов публичных коммуникаций

потребления, общественного сознания) с материальных на духовные ценности;

2) «Отзывчивая власть». Цель — дебюрократизация процесса взаимодействия власти и населения на основе внедрения цифровых технологий, повышение уровня взаимного доверия;

3) «Общественное служение». Цель — поддержка добровольческих и иных инициатив, направленных на решение общественных проблем через традиционные «физические» и виртуальные каналы;

4) «Общее дело». Цель — стимулирование общественных объединений и конструктивных сетевых сообществ, развитие социального партнерства;

5) «Справедливость для всех». Цель — обеспечение приоритета закона и морали в общественных отношениях, противодействие коррупционным и иным деструктивным проявлениям.

3. *Организационное направление* предполагает формирование инфраструктуры коммуникаций. Оно может быть осуществлено в виде специального проекта.

4. *Научно-аналитическое направление.* Институционализация системы публичных коммуникаций предполагает постоянное информационно-аналитическое сопровождение. Для решения данной задачи предлагает-ся осуществление следующих действий:

1) формирование профессионального экспертного сообщества, осуществляющего оценку коммуникационных и консолидационных процессов в региональном сообществе и определение перспектив их развития;

2) создание научно-исследовательского центра, в задачи которого входит:

— разработка показателей оценки коммуникационных процессов в условиях цифровизации/дигитализации общества;

— подготовка ежегодного доклада о развитии публичных коммуникаций;

— разработка регламентов общественных слушаний о развитии процессов консолидации и деконсолидации в региональном сообществе;

— проведение социологического мониторинга публичных коммуникаций.

Однако формирование организационно-технологических условий не исчерпывает всей сложности рассматриваемой проблемы.

Важен и *содержательный аспект* организации публичных коммуникаций, образ консолидации, который субъекты коммуникаций будут презентовать в публичном пространстве.

В настоящее время он наполнен в основном ценностным содержанием и ориентирован на достижение ценностного консенсуса в соответствии с доминирующей в научной литературе концепцией. В.Н. Кузнецов описывал его как «важный фактор функционирования и поддержания стабильности общества на основе согласия, базирующегося на сходстве взглядов или ориентаций относительно значимых ценностей, целей, норм, правил поведения, ролей, отношений власти и т.д. между субъектами социальных отношений» [8, с. 37]. Шире трактует проблему А.С. Капто, утверждая, что «основу социальной консолидации составляет устойчивая артикулированная совокупность понятийных и принятых людьми личных, общественных, государственных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей, интересов, которые содействуют каждому человеку в выстраивании взаимоотношений с другими людьми, группами и социальными институтами» [3, с. 256]. Однако и в его интерпретации ценности играют ключевую роль, что следует уже из названия публикации.

Более гибкой является позиция Е.А. Попова, выделяющего наряду с ценностно-смысловым потенциалом солидарности ее социальные детерминанты. Однако и он заключает, что «универсальная природа самой солидарности, проявляющейся в совершенно разных типах общественных отношений и консолидации, определяется в том числе и соответствующими универсальными ценностями» [10, с. 28].

Но трудность состоит, во-первых, в том, что до настоящего времени отсутствует определенность в отношении ценностей, которые будут базовыми для консолидации. Проблему не решает даже то, что существует Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», содержащий, как подчеркивают исследователи, перечень базисных ценностей отечественной культуры [14], но сфера их влияния распространяется на все области общественной жизни и не конкре-

тизируется применительно к консолидации. А. Е. Попов, правда, полагает что «именно универсальные ценности следует брать во внимание при исследовании солидарности» [10, с. 28], однако такой подход не учитывает специфики формирования и функционирования метаинститута солидарности.

Мы полагаем, что следует говорить об особой группе ценностных оснований (паттернов) консолидации, к числу которых относятся идентичность, справедливость, доверие и ответственность. Каждый из них играет свою роль в ходе решения задач солидаризации населения приграничного региона и находится во взаимосвязи с другими. Идентичность позволяет субъектам сформировать представление о причастности к региональному сообществу; доверие — выстраивать отношения с контрагентами на основе сотрудничества и взаимопомощи; справедливость — позитивно воспринимать сложившиеся отношения, не допускать их деструкции; ответственность — выполнять добровольно принятые на себя общественные обязательства. Частично наша позиция совпадает с позицией В. В. Узунова, правда, употребляющего понятие «факторы консолидации», к числу которых, в частности наряду с патриотизмом, религией и этничностью, относит идентичность и доверие [13].

Недостаточная ясность в отношении ценностных оснований консолидации является не только научной, но и практической проблемой, нерешенность которой дезориентирует субъектов коммуникации. Суть проблемы можно свести к нескольким положениям.

Во-вторых, ценности, на основе которых может осуществляться общественный консенсус, с одной стороны, не подкрепляются условиями жизнедеятельности региональных сообществ, с другой стороны, они не выполняют функции регулятивов поведения. Наши исследования показали, что региональная идентичность в трех рассматриваемых регионах в 2022 году была характерна лишь для 11 % жителей. Правда, в 2023 году показатель в одной Белгородской области достиг 21,5 %, но, скорее всего, в основе его роста лежит рефлексия увеличения опасностей и угроз для приграничного региона в ходе Специальной военной операции на Украине. Не менее сложно складывается ситуация с доверием.

Если на уровне соседско-родственной среды оно («горизонтальное доверие») является высоким (в частности 84,4 % жителей города в полной мере доверяют родственникам, 65,5 % — друзьям и знакомым), то доверие к органам местной власти («вертикальное доверие») существенно ниже — им доверяют только 47,9 %. На селе фиксируется практически такой же уровень доверия к местной власти: как показало исследование «Консолидационный потенциал Белгородской области», его показатель составляет 44,4 %. При этом доверие считают в полной мере или преимущественно важным для себя 90,8 % жителей области

Только 28,2 % респондентов в ходе этого исследования подтвердили: жизнь в их локальном сообществе устроено справедливо. Но в то же время 95,4 % признали, что реализация принципа справедливости является для них в полной мере или преимущественно важной. 88,7 % респондентов аналогично высказались об ответственности, но лишь 63 % заявили об успешном решении задачи ее утверждения в сознании жителей муниципалитета.

В условиях, когда ценности консолидации формально сохраняют для населения регионов свое символическое значение, но далеко не всегда выступают в качестве регулятивов общественных процессов и поведения граждан, исследователям и практикам в регионах, выстраивая систему публичных коммуникаций, следует обратить внимание на то, что Е. А. Попов определил как «социальные коннотации солидарности» [10, с. 28], которые, по нашему мнению, включают в себя социальные предпосылки интеграции. К их числу мы относим наличие общих для всех (или для абсолютного большинства жителей) проблем, интересов и потребностей (для приграничных регионов это в первую очередь безопасность). В контексте их консолидации представляется как «общее дело», а основная идея, определяющая систему публичных коммуникаций, может быть представлена как взаимодействие и сотрудничество в ходе их решения или достижения при условии лояльности. Согласно Т. Парсонсу, она означает «готовность откликнуться на должным образом “обоснованный” призыв, сделанный от лица коллектива или во имя общественно-го интереса или потребности» [17, р. 26].

Безусловно, это не значит, что следует отказаться от стратегии достижения ценностного консенсуса, но следует учитывать: ценностный консенсус не осуществим без способности и готовности граждан слышать друг друга и, несмотря на социальные и идейные различия, взаимодействовать в решении общих проблем, то есть конструктивно «коммуницировать». Данный подход имеет обоснование в виде коммуникативной концепции солидарности Ю. Хабермаса, который связывал установление отношений солидарности именно с «неискаженностью» дискурса, то есть с качеством коммуникаций [16, р. 158].

Именно поэтому адекватная ситуации система коммуникаций позволит перейти от символической консолидации (закрывающейся в декларациях намерений) к деятельностной, предполагающей реальное осуществление солидаристских практик.

Заключение. Таким образом, формулируя задачу организации публичных коммуникаций в контексте консолидации региональных приграничных сообществ, востребованность которой будет только возрастать в нестабильном социуме, целесообразно обратить особое внимание на неоднозначность ее возможных решений. Они зависят от выбора модели консолидации, перспективы институционализации системы публичных коммуникаций и адекватного определения контента с учетом реальной ситуации и структуры повседневных общественных потребностей.

Список источников

1. Аносов С.С. Эффективность консолидации: социальная политика государства // Социология. 2021. №2. С. 5–20.
2. Игнатьева О.А., Плетнев А.В. Реконструкция концепции аномии Макса Вебера // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. №53. С. 168–176.
3. Капто А.С. Объединяющие ценности социальной консолидации // Социально-гуманитарные знания. 2021. №3. С. 256–265.
4. Кармадонов О.А. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. 2015. №2. С. 3–12.
5. Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д. К общей теории метаинститутов // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 16 марта 2020 г.). Иркутск: Иркутский государственный университет, 2020. С. 8–11.
6. Ковригина Г.Д. Социальная идентичность жителей региона и перспективы территориального развития // Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект. Материалы VIII международной научно-практической конференции. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2019. С. 215–218.
7. Кравченко С.А. Нормальная аномия: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. №8. С. 3–10.
8. Кузнецов В.Н. О социологическом смысле идеологии консолидации: геокультурный аспект // Безопасность Евразии. 2003. №3(13). С. 7–47.
9. Литвинцев Д.Б., Литвинцева Г.П. Под покровом метаинститутов. Дом как метаинституциональный концепт // Journal of Institutional Studies. 2023. №15(1). С. 23–33.
10. Попов А.Е. Солидарность как явление современной культуры // Философия и культура. 2021. №11. С. 26–32.
11. Проханов А. Что такое «русская мечта» [Электронный ресурс] // Царьград. 25 сентября 2019 г. URL: https://tsargrad.tv/shows/aleksandr-prohanov-cto-takoe-russkaja-mechta_218555 (дата обращения: 28.08.2023).
12. Тихонов А.В., Богданов В.С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. №1. С. 74–81.
13. Узунов В.В. Факторы социальной консолидации в региональных сообществах на Юге России // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4. №2(12). С. 56–69.
14. Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2020. Т. 6. №3. С. 9–19.
15. Durkheim E. The Division of Labor in Society. Paris: Simon and Schuster, 1997. 352 p.

16. Habermas J. Moral consciousness and communicative action. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990. 225 p.

17. Parsons T. The Social System. New York: The Free Press, 1951. 620 p.

18. Ridley M. The origins of virtue. Penguin, UK. 1997. 304 p.

References

1. Anosov S.S. Jefferktivnost' konsolidacii: social'naja politika gosudarstva [Efficiency of consolidation: social policy of the state]. *Sociologija* [Sociology]. 2021; (2): 5–20. (In Russ.).

2. Ignat'eva O. A., Pletnev A.V. Rekonstrukcija koncepcii anomii Maksa Vebera [Reconstruction of the concept of anomie by Max Weber]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. 2020; (53): 168–176. (In Russ.).

3. Kapto A.S. Ob'edinjajushhie cennosti social'noj konsolidacii [Unifying values of social consolidation]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. 2021; (3): 256–265. (In Russ.).

4. Karmadonov O.A. Solidarnost', integracija, kon'junkcija [Solidarity, integration, conjunction]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2015; (2): 3–12. (In Russ.).

5. Karmadonov O.A., Kovrigina G.D. K obshhej teorii metainstitutov [Towards the general theory of meta-institutions]. Social'nye instituty v pravovom izmerenii: teorija i praktika. Materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Irkutsk, 16 marta 2020 g.) [Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference (Irkutsk, March 16, 2020)]. Irkutsk: Irkutskij gosudarstvennyj universitet, 2020. Pp. 8–11. (In Russ.).

6. Kovrigina G.D. Social'naja identichnost' zhitelej regiona i perspektivy territorial'nogo razvitiya [Social identity of the inhabitants of the region and prospects of territorial development]. Strategija i taktika realizacii social'no-jekonomichekikh reform: regional'nyj aspekt. Materialy VIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Strategy and tactics for the implementation of socio-economic reforms: a regional aspect. Materials of the VIII international sci-

entific and practical conference]. Vologda: Vologodskij nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk, 2019. Pp. 215–218. (In Russ.).

7. Kravchenko S.A. Normal'naja anomija: kontury koncepcii [Normal anomie: contours of the concept]. *Sociologi-cheskie issledovanija* [Sociological research]. 2014; (8): 3–10. (In Russ.).

8. Kuznecov V.N. O sociologicheskom smysle ideologii konsolidacii: geokul'turnyj aspekt [On the sociological meaning of the ideology of consolidation: geocultural aspect]. *Bezopasnost' Evrazii* [The security of Eurasia]. 2003; 3(13): 7–47. (In Russ.).

9. Litvincev D.B., Litvinceva G.P. Pod pokrovommetainstitutov.Domkakmetainstitucional'nyj koncept [Under the cover of meta-institutes. House as a meta-institutional concept]. *Journal of Institutional Studies* [Journal of Institutional Studies]. 2023; 15(1): 23–33. (In Russ.).

10. Popov A.E. Solidarnost' kak javlenie sovremennoj kul'tury [Solidarity as a phenomenon of modern culture]. *Filosofija i kul'tura* [Philosophia and culture]. 2021; (11): 26–32. (In Russ.).

11. Prohanov A. Chto takoe «russkaja mechta» [What is the «Russian dream»] [Elektronnyj resurs]. Car'grad. 25 sentjabrja 2019 g. URL: https://tsargrad.tv/shows/aleksandr-prohanov-chto-takoe-russkaja-mechta_218555 (data obrashhenija: 28.08.2023). (In Russ.).

12. Tihonov A.V., Bogdanov V.S. Ot «umnogo regulirovanija» k «umnomu upravleniju: social'naja problema cifrovizacii obratnyh svjazej [From «smart regulation» to «smart management»: the social problem of digitalization of feedbacks]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2020; (1): 74–81. (In Russ.).

13. Uzunov V.V. Faktory social'noj konsolidacii v regional'nyh soobshhestvah na Juge Ros-sii [Factors of social consolidation in regional societies in the South of Russia]. *Caucasian Science Bridge*. 2021; 2(12): 56–69. (In Russ.).

14. Harichev A.D., Shutov A. Ju., Polosin A.V., Sokolova E.N. Vosprijatie bazovykh cennostej, faktorov i struktur social'no-istoricheskogo razvitiya Rossii (po materialam issledovanij i aprobacii) [Perception of basic values, factors and structures of socio-historical development of Russia (based on research and approbation)]. *Zhurnal politicheskikh issledovanij* [Journal of Political Studies]. 2020; 6(3): 9–19. (In Russ.).

15. Durkheim E. The Division of Labor in Society. Paris: Simon and Schuster, 1997. 352 p.

16. Habermas J. Moral consciousness and communicative action. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990. 225 p.

17. Parsons T. The Social System. New York: The Free Press, 1951. 620 p.

18. Ridley M. The origins of virtue. Penguin, UK. 1997. 304 p.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 04.04.2024.

The article was submitted on 28.02.2024; approved after reviewing on 18.03.2024; accepted for publication on 04.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабинцев Валентин Павлович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85

Valentin P. Babintsev — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University.

85 Pobedy str., Belgorod, Russia

Серкина Яна Игоревна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Менеджмент и маркетинг», Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85

Yana I. Serkina — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Marketing, Belgorod State National Research University.

85 Pobedy str., Belgorod, Russia

Вклад авторов:

Бабинцев В. П. — концепция исследования; написание исходного текста; итоговые выводы.
Серкина Я. И. — развитие методологии; написание исходного текста; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Babintsev V. P. — the concept of the study; the writing of the source text; the final conclusions.
Serkina Ya. I. — development of methodology; writing of the source text; revision of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК 316.4

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-51-58

СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ В СОЦИУМЕ

Кристина Яковлевна Литвина

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия*

litvinaky@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3950-7661, AuthorID РИНЦ: 855863

Аннотация. *Целью исследования* является оценка современной концепции формирования доверия в российском обществе как фактора стабильного развития государства.

Методологическую базу исследования представляют основные положения о концепции формирования доверительных отношений в социуме. Основными научными методами: методы обобщения, систематизации, сравнения и статистического анализа.

Результаты исследования. В рамках статьи рассмотрены взгляды на концепцию формирования доверия в социуме. В теоретическом обзоре рассмотрена сущность феномена доверия в социальном управлении. Были исследованы статистические данные об уровне доверия граждан к российской власти. На основе результатов были выявлены основные особенности формирования доверия в российском социуме. Был проведен сопоставительный анализ эмпирических данных с другими странами. В статье сделан акцент на роли государства в формировании концепции доверия. Общество и государство выступают в качестве субъектов доверительных отношений. Необходимо разграничивать традиционный и современные подходы к специфике формирования доверия. В настоящий момент концепция доверия в социуме строится на социально-политическом взаимодействии, которое помимо линейных, включает в себя нелинейные компоненты, а именно — взаимодействие субъектов через цифровые технологии без учета авторитета данного субъекта в системе общественных отношений.

Ключевые слова: концепция доверия, общество, общественные отношения, власть, социальное управление, социум

Для цитирования: Литвина К. Я. Современная концепция формирования доверия в социуме // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 51–58. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-51-58>.

Original article

THE MODERN CONCEPT OF FORMING TRUST IN SOCIETY

Kristina Ya. Litvina

*Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia
litvinaky@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3950-7661, AuthorID RSCI: 855863*

Abstract. *The purpose of the study is to assess the modern concept of building trust in Russian society as a factor in the stable development of the state.*

The methodological basis of the study is represented by the basic provisions on the concept of forming trusting relationships in society. The main scientific methods were methods of generalization, systematization, comparison and statistical analysis.

Research results. *The article examines views on the concept of building trust in society. The theoretical review examines the essence of the phenomenon of trust in social management. Statistical data on the level of citizens' trust in the Russian authorities was studied. Based on the results, the main features of the formation of trust in Russian society were identified. A comparative analysis of empirical data with other countries was carried out. The article focuses on the role of the state in the formation of the concept of trust. Society and the state act as subjects of trust relationships. It is necessary to distinguish between traditional and modern approaches to the specifics of trust formation. At the moment, the concept of trust in society is based on socio-political interaction, which, in addition to linear ones, includes non-linear components, namely the interaction of subjects through digital technologies, without taking into account the authority of a given subject in the system of social relations.*

Keywords: *concept of trust, society, public relations, power, social management, society*

For citation: *Litvina K. Ya. The modern concept of forming trust in society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 51–58. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-51-58>.*

Введение. Современный социум находится на первой ступени посттехногенной цивилизации. Научно-технический прогресс открыл перед обществом много перспектив и возможностей. Прогресс привел к формированию информационного общества. В настоящий момент жизнь современного человека определяется контекстом, который существует благодаря современным технологиям. Неотъемлемой частью стали информационные ресурсы, которые влияют на развитие разных сфер общества. Можно утверждать, что общество перешло на следующий этап эволюции, связанный с информатизацией и цифровизацией.

Основное внимание необходимо уделить человеку и его месту в построении новой системы информационных отношений. Такие отношения должны базироваться на принци-

пах гуманизма и ценностях. Из этого следует, что информационное общество представляет собой сложную социальную структуру, которая состоит из разных компонентов и функционирует по определенным нормам в рамках сложившихся общественных отношений.

Фундаментальным компонентом, поддерживающим взаимоотношения между индивидами, выступает доверие. Оно строится между субъектами в ходе их социализации. Доверие как феномен социального взаимодействия выступает одним из основных понятий социологии управления. Актуальность данной статьи заключается в изучении концепций доверия с целью формирования общетеоретических сведений о роли доверия в построении управленческого взаимодействия.

В настоящий момент российское общество столкнулось с рядом проблем и слож-

ностей. В 2022 году началась Специальная военная операция, в результате которой недружественные страны стали стремиться повлиять на Россию посредством применения санкций. Это снизило экономическую конъюнктуру, что в свою очередь ухудшило качество жизни россиян. На данном этапе с этим связана смысловая составляющая доверия как основы общественного договора в России. Оказалось, что в новых реалиях общественный договор менее эффективен. Это требует пересмотра сначала концепций доверия, а затем совершенствования общественного договора. Такой подход позволит изменить соотношение ответственности между властью и общества в рамках геополитических проблем.

Особенность социального доверия заключается в том, что оно стабилизирует социально-политическую жизнь страны. Стремление к размеренному, постоянному развитию вынуждает заниматься поиском новых концепций взаимодействия людей. Управление доверием взаимосвязано с характером взаимоотношения государства и общества. Оно проявляется в различных интеракциях. В настоящий момент доверие в силу внешних и внутренних факторов находится в неустойчивом положении. Из этого следует, что в российском обществе сильно снизился уровень доверия между гражданами и властью.

Методика. Изучение сущности социального доверия основано на целостно-теоретическом методе. В ходе исследования применялся описательный метод, который направлен на эмпирическое исследование поведения индивидов в рамках доверительных отношений. Для раскрытия особенностей концепций формирования доверия были использованы такие приемы, как сравнение, описание, классификация. Они помогают раскрыть проблематику доверия в рамках управления социумом. В рамках социологического исследования были использованы статистические данные.

Обсуждение. В социологии под концепцией доверия принято понимать установившуюся иерархию и закрепленные за ней функции управления, причем данное понятие имеет несколько коннотаций.

Современный подход в социологии предлагает рассматривать доверие в аспекте функциональной зависимости индивидов. Изучение доверия в контексте бескризисного взаимодействия общества предлагают Ф. Фукуяма, Г. Зиммель, П. Штомпка и т.д. Их аргументация основана на противопоставлении доверия и недоверия. Дихотомия не выступает в качестве дополнительного компонента, а является регулирующим условием социального взаимодействия, определяющим эффективность интеракций. Можно определить доверие как негласное соглашение индивидов внутри общества о нормах поведения, которые все члены соблюдают, руководствуясь общими нормами поведения.

Концепция доверия по Дж. Коулману является основой функционирования общественных институтов [10; 12; 13]. Высокий уровень доверия возможен только в том случае, когда субъекты ведут социально-политическую активность. Власть выстраивает доверительные отношения на позитивном подкреплении и чувстве защищенности. В свою очередь недоверие возникает в том случае, когда стабильности государства что-то угрожает.

Доверительные отношения между обществом и государством строятся на функциональных обязанностях государства, которое общество закрепляет за ним. Стоит отметить, что государство со своей стороны посредством институтов организует систему поощрений для мотивирования индивидов приносить пользу стране.

Дисбаланс в обществе наблюдается тогда, когда институтам общество доверяет не на основе эффективности и результативности их деятельности, а на основе приписываемой экспертности. Социолог Т. Парсонс отмечает, что отсюда вытекает снижение уровня доверия к власти в силу несоответствия ожиданиям и реальности, поэтому власть должна сама быть заинтересована в достижении целей не экспертными институтами, а деятельностью [4; 5; 6].

Концепция доверия П. Штомпки основана на том, что доверие возможно только в том случае, когда общество контролирует деятельность властей и имеет механизм влияния на нежелательные действия, предпринимаемые властью как во внутренних, так и во внешних делах [2]. Отметим, что дан-

ная концепция подразумевает наличие подотчетности и прозрачности, причем доступ к данным должен быть у всех субъектов. Это закрепляет доверие как социальную норму и ожидание индивидов, что все будут соблюдать общественный договор. Уровень доверия обратно пропорционален уровню благосостояния граждан: чем образованнее и обеспеченнее население, тем одобрение выше.

В российском обществе существует корреляция уровня доверия, которая показывает разницу общественных отношений между Западной Европой и Россией. Доверие базируется на системе ценностей. Сопоставление было проведено Р. Инглхартом, который выяснил, что для российского общества актуальны ценности выживания [7].

Концепции доверия как феномена социальных взаимоотношений изучается в рамках психологии. Т.П. Скрипкина полагает, что с точки зрения психологической науки доверие можно определить как фактор, который регулирует общественные связи и отношения. Из этого следует, что доверие является обязательным условием функционирования социума. Е.П. Ильин отмечает, что управление социумом невозможно в рамках низкого уровня доверия [1].

Дисбаланс, пассивность и недоверие граждан часто обусловлены проблемами в экономической, политической и духовной сферах. Это ведет к снижению качества жизни, что в свою очередь дестабилизирует систему, делает ее более склонной к возникновению конфронтации между властью и социумом. Концепция доверия И.В. Антоненко основана на представлении доверия как функционального инструмента управления [9].

В настоящий момент в российском обществе возникла необходимость достижения паритета доверия между властью и обществом. Многие исследователи рассматривают понятие доверия в рамках данной концепции. А.В. Половнев считает, что недоверие к институту власти в России связано с формализмом и бюрократизмом [11].

В укреплении доверия важную роль играет использование социальных методик, направленных на формирование базовых представлений о нормах и ценностях. В социологии управления в настоящий момент такой подход реализуется с помощью цифровиза-

ции и распространения коллегиального аппарата, задача которого состоит в поиске консенсуса. В данном случае концепция доверия рассматривается как фактор социальной напряженности, который возникает в результате нарушения общественного договора, как правило, представителями бизнеса, правопорядка или власти.

В настоящий момент остро встал вопрос о пересмотре концепции формирования доверия обществом. Это обусловлено развитием сети Интернет, которая с одной стороны упростила коммуникацию между обществом и государством, с другой — стала причиной возникновения новых отношений. Множественность связей трудно контролировать, а следовательно, принятые нормы и ценности утрачивают свою актуальность, так как нелинейные отношения функционируют по внутренним законам. Главной проблемой формирования доверия является обезличенность субъектов таких отношений.

В публичном пространстве появилась надстройка общественных отношений, которая имеет специфические черты, а именно — не имеет субъектности, не иерархична и не последовательна. Можно говорить о том, что формирование доверия строится на сиюминутных выгодах различных субъектов, которые для взаимодействия используют информационные технологии, причем подобный подход влияет на общественные отношения вербально и невербально, следовательно, может разорвать доверительные отношения, чтобы повлиять на других субъектов.

В современном мире постепенно утверждается данная концепция доверия. Однако информационное взаимодействие может приводить также к снижению количества социальных конфликтов, так как отношения доверия в сети Интернет строятся на основе общих интересов. Формирование доверия происходит в результате множественных коммуникаций, при этом расстояние между субъектами не имеет значения.

Изучение концепции формирования доверия в рамках социального управления актуально в российском обществе из-за возникшей неопределенности. Проблемы влияют на характер отношений между властью и обществом. Это привело к увеличению интереса россиян к поиску решения социальных

проблем. Власть должна стремиться реагировать быстро на данные изменения и предотвращать столкновения на фоне возникающих споров между социальными группами. Из этого следует, что в настоящий момент требуется новый подход к социальному управлению, который предполагает вовлечение как можно большего числа граждан в управление путем учета их предложений.

Эмпирическое изучение статистических данных говорит о том, что в России по сравнению с другими странами Европы наблюдаются низкие показатели доверия, причем Россия по феномену доверия отстает от европейских государств. В подтверждение данного вывода приведем исследования организации Edelman Trust Barometer, которое проводилось на протяжении последних двух лет. Согласно результатам опроса, в 2023 году в Российской Федерации из всего числа опрошенных власти доверяют всего 37%. Однако эмпирические данные, которые были получены в результате опроса респондентов из Санкт-Петербурга и Ленинградской области Ю.В. Веселовой и Н.Г. Скворцовой, показывают, наоборот, высокий уровень доверия органам власти — свыше 46% [3].

Социологи посредством репрезентативной выборки на базе социально-демографических параметров ($n = 1032$) сравнили все результаты опросов ФОМ и субъектов федерации. Таким образом, данные по дихотомической шкале показывают в России средний уровень доверия к власти 48% (осень 2022 г.). Сравним данный показатель с иностранными государствами. Например, в Швеции уровень доверия 50%, в Китае — 95%. Из этого следует, что показатели в России находятся практически на уровне Швеции и значительно ниже результатов в Китае. Стоит отметить, что если проводить выборку сравнения между Россией и странами Восточной Европы, то выяснится, что среди россиян уровень доверия выше, чем у поляков (23%), венгров (27%), словаков (30%), сербов (30%) [3].

Специфика формирования концепции доверия в российском обществе связана с сильной фигурой лидера. Исторически сложилось, что из-за геополитического положения России власть в ней долгое время находилась в руках одного лидера. Данная историческая особенность центробежных отношений

позволила стране обезопасить себя, поэтому даже в настоящее время среди россиян наибольшим доверием пользуется президент государства. Данный тезис основан на результатах опроса «Левада-центра». Опрос был проведен через полгода после начала Специальной военной операции. Всего приняли участие 1612 респондентов. В результате уровень доверия у президента В.В. Путина составил 80%, причем возросло доверие граждан к государственным институтам. Естественно, на фоне Специальной военной операции повысилось доверие к армии, органам правопорядка и правительства, причем данные результаты сопоставимы только с периодом марта 2014 года, когда по результатам референдума Крым вернулся в состав Российской Федерации.

В рамках формирования концепции доверия социального управления речь идет о консенсусе между властью и обществом под воздействием неблагоприятных внешних факторов, при этом уровень жизни населения упал за счет санкционной политики, инфляции, низкой стоимости рубля и оттока иностранного капитала. Таким образом, доверие выступает в качестве фундамента, на котором строятся устойчивые общественные отношения.

Формирование концепции доверия происходит в рамках деятельности органов власти. Бюрократический аппарат подрывает доверительные отношения между государством и властью. Государственные служащие непосредственно взаимодействуют с населением. Характер и результат такого взаимодействия является основой в формировании мнения о деятельности власти. Таким образом, злоупотребление полномочиями, коррупция и непрофессионализм подрывают доверие к власти. Снижение доверия к власти из-за неисполнения обязанностей чиновниками зафиксировано во многих социологических исследованиях. Чаще всего низкий уровень доверия проявляется по отношению к властям субъектов федерации, чем к федеральным органам из-за редкой практики в федеральных структурах взаимодействия с населением.

Таким образом, концепция доверия в социологии управления направлена на формирование отношений между государством и обществом. Результатом таких отношений должно стать принятие обоснованных и це-

лесообразных решений. Доверие строится на обратной связи между обществом и государством. Доверительные взаимоотношения требуют отчетности и результативности политики органов власти, которая проявляется в показателях увеличения уровня жизни населения. Концепция доверия строится на принципе справедливого распределения ресурсов, отсутствии привилегированных групп, а также на качественном здравоохранении и образовании.

Заключение. Особенность формирования концепции доверия в российском обществе заключается в том, что на нее влияет характер взаимодействия власти и общества. Доверие напрямую связано с гражданской активностью общества. Недобросовестное исполнение обязанностей чиновниками подрывает доверие к власти.

Концепция доверия важна как способ формирования стабильной социальной среды, в рамках которой общество совершенствуется и повышает качество жизни, являющееся следствием продуктивной деятельности удовлетворения потребностей граждан. Таким образом, концепция доверия представляет собой набор норм и ценностей, который лежит в основе общественного договора. Она стабилизирует процессы внутри общества и минимизирует деструктивное влияние негативных факторов.

Список источников

1. Аузан А. А. Доверие как фактор и инструмент социально-экономического развития // Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства. Аналитический вестник. 2021. №1(761). С. 7–16.

2. Быкова О. Е. Концепция доверия Петра Штомпки // Философия и общество. 2021. №2(99). С. 119–134.

3. Веселов Ю. В., Скворцов Н. Г. Трансформация культуры доверия в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. №1. С. 157–179.

4. Герасимова Г. И. Связи с общественностью: институциональный уровень управления. Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. 254 с.

5. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Я. И. Свирского. М.: Астрель, 2010. 895 с.

6. Ильин Е. П. Психология доверия. СПб.: Питер, 2021. 288 с.

7. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. 1997. №4. С. 6–32.

8. Каз Е. М. Трансформация представлений о роли социальности в управлении человеческими ресурсами и концепция доверия // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. №3(42). С. 1–10.

9. Кобелева Х. А. Политическое доверие в аспекте культурологических и институциональных концепций // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2019. №2. С. 65–68.

10. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. №3. С. 122–139.

11. Кузьмин А. Е. Феномен «политического доверия» в эпоху «постправды» // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения: Сборник материалов Международного научного форума (Санкт-Петербург, 18–19 апреля 2019 г.) / Отв. ред. В. В. Васильева. Т. 1. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2019. С. 80–81.

12. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 384 с.

13. Парсонс Т. О социальных системах / Пер. с англ. М.: Акад. Проект, 2002. 832 с.

14. Туешова Е. С. Концепция доверия как основа взаимодействия в рамках обращения цифровых валют // Правовая парадигма. 2022. Т. 21. №4. С. 151–158.

15. Jacovi A. et al. Formalizing trust in artificial intelligence: Prerequisites, causes and goals of human trust in AI // Proceedings of the 2021 ACM conference on fairness, accountability, and transparency. 2021. Pp. 624–635.

16. Schilke O., Reimann M., Cook K. S. Trust in social relations // Annual Review of Sociology. 2021. Vol. 47. Pp. 239–259.

References

1. Auzan A. A. Doverie kak faktor i instrument social'no-jekonomicheskogo razvitija [Trust as a

factor and tool of socio-economic development]. Doverie kak kriticheskij faktor dostizhenija strategicheskikh celej social'no-jekonomicheskogo i politicheskogo razvitija gosudarstva. *Analiticheskij vestnik* [Analytical Bulletin]. 2021; 1(761): 7–16. (In Russ.).

2. Bykova O.E. Konceptija doverija Petra Shtompki [The concept of trust by Peter Shtompka]. *Filosofija i obshhestvo* [Philosophy and Society]. 2021; 2(99): 119–134. (In Russ.).

3. Veselov Ju. V., Skvorcov N.G. Transformacija kul'tury doverija v Rossii [Transformation of the culture of trust in Russia]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes]. 2023; (1): 157–179. (In Russ.).

4. Gerasimova G.I. Svjazi s obshhestvennost'ju: institucional'nyj uroven' upravlenija [Public relations: the institutional level of management]. Tjumen': TjumGNGU, 2015. 254 p. (In Russ.).

5. Delez Zh., Gvattari F. Tysjacha plato: Kapitalizm i shizofrenija [A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia]. Per. s fr. Ja.I. Svirskogo. Moscow: Astrel', 2010. 895 p. (In Russ.).

6. Il'in E.P. Psihologija doverija [Psychology of trust]. Saint Petersburg: Piter, 2021. 288 p. (In Russ.).

7. Inghart R. Postmodern: menjajushhiesja cennosti i izmenjajushhiesja obshhestva [Postmodernity: changing values and changing societies]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political research]. 1997; (4): 6–32. (In Russ.).

8. Kaz E.M. Transformacija predstavlenij o roli social'nosti v upravlenii chelovecheskimi resursami i koncepcija doverija [Transformation of ideas about the role of sociality in human resource management and the concept of trust]. *Vektory blagopoluchija: jekonomika i socium* [Vectors of well-being: economics and society]. 2021; 3(42): 1–10. (In Russ.).

9. Kobeleva H.A. Politicheskoe doverie v aspekte kul'turologicheskikh i institucional'nykh koncepcij [Political trust in the aspect of cultural and institutional concepts]. *Vestnik Voronezh-*

skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istoriya. Politologija. Sociologija [Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology]. 2019; (2): 65–68. (In Russ.).

10. Koulman Dzh. Kapital social'nyj i chelovecheskij [Social and human capital]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity]. 2001; (3): 122–139. (In Russ.).

11. Kuz'min A.E. Fenomen «politicheskogo doverija» v jepohu «postpravdy» [The phenomenon of «political trust» in the era of «post-truth»]. Media v sovremennom mire. 58-e Peterburgskie chtenija: Sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma (Sankt-Peterburg, 18–19 aprelja 2019 g.) [Media in the modern world. 58th St. Petersburg Readings: Collection of materials of the International Scientific Forum (St. Petersburg, April 18–19, 2019)]. Otв. red. V.V. Vasil'eva [In V.V. Vasilyeva (eds.)]. Vol. 1. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019. Pp. 80–81. (In Russ.).

12. Latur B. Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuju teoriju [Reassembly of the social: an introduction to actor-network theory]. Per. s angl. I. Polonskoj. Moscow: Izd. dom VShJe, 2014. 384 p. (In Russ.).

13. Parsons T. O social'nykh sistemah [On social systems]. Per. s angl. Moscow: Akad. Proekt, 2002. 832 p. (In Russ.).

14. Tueshova E.S. Koncepcija doverija kak osnova vzaimodejstvija v ramkah obrashhenija cifrovych valjut [The concept of trust as the basis of interaction within the framework of the circulation of digital currencies]. *Pravovaja paradigma* [Legal concept]. 2022; 21(4): 151–158. (In Russ.).

15. Jacovi A. et al. Formalizing trust in artificial intelligence: Prerequisites, causes and goals of human trust in AI. Proceedings of the 2021 ACM conference on fairness, accountability, and transparency. 2021. Pp. 624–635.

16. Schilke O., Reimann M., Cook K.S. Trust in social relations. *Annual Review of Sociology*. 2021; (47): 239–259.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 04.04.2024.

The article was submitted on 28.02.2024; approved after reviewing on 18.03.2024; accepted for publication on 04.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Литвина Кристина Яковлевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Отраслевая экономика и финансы», Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Россия, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Kristina Ya. Litvina — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Industrial Economics and Finance, Herzen State Pedagogical University of Russia.

48 Moika river emb., Saint Petersburg, Russia

Научная статья

УДК 316.74

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-59-68

РОЛЬ МУЗЕЯ В ТРАНСЛЯЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

*Наталья Анатольевна Шилина¹✉, Наталья Борисовна Кокуашвили²,
Людмила Владимировна Самыгина³*

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

³Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹nashilina@sfedu.ru ✉, AuthorID РИНЦ: 481308, SPIN-код: 1490-3151

²nbkokuashvili@sfedu.ru, AuthorID РИНЦ: 975428

³samygina.rostov@yandex.ru, AuthorID РИНЦ: 836867, SPIN-код: 1560-8222

Аннотация. Целью исследования выступает анализ роли музеев в трансляции духовно-нравственных ценностей современной российской молодежи, выявление отношения молодых людей к музеям и их деятельности, определение перспективных направлений развития современных музейных учреждений, способов оптимизации их деятельности.

Методологическую базу составляют социально-философские ценностные концепции, теория социального действия М. Вебера, теория социальных систем Т. Парсонса, теория социального взаимодействия П. Сорокина. Эмпирическая основа исследования включает результаты социологических опросов, проведенных крупнейшими всероссийскими и региональными исследовательскими центрами и посвященных отношению молодежи к музейным учреждениям, структуре досуга молодежи и приобщению к культуре посредством посещения музеев.

Результаты исследования. Музей как социокультурный институт играет в настоящее время важную роль в рамках реализации государственной политики в части, касающейся трансляции традиционных духовно-нравственных ценностей в среде современной молодежи в России. При этом посещение музеев не является самой распространенной формой проведения досуга в молодежной среде, что оказывает влияние на характер реализации рассматриваемой функции музейных учреждений. В настоящее время популяризация культурных ценностей, привлечение молодежи к музейной жизни и формирование у молодых людей соответствующей музейной культуры предусматривает активное присутствие данных учреждений в информационной и цифровой среде.

Перспективу исследования составляет углубленный анализ функционирования современных музейных учреждений с целью определения перспективных способов оптимизации их деятельности, направленной на привлечение молодых посетителей, вовлечение представителей молодежи в различные виды музейной активности.

Ключевые слова: музей, культура, общество, трансформация, социальный институт, социокультурный институт, молодежь, ценности, традиционные ценности, духовно-нравственные ценности, мотивация, социализация, социокультурная идентичность, культурный продукт, культурный досуг

Для цитирования: Шилина Н.А., Кокуашвили Н.Б., Самыгина Л.В. Роль музея в трансляции духовно-нравственных ценностей современной российской молодежи //

Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 59–68. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-59-68>.

Original article

THE ROLE OF THE MUSEUM IN BROADCASTING THE SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Natalia A. Shilina¹✉, Natalia B. Kokuashvili², Lyudmila V. Samygina³

^{1,2}*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

³*Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia*

¹*nashilina@sfedu.ru✉, AuthorID RSCI: 481308, SPIN-code: 1490-3151*

²*nbkokuashvili@sfedu.ru, AuthorID RSCI: 975428*

³*samygina.rostov@yandex.ru, AuthorID RSCI: 836867, SPIN-code: 1560-8222*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the role of museums in the transmission of spiritual and moral values of modern Russian youth, to identify the attitude of young people to museums and their activities, to identify promising areas for the development of modern museum institutions, ways to optimize their activities.*

The methodological basis *consists of socio-philosophical value concepts, the theory of social action by M. Weber, the theory of social systems by T. Parsons, the theory of social interaction by P. Sorokin. The empirical basis of the research includes the results of sociological surveys conducted by the largest Russian and regional research centers on the attitude of young people to museum institutions, the structure of youth leisure and familiarization with culture through museum visits.*

The results of the study. *The museum, as a socio-cultural institution, currently plays an important role in the implementation of state policy regarding the transmission of traditional spiritual and moral values among modern youth in Russia. At the same time, visiting museums is not the most common form of leisure among young people, which affects the nature of the implementation of the considered function of museum institutions. Currently, the popularization of cultural values, the involvement of young people in museum life and the formation of an appropriate museum culture among young people provides for the active presence of these institutions in the information and digital environment.*

The perspective of the study *is an in-depth analysis of the functioning of modern museum institutions in order to identify promising ways to optimize their activities aimed at attracting young visitors, involving youth representatives in various types of museum activity.*

Keywords: *museum, culture, society, transformation, social institution, socio-cultural institute, youth, values, traditional values, spiritual and moral values, motivation, socialization, socio-cultural identity, cultural product, cultural leisure*

For citation: *Shilina N. A., Kokuashvili N. B., Samygina L. V. The role of the museum in broadcasting the spiritual and moral values of modern Russian youth // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 59–68. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-59-68>.*

Введение. Процесс трансляции ценностей выступает в качестве одного из основополагающих общественных процессов, что обуславливается высокой значимостью ценностей, выступающих в качестве одного из базовых ориентиров в рамках восприятия индивидом окружающей его социальной реальности, являющихся фактором, определяющим характер и направленность личностного поведения. Особую роль в условиях трансформации современного российского общества играет трансляция ценностей молодежи как особой социально-демографической группы, от содержания ценностей которой зависит будущее страны, стабильное и поступательное развитие Российской Федерации [10]. Необходимо отметить, что руководством России в настоящее время осознается проблемная ситуация в сфере трансляции так называемых традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В соответствии с Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» к основным целям политики государства в рассматриваемой области относятся сохранение и укрепление традиционных ценностей, обеспечение их передачи от поколения к поколению, противодействие распространению деструктивной идеологии, формирование на международной арене образа Российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей¹. Воспитание молодежи в духе уважения к традиционным ценностям выступает в качестве ключевого инструмента государственной политики в области образования и культуры, являющегося необходимым для формирования гармонично развитой личности.

Результаты. Существенную роль в реализации государственной политики в части, касающейся трансляции традиционных духовно-нравственных ценностей в среде современной российской молодежи, призваны играть отечественные музеи. Музей традици-

онно рассматривается в качестве хранилища наследия историко-культурного характера, которое призвано способствовать распространению различной информации, просвещению разных слоев населения. Необходимо отметить, что само понятие «музей» стало использоваться еще в период античности: так, древнегреческие мыслители понимали под *μουσείον* (*mouseion*) святилище или храм муз, а в дальнейшем данное понятие стало использоваться для обозначения места, предназначенного для научных и литературных занятий и соответствующего общения. В период средневековья рассматриваемое понятие вышло из употребления, однако эпоха Возрождения подарила ему вторую жизнь и новый смысл. В этот исторический период музеями стали называть собрания памятников античной эпохи, а также коллекции многочисленных редких природных объектов. Примерно со второй половины XVI века понятием «музей» стали обозначать не только коллекции тех или иных предметов, но и помещения, предназначенные для хранения и экспонирования последних. В эпоху Просвещения, лейтмотивом которой являлась открытость разного рода знаний и информации для широких слоев населения, равенство в доступе к культурным благам, музей становится открытым для широких слоев населения учреждением, призванным не только хранить те или иные редкие предметы, но и показывать их, демонстрировать самым разным категориям посетителей. В следующие столетия музей окончательно утверждается в цивилизованных странах в качестве значимого социокультурного института, ориентированного в своей деятельности на все слои населения соответствующих государств.

Современный музей представляет собой многофункциональный институт социальной информации, который предназначен для хранения как культурно-исторических, так и естественно-научных ценностей, а также накопления и распространения различных знаний о прошлом и настоящем, природных богатствах, достижениях науки и техники и т.д. Пройдя многовековый период развития,

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2024).

музей оформился в качестве важного научно-исторического и культурно-просветительского учреждения, приобретя соответствующий общественно-государственный статус. Будучи объектом государственного управления и политики, музей испытывает на себе воздействие различных факторов экономического, социального, политического и духовного характера. Музей вынужден адаптироваться, приспосабливаться к бурным изменениям, происходящим в современном обществе, удовлетворяя растущие потребности разных категорий посетителей, заинтересованных не только в получении новых знаний и доступе к информации, но и в коммуникации с деятелями культуры, обсуждении актуальных культурно-исторических, духовно-нравственных проблем.

В специальных исследованиях музей, как правило, рассматривается как социальный институт, реализующий ряд важных для духовной и культурной сфер общества функций. Так, в соответствии с одним из классических определений музея последний определяется как исторически обусловленный многофункциональный институт социальной памяти, посредством которого происходит удовлетворение объективной общественной потребности в отборе, сохранении и репрезентации определенных объектов культурно-исторического и природного характера (речь идет о музейных предметах, которые осознаются обществом как ценность, что предусматривает их изъятие из среды бытования и передаче в музей с тем, чтобы представители будущих поколений имели возможность с ними ознакомиться). Если опираться на определение музея, закрепленное в Уставе международного совета музеев, он представляет собой некоммерческое учреждение, функционирование которого осуществляется на постоянной основе и направлено на общественное служение и духовное развитие общества; будучи открытым для широких слоев населения, музей осуществляет приобретение, хранение, изучение, популяризацию и экспонирование материальных объектов человеческой жизнедеятельности и окружающей среды в образовательных, просветительских и развлекательных целях [3]. С позиций социологической науки музей можно определить как специфический социокультурный институт, институт

социальной памяти, основное предназначение которого состоит в отборе, сохранении и репрезентации определенной группы культурно-исторических и природных объектов, воспринимаемых людьми как значимая культурная ценность, подлежащая передаче из поколения в поколение.

Анализ сущностных характеристик музея как социокультурного института позволяет выделить ряд основополагающих функций, которые реализуются посредством деятельности современных музейных учреждений. Так, в качестве одной из базовых функций музея традиционно выделяется функция культурной ориентации и идентификации, которая осуществляется на общественном и индивидуальном уровнях. Речь идет о формировании культурной идентичности, трансляции духовно-нравственных ценностей посредством деятельности музеев, позволяющих представителям различных социальных групп осмыслить культурное наследие общества, осознать свою принадлежность к определенному социуму с присущими ему культурно-историческими особенностями [4]. С функцией культурной ориентации связана аксиологическая функция, сопряженная с формированием на уровне общественного и индивидуального сознания определенных ценностных установок и ориентаций, складыванием представлений о существующих в обществе морально-этических нормах и принципах, духовных идеалах и канонах. Среди основополагающих функций музеев выделяется и идеологическая функция: речь здесь идет об использовании государственной властью музеев с целью распространения в обществе определенных представлений и ценностных ориентиров, соответствующих содержанию государственной идеологии, политического курса, избранного политической элитой страны на определенном этапе ее развития (в рамках практической реализации данной функции осуществляется подбор музейных экспонатов, интерпретация культурно-исторического прошлого под определенным углом зрения и т.д.). К числу других социальных функций музея можно отнести хранительную функцию или функцию сохранения культурно-исторического наследия, воплощенного в музейных источниках, сохраняющихся в соответствующих фондах. Данные источники подвергаются в музеях специ-

альному изучению, которое осуществляется квалифицированными сотрудниками (т.е. речь здесь идет об исследовательской функции музеев). Посредством образовательно-воспитательной функции музея осуществляется целенаправленное воздействие на посетителей с целью распространения определенных знаний, информации, трансляции духовно-нравственных и иных ценностей.

Наряду с указанными функциями музей как особый социокультурный институт также реализует функцию организации свободного времени: данная функция является производной от образовательно-воспитательной функции, поскольку посещение музейных учреждений представителями различных категорий населения, осуществляемое ими в свободное от основного вида деятельности время, связано преимущественно с мотивациями культурно-познавательного характера. Посещение музеев можно рассматривать как разновидность культурного досуга, предусматривающего такое проведение свободного времени, которое позволяет обогатить сознание человека новыми знаниями и интересной информацией, получить доступ к интересующим аудиторию культурным, природным и иным объектам. В настоящее время многие отечественные музеи предлагают своим посетителям новые форматы взаимодействия, что сопровождается отходом от так называемого музейного академизма. Речь идет об организации различных интерактивных и других выставок, образовательных центров, конференций, фестивалей и т.д. Необходимо отметить, что обозначенные выше социальные функции музеев находятся в неразрывной взаимосвязи и взаимодействии друг с другом. Накопленный музейными учреждениями богатый опыт, многовековая история музеев в России и других государствах свидетельствуют о том, что музей как социокультурный институт выполняет ряд значимых социальных функций, обладает способностью решать многие важные для общества и государства проблемы. Важнейшее место среди тех задач, которые способны решать музеи, занимает формирование национального самосознания, общегражданской культурной идентичности, предполагающей осознание представителями различных социальных групп и слоев своей принадлежности к единой национальной культуре, сис-

теме традиционных духовно-нравственных ценностей.

Как справедливо отмечает Д.А. Прокудина в тексте своей кандидатской диссертации, посвященной роли музеев в трансляции ценностей молодежи, в крупнейших национальных музеях сосредоточены основные реликвии, которые связаны с отечественной историей, победами и достижениями страны: приобщая к ним своих посетителей, музеи тем самым способствуют формированию в сознании последних патриотических и других ценностей, включающих гордость за свою родину и ее героическую историю [4]. В специальных исследованиях подчеркивается, что музеи в современном обществе как культурная форма переживают процесс радикальной трансформации. Происходит не только активизация различных направлений музейной деятельности, увеличение числа музеев и появление новых их видов, но и существенное изменение функциональной составляющей современного музея, выступающего в современных условиях в качестве важного социокультурного института [3]. Так, музей не просто является институтом, сохраняющим те предметы, которые имеют культурное значение, но становится значимой коммуникативной площадкой, в рамках которой осуществляется деятельность культурного и просветительского характера [5]. Роль музея состоит в трансляции значимых для общества духовно-нравственных ценностей, формировании культурной идентичности.

С точки зрения Е.Г. Саркисовой, музей как важнейший социокультурный институт фактически принимает участие в процессе социализации своих посетителей, включая и представителей молодежи [5]. Речь идет об аксиологической функции музеев, связанной с их деятельностью, направленной на воспроизводство традиционных общественных ценностей. С аксиологической функцией тесно связана функция интеграции общества: музей как значимый институт формирует в массовом сознании различных групп населения представления об общем прошлом, знаковых исторических событиях [11]. При этом реализация рассматриваемой функции музеев, связанной с трансляцией ценностей в сознании современной российской молодежи, обусловлена отношением

молодых людей к музеям и готовностью их посещать в свободное от основной деятельности время. Здесь целесообразно обратиться к результатам прикладных социологических исследований, включающих опросы представителей различных групп молодежи в современной России и посвященных динамике посещаемости последними музеев, представлению об их роли в формировании культурных ценностей и идентичности. Материалы ряда социологических опросов в целом не подтверждают распространенный в обществе стереотип о том, что представители современной российской молодежи не интересуются музеями и их деятельностью. Так, эмпирические данные, полученные Л. А. Хачатрян и А. А. Чернегой, свидетельствуют о том, что почти три четверти молодых респондентов испытывают определенный интерес к музеям. Как показывают эмпирические данные, на интерес респондентов к музеям оказывают воздействие их возраст и место обучения (наиболее высокий интерес к музеям, в частности, отмечается в группе студенческой молодежи). В старших группах молодежи интерес к музеям и их деятельности является более высоким по сравнению с младшими. В то же время интерес к музеям не является очень глубоким: молодые люди в большинстве случаев не предпринимают попыток получить информацию об истории тех или иных музейных учреждений, собранных ими коллекциях и т. д. [9].

В среднем представители молодежи посещают музеи один раз в год, однако в группе студенческой молодежи есть довольно значительная часть, которая проявляет большую активность в посещении музейных учреждений. Чаще всего данные учреждения посещают студенты, представляющие столичные вузы: многие из них, судя по данным социологических исследований, посещают музеи несколько раз в месяц. Социологические опросы свидетельствуют о том, что у студентов растет интерес к музеям, а посещение последних становится для данных лиц одной из распространенных форм культурного досуга [8]. Как показывают результаты опросов студентов, представляющих высшие учебные заведения Юга России, интересы при посещении музеев возникают у молодых людей в связи с желанием провести свободное время

в информационно интересном месте (21,7%), интересом ко всему новому и неизвестному (21,3%), стремлением к получению информации об истории своей страны, региона, города и т. д. (17,8%), интересом к художественному творчеству (15%), великим событиям в истории государства (14,2%). Приведенные данные свидетельствуют о наличии разнообразных мотивов посещения музеев, ориентации значительной части студентов на расширение своих знаний и представлений посредством музейных выставок [2].

Следует отметить, что посещение музеев в настоящее время не является самой распространенной формой проведения досуга в молодежной среде: значительно более значимое место в структуре досуговой деятельности российской молодежи занимают прослушивание музыки, общение с друзьями, домашние дела и т. д. [1]. Удовлетворение культурно-досуговых интересов молодыми людьми осуществляется главным образом посредством чтения книг, посещения кинотеатров и концертов, а также дополнительных образовательных занятий [2]. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости активизации деятельности музеев, связанной с работой с различными группами молодежи, формированием у молодых людей интереса к работе музейных учреждений. Анализ эмпирических данных, включающих ответы молодых респондентов на вопрос о том, чем их может заинтересовать современный музей, показывает, что приоритетным направлением музейной политики должно быть привлечение молодых посетителей с помощью новинок искусства и культурной жизни (данное направление деятельности музеев представляет для молодежи больший интерес, чем возможность «получения дополнительных знаний» в рамках рассматриваемой формы проведения досуга) [9].

Повышение интереса молодежи к различным направлениям деятельности современных музеев предусматривает активное присутствие последних в современном информационном пространстве и цифровой среде: речь идет, в частности, о конструировании и активном продвижении сайтов музейных учреждений, разнообразных страниц в социальных сетях, организации музейных выставок виртуального характера, соответс-

твующих экскурсий и т.д. [7]. Современная молодежь выступает в качестве наиболее активного пользователя современных средств массовой информации и коммуникации; по этой причине и информацию о деятельности музеев молодые люди чаще всего получают из различных Интернет-ресурсов (34,2%) и социальных сетей (34,9%). Так, с точки зрения абсолютного большинства (77%) представителей студенческой молодежи Юга России, именно Интернет в наибольшей степени способствует повышению интереса к посещению музеев (в частности к числу наиболее интересных музеев, активно использующих Интернет-ресурсы, респондентами были отмечены Исторический парк «Россия — Моя история», Эрмитаж, Ростовский областной музей краеведения и ряд других) [2]. Мы солидарны с точкой зрения В.Ю. Себрукович, по справедливому замечанию которой музейным учреждениям необходимо проявлять наибольшую открытость в информационном поле, стремиться к максимальной мобильности, стараться оперативно реагировать на различные изменения в интересах и запросах посетителей [6].

Заключение. Современный музей как значимый социокультурный институт находится в тесной взаимосвязи и взаимодействии с институтами науки, культуры и образования, что способствует более эффективной реализации социальных функций музеев, связанных в том числе с трансляцией традиционных духовно-нравственных ценностей в сознание представителей молодого поколения российского общества. Культурное и патриотическое воспитание молодежи, осуществляемое музейными учреждениями, представляет собой чрезвычайно важную для государства и общества задачу. В будущем роль музея как исторически обусловленного и многофункционального социокультурного института, призванного сохранять для будущих поколений различные ценности культурно-исторического и естественнонаучного характера, накапливать и распространять значимую культурную информацию, осуществлять образовательно-воспитательную и пропагандистскую деятельность, будет возрастать, однако это предусматривает активное внедрение музеями новых технологий,

форматов музейных экспозиций, принципов взаимодействия с аудиторией. В настоящее время отечественные музеи активно осваивают новые методы работы, что позволяет им расширять влияние на общество, заинтересовывать своей деятельностью, предлагаемыми экспозициями и новыми форматами музейных выставок многочисленных представителей российской молодежи. Новые формы коммуникации с посетителями, принципы функционирования так называемого «открытого» музея, которые берутся на вооружение многими музейными учреждениями в современной России, модернизация и внедрение новых форматов экспозиционной и образовательной деятельности в комплексе с активным применением новейших информационно-коммуникационных технологий — все это объективно способствует повышению роли музея как института в обществе, что позволяет ему более эффективно взаимодействовать с молодежной аудиторией, транслировать в сознание молодежи традиционные российские духовно-нравственные ценности.

В качестве одной из главных задач, стоящих перед современными музейными учреждениями, выступает изменение достаточно глубоко укорененных в сознании современной молодежи представлений о музеях как об устаревших и не отвечающих современным запросам заведениях. Преодолеть подобные стереотипы можно посредством активного использования музеями современных информационно-коммуникационных технологий, что будет способствовать повышению интереса молодых людей к посещению музейных учреждений, которое будет рассматриваться молодежью как один из предпочтительных вариантов проведения свободного времени, способ организации культурного досуга. Учитывая то обстоятельство, что коммуникация является одним из приоритетных для молодежи видов активности, музейным учреждениям необходимо предпринимать усилия для вовлечения молодых людей в обсуждение различных культурных объектов. Так, привлечь интерес молодежи можно посредством организации в рамках музеев площадок для проведения различных обсуждений и дискуссий, встреч с организаторами музейных выставок, проведения лекций и обучающих

занятий с деятелями культуры. Музеи могут предоставлять молодым людям возможности для участия в творческой деятельности в рамках самих музейных учреждений, что предусматривает возможность выставлять собственные произведения на различных музейных площадках. Современный музей должен быть открытым для различных инноваций, развивать различные направления медиативной деятельности, используя новейшие информационно-коммуникационные технологии с целью привлечения представителей различных групп молодежи.

Список источников

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: монография. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.

2. Гринберг Г.П. Роль музеев в досуговой деятельности современной студенческой молодежи // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. №3. С. 1–14.

3. Кулиева М.М. Музей как особый социально-культурный институт // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 2. С. 481–485.

4. Прокудина Д.А. Музей как фактор трансляции ценностей современной российской молодежи: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М.: Московский гос. технол. университет «Станкин», 2008. 25 с.

5. Саркисова Е.Г. Музей и общество: трансформация социальных функций (опыт современной России) [Электронное сетевое издание] / Науч. ред. Т.В. Коваленко; Юж. ф-л Рос. науч.-иссл. ин-та культурного и природ. наследия имени Д.С. Лихачёва. М.: Институт Наследия, 2023. 188 с.

6. Себрукович В.Ю. Музей в условиях современных социокультурных трансформаций // Огарев-online. 2019. №13. С. 9.

7. Сизова И.А., Гордин В.Э. Цифровизация музеев: трудности, успехи, перспективы (по материалам социологического исследования) // Информационное общество. 2022. №4. С. 35–44.

8. Тимохович А.Н., Финенко С.С. Проблема вовлечения молодежи в потребление музейного продукта // Вестник университета. 2019. №1. С. 177–183.

9. Хачатрян Л.А., Чернега А.А. Социальная польза музея для учащейся молодежи: сущность и проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. №2(10). С. 167–172.

10. Шилина Н.А., Лугинина А.Г., Шкуропий О.И. Молодежная субкультура как механизм социализации молодежи в условиях трансформации российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. №11-1. С. 115–122.

11. Шилина Н.А., Самыгина Л.В., Самыгин С.И. Художественное образование как фактор формирования культуры и развития творческих возможностей молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. №11. С. 71–76.

References

1. Gorshkov M.K., Sheregi F. Je. Molodezh' Rossii v zerkale sociologii. K itogam mnogoletnih issledovanij: monografija [The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of long-term research: monograph]. Moscow: FNI-SC RAN, 2020. 688 p. (In Russ.).

2. Grinberg G.P. Rol' muzeev v dosugovoj dejatel'nosti sovremennoj studencheskoj molodezhi [The role of museums in the leisure activities of modern students]. *Mir nauki. Sociologija, filologija, kul'turologija* [The world of science. Sociology, philology, cultural studies]. 2022; 13(3): 1–14. (In Russ.).

3. Kulieva M.M. Muzej kak osobyj social'no-kul'turnyj institut [Museum as a special socio-cultural institute]. *Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept»* [Scientific and methodological electronic journal «Concept»]. 2016; (2): 481–485. (In Russ.).

4. Prokudina D.A. Muzej kak faktor transljacji cennostej sovremennoj rossijskoj molodezhi: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk [The museum as a factor in the translation of the values of modern Russian youth. Ph. D. (Sociology) Thesis]. Moscow: Moskovskij gos. tehnol. universitet «Stankin», 2008. 25 p. (In Russ.).

5. Sarkisova E.G. Muzej i obshhestvo: transformacija social'nyh funkcij (opyt sovremennoj Rossii) [Museum and society: transformation of social functions (the experience

of modern Russia)] [Elektronnoe setevoe izdanie]. Nauch. red. T.V. Kovalenko [In T.V. Kovalenko (eds.)]; Juzh. f-l Ros. nauch.-issl. in-ta kul'turnogo i prirod. nasledija imeni D.S. Lihachjova. Moscow.: Institut Nasledija, 2023. 188 p. (In Russ.).

6. Sebrukovich V. Ju. Muzej v uslovijah sovremennyh sociokul'turnyh transformacij [Museum in the conditions of modern socio-cultural transformations]. *Ogarev-online*. 2019; (13): 9. (In Russ.).

7. Sizova I.A., Gordin V. Je. Cifrovizacija muzeev: trudnosti, uspehi, perspektivy (po materialam sociologicheskogo issledovanija) [Digitalization of museums: difficulties, successes, prospects (based on the materials of a sociological study)]. *Informacionnoe obshchestvo [Information Society]*. 2022; (4): 35–44. (In Russ.).

8. Timohovich A.N., Finenko S.S. Problema вовлечения молодежи в потребление музейного продукта [The problem of involving youth in the consumption of museum products]. *Vestnik universiteta [Bulletin of the University]*. 2019; (1): 177–183. (In Russ.).

9. Hachatrjan L.A., Chernega A.A. Social'naja pol'za muzeja dlja uchashhejsja молодежи:

sushhnost' i problemy [The social benefits of the museum for students: the essence and problems]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija [Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology]*. 2012; 2(10): 167–172. (In Russ.).

10. Shilina N.A., Luginina A.G., Shkuropij O.I. Molodezhnaja subkul'tura kak mehanizm socializacii молодежи v uslovijah transformacii rossijskogo obshhestva [Youth subculture as a mechanism of socialization of youth in the conditions of transformation of Russian society]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshchestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences]*. 2021; (11-1): 115–122. (In Russ.).

11. Shilina N.A., Samygina L.V., Samygin S.I. Hudozhestvennoe obrazovanie kak faktor formirovaniya kul'tury i razvitiya tvorcheskih vozmozhnostej молодежи [Art education as a factor in the formation of culture and the development of creative opportunities for youth]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshchestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences]*. 2018; (11): 71–76. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 04.04.2024.

The article was submitted on 28.02.2024; approved after reviewing on 18.03.2024; accepted for publication on 04.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шилина Наталья Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Теория и практика изобразительного искусства» Академии архитектуры и искусств, Южный федеральный университет; член Международного союза педагогов-художников.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Горького, 75

Natalya A. Shilina — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Fine Arts, Academy of Architecture and Fine Arts, Southern Federal University, member of the International Union of Art Educators.

75 Gorkogo str., Rostov-on-Don, Russia

Кокуашвили Наталья Борисовна — доцент, доцент кафедры дизайна Академии архитектуры и искусств, Южный федеральный университет; член Союза дизайнеров России.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Natalia B. Kokuashvili — Associate Professor, Associate Professor of the Design Department of the Academy of Architecture and Arts, Southern Federal University; member of the Union of Designers of Russia.

105/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Самыгина Людмила Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка, Ростовский государственный медицинский университет (РостГМУ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, Нахичеванский пер., 29

Lyudmila V. Samygina — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages with a Latin course, Rostov State Medical University (RostSMU).

29 Nakhichevansky ln., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 316.33

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-69-78

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Елена Леонидовна Шилкина¹✉, Виктория Валерьевна Енина²

¹Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия

*²Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал),
Донской государственный технический университет, Шахты, Россия*

¹Elena.bona-mente@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0002-6367-8957,

AuthorID РИНЦ: 481325, SPIN-код: 9614-7007

²eninaviktorija@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-9116-9877,

AuthorID РИНЦ: 911311, SPIN-код: 4282-9596

Аннотация. *Цель исследования* — разработка системной модели социального здоровья применительно к практике социального управления.

Методологическую базу исследования составили принципы системного, институционального, структурно-функционального и ценностно-нормативного подходов. Преобладание подходов макросоциологической парадигмы способствовало проведению анализа системных и структурных аспектов социального здоровья.

Результаты исследования. На базе модели социального действия Т. Парсонса сформирована модель социального здоровья в качестве социентальной системы, состоящей из политической, экономической, культурной и социальной подсистем. Разработана система критериев для целенаправленного управленческого воздействия в рамках каждой подсистемы.

Перспективу исследования составляет дальнейший анализ воздействия посредством управленческой деятельности на качественное состояние социального здоровья.

Ключевые слова: социальное здоровье, управление, общество, экономика, социальная сфера, политика, культура, государственная политика, система, социальная напряженность, социальная стабильность

Для цитирования: Шилкина Е.Л., Енина В.В. Социальное здоровье как объект управленческой деятельности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 69–78. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-69-78>.

Original article

SOCIAL HEALTH AS AN OBJECT OF MANAGEMENT ACTIVITY

Elena L. Shilkina^{1✉}, Victoria V. Enina²

¹*Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia*

²*Institute of Service and Entrepreneurship (branch),
Don State Technical University, Shakhty, Russia*

¹*Elena.bona-mente@yandex.ru[✉], ORCID: 0000-0002-6367-8957,
AuthorID RSCI: 481325, SPIN-code: 9614-7007*

²*eninaviktoria@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-9116-9877,
AuthorID RSCI: 911311, SPIN-code: 4282-9596*

Abstract. *The purpose of the study is to develop a systemic model of social health in relation to the practice of social management.*

The methodological basis of the study was composed of the principles of systemic, institutional, structural-functional and value-regulatory approaches. The predominance of macro-sociological paradigm approaches contributed to the analysis of the systemic and structural aspects of social health.

The results of the study. Based on the model of social action of T. Parsons, a model of social health was formed as a social system consisting of political, economic, cultural and social subsystems. A system of criteria has been developed for targeted management impact within each subsystem.

The prospect of the study constitutes a further analysis of the impact through management activities on the qualitative state of social health.

Keywords: *social health, governance, society, economy, social sphere, politics, culture, public policy, system, social tension, social stability*

For citation: *Shilkina E. L., Enina V. V. Social health as an object of management activity // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 69–78. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-69-78>.*

Введение. Актуальность изучаемого вопроса обусловлена весомой ролью данного феномена в жизнедеятельности социума, поскольку социальное здоровье является одной из важнейших составляющих национальной безопасности. Социальное здоровье — это показатель благополучия страны, именно социальное здоровье является отражением уровня экономики, образования, социальной защиты, здравоохранения, культуры, а также интегрированным показателем успешности деятельности государства в целом. Общество, обладающее высокими показателями «социального здоровья», способно не только противостоять негативным вызовам и угрозам, но также использовать их в качестве импульсов развития, в связи с чем особое зна-

чение приобретает управленческая деятельность в данной сфере.

На состояние социального здоровья российского общества с неизбежностью оказывают влияние перманентно возникающие все новые вызовы и угрозы: экономические кризисы, пандемия, внешнеэкономические санкции, Специальная военная операция, гибридная война, развязанная правительствами западных стран, и т.д. Следовательно, социальное управление является и будет являться актуальной задачей на государственном уровне, требуя разработки и реализации целенаправленных управленческих действий.

Социальное здоровье в дискурсе науки и государственного управления. Несмотря

на немалое количество исследований в данной сфере, отечественная историография не может похвастаться комплексными научными трудами в ракурсе управленческой деятельности, направленной на укрепление социального здоровья.

В современном научном дискурсе имеет место определенная терминологическая путаница, вызванная многообразием подходов к определению феномена «социального здоровья», что свидетельствует о наличии широкого диапазона содержания, вкладываемого в данное понятие. Научное понятие «социальное здоровье» в настоящее время, по подсчетам исследователей проблемы, имеет более трехсот определений [5].

Изучение дефиниций понятия «социальное здоровье» показало, что можно выделить четыре основных подхода к рассмотрению социального здоровья: социологический (проблемы взаимодействия отдельной личности и социума, социальной адаптации и социальной самореализации индивида), социально-демографический (демографические показатели, уровень здравоохранения, возраст и фертильность населения, образ жизни), социально-экономический (социальная инклюзия, уровень удовлетворения материальных и культурных потребностей населения) и комплексный (с одной стороны, проблемы взаимодействия индивида с социумом, а с другой — его физическое и психологическое состояние).

Анализ историографии проблемы показывает, что диапазон интерпретации самого понятия детерминируется диапазоном социальных субъектов, которые и выступают в роли обладателей данного типа здоровья — индивидов (физическое, душевное и социальное благополучие), больших и малых социальных групп (состояние человеческого ресурса и генофонда) либо социума в целом (состояние общества как системы социальных институтов).

Анализ публикаций по теме исследования выявил тенденцию рассмотрения понятия «социальное здоровье» как в узком, так и в широком смыслах.

В узком смысле данное понятие интерпретируется как физическое, душевное и социальное благополучие отдельного индивида, его успешная интеграция в социум. Иначе

говоря, социальное здоровье определяется в качестве такого состояния, которое позволяет индивиду полностью реализовывать свои функции и выполнять свои социальные роли. Через призму социального эволюционизма данный подход применим как к отдельному живому организму, так и к отдельным социальным субъектам и социуму в целом. И в широком смысле «социальное здоровье» определяется как состояние самого социума, обеспечивающее благосостояние нации и национальную безопасность.

Следует отметить, что в современной научной историографии содержание узкого смысла исследовано наиболее полно, а вот второй аспект гораздо менее изучен, что определило общий вектор данного исследования именно в ракурсе широкого понимания феномена «социального здоровья» как комплексной характеристики общества.

По мнению Э. Фромма, «здоровым является общество, соответствующее потребностям человека». А при отсутствии такого соответствия возникает явление социальной напряженности. В данном ключе ученый предлагает для интерпретации понятия «социальное здоровье», отталкиваясь от антагонистического понятия «социальная напряженность» [9].

На наш взгляд, исследование проблемы благополучия социума в русле дихотомии «социальная напряженность — социальное здоровье» представляется вполне обоснованным.

Феномен социальной напряженности появляется, когда значительная часть населения понимает, что многие его потребности не удовлетворяются в полной мере. В этом случае распространяется недовольство социальным порядком, появляется чувство социальной несправедливости, исчезает ощущение безопасности и в итоге теряется доверие к власти.

Для обеспечения общественной стабильности и безопасности необходимо избегать ситуации нарастания социальной напряженности, которая характеризуется обострением узловых экономических, политических и социальных противоречий, касающихся жизненно важных потребностей населения, и в силу этого приводит к массовым проявлениям девиантного характера. В массовом поведении социальная напряженность прояв-

ляется, как правило, в ряде общих признаков: ажиотажной закупке предметов потребления, потере ценностных ориентиров, политическом абсентизме, протестных движениях и др. Факторы, усиливающие социальную напряженность, представляют угрозу для социального здоровья отдельных лиц, социальных групп и социума в целом.

Несомненно, что социальное здоровье — это многосоставное явление, обладающее гетерогенной структурой, представленной компонентами различного характера, отражающими различные аспекты партикулярной и общественной жизни.

Следует отметить, что в аспекте социальных практик смысл категории «социальное здоровье» в решающей степени детерминруется тем содержательным наполнением, которое определяется политическими институтами, принимающими участие в процессе разработки государственной политики, а, следовательно, должен находить свое отражение в нормативных правовых актах. Однако, как показал проведенный авторами анализ правовых документов, определяющих стратегические направления национального развития Российской Федерации, а также законодательной базы, обеспечивающей разработку содержания и реализацию основных направлений государственной политики, в правовом поле понятие «социальное здоровье» не применяется.

Модель социального здоровья общества. Основываясь на методологических принципах системного подхода, рассмотрим феномен социального здоровья в качестве социентальной системы, в которой процессы функционирования составляющих ее подсистем направлены на достижение общей цели — поддержание социальной стабильности и прогрессивное развитие.

Следуя модели социального действия, сформированной Т. Парсонсом [10], можно создать аналогичную модель социального здоровья. Тогда можно представить социальное здоровье общества в качестве системы, состоящей из комплекса взаимосвязанных подсистем: политической, экономической, культурной и социальной.

Поскольку в свете системного подхода изменение одного из элементов системы при-

водит к изменению иных системных элементов, а также всей системы в целом и ее эмерджентных свойств, то подобное системное понимание социального здоровья открывает возможности для целенаправленного управленческого воздействия в рамках каждой подсистемы.

В данном аспекте на национальном уровне социальное здоровье социума в целом оценивается степенью стабильности каждой из указанных подсистем.

Проведение оценки степени стабильности требует диагностики проблем формирования социального здоровья, систематизации различных факторов, разработки системы критериев и индикаторов для каждой из подсистем.

Социальное здоровье в экономической сфере — это функциональное состояние экономической системы, обеспечивающее расширенное воспроизводство, достойный уровень жизни граждан, стабильность социума и способность осуществлять жизнедеятельность за счет использования собственных ресурсов.

В качестве важнейшего показателя социального здоровья общества выступает качество жизни населения, определяемое по двум параметрам: количественному (определенный набор численных показателей уровня жизни) и качественному (социальное самочувствие — степень удовлетворенности потребностей граждан, выраженная в том числе посредством субъективных оценок).

Базовым показателем эффективности экономической политики является уровень жизни населения, определяемый возможностью приобретения необходимых товаров и услуг. В качестве одного из наиболее важных индикаторов следует выделить продукты питания, их доступность, качество и разнообразие. В данном аспекте определяющим является уровень развития и взаимодействия сельскохозяйственной отрасли, а также сфер логистики, инфраструктуры и торговли.

Критериями оценки социального здоровья в экономической сфере являются расширенное воспроизводство, экономическая безопасность, граждан, степень востребованности их жизненного потенциала, возможность самореализации, доходы населения, уровень жизни, качество товаров и услуг, обеспеченность жильем, размер пенсии, размер оплаты труда, трудовая занятость, уро-

вень безработицы, соответствие потребительской корзины задачам сохранения жизни и здоровья граждан и т.д.

Социальная сфера — наиболее объемный и существенный элемент социентальной системы, поскольку она выступает в качестве социокультурной среды, в которой протекает жизнедеятельность участников социума.

Основные критерии, по которым оценивается здоровье общества в социальной сфере, — это динамика численности населения, состояние физического здоровья граждан, социальное и ментальное здоровье членов социума, качество и доступность жилья, коммунальных услуг, медицинских услуг, образования, культурных ценностей, эффективной адресной социальной поддержки, отдыха, качество природной среды, комфортной городской среды и т.д.

Критерии оценки социального здоровья в политической сфере: легитимность власти в глазах населения, обеспечение свободы слова, СМИ, собраний, неприкосновенность

личности и жилища, степень консолидации общества, активность институтов гражданского общества, доверие к власти, наличие либо отсутствие патриотических настроений, политический абсентизм, активизация общественно-политических сил, протестные движения, уровень коррупции и т.д. Однако основным критерий — это уровень социальной напряженности в обществе.

Культурная компонента является важной частью социального здоровья общества, поскольку именно в ее рамках реализуется самоидентификация российского народа, его духовное здоровье, которое проявляется в отношении к культурно-историческому наследию, защите культурной среды, культурным коммуникациям, к чужеродным культурам и идеологиям. Социальное здоровье в культурном аспекте можно рассматривать в качестве ценностно-нормативной системы, основанной на доминирующих в обществе представлениях об общественном порядке, о нормах и ценностях, регулирующих пове-

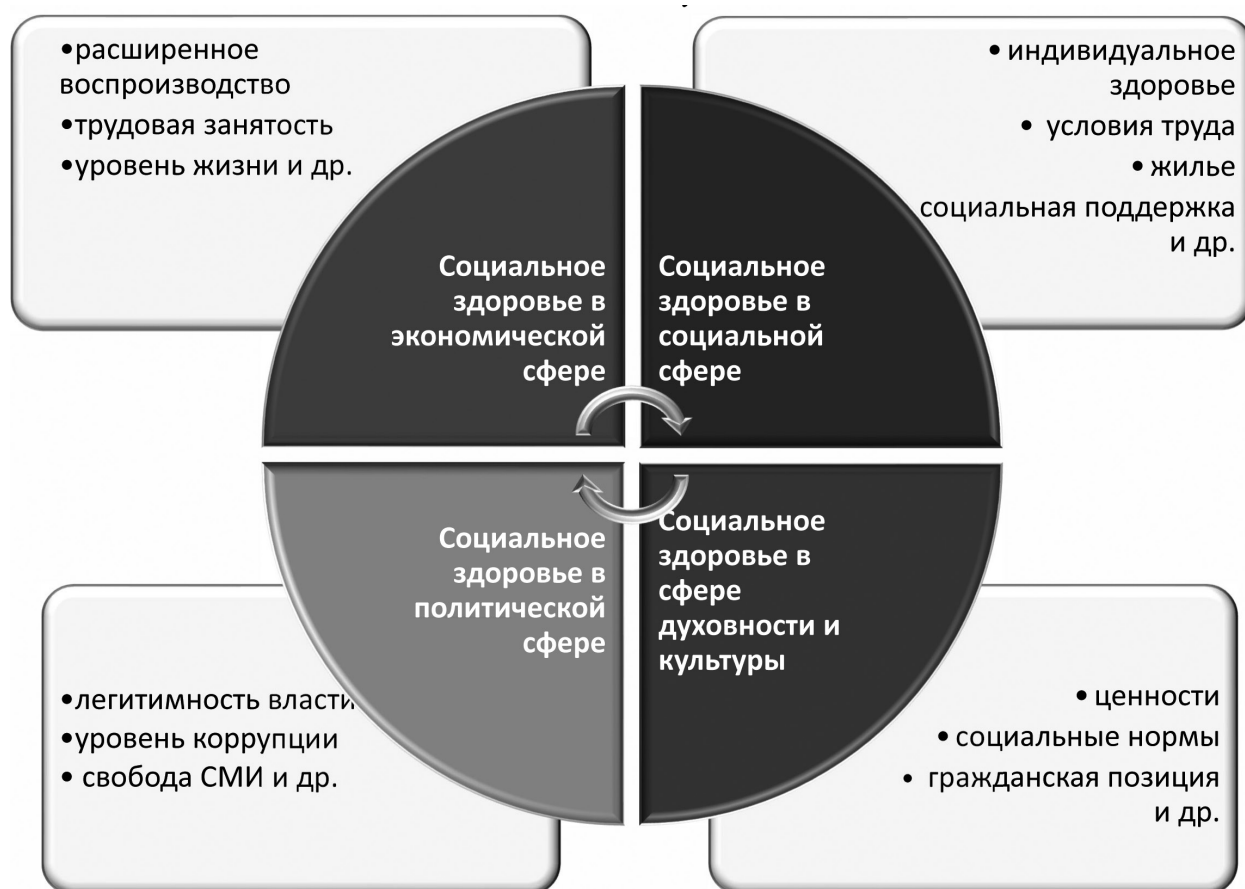

Рис. 1. Структура социального здоровья
Fig. 1. The structure of social health

дение граждан, вследствие чего проблемы ценностных аспектов особенно очевидны. Наследование традиций в значительной мере определяет эволюционные рамки российского социума и перспективы его развития.

Критерии оценки социального здоровья в культурной сфере: адекватное информационное отражение явлений и процессов, институциональное закрепление фундаментальных духовно-нравственных ценностей и национальных интересов, а также их распространение на систему образования, степень сформированности системы норм и ценностей, сохранение культурных ценностей, доступность услуг в сфере физкультуры, спорта и туризма и т.д.

Таким образом, с позиций системного подхода социальное здоровье социума оценивается степенью стабильностью его политической, экономической, культурной и социальной подсистем.

Государственное управление процессами формирования социального здоровья.

Поскольку социальное здоровье общества является одной из фундаментальных основ национальной безопасности, значимость которой неизмеримо возрастает в условиях permanently возникающих новых вызовов и угроз различного характера, то недопустимо пускать на самотек процессы в данной сфере. Следовательно, особого внимания требует изучение управленческих аспектов формирования социального здоровья.

В свете положений институционального подхода государство рассматривается в качестве основополагающего социального института, базовой задачей которого является организация и сохранение социума как социального субъекта. Институт управления, как и иные социальные институты, обеспечивает сохранение и развитие общества применительно к конкретно-историческим условиям. Успешное функционирование и развитие современного общества, которое характеризуется сложной организацией и стремительными трансформациями, зависит от оперативности принятия эффективных управленческих решений перед лицом постоянно возникающих новых вызовов времени. Система государственного управления в таких условиях играет исключительно важную роль, устойчивое

социально-здоровое общество создается путем целенаправленной деятельности органов государственного управления. Одной из основных задач государства как социального института является поддержание социальной стабильности, превентивное предотвращение социальной напряженности, оперативное устранение причин социальных конфликтов.

Таким образом, социальное здоровье рассматривается как объект управленческой деятельности, процесс формирования которого осуществляется в экономической, социальной, политической и культурной сферах жизни общества.

Экономическая сфера представляет собой систему отраслей, предприятий и организаций, которые непосредственно связаны между собой и определяют стандарты жизни граждан, их благосостояния и потребления. Экономика — основа социального благосостояния, производственная основа развития общества в целом. Государственная экономическая политика — это инструмент, способный предотвратить углубление социальной дифференциации, а также минимизировать влияние экономических потрясений на социальное здоровье человека и общества.

Социально-экономическое развитие общества должно быть направлено на улучшение условий и повышение качества жизни человека. Инвестиции в человеческий капитал становятся экономически выгодными проектами на национальном и региональном уровнях.

Один из базовых векторов российской государственной политики на современном этапе — возрастающая роль человеческого капитала и социального потенциала как важнейшей детерминанты экономического развития. Реализация концепции «человеческого капитала» влияет на государственный подход к молодежной политике, который напрямую связан с первоочередным инвестированием в молодежь как ресурс развития. Поскольку именно молодое поколение — основной резерв прироста человеческого капитала, то первоочередными являются цели по формированию условий для стимулирования духовного, интеллектуального профессионального потенциала молодых граждан.

Основным направлением социально-экономической стратегии является переход

от поиска финансовых ресурсов для оказания социальной помощи к активной политике по обеспечению активной жизненной стратегии граждан. Для Российской Федерации решение задачи развития человеческого потенциала предполагает минимизацию существующих негативных явлений, характеризующихся прежде всего демографическими проблемами, связанными с сокращением численности трудоспособного населения.

Важнейшая задача управления в социальной сфере — создать наилучшие условия жизни для всех граждан, а также условия для их здоровья, образования, труда и социальной справедливости. Реализация этой задачи воплощается в жизнь посредством социальной политики.

Базовыми стратегическими направлениями социальной политики на данный период являются демографическая политика и семья, образование и права человека, качество жизни и социальная справедливость, здравоохранение и здоровый образ жизни, интересы социально уязвимых слоев населения и пр.

Социально уязвимые группы связаны как с обществом в целом, так и с государством отношениями социальной ответственности. И в этом случае социальная политика, направленная на поддержание их жизненного состояния на достойном уровне, является делом не только социального «имиджа» правящей элиты или партии, но и гармонизации взаимоотношений между разными группами населения.

В качестве обобщающего мерила эффективности социальной политики выступает показатель «качество жизни», который, как указывалось выше, включает количественные и качественные параметры, отражая степень обеспеченности доступа отдельных категорий населения к материальным и культурным благам и степень общей удовлетворенности населения.

Что касается качественных параметров, в частности социального самочувствия, выраженного посредством субъективных оценок, то следует отметить, что по результатам ежегодного мониторинга социального са-

мочувствия, проведенного ВЦИОМ в июне 2023 года, отмечается рост комплексной удовлетворенности населения вектором развития общества и государства в сравнении с 2020–2022 годами, что позволило сделать вывод о высоком уровне адаптивности российского населения¹.

О данной тенденции свидетельствует также электоральное поведение и результаты выборов Президента Российской Федерации, состоявшихся в марте 2024 года, поскольку выборы как политический институт служат индикатором демократичности государственного режима и основной формой прямого выражения воли граждан. Отказ от участия в голосовании гражданами обусловлен, как правило, недоверием к итогам выборов и позитивным переменам.

Подобные результаты свидетельствуют о позитивных тенденциях в процессе решения одной из приоритетных в настоящее время проблем государственного управления — создании адекватных качественных характеристик социально-политического здоровья. Для этого необходимы в том числе политическая демократия, открытость и взаимопонимание в обществе, соблюдение законодательных и конституционных прав граждан, дальнейшее совершенствование модели управления, основанной на транспарентности органов власти. Последний момент важен в силу того, что население недостаточно хорошо осведомлено о содержании работы органов управления, поэтому порой существует неопределенность в отношении того, отвечают ли эти органы общественным интересам. В сочетании с различными издержками информации это приводит к негативным последствиям.

Изучение сущности социального здоровья в узком смысле позволяет увидеть, что данный феномен является одним из аспектов индивидуального здоровья и, наоборот, физическое, душевное и социальное благополучие отдельного индивида выступает залогом «социального здоровья» как такого состояния общества, которое обеспечивает благосостояние нации и национальную безопасность. В рамках национальной политики понимание

1 ВЦИОМ. Новости: Социальное самочувствие: мониторинг. 20.06.2023 [Электронный ресурс]// Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring-19062023>.

ценности здоровья граждан находит отражение в законодательстве, программах и проектах. На наш взгляд, определенный потенциал в данном направлении имеется у такого явления, как хелсизм.

Таким образом, фокус управленческой деятельности в рамках государственной политики должен быть направлен на социальное здоровье отдельного члена социума. В социальной сфере важнейшими задачами являются создание оптимальных условий жизни, здоровья, образования и трудовой занятости, а также для реализации личностного потенциала социальных субъектов. Именно такой подход способствует минимизации проблем, связанных с актуальными социальными и демографическими изменениями.

Заключение. В современном российском обществе проблемы социального здоровья являются следствием целого ряда обстоятельств, таких как сохранение и усиление социального неравенства, ослабление социального оптимизма в обществе, утрата культурной и гражданской идентичности, ограниченность роли государства в решении культурных проблем.

Необходимо отметить, что в реальной социальной практике обособить в чистом виде культурную, политическую, социальную либо экономическую сферу нереально. Любое экономическое, политическое или культурное решение является в одно и то же время и социальным решением, поскольку с неизбежностью влечет за собой социальные последствия. Тем не менее такая системная модель социального здоровья, на наш взгляд, представляется наиболее рациональной применительно к практике социального управления, так как взвешенное управленческое влияние на любую из указанных подсистем способно приводить к позитивным изменениям не только конкретной подсистемы, но и всей системы социального здоровья.

Если рассматривать социальное здоровье в свете системного подхода в качестве совокупности как внутренних, так и внешних факторов, то в этом случае текущий уровень социального здоровья представляется внешним фактором, а готовность граждан к деятельности, способствующей повышению его качества, — внутренним фактором. В данном

аспекте интегрированная задача управленческой деятельности — превратить общество из «вещи в себе» в «вещь для себя».

Список источников

1. Колпина Л. В., Сербай И. Н. К вопросу об определении понятия «социальное здоровье» [Электронный ресурс] // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-ponyatiya-sotsialnoe-zdorovie>.
2. Костина А. В. Россия: путь к будущему. Технологии формирования нового общества: цивилизационная идентичность. Информатизация жизни. Культурные ценности и «общество потребления». М.: Ленанд, 2019. 200 с.
3. Морев М. В. Социальное здоровье российского общества в динамике показателей демографической и криминальной статистики // Социологический журнал. 2022. Т. 28. №2. С. 26–49.
4. Сошнев А. Н. Социальное здоровье в социальных целях гражданского общества // Социальное и пенсионное право. 2013. №2. С. 22–24.
5. Цикалюк Е. В. Основные теоретические подходы к осмыслению сущности социального здоровья // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки. 2010. №4(33). С. 185–190.
6. Шилкина Е. Л., Енина В. В. Государственная семейная политика в контексте минимизации демографических проблем // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2020. №6. С. 118–126.
7. Шилкина Е. Л., Стуров П. С., Васильев К. И. Вектор современной государственной социальной политики // Управление государственное, муниципальное и корпоративное: теория и лучшие практики: материалы Шестой международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 12–13 ноября 2021 г.). Ростов н/Д: ФГБОУ ВО РГУПС, 2021. С. 146–149.
8. Шкиндрер В. И., Шкиндрер Н. Л. Понятие «социальное здоровье» и его значение для социальной теории и практики // Современные проблемы подготовки специалистов

по социальной работе и социальной педагогике: материалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 30–31 марта 2004 г.). Екатеринбург: РГППУ, 2004. С. 279–285.

9. Fromm E. The Sane Society. London: Routledge & Kegan Paul, 1956. 370 p.

10. Parsons T. The System of Modern Societies. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1971. 152 p.

References

1. Kolpina L. V., Serbaj I. N. K voprosu ob opredelenii ponjatija «social'noe zdorov'e» [On the question of defining the concept of «social health»] [Elektronnyj resurs]. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences]. 2011; (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-ponyatiya-sotsialnoe-zdorovie>. (In Russ.).

2. Kostina A. V. Rossiya: put' k budushhemu. Tehnologii formirovaniya novogo obshhestva: civilizatsionnaja identichnost'. Informatizacija zhizni. Kul'turnye cennosti i «obshhestvo potreblenija» [Russia: the path to the future. Technologies for the formation of a new society: civilizational identity. Informatization of life. Cultural values and the «consumer society»]. Moscow: Lenand, 2019. 200 p. (In Russ.).

3. Morev M. V. Social'noe zdorov'e rossijskogo obshhestva v dinamike pokazatelej demograficheskoy i kriminal'noj statistiki [Social health of Russian society in the dynamics of indicators of demographic and criminal statistics]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. 2022; 28(2): 26–49. (In Russ.).

4. Soshnev A. N. Social'noe zdorov'e v social'nyh celjah grazhdanskogo obshhestva [Social health for social purposes of civil society]. *Social'noe i pensionnoe pravo* [Social and pension law]. 2013; (2): 22–24. (In Russ.).

5. Cikaljuk E. V. Osnovnye teoreticheskie podhody k osmysleniju sushhnosti social'nogo zdorov'ja [Basic theoretical approaches to understanding the essence of social health].

Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Sociologicheskie nauki [Scientific notes of the Trans-Baikal State University. Series: Sociological Sciences]. 2010; 4(33): 185–190. (In Russ.).

6. Shilkina E. L., Enina V. V. Gosudarstvennaja semejnaja politika v kontekste minimizacii demograficheskikh problem [State family policy in the context of minimizing demographic problems]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences]. 2020; (6): 118–126. (In Russ.).

7. Shilkina E. L., Sturov P. S., Vasil'ev K. I. Vektor sovremennoj gosudarstvennoj social'noj politiki [Vector of modern state social policy]. Upravlenie gosudarstvennoe, municipal'noe i korporativnoe: teorija i luchshie praktiki: materialy Shestoj mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii (Rostov-na-Donu, 12–13 nojabrja 2021 g.) [State, municipal and corporate governance: theory and best practices: materials of the Sixth International Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, November 12–13, 2021)]. Rostov-on-Don: FGBOU VO RGUPS, 2021. Pp. 146–149. (In Russ.).

8. Shkinder V. I., Shkinder N. L. Ponjatie «social'noe zdorov'e» i ego znachenie dlja social'noj teorii i praktiki [The concept of «social health» and its significance for social theory and practice]. *Sovremennye problemy podgotovki specialistov po social'noj rabote i social'noj pedagogike: materialy 4-j Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii* (Ekaterinburg, 30–31 marta 2004 g.) [Modern problems of training specialists in social work and social pedagogy: materials of the 4th All-Russian Scientific and Practical conference (Yekaterinburg, March 30–31, 2004)]. Ekaterinburg: RGPPU, 2004. Pp. 279–285. (In Russ.).

9. Fromm E. The Sane Society. London: Routledge & Kegan Paul, 1956. 370 p.

10. Parsons T. The System of Modern Societies. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1971. 152 p.

Статья поступила в редакцию 06.03.2024; одобрена после рецензирования 24.03.2024; принята к публикации 14.04.2024.

The article was submitted on 06.03.2024; approved after reviewing on 24.03.2024; accepted for publication on 14.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шилкина Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, кафедра «Государственное и муниципальное управление», Ростовский государственный университет путей сообщения. Специалист в области исследования динамики социокультурной среды и социокультурных процессов, духовно-нравственных ценностей, этических основ государственной службы, генезиса системы государственного и муниципального управления.

Россия, Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2

Elena L. Shilkina — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair «Public and municipal administration», Rostov State Transport University. Specialist in the field of research on the dynamics of the sociocultural environment and sociocultural processes, spiritual and moral values, the ethical foundations of public service, the genesis of the system of state and municipal administration.

2 Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya sq., Rostov-on-Don, Russia

Енина Виктория Валерьевна — кандидат социологических наук, доцент, Институт сферы обслуживания и предпринимательства — филиал Донского государственного технического университета в г. Шахты. Специалист в области исследования культурных репрезентаций в социально-типических представлениях массового сознания.

Россия, г. Шахты, ул. Шевченко, 147

Victoria V. Enina — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (branch), Don State Technical University, Shakhty. Specialist in the field of research of cultural representations in socio-typical representations of mass consciousness.

147, Shevchenko str., Shakhty, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ECONOMICS AND MANAGEMENT

Научная статья

УДК 332. 316.1: 65

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-79-92

ЦИФРОВОЙ ПЕРЕХОД ЮЖНОРОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ К ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЮ: УЧЕТ АСИММЕТРИИ ОТРАСЛЕЙ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Виталий Александрович Волков

*Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
vitaliy_volkov_a@mail.ru, ORCID: 0009-0004-5561-5149*

Аннотация. *Цель исследования* — концептуальное и эмпирическое обоснование определяющей роли цифровой трансформации отраслей высоких технологий промышленного сектора регионов Юга России в формировании кратко- и долгосрочных сценариев их социально-экономического развития в рамках концептов информатизации, цифровизации и циркулярности с учетом высокой дифференциации этих территорий по экономическому, промышленному, инновационному и цифровому потенциалам.

Методологическая база исследования представляет собой конвергенцию ряда общесистемных теорий и концепций (системности, комплексности, сбалансированности, точек роста, инноватизации, цифровизации), а также импортозамещения, циркулярности, перехода к экономике предложения от экономики спроса, соответствия гипотезе взаимозавязанного и взаимосопряженного развития производственной и ресурсной экосистем региона. В процессе реализации задач и цели исследования использовался ресурсно-нормативный подход, сравнительный метод, динамический анализ.

Результаты исследования. В процессе исследования научно обосновано, что проводимая в настоящее время государственная политика структурного реформирования промышленности по модели импортозамещения с ключевой ролью высокотехнологичных отраслей определяется небывалым по масштабу запросом отечественной экономики в росте объемов производства высококонкурентной отечественной продукции, способной заместить существенно сократившийся импорт и повышать экспортный потенциал страны. Это согласуется с концепцией постепенного перехода от экономики спроса к экономике предложения. В статье обосновано, что «экономика предложения» (так современную российскую экономику характеризует Президент России В. В. Путин) детерминирует широкомасштабное развитие инновационного потенциала в отраслях высоких технологий обрабатывающих производств, а также не только освоение (внедрение), но и разработку прорывных (и подрывных) технологий, создание новых промышленных производств и отраслей, прежде всего в сферах, где имеется потенциал импортозамещения. В современной прикладной науке содержится обоснование того, что решение этих важнейших задач возможно исключительно на базе рационального распределения и использования эндогенных

ресурсов (условие резильентности экономической системы) и в соответствии с гипотезой взаимоувязанного и взаимосопряженного развития производственной и ресурсной экосистем региона (гипотеза модели замкнутого цикла). В соответствии с этим автором предложена модель механизма последовательного цифрового перехода южнороссийских регионов к импортозамещению в индустриальной сфере с учетом существующей асимметрии отраслей высоких технологий.

Перспективы исследования заключаются в верификации разработанного механизма на примере регионов Юга России, а также научном обосновании возможности его тиражирования на другие регионы страны.

Ключевые слова: южнороссийские регионы, отрасли высоких технологий, промышленный комплекс региона, импортозамещение, цифровой переход, асимметрия

Для цитирования: Волков В.А. Цифровой переход южнороссийских регионов к импортозамещению: учет асимметрии отраслей высоких технологий // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 79–92. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-79-92>.

Original article

DIGITAL TRANSITION OF SOUTH RUSSIAN REGIONS TO IMPORT SUBSTITUTION: CONSIDERATION OF ASYMMETRY OF HIGH-TECH INDUSTRIES

Vitaliy A. Volkov

*Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
vitaliy_volkov_a@mail.ru, ORCID: 0009-0004-5561-5149*

Abstract. *The purpose of the study is a conceptual and empirical justification of the determining role of the digital transformation of the high-tech industries of the industrial sector of the regions of the South of Russia in the formation of short and long-term scenarios of their socio-economic development within the framework of concepts of informatization, digitalization and circularity, taking into account the high differentiation of these territories by economic, industrial, innovative and digital potential.*

The methodological basis of the study is the convergence of a number of system-wide theories and concepts (consistency, complexity, balance, growth points, innovatization, digitalization), as well as import substitution, circularity, transition to supply economics from demand economics, compliance with the hypothesis of interrelated and interrelated development of production and resource ecosystems of the region. In the process of implementing the tasks and the purpose of the study, a resource-normative approach, a comparative method, and dynamic analysis were used.

Research results. *In the course of the study, it is scientifically justified that the current state policy of structural reform of industry according to the import substitution model with the key role of high-tech industries is determined by the unprecedented demand of the domestic economy in the growth of production of highly competitive domestic products that can replace significantly reduced imports and increase the country's export potential. This is consistent with the concept of a gradual transition from a demand economy to a supply economy. The article justifies that the*

supply economy involves a large-scale increase in productive forces in the high-tech manufacturing sector; the widespread strengthening of the infrastructure network, the development of advanced technologies, the creation of new modern industrial capacities and entire industries, including in those areas where the country has the potential of import substitution. Modern applied science contains a justification that the solution of these most important problems is possible solely on the basis of the rational distribution and use of endogenous resources (a condition for the resiliency of the economic system) and in accordance with the hypothesis of the interrelated and interrelated development of the production and resource ecosystems of the region (a closed-cycle model hypothesis). In accordance with this, the author proposed a model of the mechanism for the consistent digital transition of South Russian regions to import substitution in the industrial sphere, taking into account the existing asymmetry of high-tech industries.

The prospects for the research lie in the verification of the developed mechanism on the example of the regions of the South of Russia, as well as the scientific justification for the possibility of its replication to other regions of the country.

Keywords: South Russian regions; high-tech industries; the industrial complex of the region; import substitution; digital transition; asymmetry

For citation: Volkov V. A. Digital transition of South Russian regions to import substitution: consideration of asymmetry of high-tech industries // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 79–92. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-79-92>.

Введение. Объективные условия растущего внешнего негативного давления на Россию, разрыв традиционных цепочек поставок промышленной продукции, изменение экспортно-импортных пропорций, расширение спектра сопряженных рисков актуализируют значимость активизации использования внутренних ресурсов регионов, выявления и целеориентированной организации эндогенного потенциала территорий на решении приоритетных экономических задач, в том числе структурных преобразований в сфере высоких технологий. В своем выступлении на Пленарном заседании ПМЭФ-2023 Президент России В.В. Путин особо отметил, что «в современной ситуации государство должно ориентироваться на: 1) производство продукции высокотехнологичных отраслей, прежде всего промышленности; 2) выполнение всех социальных обязательств по удовлетворению потребностей людей»¹. Следует констатировать конец экономики потребления и переход к экономике предложения, пе-

реход на качественно новый уровень развития суверенной экономики, которая не только реагирует на рыночную конъюнктуру и учитывает спрос, а сама формирует этот спрос. «Этап восстановления российской экономики завершен. ВВП России вышел на уровень 2021 года. Страна выдержала беспрецедентное санкционное давление. По концу 2023 года возможен рост ВВП на уровне около 2%. Фиксируются превосходящие и значительные поступления от несырьевых отраслей. Теперь нужно достигнуть долгосрочного устойчивого роста национальной экономики»².

В данном контексте следует учитывать, что геополитические и геоэкономические вызовы, к которым вынуждены адаптироваться как российская экономика и ее промышленность в целом, так и их региональные подсистемы, по-новому формируют ресурсный и конкурентоспособный потенциал мобилизационной экономики [2; 7; 10; 13], видоизменяя бизнес-модели в направлении

¹ Выступление В.В. Путина на заседании Правительства 18 сентября 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/7091734038262836196>.

² Выступление В.В. Путина на Пленарном заседании ПМЭФ-2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/3405856860931376946>.

достижения баланса интересов участников всей цепи создания стоимости [1; 4; 15; 18]. К числу этих секторов со всей очевидностью относятся отрасли высоких технологий как передовые акторы цифровой экономики, которые находятся под сильным воздействием системных преобразований, связанных с Индустрией 4.0, и одновременно являются ключевым фактором развития национальной экономики и ее региональных подсистем в современных цифровых реалиях.

Результаты проведенного автором теоретического и эмпирического анализа позволили сделать обоснованный вывод о существенном воздействии цифровой трансформации российской экономики на региональные экосистемы, а также их промышленные комплексы (в том числе отрасли высоких технологий), которые проявляются также в изменении темпов и масштабов импортозамещения. Указанное влияние объясняется многоаспектностью и высоким синергизмом цифровой стратегии развития экономики и ее подсистем, которая рядом ученых «понимается в нескольких смыслах: как тип функциональной стратегии в общей системе стратегического планирования; как стратегия, в основе разработки которой лежат данные в цифровой форме, а цифровые технологии являются главным инструментом принятия решений...» [9, с. 22].

Методика. Исследование проблемы цифрового перехода южнороссийских регионов к импортозамещению с обязательным учетом исторически существующей асимметрии их социально-экономического развития, в том числе и особенно в сфере отраслей высоких технологий, по мнению автора статьи, предполагает инкорпорирование планов и проектов указанного перехода в общую логику регионального стратегирования. Это позволит более целеориентированно использовать потенциал цифровой трансформации региональной экономики и ее секторов при нейтрализации сопровождающих ее рисков, которые априори существуют, поскольку имманентно присущи всем инновационным процессам, в том числе процессу разработки цифровых стратегий развития региона. При этом следует учитывать факт особого значения региона как «посредника» между макро-

и микроуровнем, его роли транслятора принимаемых на федеральном уровне решений для предприятий (организаций), а также то, что «стратегия мезоуровня более детально раскрывает заложенные на макроуровне в качестве рамочных установки с учетом территориальной специализации и потенциала региона» [9, с. 22].

В условиях ограниченности внешних ресурсных потоков, разрыва межрегиональных и межстрановых цепочек, когда проблема достаточности ресурсообеспечения структурно-отраслевых преобразований, эффективности воспроизводственных процессов в регионе становится одной из приоритетных, требующих специального внимания, внутренний ресурсный потенциал региона, наличествующий в каждый конкретный момент времени, должен в максимальной степени быть задействованным в решении приоритетных задач, в том числе задачи ускоренного перехода регионов страны на цифровые платформы, тем более что по масштабам цифровизации Россия входит в число лидирующих стран, а вот регионы страны по этому показателю очень дифференцированы.

Поскольку, как известно, «разрушение любого государства идет не извне, вернее, не только извне, не только под влиянием внешних негативных факторов, а в существенной степени под воздействием эндогенных, внутренних факторов, нам пора переходить от понимания того, что делать (это, разумеется, тоже очень важно), к тому, как делать» [12]. Иными словами, важно выявлять, аккумулировать на приоритетных задачах и эффективно использовать внутренний ресурсный потенциал регионов, учитывая задачи мобилизационной экономики, а также одновременно необходимости постепенного достижения сбалансированности регионального развития и снижения асимметрии в сфере отраслей высоких технологий на базе цифровизации.

Таким образом, согласно теории эндогенного роста, экономический рост регионов является в первую очередь результатом эндогенных, а не внешних сил. Эти обстоятельства объясняют высокую научных востребованность посвященных этим вопросам публикациям. По материалам исследования А.Ю. Никитаевой, «согласно данным ана-

литической платформы научных результатов wizdom.ai, за последние 20 лет количество публикаций по вопросам эндогенного роста, число их цитирований, количество исследователей и география их представленности непрерывно возрастают» [9, с. 23] (рис. 1).

В контексте обозначенной важности и детерминирующей роли мезоуровня в рамках проблемы цифрового развития высокотехнологичной промышленности [16] территориальных субъектов региональный аспект, как относительно обособленный, имеет важное методологическое значение.

Следует отметить, что с позиции исследования «цифрового перехода» южнороссийских регионов следует рассматривать данный процесс не только «сверху вниз», но и «снизу вверх», «где ключевая роль принадлежит региональным субъектам, локальным инициативам, учету экономической и социальной взаимозависимости, а также устойчивому использованию природных и других ресурсов» [17, с. 209]. Следовательно, важно активизировать «способности региона создавать ус-

ловия для трансформации своих производственных структур» [14, с. 30] на цифровой платформе.

Результаты. Как показал анализ соответствующих эмпирических материалов, характеризующих промышленную сферу региональной экономики, в границах того или иного региона наиболее значимой и одновременно более остальных подверженной как положительным, так и негативным макроэкономическим тенденциям является индустриальная сфера. На рисунке 2 приведена динамика общего объема промышленного производства в России в периоды кризиса и относительной стабильности, которая наглядно показывает прямую корреляцию объемов промышленного производства с действующими негативными факторами разной природы (в частности пандемии и санкций), вызовами и внешними шоками. Активизация промышленного потенциала, как видно из графика на рисунке 2, происходит особенно сильно в условиях государственного

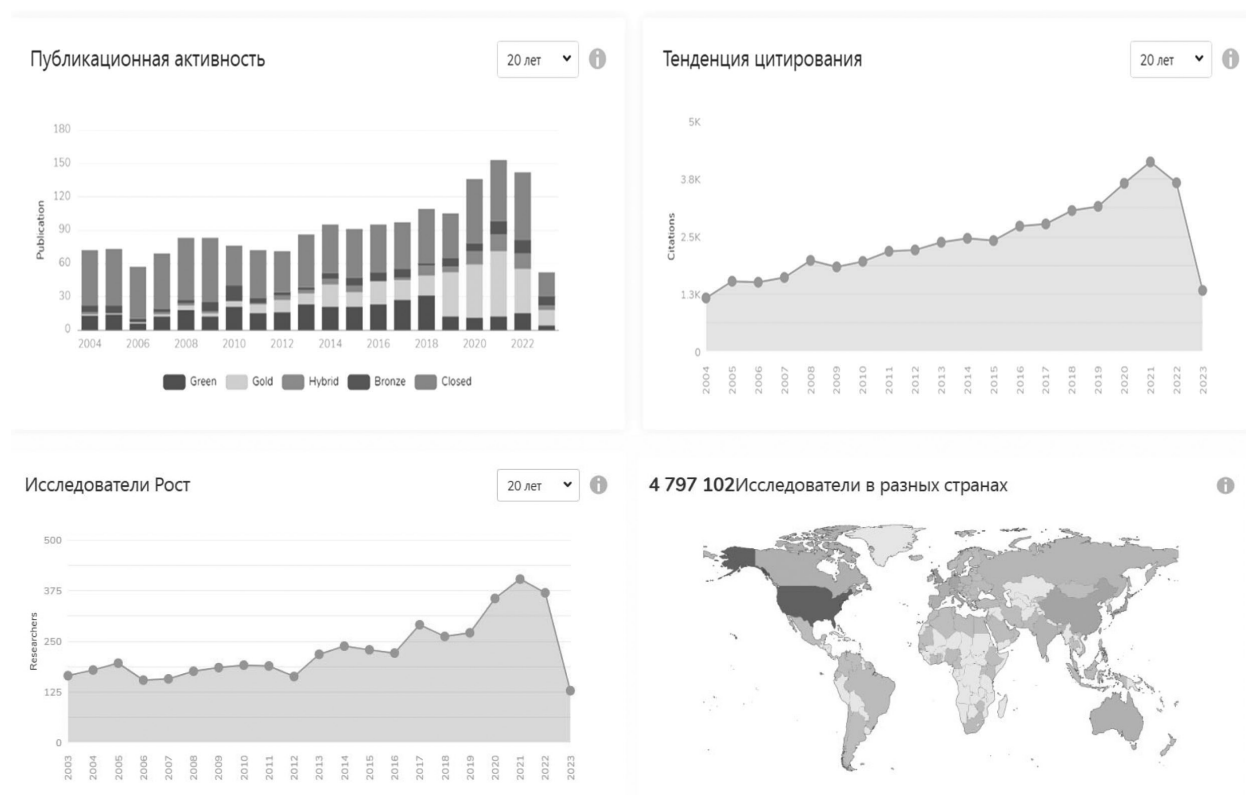

Рис. 1. Динамика числа публикаций, цитирований и исследователей в тематической области теории эндогенного роста [9]

Fig. 1. Dynamics of the number of publications, citations and researchers in the thematic area of the theory of endogenous growth [9]

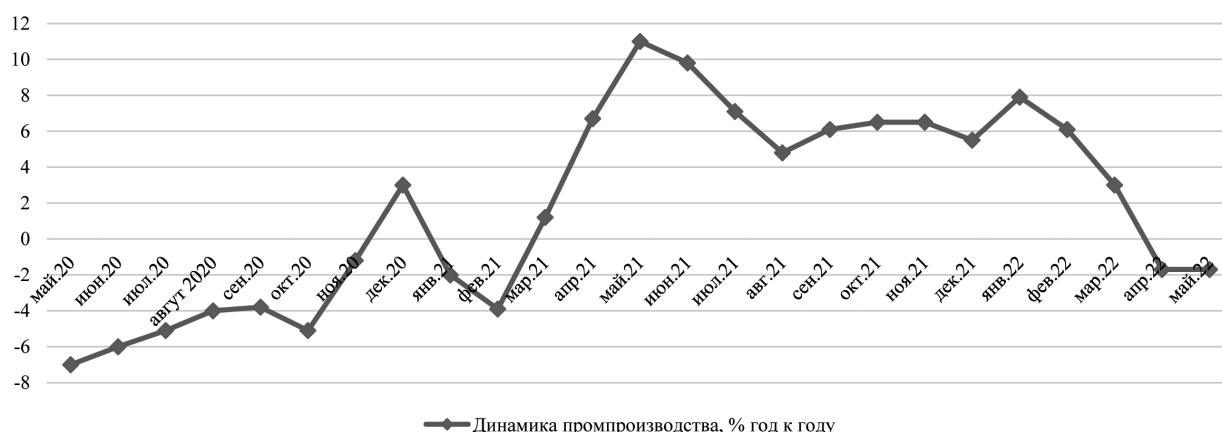

Рис. 2. Динамика объема промпроизводства в России (период: май 2020 г. — май 2022 г.)³
Fig. 2. Dynamics of industrial production in Russia (period: May 2020 — May 2022)

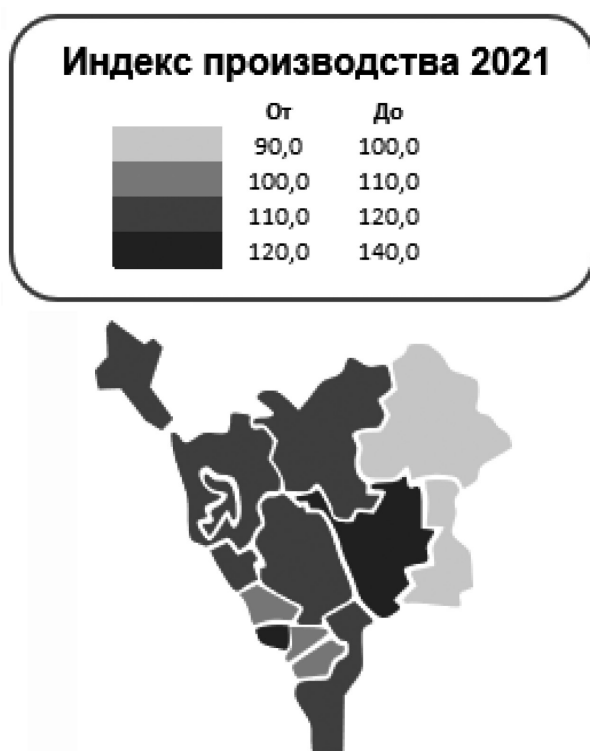

Рис. 3. Климатическая карта индекса промышленного производства за 2021 год по южнороссийским регионам
Fig. 3. Climate map of the industrial production index for 2021 in the southern Russian regions

императива формирования мобилизационной экономики и выверенного механизма государственной политики в данной сфере (март-июнь 2021 года, хотя затем этот темп несколько снизился к середине 2022 года, что потребовало выработки новых адаптационных мер), направленных на наращивание потенциала цифровизации в регионах страны, а в их составе — в промышленных (в том числе высокотехнологичных) звеньях.

Определенный исследовательский интерес представляет сравнительный с общероссийским анализ региональной экономической и промышленной политики, проводимой в регионах Юга России в представленные на рисунке 2 временные периоды. Как можно увидеть на рисунке 3, большая часть южнороссийских регионов смогла оправиться от последствий пандемии коронавируса и демонстрирует в послепандемный период увеличение объемов производства, только Волгоградская и Астраханская области демонстрируют незначительное снижение производства, а в республиках Калмыкия и Северная Осетия наблюдается увеличение производства более чем на 30 процентов.

Большой интерес имеет также межрегиональный анализ предполагаемого выполнения плановых экономических показателей регионов Юга России в сравнении 2022 года и прогнозного 2030 года (таблица 1).

³ Макропоказатели. Макрообзор — данные за июнь 2022, 2022 [Электронный ресурс] // Управляющая компания Арсагера. Блогофорум. Фундаментальная аналитика. URL: https://bf.arsagera.ru/makropokazateli/makroobzor_dannye_zh_iyun_2022.

Таблица 1
Table 1

**Выполнение плановых экономических показателей южнороссийских регионов
в сравнении 2022 и 2030 годов**
**Implementation of planned economic indicators of the Southern Russian regions
in comparison with 2022 and 2030**

Регион	Индикатор	Превышение (+) и невыполнение (-) плана
Ростовская область	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» (млрд рублей)	–40,0%
Краснодарский край	Темп роста ВДС в сопоставимых ценах (среднегодовой за период) по промышленности	11,10%
Волгоградская область	Индекс физического объема промышленного производства по средним и крупным предприятиям к предыдущему году, %	0,50%
Калмыкия	Производство пищевых продуктов. Темп роста ВДС в сопоставимых ценах (среднегодовой за период), %	1,90%
Крым	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг в обрабатывающей промышленности (за исключением пищевой промышленности), млрд рублей (в сопоставимых ценах относительно 2015 года)	–51,7%
	Степень износа основных фондов обрабатывающих производств, %	55,60%
Республика Ингушетия	Индекс промышленного производства	5,00%
Карачаево-Черкесская Республика	Индекс промышленного производства	–1,3%
	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг	–63,8%
Республика Дагестан	Индекс промышленного производства, в % к 2020 году	-53,40%
Республика Северная Осетия	Рост ВДС в промышленном производстве к 2016, раз	–41,4%
Чеченская республика	Объем обрабатывающего производства, млрд	–68,0%
Ставропольский край	Индекс промышленного производства	–2,6%

В соответствии с данными таблицы 1 по состоянию на конец 2022 года более 50% анализируемых регионов не достигнут плановых показателей 2030 года, при этом шесть регионов отстают на 40 и более процентов.

Поскольку главной идеей данной статьи является оценка перспектив цифрового перехода регионов страны, в том числе южно-российских, представляется целесообразным проведение аналогичного анализа с использованием показателей цифровизации этих региональных субъектов, а также с учетом применения на промышленных предприятиях и объединениях моделей экономики замкнутого цикла, которые в реальной практике доказали свой потенциал импортозамещения,

экологичности и рационального использования ресурсов (таблица 2).

Учитывая отмеченную асимметрию регионов (особенно южнороссийских) практически по всем показателям, в том числе характеризующим процессы цифровизации, что видно из таблицы 2, автором проведена их кластеризация по уровню цифровизации. Ее результаты (ввиду их объемности, так как охватывают все регионы России, не приводятся в статье) представляют методологический интерес с точки зрения последующего анализа структурно-отраслевой дифференциации южнороссийских регионов по потенциалу технологичности. В частности результаты кластеризации позволяют выявить соответствующие «цифровые» позиции ре-

Таблица 2
 Table 2

Выполнение плановых показателей южнороссийских регионов, связанных с циркулярной экономикой, в сравнении 2022 и 2030 годов
Implementation of the planned indicators of the South Russian regions related to the circular economy in comparison with 2022 and 2030

Регион	Индикатор	Превышение (+) и невыполнение (–) плана
Ростовская область	Качество окружающей среды (процентов)	53%
Краснодарский край	Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу (на 1 жителя), кг	86%
	Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты (на 1 жителя), куб. метров	28%
Волгоградская область	Доля уловленных и обезвреженных загрязняющих веществ в общем количестве загрязняющих веществ, выбрасываемых стационарными источниками в атмосферный воздух, %	–59%
Калмыкия	Расходы на охрану окружающей среды, млн руб.	16%
Ингушетия	Качество окружающей среды (процентов)	91%
Дагестан	Качество окружающей среды, в %	–54%
Карачаево-Черкесская Республика	Затраты на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов за счет всех источников финансирования	146%
Ставропольский край	Объем выбросов в атмосферу от стационарных источников, тыс. тонн год	225%

гионов и точнее оценить их «цифровой переход» в сравнительном контексте с учетом того факта, что, как показывает официальная статистика, ни один южнороссийский регион не вошел в число лидеров по цифровизации в соответствии с национальным рейтингом 2022 года.

Поскольку объективным фактором масштабирования этого процесса являются инвестиции, цифровизация региона рассматривается автором как три проходящих параллельно процесса цифровизации, где инвестиции стоят на первом месте: инвестиции в цифровизацию, цифровизация населения и цифровизация промышленных предприятий и организаций других сфер деятельности (рисунок 4).

Проведенный автором кластерный анализ позволил убедиться в отставании большей части регионов России в цифровом развитии, что свидетельствует о необходимости разработки эффективной государственной стратегии по повышению уровня их цифровизации. Важнейшим инструментом государственного управления в сфере цифровизации являются национальные проекты, в том числе проект «Цифровая экономика», определяющий цифровое будущее России и ее регионов по ряду направлений (проект «Цифровые технологии»). В соответствии с государственными программами развития промышленности

на период до 2020 года⁴ также важным фактором достижения намеченных показателей определена масштабная и интенсивная цифровизация данной сферы.

В таблице 3 на примере одного из южнороссийских регионов — Ростовской области — приведены результаты сравнительного анализа целевых индикаторов развития промышленности и конкретно обрабатывающих отраслей на платформе цифровизации в РФ и данном регионе.

Данные таблицы 3 наглядно демонстрируют тенденцию ежегодного наращивания объемов производства в обрабатывающих отраслях (примерно на 4–4,5% в год, а за период с 2021 по 2030 годы прогнозируется увеличение примерно на 43%), особенно в их высокотехнологичном секторе, что подтверждается положительной динамикой экспорта импортозамещающей конкурентоспособной промышленной продукции этих отраслей.

Одним из важных детерминант и факторов указанного роста является, во-первых, государственная политика в данной сфере, во-вторых, существенный рост инвестиций в обрабатывающую промышленность. Следует отметить также рост с начала реализации проекта «Цифровые технологии» (доля предприятий Ростовской области, использующих цифровые технологии, приведена на рисунке 5)

Рис. 4. Примерная структурно-логическая схема процесса цифровизации региона
Fig. 4. An approximate structural and logical scheme of the digitalization process of the region

⁴ Постановление Правительства РФ от 15.04.14 №328 «Об утверждении государственной программы РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности; Постановление Правительства Ростовской области от 29.11.2018 №760 «Об утверждении государственной программы Ростовской области «Энергоэффективность и развитие промышленности и энергетики».

Таблица 3
 Table 3

**Целевые показатели промышленной динамики в Российской Федерации
 и Ростовской области в рамках государственных программ [6]
 Target indicators of industrial dynamics in the Russian Federation
 and the Rostov region within the framework of state programs [6]**

Наименование показателя	2021	2022	2023	2024	2025	2030	2030 к 2021
Показатели (индикаторы) государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»							
Индекс производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства», % к предыдущему году	101,2	102,5	104,6	104,5	104,5	103,6	142,9
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства», % к предыдущему году	104	106,2	106,3	106,4	106	105,2	164,1
Объем экспорта несырьевых неэнергетических промышленных товаров, млрд долл. США	126,1	130,7	136,2	146	152	205	в 1,6 раза
Соотношение инвестиций в основной капитал и валовой добавленной стоимости обрабатывающих производств, %	21	23	25	25	25	26	рост на 4 п.п.
Соотношение импорта продукции и валовой добавленной стоимости обрабатывающих производств, %	46,5	46	45,5	45	45	42,5	снижение на 4 п.п.
Основные показатели государственной программы Ростовской области «Темы развития промышленности Ростовской области и ее обрабатывающих производств»							
Индекс промышленного производства Ростовской области, % к предыдущему году	103,1	104,4	104,7	105,5	105,5	108,3	169,6
Индекс производства Ростовской области по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства», % к предыдущему году	103	104,4	104,7	105	105,6	105	153,5
Темп роста объема инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства», % к предыдущему году	103,6	104	104,5	104,7	105	106	156,4
Объем экспорта конкурентоспособной промышленной продукции	3,335	3,502	3,677	3,861	3,899	4,098	в 1,23 раза

объема продукции, производимой предприятиями отраслей высоких технологий в анализируемом регионе (рисунок 6). Так, 8,9% объема промышленного производства в Ростовской области относится к высокотехнологичным отраслям, тогда как в среднем по Российской Федерации данный показатель составляет 5,0%.

За период 2022–2030 годов обрабатывающая промышленность в Ростовской области увеличится более чем в 1,5 раза (на 53,5%). Объем инвестиций, привлеченных в обработку, вырастет несколько выше (за весь рассматриваемый период) — на 56,4%. Предполагается также расширение экспорта кон-

курентоспособной промышленной продукции — более чем на 20% [6].

Заключение. Основные результаты проведенного исследования можно дифференцировать в две относительно самостоятельные группы: теоретико-методические и практико-прикладные. К первым относятся выводы и рекомендации, касающиеся основных аспектов формирования мобилизационной экономики, в том числе определение ее ключевых акторов, векторов изменения государственных императивов в экспортно-импортной сфере, в секторе высоких технологий,

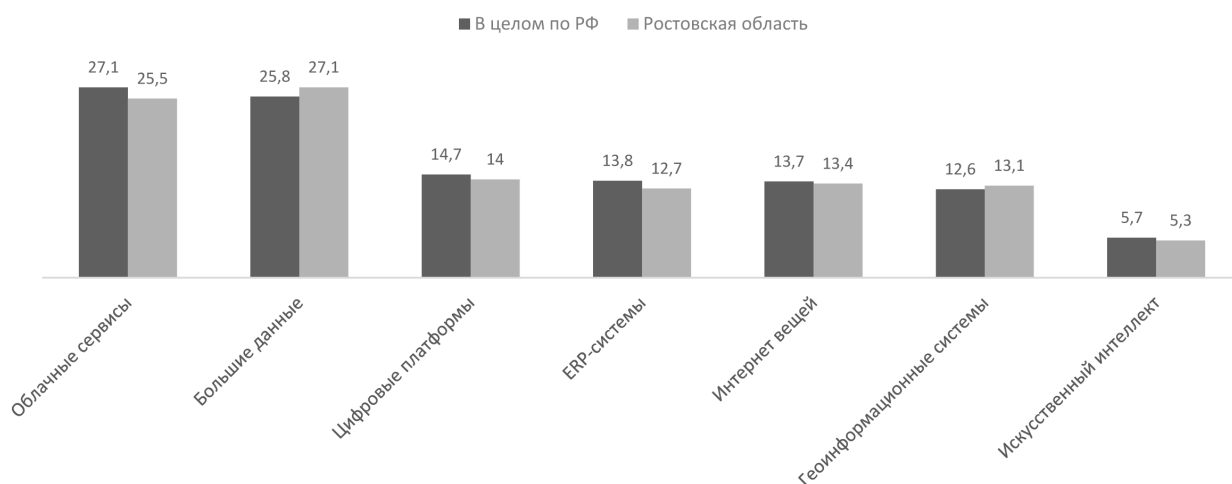

Рис. 5. Доля предприятий и организаций в РФ и Ростовской области, использующих цифровые технологии, % [3]

Fig. 5. The share of enterprises and organizations in the Russian Federation and the Rostov region using digital technologies, % [3]

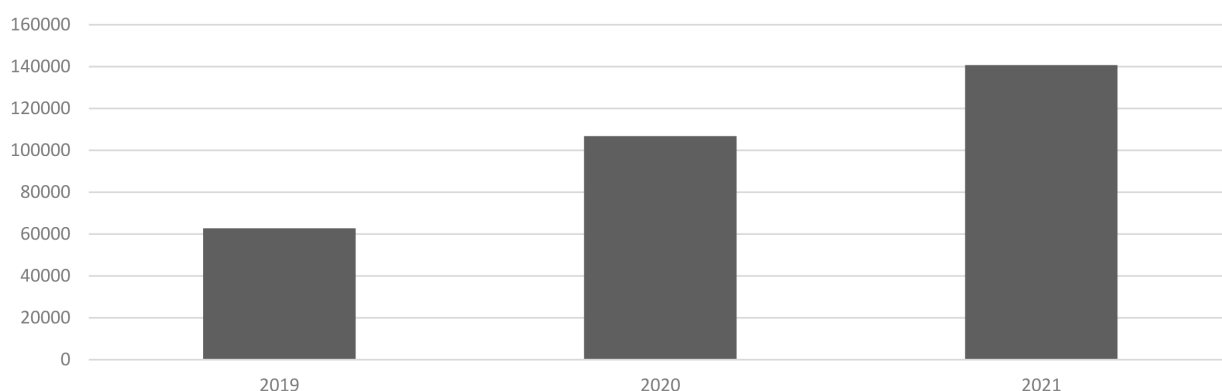

Рис. 6. Динамика объемов производства продукции предприятиями сферы высоких технологий в Ростовской области в 2018–2021 гг. [11]

Fig. 6. Dynamics of production volumes by high-tech enterprises in the Rostov region in 2018–2021 [11]

политике импортозамещения, цифровизации и другие. Они в совокупности позволяют разработать новую концепцию устойчивого развития мезоэкономики и сбалансированного цифрового перехода регионов с действенным территориально-отраслевым механизмом активации и эффективного использования эндогенного потенциала и обязательным учетом специфики и высокой асимметрии их развития. Результаты второй группы, подтверждаемые примером Ростовской области, наглядно демонстрируют эффективность реализации региональной стратегии цифровизации в аспекте повышения доли высокотехнологичных производств в динамике ВРП; при этом делается акцент на важности выработки мер, направленных на нивелирование цифрового разрыва между регионами в географическом пространстве макрорегиона.

Список источников

1. Ван Ю. Факторы и инструменты развития высокотехнологичной промышленности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. №2. С. 16–26.
2. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Мобилизационная экономика в России: вчера, сегодня и... // Экономическая теория. Анализ. Практика. 2022. №3. С. 7–27.
3. Индикаторы цифровой экономики. 2022. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 332 с.
4. Каплюк Е.В., Руднева К.С., Долгова О.И. Агент-ориентированная модель управления промышленными объединениями в архитектуре индустриального развития Юга России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. №5. С. 121–135. DOI: dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-121-135.
5. Каплюк Е.В., Руднева К.С., Низов Н.В. Критерии, принципы и направления трансформации бизнес-моделей управления промышленными объединениями // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. №47(3). С. 113–117.
6. Косолапова Н.А., Папушенко М.В., Пономарева М.А. Направляющая роль промышленности в разработке сценариев социально-экономического развития региона: информационно-мониторинговая поддержка // Journal of Economic Regulation. 2023. №14(2). С. 18–32.
7. Мартыненко Т.В. Мобилизационная экономика: актуальна ли она для современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. РАН-ХиГС. 2021. №1. С. 151–155.
8. Михалкина Д.А. Концептуализация цифровых стратегий развития человеческих ресурсов: региональный аспект / Д.А. Михалкина, А.Ю. Никитаева // Региональная экономика. Юг России. 2023. Т. 11. №2. С. 82–95. DOI: 10.15688/re.volsu.2023.2.8.
9. Никитаева А.Ю. Циркулярные экосистемы в концептуальных рамках эндогенного промышленного развития // Цифровая экосистема экономики: сборник статей по итогам X-й международной научно-практической онлайн-конференции. Южный федеральный университет. Ростов н/Д; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2023. С. 21–23.
10. Османова Г.Г., Аскеров Н.С. Государственное регулирование экономики в посткризисных условиях // Экономика и предпринимательство. 2021. №5(130). С. 284–287.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. Статистический сборник. М.: Росстат, 2022. 1122 с.
12. Тойнби А.Д. Часть четвертая «Постижение истории» [Электронный ресурс] // Электронная библиотека ЛитРес. URL: litres.ru/chitat...tojnbi-arnoljd-dzhozef...istorii/5.
13. Харченко И.С., Харченко Л.И. Иванов В.Е., Иванова Д.Е. Мобилизационная экономика: история и современность // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки РАНХиГС. 2021. №3. С. 146–153.
14. Maria da Conceição Rego, Maria Raquel Lucas, Carlos Vieira, Isabel Vieira. Entrepreneurial Ecosystems in Low-Density Regions: Business Incubation Practices in Alentejo // Handbook of Research on Entrepreneurial Ecosystems and Social Dynamics in a Globalized World. IGI Global. 2018. DOI: 10.4018/978-1-5225-3525-6.ch003.
15. Matveeva L.G., Chernova O.A., Kaplyuk E.V. Software-modular approach to coordination of interests of regional participants (using the example of southern regions of Russia) // R-economy. 2021. Vol. 7. №2. Pp. 100–110.

16. Slobodan C., Milorad F., Miroljub N., Duško B. Endogenous growth theory and regional development policy // *Spatium*. 2015. Issue 34. Pp. 10–17. DOI: <https://doi.org/10.2298/SPAT1534010C>.

17. Tödtling F. Regional Development. Endogenous / Editor (s): Rob Kitchin, Nigel Thrift // *International Encyclopedia of Human Geography*. Elsevier, 2009. Pp. 208–213. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-008044910-4.00837-3>.

18. Zarubin V.I., Kuizheva S.K., Matveeva L.G., Ovsyannikova T.A., Kaplina A.V. Paradigma de negocio circular en soluciones innovadoras de ecosistemas industriales de regiones // *Nexo Revista*. 2022. Vol. 35. №01. Pp. 199–211.

References

1. Van Ju. Faktory i instrumenty razvitija vysokotekhnologichnoj promyshlennosti [Factors and tools for the development of high-tech industry]. *Vestnik Altajskoj akademii jekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]. 2023; (2): 16–26. (In Russ.).

2. Ivanov O.B., Buhval'd E.M. Mobilizacionnaja jekonomika v Rossii: vchera, segodnja i... [Mobilization economy in Russia: yesterday, today and...]. *Jekonomicheskaja teorija. Analiz. Praktika* [Economic theory. Analysis. Practice]. 2022; (3): 7–27. (In Russ.).

3. Indikatory cifrovoj jekonomiki. 2022. Statisticheskij sbornik [Indicators of the digital economy. 2022. Statistical collection]. Moscow: NIU VShJe, 2023. 332 p. (In Russ.).

4. Kapljuk E.V., Rudneva K.S., Dolgova O.I. Agent-orientirovannaja model' upravlenija promyshlennymi ob'edinenijami v arhitekture industrial'nogo razvitija Juga Rossii [Agent-oriented management model of industrial associations in the architecture of industrial development in the South of Russia]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic sciences]. 2023; 16(5): 121–135. DOI: [dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-121-135](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-121-135). (In Russ.).

5. Kapljuk E.V., Rudneva K.S., Nizov N.V. Kriterii, principy i napravlenija transformacii biznes-modelej upravlenija promyshlennymi ob'edinenijami [Criteria, principles and direc-

tions of transformation of business models of management of industrial associations]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovanija* [Natural sciences and humanities research]. 2023; 47(3): 113–117. (In Russ.).

6. Kosolapova N.A., Papushenko M.V., Ponomareva M.A. Napravljajushhaja rol' promyshlennosti v razrabotke scenarijev social'no-jekonomicheskogo razvitija regiona: informacionno-monitoringovaja podderzhka [The guiding role of industry in the development of scenarios for the socio-economic development of the region: information and monitoring support]. *Journal of Economic Regulation*. 2023; 14(2): 18–32. (In Russ.).

7. Martynenko T.V. Mobilizacionnaja jekonomika: aktual'na li ona dlja sovremennoj Rossii [Mobilization economy: is it relevant for modern Russia]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. RANHiGS* [State and municipal management. Scientific notes. RANEPa]. 2021; (1): 151–155. (In Russ.).

8. Mihalkina D.A. Konceptualizacija cifrovych strategij razvitija chelovecheskih resursov: regional'nyj aspekt [Conceptualization of digital strategies for human resource development: a regional aspect]. D.A. Mihalkina, A. Ju. Nikitaeva. *Regional'naja jekonomika. Jug Rossii* [Regional economy. The South of Russia]. 2023; 11 (2): 82–95. DOI: 10.15688/re.volsu.2023.2.8. (In Russ.).

9. Nikitaeva A. Ju. Cirkuljarnye jekosistemy v konceptual'nyh ramkah jendogenogo promyshlennogo razvitija [Circular ecosystems in the conceptual framework of endogenous industrial development]. Cifrovaja jekosistema jekonomiki: sbornik statej po itogam X-j mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj onlajn-konferencii. Juzhnyj federal'nyj universitet [Digital ecosystem of economics: a collection of articles based on the results of the X-th international scientific and practical online conference. Southern Federal University]. Rostov-on-Don; Taganrog: Izdatel'stvo Juzhnogo federal'nogo universiteta, 2023. Pp. 21–23. (In Russ.).

10. Osmanova G.G., Askerov N.S. Gosudarstvennoe regulirovanie jekonomiki v postkrisisnyh uslovijah [State regulation of the economy in post-crisis conditions]. *Jekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and entrepreneurship]. 2021; 5(130): 284–287. (In Russ.).

11. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2022. Statisticheskij sbornik

[Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2022. Statistical collection]. Moscow: Rosstat, 2022. 1122 p. (In Russ.).

12. Tojnbi A. Dzh. Chast' chetvertaja «Pos-tizhenie istorii» [Part four «Comprehension of history»] [Jelektronnyj resurs]. Jelektronnaja biblioteka LitRes [The electronic library of LitRes]. URL: litresp.ru/chitat...tojnbi-arnoljd-dzhhozef...istorii/5. (In Russ.).

13. Harchenko I.S., Harchenko L.I. Ivanov V.E., Ivanova D.E. Mobilizacionnaja jekonomika: istorija i sovremennost' [Mobilization economics: history and modernity]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski RANHiGS [State and municipal management. Scientific notes of the RANEPa]*. 2021; (3): 146–153. (In Russ.).

14. Mariada Conceição Rego, Maria Raquel Lucas, Carlos Vieira, Isabel Vieira. Entrepreneurial Ecosystems in Low-Density Regions: Business Incubation Practices in Alentejo. *Handbook of Research on Entrepreneurial Ecosystems*

and Social Dynamics in a Globalized World. IGI Global. 2018. DOI: 10.4018/978-1-5225-3525-6.ch003.

15. Matveeva L.G., Chernova O.A., Kaplyuk E.V. Software-modular approach to coordination of interests of regional participants (using the example of southern regions of Russia). *R-economy*. 2021; 7(2): 100–110.

16. Slobodan C., Milorad F., Miroljub N., Duško B. Endogenous growth theory and regional development policy. *Spatium*. 2015; (34): 10–17. DOI: <https://doi.org/10.2298/SPAT1534010C>.

17. Tödtling F. Regional Development. Endogenous. Editor (s): Rob Kitchin, Nigel Thrift. *International Encyclopedia of Human Geography*. Elsevier, 2009. Pp. 208–213. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-008044910-4.00837-3>.

18. Zarubin V.I., Kuizheva S.K., Matveeva L.G., Ovsyannikova T.A., Kaplina A.V. Paradigma de negocio circular en soluciones innovadoras de ecosistemas industriales de regiones. *Nexo Revista*. 2022; 35(01): 199–211.

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 28.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted on 10.01.2024; approved after reviewing on 28.01.2024; accepted for publication on 12.02.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волков Виталий Александрович — аспирант, Донской государственной технической университет.
Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

Vitaliy A. Volkov — Postgraduate Student, Don State Technical University.
1 Gagarina sq., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 332.12

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-93-105

ОЦЕНКА ВКЛЮЧЕННОСТИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Галина Петровна Довлатова^{1✉}, Виктория Владимировна Каращенко²

^{1, 2}Шахтинский автодорожный институт (филиал),
Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Шахты, Россия

¹dovlatyan79@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-5590-2314,
AuthorID РИНЦ: 57216611127, SPIN-код: 9391-1483

²v.v.karaschenko@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2607-5372,
AuthorID РИНЦ: 57213310632, SPIN-код: 9538-7627

Аннотация. Целью исследования является проведение оценки включенности субъектов малого и среднего предпринимательства в стратегическое развитие Южного федерального округа в условиях развития информационных технологий и применения искусственного интеллекта.

Методологическую базу исследования представляют исторический, сравнительный, табличный, причинно-следственный и статистический анализ.

Результаты исследования. Малое и среднее предпринимательство становится важной сферой в экономическом развитии регионов и страны, большие перспективы возлагаются на МСП при стратегическом развитии. При этом отсутствует комплексная оценка включенности МСП в стратегическое развитие регионов. Предложена авторская оценка включенности по шести показателям, по показателю «доля МСП в валовой региональный продукт ЮФО» можно оценить процентный уровень включенности, по показателю «число субъектов МСП, производящих информационные технологии» можно судить о инновационности деятельности данных субъектов. Рекомендовано исключить выявленные информационные пробелы: самозанятые граждане в реестре и статистике не учитываются, в среднесписочной численности работников не учитываются ИП, не привлекавшие работников. Прогнозируется повышение уровня включенности МСП в стратегическое развитие региона на 20% при увеличении государственной и банковской поддержки, «зонтичных поручительств».

Перспективы исследования заключаются в развитии условий для повышения включенности малого и среднего предпринимательства в стратегическое развитие Южного федерального округа. На основе оценки включенности показателей малого и среднего предпринимательства были получены обобщенные выводы, которые могут быть использованы при корректировке программ и стратегий развития.

Ключевые слова: оценка, малое и среднее предпринимательство, стратегическое развитие, стратегические показатели, Южный федеральный округ, региональный аспект, информационные технологии

Для цитирования: Довлатова Г.П., Каращенко В.В. Оценка включенности малого и среднего предпринимательства в стратегическое развитие Южного федерального округа //

Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 93–105. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-93-105>.

Original article

ASSESSMENT OF THE INCLUSION OF SMALL AND MEDIUM ENTERPRISE IN THE STRATEGIC DEVELOPMENT OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT

Galina P. Dovlatova^{1✉}, Victoria V. Karashchenko²

^{1,2}*Shakhty Road Institute (branch),
Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Shakhty, Russia
¹dovlatyan79@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-5590-2314,
AuthorID RSCI: 57216611127, SPIN-code: 9391-1483
²v.v.karaschenko@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2607-5372,
AuthorID RSCI: 57213310632, SPIN-code: 9538-7627*

Abstract. *The purpose of the study is to assess the involvement of small and medium-sized businesses in the strategic development of the Southern Federal District in the context of the development of information technology and the use of artificial intelligence.*

The methodological basis of the study is represented by historical, comparative, tabular, cause-and-effect and statistical analysis.

Research results. *Small and medium-sized businesses are becoming an important area in the economic development of regions and the country; great prospects are assigned to SMEs with strategic development. At the same time, there is no comprehensive assessment of the inclusion of SMEs in the strategic development of regions. The author's assessment of inclusion is proposed based on six indicators; by the indicator «share of SMEs in the gross regional product of the Southern Federal District» one can estimate the percentage level of inclusion; by the indicator «the number of SMEs producing information technologies» one can judge the innovativeness of the activities of these entities. It is recommended to eliminate the identified information gaps: self-employed citizens are not taken into account in the register and statistics, and individual entrepreneurs who do not employ workers are not taken into account in the average number of employees. It is predicted that the level of involvement of SMEs in the strategic development of the region will increase by 20% with an increase in state and bank support and «umbrella guarantees».*

The prospects for the study *are to develop conditions for increasing the inclusion of small and medium-sized businesses in the strategic development of the Southern Federal District. Based on the assessment of the inclusion of indicators of small and medium-sized businesses, generalized conclusions were obtained that can be used when adjusting programs and development strategies.*

Keywords: *assessment, small and medium-sized businesses, strategic development, strategic indicators, Southern Federal District, regional aspect, information technology*

For citation: *Dovlatova G. P., Karashchenko V. V. Assessment of the inclusion of small and medium enterprise in the strategic development of the Southern Federal District // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 93–105. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-93-105>.*

Введение. В развитых экономиках основную часть валового внутреннего продукта приносят предприятия малого и среднего предпринимательства (далее — МСП). Система оценки включенности (в некоторых научных работах [2] — вовлеченности) МСП в стратегическое развитие регионов недостаточно структурирована. В данной работе система оценки включенности состоит из шести показателей на примере малых и средних предприятий Южного федерального округа (далее — ЮФО), в том числе выделяется показатель анализа и оценки деятельности субъектов МСП, производящих информационные технологии с линейкой искусственного интеллекта. Такая позиция авторов позволит более полно оценить включенность МСП с учётом современных тенденций.

Методологическую базу исследования представляют основные положения проведения оценки включенности малого и среднего предпринимательства стратегического развития регионов. К используемым научным методам относятся исторический, сравнительный, табличный, причинно-следственный и статистический анализ.

Результаты. Российские учёные-экономисты И. В. Митрофанова, Т. Б. Иванова делают вывод о том, что существующие в России информационные базы не позволяют достаточно полно оценить включенность малого и среднего бизнеса в реализацию основных стратегических императивов [5].

Следующая группа авторов — А. Ю. Карпунин, Е. В. Карпунина — при анализе регионального аспекта развития малого и среднего предпринимательства в России приходят к выводу, что развитие предпринимательской деятельности в регионах должно являться приоритетным направлением государственной политики, а вовлеченность экономически активного населения и самозанятых граждан в предпринимательство будет этому способствовать [3]. Также И. В. Краковецкая, Е. С. Воробьева, И. В. Ватикова, М. Э. Черняк, И. В. Макаров подчеркивают необходимость

расширения мер государственной поддержки, особенно в условиях кризиса [4]. Именно эти меры в период пандемии позволили сохранить количество наиболее уязвимых категорий хозяйствующих субъектов [8; 9].

Согласно исследованию авторов, в выявленные региональные точки экономического роста и инновационного развития Ростовской области [1] необходимо привлекать логистические цепочки и производственные возможности малого и среднего бизнеса.

В. М. Русинов и А. А. Эмирбекова доказывают и проецируют использование инструментов высокотехнологичных отраслей для развития малого бизнеса в РФ, рассматривают перспективы высокотехнологичных отраслей и искусственного интеллекта в малом бизнесе [7].

Мы не разделяем вывода о том, что технологии интернета вещей полезны только крупному бизнесу из-за высокой стоимости. Такие элементы, как маркировка, умные камеры и smart-гаджеты могут быть полезны и для малого, и среднего бизнеса. Расширение понимания производственных факторов интернета вещей происходит и в странах юго-восточной Азии, доказательством этого является исследование авторов Р. А. Шукор, М. В. Киан, М. Н. Ахмад [10].

Зарубежный опыт показал [6], что существует два направления государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в разных странах:

1) повышение конкурентоспособности предпринимателей, массовое вовлечение всех слоев населения;

2) снижение налоговой нагрузки.

По данным РБК Тренды¹, по первому сложносочиненному направлению работают следующие страны: Новая Зеландия, Сингапур, Гонконг, Япония, Южная Корея. По второму направлению работают следующие страны: Индия, Армения, Таджикистан, Грузия, Казахстан. Государственная поддержка МСП России работает одновременно по двум направлениям: снижение налогов и повышение конкурентоспособности с элементами автоматизации и цифровизации.

¹ Как поддерживают малый бизнес в разных странах и в России [Электронный ресурс] // РБК тренды. URL: <https://trends-rbc-ru.turbopages.org/trends.rbc.ru/s/trends/innovation/642421919a7947da946ee874> (дата обращения: 26.02.2024).

Обсуждение. Впервые термин «малые предприятия» официально появился с началом рыночных реформ в Постановлении Совета Министров СССР от 8 августа 1990 года №790 «О мерах по созданию и развитию малых предприятий», а затем в Постановлении Совета Министров РСФСР от 18 июля 1991 года №406 «О мерах по поддержке и развитию малых предприятий в РСФСР».

Деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства в России регулируется принятым 24 июля 2007 года Федеральным законом №209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», в котором указаны критерии отнесения предприятия к малому предпринимательству².

В Ростовской области действуют региональные документы в виде Плана мероприятий по реализации на территории Ростовской области, Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации до 2030 года, целевых индикаторов³.

Согласно п. 1 ст. 3 вышеуказанного закона субъекты малого и среднего предпринимательства (МСП) — это хозяйствующие субъекты (юридические лица и индивидуальные предприниматели), отнесенные в соответствии с условиями, установленными Законом №209-ФЗ, к малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям, и средним предприятиям. Ежегодно критерии, по которым субъект можно отнести к МСП, меняются от экономических условий. Актуализация изменений в критериях подтверждает мобильность и конкурентоспособность системы малого и среднего предпринимательства.

Необходимо отметить, что в 2024 году законодательством установлено три критерия, по которым предприятие или индивидуальные предприниматели отнесут к МСП:

— среднесписочная численность сотрудников в зависимости от отрасли (от 15 до 1500 человек);

— размер дохода (финансовый критерий). Доход по данным налогового учета не более: 120 млн руб. — микро; 800 млн руб. — малые; 2 млрд руб. — среднее предприятие;

— ограничения по долям участия («критерий независимости») ⁴.

Таким образом, основные отличия в статусе малого, среднего или микропредприятия — в масштабе (выручка и численность штата).

Общая стратегия развития МСП отражена в национальном проекте «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Согласно ныне действующей редакции паспорта проекта, в него входят четыре федеральных проекта: поддержка самозанятых, предакселерация, акселерация субъектов МСП, цифровая платформа МСП⁵. На стадии акселерации запланирована поддержка лизинговых отношений, экспорта, инноваций. На других стадиях поддерживаются все виды деятельности МСП.

Согласно законодательству Европейской комиссии, существует термин «малое и среднее предпринимательство».

В таблице 1 приводятся категории компании согласно критериям: численность персонала выручка (оборот) или валюта баланса⁶.

Включенность МСП в стратегическое развитие ЮФО оценим по следующим показателям:

1) доля МСП в валовом региональном продукте ЮФО;

2) количество малых и средних предприятий ЮФО;

3) количество малых, средних и микропредприятий ЮФО;

2 Федеральный закон от 24.07.2007 №209-ФЗ (ред. от 12.12.2023 г.) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/08b3ecbc9a360ad1dc314150a6328886703356/ (дата обращения: 23.01.2024).

3 О реализации на территории Ростовской области Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации до 2030 года [Электронный ресурс] // Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/documents/7251/> (дата обращения: 23.01.2024).

4 Новые лимиты МСП малого бизнеса в 2024 году: таблица [Электронный ресурс] // Главбух. URL: <https://www.glavbuh.ru/art/386622-novye-limity-msp-malogo-biznesa-v-2024-godu-tablitsa> (дата обращения: 23.01.2024).

5 Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_inicativy/ (дата обращения: 23.01.2024).

6 Составлено авторами на основе: Документы Европейской комиссии [Электронный ресурс] // European Commission. URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/smes/sme-definition_en (дата обращения: 23.01.2024).

4) удельный вес численности работников малых и средних микропредприятий предприятий ЮФО;

5) удельный вес оборота малых и средних предприятий;

6) число субъектов МСП, производящих информационные технологии.

Трансформировав определение из Росстата по доле малого и среднего предпринимательства в валовом внутреннем продукте Российской Федерации, приведём следующее авторское определение доли малого

и среднего предпринимательства в валовом региональном продукте ЮФО.

Доля малого и среднего предпринимательства в валовом региональном продукте округа Российской Федерации — относительный показатель, характеризующий вклад деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства в формирование валового регионального продукта округа Российской Федерации. Анализ доли малого и среднего предпринимательства в ВРП Южного федерального округа представлен в таблице 2⁷.

Таблица 1
Table 1

Критерии отнесения компаний к категории «малое и среднее предпринимательство» в Европейском Союзе
Criteria for classifying enterprises as «small and medium-sized enterprises» in the European Union

Категория компании	Персонал	Оборот	или	Валюта баланса
Средняя	< 250	≤ € 50 млн		≤ € 43 млн
Малая	< 50	≤ € 10 млн		≤ € 10 млн
Микро	< 10	≤ € 2 млн		≤ € 2 млн

Таблица 2
Table 2

Доля малого и среднего предпринимательства в валовом региональном продукте Южного федерального округа, (проценты)
Share of small and medium-sized businesses in the gross regional product of the Southern Federal District, (percent)

ЮФО	2019	2020	2021	Δ2021/2019, п.п	Δ2021/2020, п.п
Республика Калмыкия	18,8	16,4	20,2	1,4	3,8
Краснодарский край	30,3	29,9	30,9	0,6	1
Ростовская область	34,2	33,9	33	−1,2	−0,9
Волгоградская область	23,7	23,1	26	2,3	2,9
Республика Крым	31,2	27	33,1	1,9	6,1
г. Севастополь	28	29,9	31	3	1,1
Астраханская область	14,6	16,1	13,4	−1,2	−2,7
Республика Адыгея	29,1	32,4	28,9	−0,2	−3,5

⁷ Составлено авторами на основе: Малое и среднее предпринимательство в ВВП и ВРП [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts/> (дата обращения: 08.12. 2023).

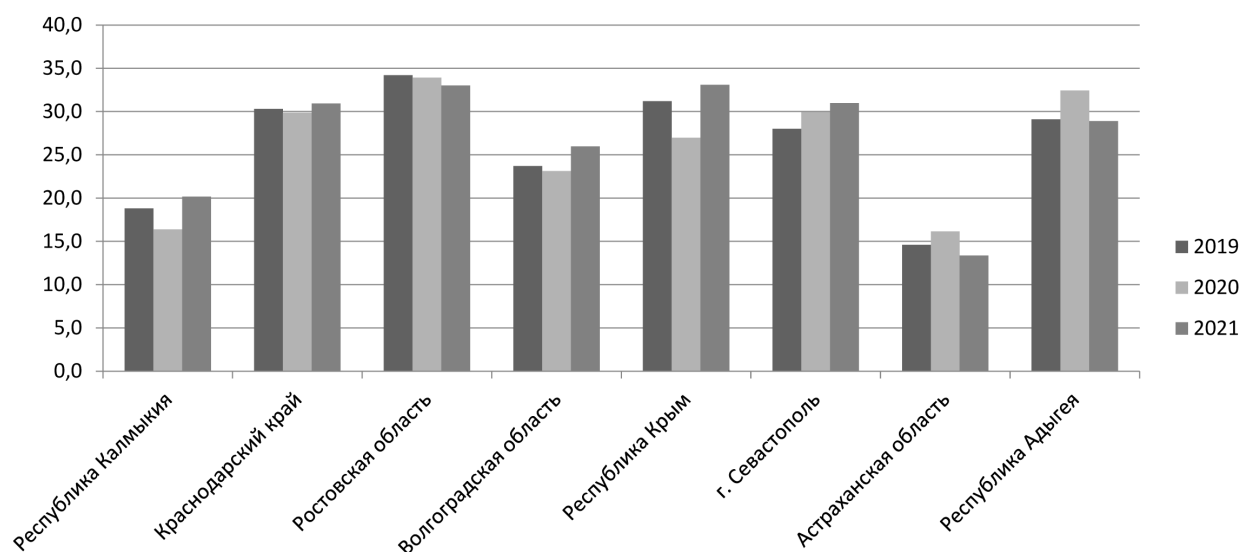

Рис. 1. Доля малого и среднего предпринимательства
в валовом региональном продукте ЮФО, %

Fig. 1. Share of small and medium-sized businesses
in the gross regional product of the Southern Federal District, %

Таблица 3
Table 3

Количество малых и средних предприятий ЮФО
Number of small and medium-sized enterprises in the Southern Federal

Субъекты ЮФО	2020		2021		2022		2023	
	всего, в ед.	в % к итогу	всего, в ед.	в % к итогу	всего, в ед.	в % к итогу	всего, в ед.	в % к итогу
Республика Калмыкия	154	0,77	180	0,91	221	1,12	372	1,85
Краснодарский край	7627	38,19	7619	38,63	7652	38,89	7957	39,6
Ростовская область	5875	29,42	5684	28,82	5608	28,5	5630	28,02
Волгоградская область	2499	12,51	2413	12,23	2328	11,83	2287	11,38
Республика Крым	1835	9,19	1910	9,68	1970	10,01	1971	9,81
г. Севастополь	525	2,63	534	2,71	552	2,81	555	2,76
Астраханская область	1011	5,06	939	4,76	906	4,6	872	4,34
Республика Адыгея	446	2,23	445	2,26	441	2,24	448	2,23
Итого	19 972	100	19 724	100	19 678	100	20092	100

Вывод: отрицательная тенденция снижения доли малого и среднего предпринимательства в валовом региональном продукте Южного федерального округа в анализируемый период выявлена в Ростовской и Астраханской областях и Республике Адыгея. Вероятные причины — пандемия и ограничительные меры, снижение реальных доходов населения. Из общей тенденции выделяется Республика Крым, где наблюдается значительное увеличение доли малого и среднего предпринимательства в валовом региональном продукте, что объясняется увеличением турпотока: прирост составил 6,1 % в 2021 году к 2020.

Анализ количества малых и средних предприятий, их удельный вес проводился за период 2020–2023 годы в разрезе восьми субъектов ЮФО (см. таблицу 3)⁸.

Как видно из таблицы, наибольший удельный вес по ЮФО занимает Краснодарский край, на второй позиции — Ростовская область, самый большой рост количества малых и средних предприятий в анализируемый период произошёл в Республике Калмыкия. Главная причина роста числа малых и средних предприятий Республики Калмыкия в 2023 году по сравнению с 2020 годом в 2,4 раза — снижение ставок упрощённой системы налогообложения (1 % вместо стандартных 6 % при объекте налогообложения «доходы», 5 % вместо 15 % при объекте налогообложения «доходы — расходы» для всех видов бизнеса).

Для выявления влияния микропредприятий Южного федерального округа на развитие МСП к данным таблицы 3 добавим данные по количеству микропредприятий (см. таблицы 3–4)⁹.

Таблица 4
Table 4

Количество малых, средних и микропредприятий ЮФО
Share of the number of small, medium and small enterprises in the Southern Federal District

Субъекты ЮФО	2020		2021		2022		2023	
	всего, в ед.	в % к итогу	всего, в ед.	в % к итогу	всего, в ед.	в % к итогу	всего, в ед.	в % к итогу
Республика Калмыкия	8 558	1,27	9 537	1,45	11 161	1,63	18 400	2,56
Краснодарский край	267 585	39,86	272 996	41,53	279 784	40,9	295 115	41,13
Ростовская область	168 316	25,08	151 929	23,11	171 385	25,05	178 198	24,84
Волгоградская область	73 533	10,95	72 746	11,07	72 004	10,53	74 375	10,37
Республика Крым	84 452	12,58	82 518	12,55	82 279	12,03	82 111	11,45
г. Севастополь	23 336	3,48	23 881	3,63	23 597	3,45	23 744	3,31
Астраханская область	28 920	4,31	28 033	4,26	27 684	4,05	28 506	3,97
Республика Адыгея	16 547	2,47	15 684	2,39	16 201	2,37	16 986	2,37
Итого	671 247	100	657 324	100	684 095	100	717 435	100

⁸ Составлено авторами на основе: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба РФ. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html>.

⁹ Составлено авторами на основе: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства.

По удельному весу количества малых, средних и микропредприятий во всех анализируемых периодах лидирует Краснодарский край (39,86%, 41,53%, 40,9% и 41,13%), Ростовская область занимает второе положение. Значительных колебаний в удельном весе по всем субъектам ЮФО не наблюдается.

Значительная доля всех субъектов МСП — это микропредприятия: по ЮФО количество малых и средних предприятий — 671247, при этом 97% в 2020 году составляют микропредприятия, в 2021–97%, в 2020–2022 годах доля микропредприятий остаётся на уровне 97%.

Анализ реестра МСП показал, что самозанятые граждане без статуса ИП не включаются в данный реестр, значит, на них не могут распространяться меры государственной поддержки; оценка включенности МСП

в стратегию развития региона проводится без степени их влияния.

Перейдем к следующему показателю оценки включенности МСП — удельному весу численности работников малых, средних и микропредприятий ЮФО за период 2020–2023 годов (см. таблицу 5)¹⁰. В указанную среднесписочную численность работников не включены ИП, не привлекавшие работников.

По удельному весу численности работников малых, средних и микропредприятий ЮФО лидирующее положение занимает Краснодарский край — отмечается рост удельного веса в анализируемых периодах. В Ростовской области наблюдается снижение удельного веса численности работников, нехватка кадров. В Республике Калмыкия фиксируется значительный рост удельного веса численности ра-

Таблица 5
Table 5

Удельный вес численности работников малых, средних и микропредприятий предприятий ЮФО

The share of the number of employees of small, medium and micro enterprises in the Southern Federal District

Субъекты ЮФО	2020		2021		2022		2023	
	всего, в ед.	в % к итогу	всего, в ед.	в % к итогу	всего, в ед.	в % к итогу	всего, в ед.	в % к итогу
Республика Калмыкия	11493	0,78	12921	0,92	16040	1,1	24381	1,7
Краснодарский край	552712	37,36	533680	37,92	553751	38,1	549866	38,3
Ростовская область	407515	27,54	386555	27,47	386045	26,56	380505	26,51
Волгоградская область	181677	12,28	168906	12	173737	11,96	169885	11,83
Республика Крым	176391	11,92	164551	11,69	177398	12,21	168625	11,75
г. Севастополь	47931	3,24	46909	3,33	49088	3,38	47088	3,28
Астраханская область	69412	4,69	62750	4,46	64342	4,43	62393	4,35
Республика Адыгея	32423	2,19	30993	2,2	32844	2,26	32763	2,28
Итого	1479554	100	1407265	100	1453245	100	1435506	100

¹⁰ Составлено авторами на основе: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба РФ. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html>.

ботников в 2023 году по сравнению с 2020 годом (в 2 раза). Во всех остальных субъектах ЮФО также регистрируется снижение удельного веса численности работников.

Перейдем к следующему показателю оценки включенности МСП — удельному весу оборота малых и средних предприятий в общем обороте предприятий РФ (см. таблицы 6–7)¹¹.

Данные таблиц 6 и 7 демонстрируют значительный разрыв удельного веса оборота средних и малых предприятий по ЮФО и ЦФО. В 2022 году по ЮФО наблюдается снижение удельного веса оборота средних предприятий при одновременном увеличении удельного веса оборота малых предприятий. По Центральному федеральному округу (ЦФО) наблюдается обратная тенденция — рост удельного веса оборота средних

предприятий при уменьшении удельного веса оборота малых предприятий. Это объясняется переходом предприятий из малого бизнеса в средний, что является положительным фактором развития всей сферы МСП.

К информационным технологиям в сфере МСП мы отнесли: программные продукты и услуги по разработке программного обеспечения, консультационные и аналогичные услуги в области информационных технологий, услуги в области информационных технологий, услуги и работы, связанные с научным исследованием и экспериментальными разработками. По нашему мнению, ОКВЭД 72.19 — это и есть инвестиции в искусственный интеллект.

В таблице 8 приведём характеристику производящих вышеуказанной технологии субъектов МСП¹².

Таблица 6
Table 6

**Динамика удельного веса оборота средних и малых предприятий ЮФО
в общем обороте средних и малых предприятий РФ**
**Dynamics of the share of turnover of medium and small enterprises
in the Southern Federal District in the total turnover of medium and small enterprises
in the Russian Federation**

Категории предприятий ЮФО	Удельный вес, %		
	2020	2021	2022
Средние	8,17	8,53	7,71
Малые (без микропредприятий)	7,06	7,21	7,58

Таблица 7
Table 7

**Динамика удельного веса оборота средних и малых предприятий ЦФО
в общем обороте средних и малых предприятий РФ**
**Dynamics of the share of turnover of medium and small enterprises
in the Central Federal District in the total turnover of medium and small enterprises
in the Russian Federation**

Категории предприятий ЦФО	Удельный вес, %		
	2020	2021	2022
Средние	39,4	38,34	40,01
Малые (без микропредприятий)	43,58	42,72	38,08

¹¹ Составлено авторами на основе: Институциональные преобразования в экономике [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/instituteconomics>.

¹² Составлено авторами на основе: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба РФ. URL: <https://ofd.nalog.ru/>.

Анализ данных таблицы 8 показывает, что по организационной форме значительное число позиций производят индивидуальные предприниматели (51 против 36 у юридических лиц), по масштабу — микропредприятия и малые предприятия. Численность занятых на одно среднее предприятие составляет 108 человек, малое — 28, микропредприятие — 1. Ресурсные возможности (особенно кадровые) в производстве искусственного интеллекта есть у средних предприятий. Заметно, что расширенную линейку информационных технологий предлагают микропредприятия со сниженной налоговой нагрузкой и возможностью получением грантов на развитие технологий искусственного интеллекта, даже несмотря на незначительные производственные мощности. Отметим, что меры стимулирования в виде налоговых льгот, субсидий при наличии инновационной деятельности и грантов позволяют говорить о достаточном включении малого и среднего бизнеса в стратегическое развитие ЮФО.

В целом оценка включенности МСП, по данным Росстата, выявила следующие информационные пробелы: самозанятые граждане в реестре и статистике не учитываются, в среднесписочной численности

работников не учитываются ИП, не привлекавшие работников.

Заключение. Оценка включенности малого и среднего предпринимательства в стратегическое развитие регионов РФ является специфической оценкой, а условие ее проведения, по данным Росстата, включают информационные пробелы по ряду экономических показателей. Комплексная система оценки МСП отсутствует. В этой ситуации была предложена авторская оценка включенности МСП в стратегическое развитие ЮФО по шести показателям:

- 1) доля МСП в валовом региональном продукте ЮФО;
- 2) количество малых и средних предприятий ЮФО;
- 3) количество малых, средних и микропредприятий ЮФО;
- 4) удельный вес численности работников малых и средних микропредприятий предприятий ЮФО;
- 5) удельный вес оборота малых и средних предприятий;
- 6) число субъектов МСП, производящих информационные технологии.

По данным анализа предложенных показателей, включенность субъектов МСП

Таблица 8
Table 8

**Характеристика субъектов малого и среднего предпринимательства
 в Южном федеральном округе, производящих информационные технологии,
 в том числе с искусственным интеллектом, по состоянию на 10.01.2024 г.
 Characteristics of small and medium-sized businesses in the Southern Federal District,
 including artificial intelligence, as of 10.01.2024**

Показатель	Число субъектов, шт.	Число работников, чел.	Число позиций информационных технологий, шт.
Всего, из них	720 158	1 432 409	87
<i>По масштабу:</i>			
микропредприятия, из них	700 091	747 788	87
— вновь созданные	122 516	0	0
малые	18 602	526 179	0
средние	1 465	158 442	0
<i>По организационной форме:</i>			
индивидуальные предприниматели	547 125	420 189	51
юридические лица	173 033	1 012 220	36

в стратегическое развитие ЮФО достаточна, высока, планируемые меры государственной поддержки, «территориальные зонтичные поручительства» в 2024–2025 годах повысят уровень включенности прогнозируемо на 20 процентов. Государственную и банковскую поддержку следует направить на средние предприятия, так как удельный вес оборота имеет тенденцию к снижению.

Еще одно важное условие развития МСП — открытие новых субъектов МСП, производящих информационные технологии. Анализ существующих МСП показал, что расширенную линейку информационных технологий предлагают микропредприятия со сниженной налоговой нагрузкой.

Отметим, что предложенная оценка включенности МСП требует совершенствования и корректировки при условии наличия достоверной информации всех информационно-аналитических баз в России.

Список источников

1. Довлатова Г.П., Каращенко В.В. Пространственный анализ показателей социально-экономического развития Ростовской области // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14. №2. С. 277–293.

2. Заргарян А.М. Повышение вовлеченности субъектов малого и среднего предпринимательства Европейского Севера России в процесс государственно-частного партнерства // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2016. Т. 15. №6. С. 889–905.

3. Карпунин А.Ю., Карпунина Е.В. Региональный аспект развития малого и среднего предпринимательства в России [Электронный ресурс] // Вестник Евразийской науки. 2020. №3. URL: <https://esj.today/PDF/55ECVN320.pdf> (дата обращения: 28.02.2024).

4. Краковецкая И.В., Воробьева Е.С., Вотякова И.В., Черняк М.Э., Макаров И.В. Тенденции развития малого и среднего бизнеса в Российской Федерации в кризисных условиях: вызовы и перспективы // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. №1. С. 113–124.

5. Митрофанова И.В., Иванова Т.Б. Малый и средний бизнес России: включенность в основные стратегические императивы // Ars

Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14. №3. С. 507–531.

6. Нехороших И.Н., Михайлов О.В. Анализ государственной поддержки малого и среднего бизнеса в развитых странах мира // Регион: системы, экономика, управление. 2023. №1(60). С. 56–61.

7. Русинов В.М. Эмирбекова А.А. Высокотехнологичные предприятия в Российской Федерации: малый бизнес // Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук. 2019. №2. С. 60–62.

8. Синицына И.В., Пучкова Е.М., Никулина О.Н. Современные реалии влияния пандемии COVID-19 на малый бизнес и потребность в государственной поддержке // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. 2020. №2(54). С. 14.

9. Akpan I.J., Udoh E.A. P., Adebisi B. Small business awareness and adoption of state-of-the-art technologies in emerging and developing markets, and lessons from the COVID-19 pandemic // Journal of Small Business and Entrepreneurship. 2022. Vol. 34. №2. Pp. 123–140.

10. Shukor R.A., Kian M.W., Ahmad M.N. Small and medium enterprises' business sustainability based on the Industry 4.0 internet of things adoption: A Malaysian Bumiputera case study // Serbian Journal of Management. 2022. Vol. 17. №1. Pp. 99–110.

References

1. Dovlatova G.P., Karashhenko V.V. Prostranstvennyj analiz pokazatelej social'no-je-konomicheskogo razvitija Rostovskoj oblasti [Spatial analysis of indicators of socio-economic development of the Rostov region]. *MIR (Modernizacija. Innovacii. Razvitie)* [MID (Modernization. Innovation. Development)]. 2023; 14(2): 277–293. (In Russ.).

2. Zargarjan A.M. Povyshenie вовлеченности sub'ektov malogo i srednego predprinimatel'stva Evropejskogo Severa Rossii v process gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Increasing the involvement of small and medium-sized businesses in the European North of Russia in the process of public-private partnership]. *Vestnik UrFU. Serija: Jekonomika i upravlenie* [Bulletin of the UrFU. Series: Economics and Management]. 2016; 15(6): 889–905. (In Russ.).

3. Karpunin A. Ju., Karpunina E. V. Regional'nyj aspekt razvitija malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossii [The regional aspect of the development of small and medium-sized enterprises in Russia] [Elektronnyj resurs]. *Vestnik Evrazijskoj nauki* [Bulletin of Eurasian Science]. 2020; (3). URL: <https://esj.today/PDF/55ECVN320.pdf> (data obrashhenija: 28.02.2024). (In Russ.).

4. Krakoveckaja I. V., Vorob'eva E. S., Votjakova I. V., Chernjak M. Je., Makarov I. V. Tendencii razvitija malogo i srednego biznesa v Rossijskoj Federacii v krizisnyh uslovijah: vyzovy i perspektivy [Trends in the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation in crisis conditions: challenges and prospects]. *Jekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Economics, entrepreneurship and law]. 2023; 13(1): 113–124. (In Russ.).

5. Mitrofanova I. V., Ivanova T. B. Malyy i srednij biznes Rossii: vkluchennost' v osnovnye strategicheskie imperativy [Small and medium-sized businesses in Russia: inclusion in the main strategic imperatives]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravlenija)* [Ars Administrandi (The Art of Management)]. 2022; 14(3): 507–531. (In Russ.).

6. Nehoroshih I. N., Mihajlov O. V. Analiz gosudarstvennoj podderzhki malogo i srednego biznesa v razvityh stranah mira [Analysis of state support for small and medium-sized businesses in developed countries of the world]. *Region: sistemy, jekonomika, upravlenie* [Region: systems, economics, management]. 2023; 1(60): 56–61. (In Russ.).

7. Rusinov V. M., Jemirbekova A. A. Vysokotekhnologichnye predprijatija v Rossijskoj Federacii: malyy biznes [High-tech enterprises in the Russian Federation: small business]. *Vestnik obrazovanija i razvitija nauki Rossijskoj akademii estestvennyh nauk* [Bulletin of Education and development of science of the Russian Academy of Natural Sciences]. 2019; (2): 60–62. (In Russ.).

8. Sinicya I. V., Puchkova E. M., Nikulina O. N. Sovremennye realii vlijanija pandemii COVID-19 na malyy biznes i potrebnost' v gosudarstvennoj podderzhke [Modern realities of the impact of the COVID-19 pandemic on small business and the need for state support]. *Vestnik Instituta družby narodov Kavkaza (Teorija jekonomiki i upravlenija narodnym hozjajstvom)*. *Jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus (Theory of economics and management of the national economy). *Economic sciences*]. 2020; 2(54): 14. (In Russ.).

9. Akpan I. J., Udoh E. A. P., Adebisi B. Small business awareness and adoption of state-of-the-art technologies in emerging and developing markets, and lessons from the COVID-19 pandemic. *Journal of Small Business and Entrepreneurship*. 2022; 34(2): 123–140.

10. Shukor R. A., Kian M. W., Ahmad M. N. Small and medium enterprises' business sustainability based on the Industry 4.0 internet of things adoption: A Malaysian Bumiputera case study. *Serbian Journal of Management*. 2022; 17(1): 99–110.

Статья поступила в редакцию 02.03.2024; одобрена после рецензирования 22.03.2024; принята к публикации 14.04.2024.

The article was submitted on 02.03.2024; approved after reviewing on 22.03.2024; accepted for publication on 14.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Довлатова Галина Петровна — доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и управление», Шахтинский автодорожный институт (филиал), Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Шахты, пл. Ленина, 1

Galina P. Dovlatova — Associate Professor, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Shakhty Road Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

1 Lenna sq., Shakhty, Russia

Каращенко Виктория Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и управление», Шахтинский автодорожный институт (филиал), Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Шахты, пл. Ленина, 1

Victoria V. Karashchenko — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Shakhty Road Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

1 Lenina sq., Shakhty, Russia

Вклад авторов:

Довлатова Г. П. — научное руководство; теоретическое обоснование методологической базы исследования; итоговые выводы.

Каращенко В. В. — проведение оценки включенности малого и среднего предпринимательства стратегического развития ЮФО.

Contributions of the authors:

Dovlatova G. P. — scientific guidance; theoretical justification of the methodological basis of the study; final conclusions.

Karashchenko V. V. — conducting an assessment of the involvement of small and medium-sized businesses in the strategic development of the Southern Federal District.

Научная статья

УДК 631.96

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-106-113

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОВЕДЕНИЯ МОНИТОРИНГА КАК ИНСТРУМЕНТА ВЫЯВЛЕНИЯ СТЕПЕНИ ДЕГРАДАЦИИ ЦЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ

Людмила Георгиевна Долматова

*Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортунова (филиал),
Донской государственный аграрный университет, Новочеркасск, Россия
dolmatoval1971@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1825-0097, AuthorID РИНЦ: 440744*

Аннотация. *Целью исследования является анализ вопросов проведения мониторинга ценных земель для своевременного выявления процессов деградации, происходящих под воздействием антропогенных и природных факторов.*

Методологическую базу исследования *представляют базисные положения в области проведения работ по мониторингу земель и повышению их эффективности как важного инструмента выявления всех видов деградации, которым подвержены земли сельскохозяйственного назначения, под воздействием целого ряда антропогенных и природных факторов. Методологические положения в области обследования качества земель позволят более дифференцированно подойти к подбору сельскохозяйственных культур, проведению почвозащитных мероприятий в разных районах Ростовской области. К используемым научным методам относятся причинно-следственный, сравнительный и системный анализ, метод логических взаимосвязей.*

Результаты исследования. *В результате всестороннего анализа особенностей проведения работ по мониторингу земель было выявлено, что для рациональной организации территории и производства любого сельскохозяйственного предприятия необходимо максимально учесть все свойства земельных участков, в том числе их качество и степень деградации. Для изучения реально сложившейся ситуации важно своевременно проводить обследовательские работы, позволяющие оценить степень почворазрушающих процессов и ареалы их распространения. Исследование показало, что в Ростовской области водной эрозией охвачены в основном северные районы, а ветровой — южные и восточные районы. На территории данных районов процессы эрозии распространяются из-за высокой освоенности земель сельскохозяйственного назначения, т. е. интенсивного земледелия, плохого состояния полезащитных и водорегулирующих лесных полос, высокой антропогенной нагрузки. Также практически повсеместно имеют место процессы деградации почв. Для устранения негативных последствий деградации земель в Ростовской области предусматривается оказание государственной поддержки из областного бюджета, что будет способствовать улучшению ситуации в вопросах восстановления ценных территорий.*

Перспективы исследования *заключаются в важности проведения мониторинга земель и обследования территорий, в наибольшей мере подвергшихся почворазрушающим процессам. Своевременное выявление степени и наиболее преобладающих видов деградации ценных земель позволит принять меры по их устранению в районах Ростовской области*

и как следствие — увеличить урожайности культур, повысить уровень и эффективность сельскохозяйственного производства хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: мониторинг земель, деградация, использование, эффективность мероприятий, факторы, обследовательские работы, восстановление, увеличение урожайности сельскохозяйственных культур

Для цитирования: Долматова Л.Г. Эффективность проведения мониторинга как инструмента выявления степени деградации ценных земель // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, №2. С. 106–113. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-106-113>.

Original article

EFFECTIVENESS OF MONITORING AS A TOOL FOR IDENTIFYING THE DEGREE OF DEGRADATION OF VALUABLE LAND

Lyudmila G. Dolmatova

*Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch),
Don State Agrarian University, Novocherkassk, Russia
dolmatoval1971@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1825-0097, AuthorID RSCI: 440744*

Abstract. *The aim of the study is to analyze the issues of monitoring valuable lands for the timely identification of degradation processes occurring under the influence of anthropogenic and natural factors.*

The methodological basis of the study *is provided by the basic provisions in the field of land monitoring and improving their efficiency, as an important tool for identifying all types of degradation to which agricultural lands are exposed, under the influence of a number of anthropogenic and natural factors. Methodological provisions in the field of surveying the quality of land will allow a more differentiated approach to the selection of agricultural crops and the implementation of soil protection measures in different areas of the Rostov region. The scientific methods used include cause-and-effect, comparative and system analysis, and the method of logical relationships.*

Research results. *As a result of a comprehensive analysis of the features of land monitoring work, it was revealed that for the rational organization of the territory and production of any agricultural enterprise, it is necessary to take into account as much as possible all the properties of land plots, including their quality and degree of degradation. To study the actual situation, it is important to carry out timely survey work to assess the extent of soil-destroying processes and the areas of their distribution. The study showed that in the Rostov region, water erosion covers mainly the northern regions, and wind erosion covers the southern and eastern regions. In these areas, erosion processes are spreading due to the high development of agricultural lands, i. e., intensive farming, poor condition of shelterbelts and water-regulating forest belts, and high anthropogenic load. Also, almost everywhere, processes of soil dehumification take place. To eliminate the negative consequences of land degradation in the Rostov region, it is planned to provide state support from the regional budget, which will help improve the situation in matters of restoration of valuable territories.*

The prospects of the study *lie in the importance of monitoring lands and surveying areas that are most affected by soil-destructive processes. Timely identification of the degree and most*

predominant types of degradation of valuable lands will make it possible to take measures to eliminate them in the regions of the Rostov region and, as a result, increase crop yields, increase the level and efficiency of agricultural production of economic entities.

Keywords: land monitoring, degradation, use, effectiveness of measures, factors, survey work, restoration, increasing crop yields

For citation: Dolmatova L. G. Effectiveness of monitoring as a tool for identifying the degree of degradation of valuable land // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 106–113. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-106-113>.

Введение. В условиях постоянно увеличивающейся нагрузки на окружающую среду важнейшей задачей является сохранение самого главного богатства планеты — её земельных ресурсов, а в частности — плодородия почв. Несмотря на то, что в агропромышленном комплексе получили развитие многие формы хозяйствования от крупных предприятий до мелких хозяйств, заботиться о воспроизводстве своего основного ресурса — почвы — необходимо всем, так как это прямой путь к увеличению урожайности сельскохозяйственных культур и как следствие — получению прибыли и экономической независимости.

В этих условиях важным и необходимым является учёт всех факторов производства, специфики территории и качества земель, позволяющий выявить, кроме основных направлений специализации хозяйств, ещё и вспомогательные отрасли, что способствует развитию более устойчивых позиций в сельскохозяйственном производстве землепользований и землевладений. Для рациональной организации территории и производства любого сельскохозяйственного предприятия необходимо максимально учесть все свойства земельных участков. Так, для анализа реально сложившейся ситуации важное значение имеет мониторинг земель, проведение которого позволяет оценить виды и степень деградации почв, почворазрушающие процессы и ареалы их распространения [1; 3].

Обсуждение. На территории Ростовской области во всех природно-сельскохозяйственных зонах в различной степени преобладают процессы деградации ценных земель сельскохозяйственного назначения. В силу специфики природно-климатических и гео-

графических факторов, рельефа местности отдельных областей и районов области преобладающим видом деградации почв является ветровая и водная эрозия.

Исследование показало, что водной эрозией охвачены в основном северные районы Ростовской области (Верхнедонской, Шолоховский и другие районы), а ветровой — южные и восточные районы (Заветинский, Ремонтненский, Песчанокоспский и другие). На территории данных районов процессы эрозии распространяются из-за высокой освоенности земель сельскохозяйственного назначения, т.е. интенсивного земледелия, плохого состояния полей защитных и водорегулирующих лесных полос, высокой антропогенной нагрузки. Практически на всех видах сельскохозяйственных угодий, включая кормовые, а их площадь в Ростовской области на данный момент составляет 8208,9 тыс. га, наблюдаются процессы деградации, которые также являются следствием проявления эрозии [2; 6; 7].

На основе проведённого обследования государственным центром агрохимической службы «Ростовский», станциями «Северо-Донецкая» и «Цимлянская» в 2022 году состояния почв по отдельным районам на площади более 700 тыс. га было выявлено, что потери гумуса достигают до 1,1%, особенно сильно процессы деградации распространяются на орошаемых территориях. В связи с тем, что на территории области распространены в основном чернозёмы обыкновенные и южные, пригодные для выращивания практически всех сельскохозяйственных культур, то и вся земледельческая нагрузка приходится на эти земли. На чернозёмных почвах снижение гумуса в настоящее время составляет с 4,0 до 3,5%. В 2022 году было проведено

агрохимическое обследование земель сельскохозяйственного назначения на территории 10 районов области, которое проводится 1 раз в 5 лет (таблица 1) [8; 9].

Каждый год обследование проводят на разных территориях области по содержанию гумуса, фосфора, калия, pH, серы и микроэлементов, последовательно захватывая различные районы. Из данных таблицы 2 можно проследить динамику содержания гумуса за 2021 год (включая 2022 год) по природно-сельскохозяйственным зонам как показателя, оказывающего наибольшее влияние на урожайность сельскохозяйственных культур. Данная динамика говорит о положительном достигнутом результате в целом по области. Исследованиями установлено, что снижение гумуса наблюдается только в двух зонах, имеющих наиболее интенсивное земледелие и развитие сельскохозяйственного производства.

Таким образом, проведение мониторинговых обследований играет важную роль в укреплении экологического каркаса земельных территорий. Эффективность применения полученных данных заключается преимущественно в получении отдачи, выраженной не всегда в денежной форме, от улучшения использования земель, проведения природо-

охранных мероприятий, агротехнических, лесомелиоративных, противоэрозионных работ, так как земельные ресурсы — это прежде всего природный объект, а затем уже средство производства в сельском и лесном хозяйстве, а также объект недвижимости. В связи с этим необходимо понимать ценность используемых земель, чтобы в настоящем и будущем обеспечить себе продовольственную безопасность и независимость. В этом случае экологический эффект должен стоять на первом месте.

Применение данных мониторинга земель осуществляется с целью устранения и предотвращения допущенных нарушений, а также для своевременного определения текущей динамики в проявлении процессов ветровой и водной эрозии, опустынивания, заболачивания, засоления, захламления земель, загрязнения отходами производства и потребления и других.

Но устранение выявленных нарушений всегда сопряжено с затратами. В 2022 году на реализацию мероприятий государственной программы Ростовской области «Охрана окружающей среды и рациональное природопользование» было направлено 3 696,0 млн рублей, в том числе: средства областного бюджета — 1 171,3 млн рублей,

Таблица 1
Table 1

Основные показатели плодородия почв районов Ростовской области в 2022 году [9]
The main indicators of soil fertility in the Rostov region in 2022 [9]

Районы	Площадь, тыс га	Гумус, %	P ₂ O ₅ , мг/кг	K ₂ O, мг/кг	S, мг/кг	Cu, мг/кг
Кагальницкий	82,86	4,01	36,4	418	6,3	0,12
Целинский	87,47	4,08	26	458	6	0,11
Веселовский	56,81	3,76	35,6	571	7,4	0,14
Мартыновский	84,7	2,9	29,1	519	3,66	0,23
Заветинский	70,8	1,9	16,8	477	2,74	0,15
Константиновский	66	3	26,2	474	2,12	0,12
Усть-Донецкий	38,42	3,44	30,6	395	5,9	0,2
Верхнедонской	82,9	3,64	21,3	282	3,7	0,11
Боковский	66,9	3,17	20,4	333	3,8	0,11
Миллеровский	144,3	3,53	22,4	350	3,5	0,11
Итого по районам	781,2					

средства федерального бюджета — 1 368,1 млн рублей, средства местных бюджетов — 42,1 млн рублей, средства внебюджетных источников — 1 114,5 млн рублей, а уже на 2024 год запланировано увеличение финансирования почти в 2 раза — 6891,6 млн рублей, в т.ч. средства федерального и местного бюджетов остаются приблизительно на том же уровне, а вот внебюджетные источники по сравнению с 2022 годом возрастают почти в 3,5 раза и должны составить на конец 2024 года 3901,9 млн рублей¹. Кроме того, некоторые виды мероприятий проводятся самими землепользователями и землевладельцами: восстановительные работы, направленные на воспроизводство плодородия земель, уменьшение эрозионных процессов, закладка лесных полос, защита сельскохозяйственных угодий от застарения деревьями и кустарниками, сорными растениями и другие. Можно отметить, что мероприятия, направленные на улучшение качества используемых земель, во всех субъектах хозяйствования стали проводиться более интенсивно, их объёмы постепенно возрастают, а именно: увеличивается доля внесения органических удобрений, расширяются посевы многолетних трав, происходит заделка послеуборочных остатков.

На основе полученных в ходе проведения мониторинга данных строятся прогнозы использования земельных ресурсов на ближайшую и далёкую перспективу с учётом информационных ресурсов. Органы государственной власти и муниципального управления используют полученную информацию для решения вопросов, связанных с неэффективным использованием земель, принадлежащих разным собственникам и пользователям, установлением особого режима использования земель, подверженных негативным воздействиям, развитием городов, градостроительством, территориальным планированием, решением вопросов экологической безопасности, охраны земель и других, в результате чего подготавливаются рекомендации, прогнозы и планы для дальнейшего использования земельного фонда области, края, района, направленные на улучшение состояния используемых территорий² [10].

Для юридических лиц полученные данные обследования земель нужны прежде всего для решения вопросов своей профессиональной деятельности: для разработки проектов землеустройства и рабочих проектов по рекультивации земель, проведению лесомелиоративных мероприятий, орошению, осушению территорий, совершению

Таблица 2
 Table 2

**Динамика содержания гумуса в почвах Ростовской области [9]
 Dynamics of humus content in soils of the Rostov region [9]**

Природно- сельскохозяйственные зоны	Среднее содержание гумуса, %				
	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020	2021–2022
Северо-Западная	3,14	3,17	3,2	3,34	4,08
Северо-Восточная	2,73	2,74	2,7	2,72	3,97
Центральная	2,96	3,03	3,3	3,07	3,23
Приазовская	3,85	3,77	3,8	4,08	2,22
Южная	3,57	3,66	3,8	3,8	2,75
Восточная	2,33	2,35	2,2	2,22	3,37
Всего по области	3,1	3,12	3,2	3,23	3,27

¹ Государственная программа Ростовской области «Охрана окружающей среды и рациональное природопользование» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.donland.ru/documents/9704/> (дата обращения: 05.04.2024).

² Organic agriculture, environment and food security. Environment and Natural Resources [Electronic resource] // Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2002. URL: <https://www.fao.org/agroecology/database/detail/ru> (date accessed: 05.04.2024).

сделок с земельными участками и других. Физическим лицам — гражданам — полученная информация необходима как для дальнейшего прогнозирования своей деятельности, так и для планирования работ по устройству и организации территории в настоящем. Конечно, непосредственная цель мониторинга — информационная, результатом которой является получение данных, способствующих устранению той или иной неопределенности, или, напротив, выявление недостатка информации. В этом случае будет возможность своевременно проводить анализ текущего состояния земель различных регионов и экономических зон и разрабатывать систему мероприятий по охране и сбережению почвенного покрова и других природных ресурсов.

Заключение. В настоящее время для сельскохозяйственных предприятий Ростовской области предусматривается оказание государственной поддержки из областного бюджета (Областной закон Ростовской области от 16.12.2021 №635-ЗС «Об областном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов»). Основными направлениями являются возмещение части затрат на приобретение и внесение фосфорсодержащих удобрений под пар и (или) зябь в объеме 450 млн рублей, на повышение плодородия почв и сдерживание процессов эрозии и опустынивания земель в объеме 552,1 млн рублей. Предоставление данных мер будет способствовать повышению почвенного плодородия во всех районах области, что позволит достигнуть целевых показателей, утвержденных подпрограммой «Охрана плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения Ростовской области» государственной программы Ростовской области от 17.10.2018 №652 «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» по валовым сборам сельскохозяйственных культур, установленных в целях обеспечения импортозамещения сельскохозяйственной продукции, что является в данный момент приоритетным направлением в экономике страны.

Таким образом, проведение всего комплекса работ по мониторингу земель, включая различного рода обследования, позволит

улучшить использование ценных земель, повысить урожайность сельскохозяйственных культур, усовершенствовать структуру посевных площадей и, соответственно, увеличить доходы сельскохозяйственных предприятий, не допуская при этом снижения плодородия почв и их деградации.

Список источников

1. Александровская Л. А., Борисова В. Б. Мониторинг земель: оценка состояния и использования земельных ресурсов района. Адаптивные механизмы мониторинга сельскохозяйственных земель // Всероссийская научно-практическая конференция «Экономика и управление: социально-экономические системы и инновационные технологии» (Новочеркасск, 16–17 ноября 2022 г.). Вып. 31. Новочеркасск: Новочерк. инж.-мелиор. ин-т Донской ГАУ, 2022. С. 204–209.
2. Долматова Л. Г. Особенности обследования работ на территории сельскохозяйственных предприятий в контексте рационального использования пахотных земель и устойчивого экономического развития // Вестник ЮРГПУ (НПИ). Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. №2. С. 140–145.
3. Долматова Л. Г. Особенности проведения землеустройства на основе агроэкологического обследования территории и оценки производительных и территориальных свойств земли // Рациональное использование природных ресурсов: теория, практика и региональные проблемы: материалы II Всероссийской (национальной) конференции (Омск, 26 мая 2022 г.). Омск: ФГБОУ ВО Омский ГАУ, 2022. С. 219–223.
4. Королёв С. Ю. Государственная политика по управлению земельными ресурсами: мониторинг земель как средство информационного обеспечения [Электронный ресурс] // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. №1. С. 37–45. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 06.04.2024).
5. Морозова Н. В. Государственный мониторинг земель и его значимость в современном мире [Электронный ресурс] / Н. В. Морозова, И. Н. Яковлева // Молодой ученый. 2019. №8(246). С. 128–130. URL: <https://moluch.ru/archive/246/56654/> (дата обращения: 06.04.2024).

6. Полуэктов Е. В., Петрова И. А. Мониторинг основных свойств черноземов обыкновенных Ростовской области // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. №9. С. 103–107.

7. Сухомлинова Н. Б., Степаненко Д. А. Особенности сохранения плодородия почв в засушливых районах Ростовской области // Мелиорация и водное хозяйство. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Шумаковские чтения. Мелиорация и водное хозяйство) (Новочеркасск, 21–22 октября 2021 г.). Вып. 19. Новочеркасск: Лик, 2021. С. 154–158.

8. Чупина И. П., Симачкова Н. Н., Зарубина Е. В., Журавлева Л. А., Фатеева Н. Б. Мониторинг земель сельскохозяйственного назначения: проблемы и перспективы совершенствования // International agricultural journal. 2023. №4. С. 1250–1267.

9. Экологический вестник Дона «О состоянии окружающей среды и природных ресурсов Ростовской области в 2022 году» [Электронный ресурс] // Правительство Ростовской области, Министерство природных ресурсов и экологии Ростовской области. Ростов н/Д, 2023. 372 с. URL: <http://ecodon.dspl.ru> (дата обращения: 05.04.2024).

10. Altieri M. A. Agroecology: A new research and development paradigm for world agriculture // Agr. Ecosystems Environm. 1989. Vol. 27. №1/4. Pp. 37–46.

References

1. Aleksandrovskaja L. A., Borisova V. B. Monitoring zemel': ocenka sostojanija i ispol'zovanija zemel'nyh resursov rajona. Adaptivnye mehanizmy monitoringa sel'skohoz'jajstvennyh zemel' [Land monitoring: assessment of the state and use of land resources of the district. Adaptive mechanisms for monitoring agricultural lands]. Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Jekonomika i upravlenie: social'no-jekonomicheskie sistemy i innovacionnye tehnologii» (Novocherkassk, 16–17 nojabrja 2022 g.) [All-Russian scientific and practical Conference «Economics and Management: socio-economic systems and innovative technologies» (Novocherkassk, November 16–17, 2022)]. Issue 31. Novocherkassk: Novocherk. inzh.-melior. in-t Donskoj GAU, 2022. Pp. 204–209. (In Russ.).

2. Dolmatova L. G. Osobennosti obsledovatel'skikh rabot na territorii sel'skohoz'jajstvennyh predpriyatij v kontekste racional'nogo ispol'zovanija pahotnyh zemel' i ustojchivogo jekonomicheskogo razvitija [Features of survey work on the territory of agricultural enterprises in the context of rational use of arable land and sustainable economic development]. Vestnik Ju-RGPU (NPI). Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the SRSPU (NPI). Socio-economic sciences]. 2022; 15(2): 140–145. (In Russ.).

3. Dolmatova L. G. Osobennosti provedenija zemleustrojstva na osnove agrojekologicheskogo obsledovanija territorii i ocenki proizvoditel'nyh i territorial'nyh svojstv zemli [Features of land management based on an agroecological survey of the territory and assessment of productive and territorial properties of the lands]. Racional'noe ispol'zovanie prirodnyh resursov: teorija, praktika i regional'nye problemy: materialy II Vserossijskoj (nacional'noj) konferencii (Omsk, 26 maja 2022 g.) [Rational use of natural resources: theory, practice and regional problems: materials of the II All-Russian (national) Conference (Omsk, May 26, 2022)]. Omsk: FGBOU VO Omskij GAU, 2022. Pp. 219–223. (In Russ.).

4. Korol'jov S. Ju. Gosudarstvennaja politika po upravleniju zemel'nymi resursami: monitoring zemel' kak sredstvo informacionnogo obespechenija [State policy on land resources management: land monitoring as a means of information support] [Elektronnyj resurs]. Pravovaja politika i pravovaja zhizn' [Legal policy and legal life]. 2023; (1): 37–45. URL: <https://cyberleninka.ru> (data obrashhenija: 06.04.2024). (In Russ.).

5. Morozova N. V. Gosudarstvennyj monitoring zemel' i ego znachimost' v sovremenom mire [State monitoring of lands and its significance in the modern world] [Elektronnyj resurs]. N. V. Morozova, I. N. Jakovleva. Molo-doj uchenyj [Young Scientist]. 2019; 8(246): 128–130. URL: <https://moluch.ru/archive/246/56654/> (data obrashhenija: 06.04.2024). (In Russ.).

6. Polujektov E. V., Petrova I. A. Monitoring osnovnyh svojstv chernozemov obyknovennyh Rostovskoj oblasti [Monitoring of the basic properties of ordinary chernozems of the Rostov region]. Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Scientific Research Journal]. 2021; (9): 103–107. (In Russ.).

7. Suhomlinova N. B., Stepanenko D. A. Osobennosti sohraneniya plodorodija pochv v zasushlivykh rajonah Rostovskoj oblasti [Features of soil fertility conservation in arid areas of the Rostov region]. Melioracija i vodnoe hozjajstvo. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Shumakovskie chteniya. Melioracija i vodnoe hozjajstvo) (Novocherkassk, 21–22 oktjabrja 2021 g.) [Land reclamation and water management. Materials of the All-Russian scientific and practical conference (Shumakov readings. Melioration and water management) (Novocherkassk, October 21–22, 2021)]. Issue 19. Novocherkassk: Lik, 2021. Pp. 154–158. (In Russ.).

8. Chupina I. P., Simachkova N. N., Zarubina E. V., Zhuravleva L. A., Fateeva N. B. Monitoring zemel' sel'skohozjajstvennogo naznacheniya: problemy i perspektivy sovershenstvovan-

ija [Monitoring of agricultural lands: problems and prospects for improvement]. *International agricultural journal* [International agricultural journal]. 2023; (4): 1250–1267. (In Russ.).

9. Jekologicheskij vestnik Dona «O sostojanii okruzhajushhej sredy i prirodnyh resursov Rostovskoj oblasti v 2022 godu» [Ecological Bulletin of the Don «On the state of the environment and natural resources of the Rostov region in 2022»] [Elektronnyj resurs]. Pravitel'stvo Rostovskoj oblasti, Ministerstvo prirodnyh resursov i jekologii Rostovskoj oblasti. Rostov-on-Don, 2023. 372 p. URL: <http://ecodon.dspl.ru> (data obrashhenija: 05.04.2024). (In Russ.).

10. Altieri M. A. Agroecology: A new research and development paradigm for world agriculture. *Agr. Ecosystems Environm.* 1989; 27(1/4): 37–46.

Статья поступила в редакцию 16.03.2024; одобрена после рецензирования 30.03.2024; принята к публикации 14.04.2024.

The article was submitted on 16.03.2024; approved after reviewing on 30.03.2024; accepted for publication on 14.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Долматова Людмила Георгиевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Землепользование и землеустройство», Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортунова (филиал), Донской государственный аграрный университет. Специалист в области исследования рационального использования земельных ресурсов и социо-эколого-экономических проблем землепользования в рыночных условиях.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111

Lyudmila G. Dolmatova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Chair «Land Use and Land Management», Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch), Don State Agrarian University. A specialist in the study of the rational use of land resources and the socio-ecological-economic problems of land use in market conditions.

111 Pushkinskaya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 332.365

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-114-129

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ РАЗРАБОТКИ И ВНЕДРЕНИЯ НАИЛУЧШИХ ДОСТУПНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБЛАСТИ ОБРАЩЕНИЯ С ЭЛЕКТРОННЫМИ ОТХОДАМИ

Людмила Николаевна Коришунова

*Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»,
Москва, Россия*

Inkorshunova76@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2346-6140

Аннотация. *Целью исследования* является систематизация эколого-экономических факторов разработки и внедрения наилучших доступных (НДТ) технологий в области обращения с электронными отходами в соответствии с принципами рециркуляционной экономики.

Методологическую базу исследования представляют следующие научные методы: систематизация научных знаний и опыта в разработке критериев выбора НДТ (метод обобщений); изучение российской и зарубежной практики нормативного регулирования порядка обращения с электронными отходами (экономико-правовой анализ); выявление взаимосвязи между факторами, влияющими на эколого-экономическое развитие системы обращения с отходами электронной промышленности, и критериями выбора НДТ (аналитический метод); оценка условий для создания эффективной системы управления отходами электронной промышленности (индукционный метод).

Результаты исследования. В данной статье факторы, влияющие на эколого-экономическое развитие системы обращения с электронными отходами, описаны и соотнесены с критериями выбора наилучших доступных технологий. К таким факторам следует отнести экологическую составляющую анализа продукции (обоснована необходимость установления нормативного требования описания химического состава продукции электронной промышленности), экологичность градостроительного проектирования (приведены аргументы целесообразности разработки мер поддержки сборщиков и переработчиков отходов и размещения достаточного количества пунктов сбора и утилизации отходов на территории каждого региона), экологичность инженерных изысканий (показано, что для получения достоверных результатов изысканий необходима полная информация о составе отходов), экологичность инженерно-технических решений (зависит от вида проектируемого объекта, его мощности и особенностей размещения). В статье обосновано, что эффективное построение и функционирование системы обращения с электронными отходами возможно при ее формировании на национальном, региональном и локальном уровне. При этом целесообразным является применение на всех названных уровнях принудительного, поощрительного и информационного методов регулирования.

Перспективы развития исследования заключаются в возможности создания системы обращения с электронными отходами на региональном уровне.

Ключевые слова: электронные отходы, обращение с отходами, эколого-экономическое развитие, экологический анализ продукции, экологичность градостроительных и инженерных решений

Для цитирования: Кориунова Л. Н. Систематизация эколого-экономических факторов разработки и внедрения наилучших доступных технологий в области обращения с электронными отходами // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 114–129. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-114-129>.

Original article

**SYSTEMATIZATION OF ENVIRONMENTAL AND ECONOMIC FACTORS
IN THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION
OF THE BEST AVAILABLE TECHNOLOGIES
IN THE ELECTRONIC WASTE MANAGEMENT FIELD**

Lyudmila N. Korshunova

***National University of Science and Technology «MISIS», Moscow, Russia
lnkorshunova76@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2346-6140***

Abstract. *The purpose of the research is to systematize the environmental and economic factors of the development and implementation of the best available technologies (BAT) in the field of electronic waste management in accordance with the recycling economics principles.*

The methodological basis of the research is provided by the following scientific methods: systematization of scientific knowledge and experience in the development of criteria for selecting BAT (generalization method); study of Russian and foreign practice of regulatory regulation of the procedure for handling electronic waste (economic and legal analysis); identifying the relationship between factors influencing the environmental and economic development of the electronic industry waste management system and the criteria for selecting BAT (analytical method); assessment of conditions for creating an effective waste management system for the electronics industry (inductive method).

Research result. *In this article, the factors influencing the environmental and economic development of the e-waste management system are described and correlated with the criteria for selecting the best available technologies. These factors include the environmental component of product analysis (the need to establish a regulatory requirement for describing the chemical composition of electronics industry products is substantiated), environmental friendliness of urban planning (arguments are given for the feasibility of developing measures to support waste collectors and recyclers and placing a sufficient number of waste collection and disposal points in each region), environmental friendliness of engineering surveys (it is shown that to obtain reliable research results, complete information about the composition of waste is required), environmental friendliness of engineering and technical solutions (depends on the type of object being designed, its capacity and placement features). The article substantiates that the effective functioning of the electronic waste management system is possible when it is formed at the national, regional and local levels. In this case, it is advisable to use compulsory, incentive and information methods of regulation at all these levels.*

The prospects for the development of the study *lie in the possibility of creating an electronic waste management system at the regional level.*

Keywords: *electronic waste, waste management, ecological and economic development, environmental analysis of products, environmental friendliness of urban planning and engineering solutions*

For citation: Korshunova L. N. Systematization of environmental and economic factors in the development and implementation of the best available technologies in the electronic waste management field // *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*. 2024; 17(2): 114–129. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-114-129>.

Введение. Проблемы защиты окружающей среды, имеющиеся на территории Российской Федерации, были сформулированы президентом Д.А. Медведевым еще в 2012 году в «Основах государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года»¹. В данном документе сформулирована стратегическая цель государственной политики в области экологического развития, в качестве которой заявлено «решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности».

Большинство стран мира в настоящее время приняли концепцию устойчивого развития и продекларированные в соответствии с данной концепцией цели как ориентир и одновременно как инструмент предотвращения различных, в том числе экологических, проблем. Проблематика управления устойчивым развитием вызывает интерес многих ученых [8; 7; 1]. Данная концепция нацеливает страны не на экономический рост как таковой, а на экологически ориентированный рост экономики. В связи с этим продекларирован переход к модели промышленного развития с применением наилучших доступных технологий (НДТ) — современных технологий, сочетающих эффективность и техническую доступность применения с целями охраны

окружающей среды. Нормативные документы Европейского Союза содержат термин «наилучшие доступные технические методы». При этом принципиальных отличий в понимании терминов в России и Европейском Союзе нет [3]. В настоящий момент одним из элементов перехода промышленности на принципы НДТ является процедура выдачи комплексных экологических разрешений (КЭР) [2] предприятиям, которая осуществляется в случае демонстрации данными предприятиями соответствия параметров своих производств параметрам НДТ в рассматриваемой отрасли. Следовательно, требуется выделить факторы, влияющие на эколого-экономическое развитие, и учитывать их при разработке НДТ. Поскольку именно экологические факторы играют приоритетную роль при анализе соответствующих технологий, требуется их интеграция во все компоненты оценки НДТ и системы выдачи КЭР. Современные исследователи отмечают, что «эколого-экономический анализ имеет фрагментарный, эпизодический характер» [5, с. 27]. В качестве объекта анализа можно назвать влияние производства на окружающую среду и меры, принимаемые для ее сохранения, размер и эффективность производимых предприятиями экологических платежей, а также эффективность внедряемых природоохранных мероприятий.

Система выдачи комплексных экологических разрешений должна быть нацелена на следование принципам обеспечения защиты окружающей среды. В качестве таких принципов в Европейском Союзе применяют критерии выбора наилучших доступных технических методов (НДТМ)²:

¹ Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117/ (дата обращения: 11.01.2024).

² Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2008/1/ЕС от 15 января 2008 г. о комплексном предотвращении и контроле загрязнений* (1) (кодифицированная версия) (текст в соответствии с ЕЭП) (текст в редакции Директивы 2009/31/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС от 23 апреля 2009 г.) [Электронный ресурс] // Электроэнергетический Совет Содружества Независимых Государств. Исполнительный комитет. URL: <http://energo-cis.ru/rumain75/> (дата обращения: 11.01.2024).

1) технология, минимизирующая количество отходов;

2) безопасное сырье, не содержащее токсичных для человека и окружающей среды веществ;

3) применение рециклинга и повторного использования продукции;

4) наличие успешного опыта применения данного способа производства, методов управления, бизнес-процессов в промышленных масштабах;

5) открытость сведений и возможность проведения бенчмаркинга как внутри страны, так и между странами;

6) инновационные преимущества;

7) количественные показатели всех видов возможного загрязнения;

8) срок ввода в эксплуатацию для новых и существующих установок;

9) сроки внедрения НДТМ;

10) характеристики потребляемого сырья, его количество и качественный состав;

11) энергоэффективность;

12) риски, связанные с возможным негативным воздействием на окружающую среду;

13) степень риска техногенных катастроф.

В результате внедрения системы КЭР должно произойти значительное улучшение экологических показателей. Критериями улучшения служат:

— производственная мощность;

— уровень воздействия на окружающую природную среду;

— снижение степени риска возникновения аварий, ведущих к негативным экологическим последствиям или катастрофам;

— уменьшение количества опасных отходов.

Без сомнения, в сфере комплексного экологического регулирования должны быть включены предприятия, производящие электронное оборудование, а также предприятия, реализующие процессы обработки, переработки и удаления отходов (в том числе полигоны, мусоросжигательные заводы и пр.). В идеале указанными процессами должны заниматься сами производящие предприятия, однако такой вариант затруднен тем фактом, что большая часть произведенного оборудования не остается в стране-производителе, а экспортируется. Это требует особенно продуманного подхода к разработке НДТ в обеих

указанных областях: производстве продукции и переработке отходов.

Цель исследования — систематизация эколого-экономических факторов разработки и внедрения наилучших доступных технологий в области обращения с электронными отходами в соответствии с принципами рециркуляционной экономики.

В данном исследовании решаются следующие задачи:

— выявить факторы, влияющие на эколого-экономическое развитие системы обращения с отходами электронной промышленности, и определить их приоритетность;

— соотнести выявленные факторы с критериями выбора НДТ;

— описать принципы реализации подхода на основе НДТ на национальном, региональном и локальном уровне (уровне предприятий).

Решение указанных задач позволит интегрировать экологические аспекты, составляющие сущность рассматриваемого подхода, во все компоненты системы обращения с отходами.

Результаты исследования. В данном исследовании в качестве эколого-экономических факторов разработки и внедрения наилучших доступных технологий в области обращения с электронными отходами выделены экологическая составляющая анализа продукции, экологичность градостроительного проектирования, экологичность инженерных изысканий, экологичность инженерно-технических решений. Именно экологические факторы играют ведущую роль при принятии решений в процедуре выдачи КЭР и при внедрении НДТ. Названные факторы расположены в порядке приоритетности с точки зрения автора и согласуются с критериями выбора НДТМ.

Экологическая составляющая анализа продукции должна включать в себя не только традиционные показатели природоемкости, которые в том числе рассматривают отходоёмкость в процессе производства продукции, но и то, какое влияние окажет данная продукция на окружающую среду после ее полезного использования и перехода в категорию отходов. Особенно важно это для отходов электронной промышленности по причине их многокомпонентности и наличия в них

опасных для человека и окружающей среды компонентов. С этой точки зрения необходимо закрепление на законодательном уровне требования полного описания химического состава электронной техники для более эффективной организации повторного использования или утилизации ее компонентов. В этом случае процесс производства электронного оборудования хорошо согласуется с критериями выбора НДТМ 10–12.

Экологичность градостроительного проектирования с точки зрения обращения с электронными отходами предполагает создание на уровне населенных пунктов системы возврата и сбора отходов, что включает организацию достаточного количества пунктов приема электронных отходов с одновременным сбором статистической информации об образовании отходов по видам и классам опасности, их обработке и утилизации в разрезе населенных пунктов. Такая информация позволит также более эффективно планировать размещение соответствующих мощностей перерабатывающих предприятий. Кроме того, с точки зрения этого фактора необходимо сформировать систему мер поддержки сборщиков и переработчиков электронных отходов, качественно оказывающих соответствующие услуги. Такие меры согласуются с критериями выбора НДТМ 1–7.

Экологичность инженерных изысканий предполагает на этапе проектирования объектов проведения работ, результатом которых является Технический отчет по результатам инженерно-экологических изысканий. При этом для планирования инженерных изысканий для создания программы работ и формирования перечня исследуемых показателей проводящей изыскания организации необходима информация о составе и характере отходов, образующихся в результате деятельности проектируемого объекта. Если речь идет о проектировании пункта сбора, предприятия по переработке и утилизации электронных отходов, необходима достоверная информация о химическом составе техники, перешедшей в категорию отходов, что еще раз подчеркивает необходимость закрепления обязанности указания химического состава оборудования (критерии 10–12).

Экологичность инженерно-технических решений отражается в разделе проектной

документации «Безопасность и экологичность». Раздел содержит результаты оценки воздействия проектируемого объекта на окружающую среду и мероприятия по предотвращению или снижению негативного воздействия. Содержание этого раздела зависит от вида проектируемого объекта, но в любом случае он должен включать обоснование решений по сбору, использованию, обезвреживанию, транспортировке и размещению опасных отходов. Применительно к предприятиям электронной промышленности в идеале производящее предприятие должно брать на себя и переработку пришедшего в негодность оборудования, но поскольку на данный момент реализация такого решения затруднена, соответствующие обоснования должны предоставлять предприятия-сборщики и переработчики. Данный фактор включает в себя все вышеперечисленные критерии выбора НДТМ.

Обсуждение. Автор придерживается точки зрения, что применительно к электронной промышленности должна использоваться концепция социальной ответственности производителя [4; 19] или корпоративной экологической ответственности [10], как наиболее соответствующая принципам рециркуляционной экономики, поэтому разработку и внедрение НДТ необходимо проводить именно с позиции этой концепции в долгосрочной перспективе. С этой же позиции проводится анализ факторов, влияющих на эколого-экономическое развитие системы обращения с отходами электронной промышленности. Факторы описаны в порядке приоритетности.

Экологическая составляющая анализа продукции. При оценке экологической составляющей промышленной продукции используют показатели природоёмкости. К таким показателям относят материалоёмкость, энергоёмкость, ресурсоёмкость и отходоёмкость. Первые три показателя — это удельные затраты соответственно материалов, энергии и ресурсов на единицу продукции.

Отходоёмкость представляет собой удельную величину загрязнения (интенсивность загрязнения) на единицу продукции. В качестве частных показателей отходоёмкости применяют удельные сбросы и выбро-

сы, а также удельное загрязнение твердыми отходами. При этом учитывается количество загрязняющих веществ, поступающих в атмосферу, поверхностные воды, а также количество твердых отходов.

Нормативное регулирование количества выбросов в атмосферу осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 04.05.1999 №96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха»³ (далее — Федеральный закон №96-ФЗ).

Для регулирования негативного воздействия на водные ресурсы применяются положения Водного кодекса Российской Федерации⁴, предусматривающего использование водных объектов для целей сброса сточных, в том числе дренажных, вод.

Кроме того, в рамках экологического анализа продукции существует процедура разработки экологической декларации продукции — экомаркировки в соответствии со стандартом ISO 14025:2006.

Однако, показатели природоёмкости и нормативное регулирование количества выбросов и сбросов нацелены на оценку негативного воздействия на окружающую среду в процессе производства той или иной продукции. Экологический анализ продукции позволяет оценить возможность негативного воздействия продукции на потребителей в процессе ее использования. При этом не учитывается негативное воздействие этой продукции на окружающую среду после завершения ее полезного использования с момента, когда она выходит из потребления и превращается в отходы.

Концепция социальной ответственности производителя предполагает, что еще на этапе разработки продукции производитель предусматривает способы ее безопасной утилизации. Особенностью продукции электронной промышленности является ее многокомпонентность. В качестве сырья в этой отрасли применяют различные полупроводники, металлические сплавы (в том числе содержащие тяжелые металлы), пластмассы,

стекло, пигменты и красители. Ряд веществ относится к классу опасных, а следовательно, недопустимо их попадание в окружающую среду, поэтому задачей производителя является использование при разработке продукции наименее опасных компонентов и одновременное предусмотрение способов обращения с отходами. Реализацию данной концепции затрудняет тот факт, что производители и потребители электронного оборудования зачастую находятся не только в разных городах, но и в разных странах, и даже на разных континентах. К тому же многокомпонентность продукции предполагает, что различные ее составные части производятся разными производителями. Например, микросхемы изготавливаются в Тайване, Корее или Японии, видеокарты и дисплеи — в Китае, а карты памяти — в США. Окончательная сборка единицы техники может производиться как на территории страны конечного потребителя, так и в любой другой стране. В таких условиях рациональным шагом представляется реализация концепции социальной ответственности через компании, осуществляющие продажу электроники конечным потребителям.

Оценка экологической составляющей продукции электронной промышленности обуславливает необходимость установления законодательным (нормативным) актом требования полного описания химического состава электронной техники, аналогично тому, как это сделано по продуктам питания [4]. Полная информация о составе техники позволит более эффективно организовать повторное использование ее компонентов и предотвратит попадание токсичных веществ в окружающую среду.

Экологичность градостроительного проектирования. Современная урбанизированная среда сосредоточивает в себе массу проблем, в том числе экологических. Необходимость решения этих назревших проблем при проектировании градостроительной де-

³ Федеральный закон «Об охране атмосферного воздуха» от 04.05.1999 №96-ФЗ (в ред. от 13.07.2023) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22971/ (дата обращения: 11.01.2024).

⁴ Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 №74-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60683/ (дата обращения: 11.01.2024).

тельности стала осознаваться в период перехода к концепции устойчивого развития. Многие программы экологической реконструкции городов включают меры, направленные на пересмотр систем водоотвода и орошения земель, внедрение на промышленных предприятиях очистных сооружений полного цикла, развитие систем энергосбережения, восстановление озеленения городов и т.д. В некоторых крупных и малых населенных пунктах был успешный опыт реализации современных градостроительных проектов еще в 90-е годы прошлого столетия. Так, Мигель Руано в своей работе⁵ описал 60 довольно удачных градостроительных проектов, реализованных в странах Европы, Австралии, США, Китае. Однако, при всей подробности описания данных проектов с приведением соответствующих планов и схем в данной работе всего один абзац посвящен отходам, которые неизбежно образуются в любых местах проживания людей. В нем говорится, что «в парадигме устойчивого развития отходы рассматриваются в качестве сырья или, по меньшей мере, как полезный побочный продукт, который повторно используется и позволяет таким образом сэкономить первоначальные виды сырья, и вредное воздействие на окружающую среду сокращается»⁶. Однако, конкретных технологий превращения отходов в сырье и удачных практик их внедрения не описано.

На сегодняшний день в России «Формирование комфортной городской среды» — это федеральный проект национального проекта «Жилье и городская среда», начало реализации которого было положено в 2016 году. Одним из результатов реализации этого проекта стало формирование системы оценки качества и комфорта городской среды, на основе которой формируется индекс качества городс-

кой среды. В рамках проекта Правительством Российской Федерации утверждена Методика формирования индекса качества городской среды⁷ (далее — Методика). При расчете индекса учитываются показатели по шести направлениям (типам пространства), в целом Методика содержит 36 индикаторов оценки. При рассмотрении всех индикаторов было выявлено, что лишь один показатель из группы «Жилье и прилегающие пространства» учитывает необходимость регулирования обращения с отходами. В первоначальной редакции формулировка этого индикатора была следующая: «Количество вывезенных твердых коммунальных отходов на душу населения», что, конечно, совершенно не отвечает целям устойчивого развития и принципам рециркуляционной экономики. Однако в редакции от 30.12.2020 показатель звучит как «Доля твердых коммунальных отходов, направленных на обработку, в общем объеме образованных и вывезенных твердых коммунальных отходов (процентов)». Таким образом, постепенно формируются индикаторы, учитывающие не просто вывоз твердых коммунальных отходов с территории городов, но и порядок обращения с ними.

Отметим, что в период с 2019 года соответствующие показатели разработаны Росприроднадзором, данные для их расчета собираются в виде формы федерального статистического наблюдения 2-ТП (отходы) «Сведения об образовании, обработке, утилизации, обезвреживании, размещении отходов производства и потребления»⁸. Исходя из полученных данных, рассчитывают показатели доли твердых коммунальных отходов, направленных на утилизацию, в общем объеме образованных твердых коммунальных отходов и доли твердых коммунальных отходов, направленных на обработку, в общем объ-

⁵ Руано М. Экологическое градостроительство: учеб. пособие / Пер. Н.Г. Благовидовой. М.: МАРХИ, 2014. 206 с.

⁶ Там же, с. 17–18.

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 23.03.2019 №510-р (ред. от 20.09.2023) «Об утверждении Методики формирования индекса качества городской среды» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320891/5367a1a2e99503d8fb75ed0d19e37a63077d241/ (дата обращения: 10.01.2024).

⁸ Приказ Росстата от 09.10.2020 №627 (ред. от 13.11.2020) «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения с указаниями по ее заполнению для организации Федеральной службой по надзору в сфере природопользования федерального статистического наблюдения за отходами производства и потребления» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365045/ (дата обращения: 10.01.2024).

еме образованных твердых коммунальных отходов. Данные из форм статистического наблюдения⁹ позволяют систематизировать информацию по образовавшимся отходам по видам (в том числе выделить электронные отходы), классу опасности и, что особенно важно, сведения об их обработке, утилизации и захоронению [3]. По нашему мнению, такая информация должна собираться и в разрезе населённых пунктов, что позволит учитывать эту информацию при разработке градостроительных проектов.

Целесообразно также при осуществлении градостроительного проектирования предусматривать соответствующие пункты приема электронных отходов, которых с каждым годом будет становиться все больше, о чем свидетельствуют многие исследования в данной области [17; 20; 9; 10]. По данным Глобального мониторинга¹⁰, образование электронных отходов будет расти в среднем на 2 млн тонн в год: до 74,7 млн тонн в 2030 году и до 110 млн тонн в 2050 году — если не будут меняться методы обращения с электронными отходами. Например, страны ЕС согласно Директиве Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2008/98/ЕС¹¹ в рамках упомянутой схемы расширенной ответственности производителя принимают меры для информирования владельцев отходов о способах предотвращения образования отходов, о центрах повторного использования и подготовки к повторному использованию, системах возврата и сбора и о предотвращении засорения. Также в государствах-членах ЕС предусмотрены льготы для владельцев отходов в том случае, если они направляют отходы в имеющуюся систему сбора.

Таким образом, для эффективного функционирования такой системы необходимо, во-первых, четко определить категорию «владельцы отходов», во-вторых, создать систему

возврата и сбора отходов, в-третьих, сформировать систему их повторного использования и безопасной утилизации. Наконец, необходима система экономических льгот для владельцев отходов при добросовестном направлении ими отходов в систему сбора.

На текущий момент в Российской Федерации такие системы не сформированы. Имеется некоторый положительный опыт сбора отходов продавцами соответствующего оборудования. Так, Группа М. Видео-Эльдорадо, ведущая российская компания в сфере розничной торговли электроникой и бытовой техникой, опубликовала результаты исследования российского рынка сбора и утилизации электронных отходов¹², проведенного компанией с момента запуска в России реформы отрасли обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО). По данным этого исследования, несмотря на значительный рост с 2019 года объемов сбора (в 2,5 раза) и переработки (в 3,5 раза) электроники, а также рост мощностей перерабатывающих предприятий, этого недостаточно для охвата всего образуемого объема электронных отходов. По словам директора Ассоциации «СКО Электроника-утилизация» Владислава Бондарева, «сегодня на федеральном уровне не предусмотрены меры поддержки для сборщиков и переработчиков электронных отходов, а также не созданы основы для мотивации бизнеса на заказ качественной услуги утилизации, осуществляемой безопасным для природы образом». В данном исследовании указан перечень городов, жители которых передают на переработку наибольшее количество техники. В этом перечне ожидаемо находятся Москва, Санкт-Петербург, также названы Новосибирск, Ярославль и Самара. Меньшая активность жителей других городов связана, в первую очередь, со значительно

9 Информация об образовании, обработке, утилизации, обезвреживании, размещении отходов производства и потребления [Электронный ресурс] // Росприроднадзор. URL: <https://rpn.gov.ru/open-service/analytic-data/statistic-reports/production-consumption-waste/> (дата обращения: 12.01.2024).

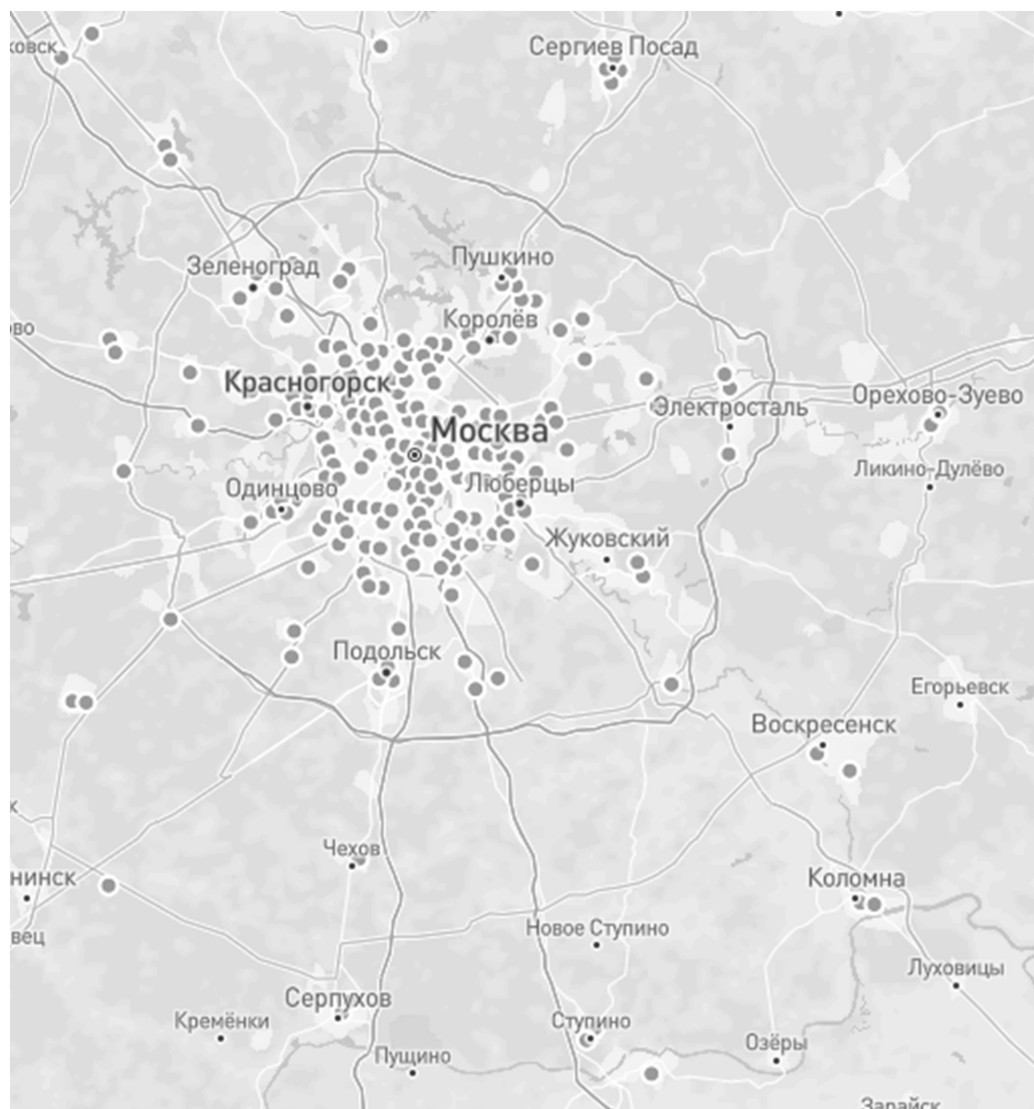
10 Nageler-Petriz H. Global e-waste flows monitor 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://waste-management-world.com/materials/global-e-waste-flows-monitor/> (дата обращения: 10.01.2024).

11 Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2008/98/ЕС от 19 ноября 2008 г. об отходах и отмене ряда Директив (ред. от 30.05.2018) [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/2568519/> (дата обращения: 12.01.2024).

12 Исследование М. Видео-Эльдорадо: переработка электронных отходов в РФ с 2019 года выросла в 3,5 раза [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mvideoldorado.ru/ru/press-centr/press-relizy/detail/3035> (дата обращения: 12.01.2024).

меньшим количеством соответствующих пунктов приема. По данным, размещенным на портале Ассоциации по охране окружающей среды¹³, в Москве и Московской области карта возможных пунктов приема техники выглядит, как показано на рис. 1.

Если же посмотреть на количество пунктов в других, даже крупных городах России, то количество таких пунктов будет значительно меньше. Так, в районе города Калуга (население 358,96 тыс. чел.¹⁴) обнаруживается только два пункта приема, в районе го-

● - Размещение пунктов приема техники

Рис. 1. Размещение пунктов приема техники в Москве и Московской области¹⁵

Fig. 1. Placement of equipment reception points in Moscow and the Moscow region

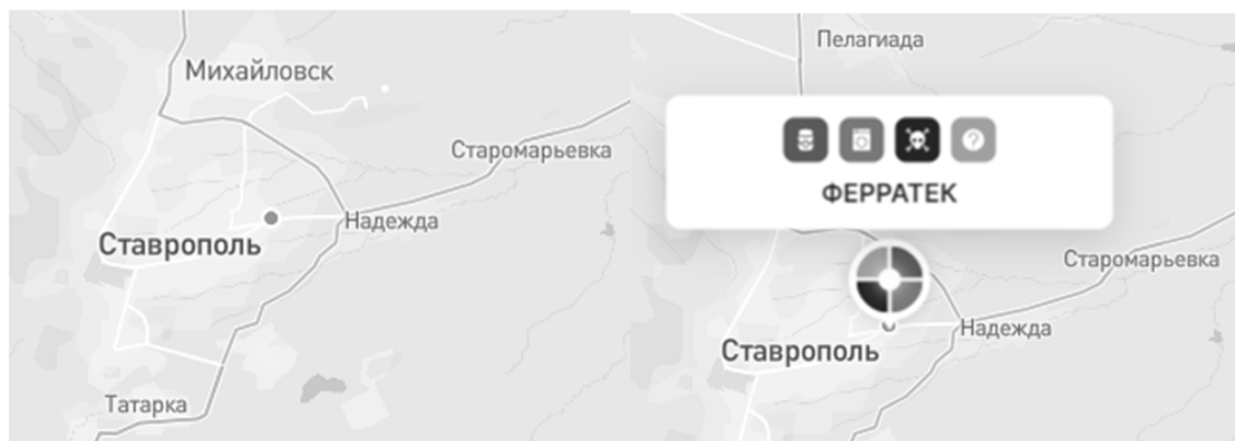
¹³ Земля касается каждого [Электронный ресурс]. URL: https://earthtouches.me/?utm_source=recyclemap&utm_medium=referral&utm_campaign=recyclemap-source&utm_content=abccource.

¹⁴ Итоги социально-экономического развития муниципального образования «Город Калуга» за 2022 год [Электронный ресурс] // Городская управа города Калуги. URL: <https://www.kaluga-gov.ru/o-kaluge/razvitie-goroda/statistika/19312/#:~:text=%D0%9F%D0%BE%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D1%8E%20%D0%BD%D0%B0%2001.01.2023,%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D1%8F%D0%B5%D1%82%20358%2C96%20%D1%82%D1%8B%D1%81%D1%8F%D1%87%20%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BA>.

¹⁵ Источник: Recyclemap [Электронный ресурс] // Земля касается каждого. URL: <https://recyclemap.ru/viewer?center=38.483355,55.475141,8.22&fractions=9>.

рода Тула (население 542,52 тыс. чел.¹⁶) — один, в Томске и Томской области (население 1051,9 тыс. чел.¹⁷) — семь пунктов. Один пункт найден в районе города Ставрополя (население 552 тыс. чел.¹⁸) (рис. 2), это отделение компании ФЕРРАТЕК, причем по работе этого пункта приведены отзывы, по содержанию которых можно понять, что сдать технику в нем могут только юридические лица.

Похожая ситуация наблюдается и в других городах России. Такая ситуация не способствует выработке соответствующих привычек у потребителей по ответственному обращению с электронными отходами, как это постепенно происходит в развитых странах [18]. Исследователи отмечают важность информирования и доступности переработки для появления и закрепления таких привычек [12; 14; 15; 11; 16]. Приведенные данные

Комментарии сообщества

ЕИ Елена Исакова
07 ноября 2019

Это отделение краснодарской компании. В Ставрополе принимают только цветные металлы. Не работают с физическими лицами.

ТМ Татьяна Мирончук
23 января 2019

По указанному (8918228822) телефонному номеру сказали, что организация находится в Краснодаре.

Рис. 2. Имеющийся пункт приема техники в Ставрополе¹⁹

Рис. 2. Имеющийся пункт приема техники в Ставрополе

16 В Тульской области Каменский район стал самым малочисленным муниципалитетом [Электронный ресурс] // Тульская пресса. URL: <https://tulapressa.ru/2023/04/v-tulskoj-oblasti-kamenskij-rajon-stal-samym-malochislennym-municipalitetom/#:~:text=%D0%92%20%D0%A2%D1%83%D0%BB%D0%B5%2C%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%B4%D0%B0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%BC%20%C2%AB%D0%A2%D1%83%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B0,%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B6%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%B8%20542%20516%20%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BA>.

17 Численность населения в Томской области [Электронный ресурс] // GOGOV. URL: <https://gogov.ru/population-ru/tms>.

18 Население Ставрополя впервые превысило 550 тысяч человек [Электронный ресурс] // RGRU. URL: <https://rg.ru/2023/09/21/reg-skfo/naselenie-stavropolia-vpervye-prevysilo-550-tysiach-chelovek.html>

19 Источник: Recyclemap [Электронный ресурс] // Земля касается каждого. URL: <https://recyclemap.ru/viewer/points/5161?center=46.850839,51.609941,6.71&fractions=9>.

говорят о необходимости при градостроительном проектировании и реализации программ экологической реконструкции городов предусматривать соответствующие пункты приема техники, расширять мощности перерабатывающих предприятий при поддержке сборщиков и переработчиков на уровне федеральных программ. Такие меры согласуются с критериями выбора НДТМ 1–7.

Экологичность инженерных изысканий. Понятие инженерно-экологических изысканий появилось сравнительно недавно. Применяется преимущественно по отношению к строительству различных объектов на этапе их проектирования, а также по отношению к реконструкционным работам и работам по модернизации объектов. В России изыскания регламентируются требованиями СП 47.13330.2016 (актуализированная редакция СНиП 11-02-96) «Инженерные изыскания для строительства. Основные положения»²⁰ и СП 502.1325800.2021 «Свод правил. Инженерно-экологические изыскания для строительства. Общие правила производства работ»²¹.

Применительно к объектам, связанным с захоронением и обезвреживанием отходов, наиболее значимой является информация о химическом загрязнении почв, грунтов, донных отложений, поверхностных и подземных вод [6]. Согласно п. 2 ст. 47 Градостроительного кодекса РФ, соответствующие изыскания должны выполняться только индивидуальными предпринимателями или юридическими лицами, которые являются членами саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, если иное не предусмотрено настоящей статьей. Названные индивидуальные предприниматели или юридические лица при проведении инженерно-экологических изысканий проводят ряд работ, результатом которых является Технический отчет по результатам инженерно-экологических изысканий. Перечень ис-

следуемых показателей в данном отчете варьируется в зависимости от типа проектируемого объекта, однако является вполне стандартным. Так, для оценки загрязнения почвы и грунта перечень показателей включает выявление содержания тяжелых металлов, нефтепродуктов, бенз(а)пирена, водорода, а также суммарный показатель загрязнения. При этом организации, проводящей изыскания, для формирования программы работ и составления перечня показателей необходима информация о составе и характере отходов, что свидетельствует о необходимости полного описания химического состава электронной техники, переходящей в категорию отходов, о чем было упомянуто выше.

Экологичность инженерно-технических решений. При строительстве, реконструкции или модернизации различных объектов экологичность инженерно-технических решений обосновывается в разделе проектной документации «Безопасность и экологичность». В числе прочих мер безопасности в данном разделе приводят результаты оценки воздействия объекта на окружающую среду, а также формируется перечень мероприятий по предотвращению или снижению возможного негативного воздействия данного объекта как в период строительства, так и в период его эксплуатации (рис. 3).

Таким образом, в разделе проектной документации «Безопасность и экологичность» обоснованию решений по сбору, использованию, обезвреживанию, транспортировке и размещению опасных отходов отведено отдельное место. Содержание и реализация этих решений в области электронных отходов будет зависеть от вида проектируемого объекта (производящий электронное оборудование или перерабатывающий электронные отходы), его мощности и особенностей размещения. Данный фактор включает в себя все вышеперечисленные критерии выбора НДТМ.

20 СП 47.13330.2016 Инженерные изыскания для строительства. Основные положения. Актуализированная редакция СНиП 11-02-96 [Электронный ресурс]. URL: <https://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=101&page=1&month=-1&year=-1&search=&RegNum=54&DocOnPageCount=100&id=198870&pageK=47DF167E-6442-4DC1-AAFB-3787CDBFFDB7F> (дата обращения: 11.01.2024).

21 СП 502.1325800.2021. Свод правил. Инженерно-экологические изыскания для строительства. Общие правила производства работ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/131522/> (дата обращения: 11.01.2024).

Заключение. Выявленные факторы, влияющие на эколого-экономическое развитие системы обращения с отходами электронной промышленности, позволяют сделать вывод о том, что для успешного функционирования такой системы необходимо ее формирование на национальном, региональном и локальном уровне.

На национальном уровне следует сформировать инфраструктуру для появления и внедрения НДТ и разработки соответствующих справочников с размещением их в открытом доступе. Также на национальном уровне с последующим доведением до региональных уровней необходима координация экологической и промышленной политики,

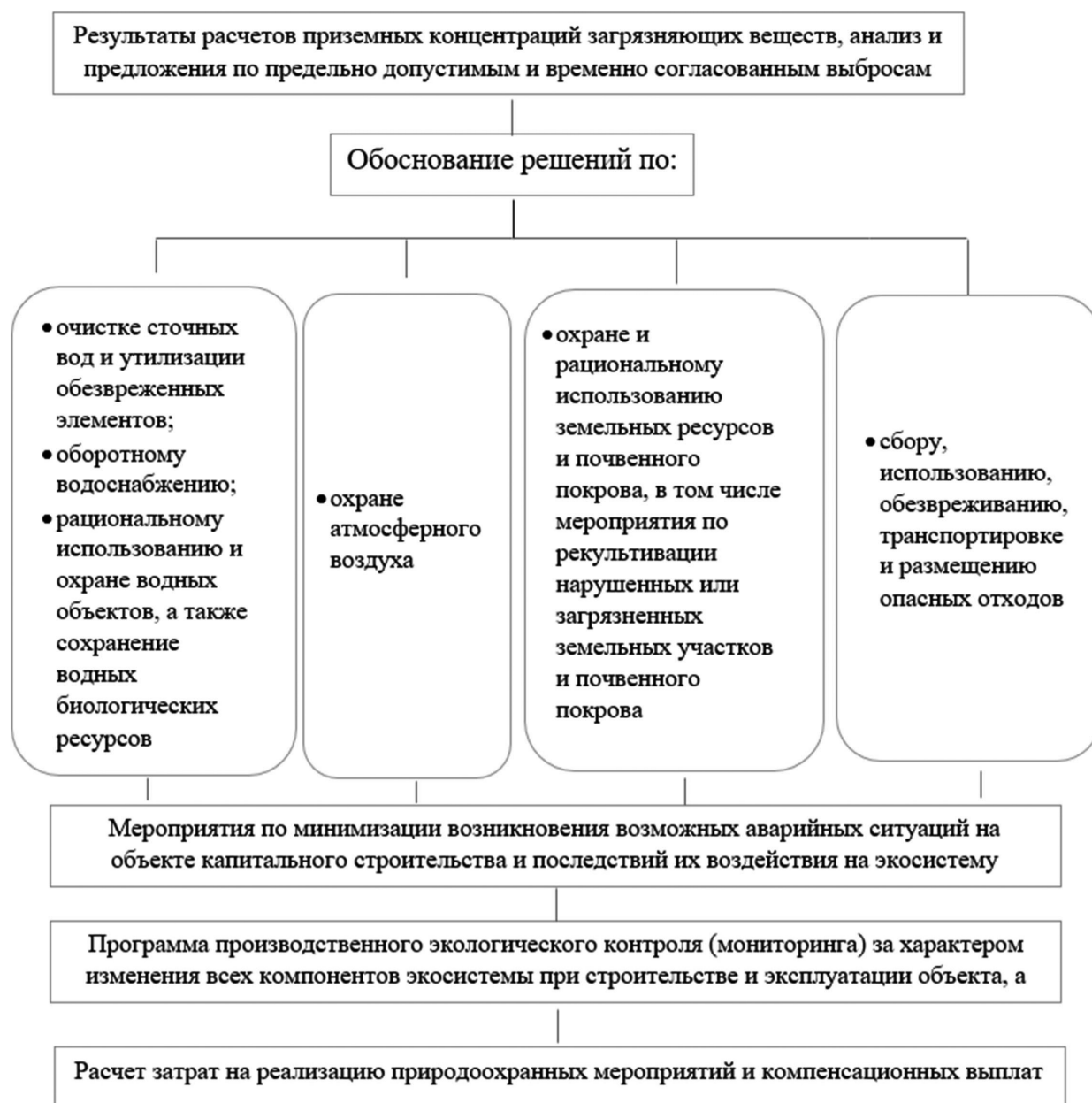

Рис. 3. Мероприятия по предотвращению или снижению возможного негативного воздействия проектируемого объекта на окружающую среду²²

Fig. 3. Measures to prevent or reduce the possible negative impact of the projected facility on the environment

²² Источник: составлено автором.

их согласованность и тесное взаимодействие. Потребуется также государственная поддержка внедрения НДТ в области обращения с отходами с проведением соответствующей инвестиционной политики.

На локальном уровне и уровне отдельных предприятий потребуется распространение системы экологического менеджмента и включение ее в организационную структуру соответствующих предприятий.

При этом на каждом из перечисленных уровней целесообразно применение трех методов регулирования в обращении с отходами: принудительного (принятие нормативных актов, устанавливающих обязательные требования и нормативы), поощрительного (государственная поддержка сборщиков и переработчиков, добросовестно выполняющих свои функции безопасным для природы способом), информационного (массовая пропаганда экологических способов обращения с отходами среди предприятий и населения).

Список источников

1. Дзедик В. А., Усачева И. В. Устойчивое развитие и ESG-концепция производства в контексте возможностей Индустрии 4.0 // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2022. Т. 24. №2. С. 23–37. DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2022.2.2>.
2. Закондырин А. Е. Ключевые принципы концепции наилучших доступных технологий в промышленности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. №7-2. С. 231–238. DOI: [10.17513/vaael.2325](https://doi.org/10.17513/vaael.2325).
3. Коршунова Л. Н. Выявление приоритетных способов переработки отходов электронной промышленности на основе принципов наилучшей доступной технологии // Экономика промышленности / Russian Journal of Industrial Economics. 2023. №16(4). С. 410–418. DOI: <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-4-1208>.
4. Коршунова Л. Н., Сидорова Е. Ю., Костюхин Ю. Ю. Факторы и ориентиры рециркуляционной экономики России и построение системы управления отходами // Экономика промышленности / Russian Journal of Industrial Economics. 2022. №15(3). С. 276–286. DOI: <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2022-3-276-286>.
5. Нужнина И. П., Полякова О. П., Юдахина О. Б. Эколого-экономический анализ как инструмент и функция экологически ориентированного управления предприятиями инвестиционно-строительного комплекса // Вопросы управления. 2010. №27(192). С. 26–33.
6. Папунов Д. В., Кунаков К. О. Инженерно-экологические изыскания для объектов размещения и (или) обезвреживания отходов. Особенности проведения [Электронный ресурс] // Вестник государственной экспертизы. 2021. №2. URL: <https://geoinfo.ru/product/kirill-kunakov/inzhenerno-ehkologicheskie-izyskaniya-dlya-obektov-razmeshcheniya-i-ili-obezvrezhivaniya-othodov-osobennosti-provedeniya-45544.shtml> (дата обращения: 11.01.2024).
7. Потапова Е. А., Каргина Е. В. Анализ российского рынка инструментов финансирования устойчивого развития и факторов, ограничивающих его рост // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2022. №1. С. 25–31. DOI: <https://doi.org/10.18323/2221-5689-2022-1-25-31>.
8. Рамзаев В. М., Журова Л. И. Современные аспекты управления устойчивым развитием компаний на основе ESG-инструментов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2023. №4. С. 19–29. DOI: [10.18323/2221-5689-2023-4-19-29](https://doi.org/10.18323/2221-5689-2023-4-19-29).
9. Фаюстов А., Гуреев П. Проблемы управления отходами электрического и электронного оборудования // Экология и промышленность России. 2020. №24(6). С. 60–66. DOI: <https://doi.org/10.18412/1816-0395-2020-6-60-66>.
10. Чжан Ц., Недоспасова О. П. Корпоративная экологическая ответственность: эволюция и тенденции развития // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2023. №64. С. 134–150. DOI: [10.17223/19988648/64/10](https://doi.org/10.17223/19988648/64/10).
11. Aboelmaged M. E-waste recycling behaviour: An integration of recycling habits into the theory of planned behaviour // Journal of Cleaner Production. 2021. №278. Pp. 124–182. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.124182>.

12. Arain A. L., Pummill R., Adu-Brimpong J., Becker S., Green M., Ilardi M., Van Dam E., Neitzel R. L. Analysis of e-waste recycling behavior based on survey at a Midwestern US University // *Waste Management*. 2020. Vol. 105. Pp. 119–127. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.wasman.2020.02.002>.

13. Chen M., Ogunseitan O. A. Zero E-waste: Regulatory impediments and blockchain imperatives // *Frontiers of Environmental Science & Engineering*. 2021. №15. P. 114. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11783-021-1402-x>.

14. Corsini F., Gusmerotti N., Frey M. Consumer's circular behaviors in relation to the purchase, extension of life, and end of life management of electrical and electronic products: A review // *Sustainability*. 2020. №12(24). P. 10443. DOI: <https://doi.org/10.3390/su122410443>.

15. Delcea C., Crăciun L., Ioanăș C., Ferruzzi G., Cotfas L.-A. Determinants of Individuals' E-Waste Recycling Decision: A Case Study from Romania // *Sustainability*. 2020. №12. Pp. 27–53. DOI: <https://doi.org/10.3390/su12072753>.

16. Echegaray F., Hansstein F. V. Assessing the intention-behavior gap in electronic waste recycling: the case of Brazil // *Journal of Cleaner Production*. 2017. №142(1). Pp. 180–190. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2016.05.064>.

17. Kang Liu, Quanyin Tan, Jiadong Yu, Mengmeng Wang. A global perspective on e-waste recycling // *Circular Economy*. 2023. Vol. 2. Issue 1. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cec.2023.100028>.

18. Mohamed Aboelmaged. E-waste recycling behaviour: An integration of recycling habits into the theory of planned behaviour // *Journal of Cleaner Production*. 2021. Vol. 278. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.124182>.

19. Osipov V. S., Krupnov Yu. A., Semenova G. N., Tkacheva M. V. Ecologically Responsible Entrepreneurship and Its Contribution to the Green Economy's Sustainable Development: Financial Risk Management Prospects // *Risks*. 2022. №10. P. 44. DOI: <https://doi.org/10.3390/risks10020044>.

20. Rajesh Ahirwar, Amit K. Tripathi. E-waste management: A review of recycling process, environmental and occupational health hazards, and potential solutions // *Environmental Nanotechnology, Monitoring & Management*. 2021. Vol. 15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enmm.2020.100409>.

References

1. Dzedik V. A., Usacheva I. V. Ustojchivoe razvitie i ESG-koncepcija proizvodstva v kontekste vozmozhnostej Industrii 4.0 [Sustainable development and ESG-the concept of production in the context of the possibilities of Industry 4.0]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika [Bulletin of Volgograd State University. Economy]*. 2022. 2022; 24(2): 23–37. DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2022.2.2>. (In Russ.).

2. Zakondyrin A. E. Ključevye principy koncepcii nailuchshih dostupnyh tehnologij v promyshlennosti [Key principles of the concept of the best available technologies in industry]. *Vestnik Altajskoj akademii jekonomiki i prava [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]*. 2022; (7-2): 231–238. DOI: 10.17513/vael.2325. (In Russ.).

3. Korshunova L. N. Vyjavlenie prioritetnyh sposobov pererabotki othodov jelektronnoj promyshlennosti na osnove principov nailuchshej dostupnoj tehnologii [Identification of priority ways of recycling electronic industry waste based on the principles of the best available technology]. *Jekonomika promyshlennosti [Industrial Economics] / Russian Journal of Industrial Economics*. 2023; 16(4): 410–418. DOI: <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-4-1208>. (In Russ.).

4. Korshunova L. N., Sidorova E. Ju., Kostjuhin Ju. Ju. Faktory i orientiry recirkuljacionnoj jekonomiki Rossii i postroenie sistemy upravlenija othodami [Factors and guidelines of the recycling economy of Russia and the construction of a waste management system]. *Jekonomika promyshlennosti [Industrial Economics] / Russian Journal of Industrial Economics*. 2022; 15(3): 276–286. DOI: <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2022-3-276-286>. (In Russ.).

5. Nuzhnina I. P., Poljakova O. P., Judahina O. B. Jekologo-jekonomicheskij analiz kak instrument i funkciya jekologicheskij orientirovannogo upravlenija predpriyatijami investicionno-stroitel'nogo kompleksa [Ecological and economic analysis as a tool and function of environmentally oriented management of enterprises of the investment and construction complex]. *Voprosy upravlenija [Issues of management]*. 2010; 27(192): 26–33. (In Russ.).

6. Papunov D. V., Kunakov K. O. Inženerno-jekologicheskie izyskanija dlja ob'ektov

razmeshheniya i (ili) obezvrezhivaniya othodov. Osobennosti provedeniya [Engineering and environmental surveys for waste disposal and (or) disposal facilities. Features of the event] [Elektronnyy resurs]. *Vestnik gosudarstvennoy jekspertizy* [Bulletin of the State expertise]. 2021; (2). URL: <https://geoinfo.ru/product/kirill-kunakov/inzhenerno-ehkologicheskie-izyskaniya-dlya-obektov-razmeshcheniya-i-ili-obezvrezhivaniya-othodov-osobennosti-provedeniya-45544.shtml> (data obrashheniya: 11.01.2024). (In Russ.).

7. Potapova E.A., Kargina E.V. Analiz rossijskogo rynka instrumentov finansirovaniya ustojchivogo razvitiya i faktorov, ograničivajushhih ego rost [Analysis of the Russian market of financing instruments for sustainable development and factors limiting its growth]. *Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Jekonomika i upravlenie* [Vector of Science of Tolyatti State University. Series: Economics and Management]. 2022; (1): 25–31. DOI: <https://doi.org/10.18323/2221-5689-2022-1-25-31>. (In Russ.).

8. Ramzaev V.M., Zhurova L.I. Sovremennye aspekty upravleniya ustojchivym razvitiem kompanij na osnove ESG-instrumentov [Modern aspects of managing sustainable development of companies based on ESG tools]. *Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Jekonomika i upravlenie* [Vector of Science of Tolyatti State University. Series: Economics and Management]. 2023; (4): 19–29. DOI: [10.18323/2221-5689-2023-4-19-29](https://doi.org/10.18323/2221-5689-2023-4-19-29). (In Russ.).

9. Fajustov A., Gureev P. Problemy upravleniya othodami jelektricheskogo i jelektronnogo oborudovaniya [Problems of waste management of electrical and electronic equipment]. *Jekologija i promyshlennost' Rossii* [Ecology and industry of Russia]. 2020; 24(6): 60–66. DOI: <https://doi.org/10.18412/1816-0395-2020-6-60-66>. (In Russ.).

10. Chzhan C., Nedospasova O.P. Korporativnaja jekologicheskaja otvetstvennost': jevoljucija i tendencii razvitiya [Corporate environmental responsibility: evolution and development trends]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika* [Bulletin of Tomsk State University. Economy]. 2023; (64): 134–150. DOI: [10.17223/19988648/64/10](https://doi.org/10.17223/19988648/64/10). (In Russ.).

11. Aboelmaged M. E-waste recycling behaviour: An integration of recycling habits into the theory of planned behaviour. *Journal of*

Cleaner Production. 2021; (278): 124–182. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.124182>.

12. Arain A.L., Pummill R., Adu-Brimpong J., Becker S., Green M., Ilardi M., Van Dam E., Neitzel R.L. Analysis of e-waste recycling behavior based on survey at a Midwestern US University. *Waste Management*. 2020; (105): 119–127. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.wasman.2020.02.002>.

13. Chen M., Ogunseitan O.A. Zero E-waste: Regulatory impediments and blockchain imperatives. *Frontiers of Environmental Science & Engineering*. 2021; (15): 114. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11783-021-1402-x>.

14. Corsini F., Gusmerotti N., Frey M. Consumer's circular behaviors in relation to the purchase, extension of life, and end of life management of electrical and electronic products: A review. *Sustainability*. 2020; 12(24): 10443. DOI: <https://doi.org/10.3390/su122410443>.

15. Delcea C., Crăciun L., Ioanăș C., Ferruzzi G., Cotfas L.-A. Determinants of Individuals' E-Waste Recycling Decision: A Case Study from Romania. *Sustainability*. 2020; (12): 27–53. DOI: <https://doi.org/10.3390/su12072753>.

16. Echegaray F., Hansstein F.V. Assessing the intention-behavior gap in electronic waste recycling: the case of Brazil. *Journal of Cleaner Production*. 2017; 142(1): 180–190. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2016.05.064>.

17. Kang Liu, Quanyin Tan, Jiadong Yu, Mengmeng Wang. A global perspective on e-waste recycling. *Circular Economy*. 2023; 2(1). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cec.2023.100028>.

18. Mohamed Aboelmaged. E-waste recycling behaviour: An integration of recycling habits into the theory of planned behaviour. *Journal of Cleaner Production*. 2021; (278). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.124182>.

19. Osipov V.S., Krupnov Yu. A., Semenova G.N., Tkacheva M.V. Ecologically Responsible Entrepreneurship and Its Contribution to the Green Economy's Sustainable Development: Financial Risk Management Prospects. *Risks*. 2022; (10): 44. DOI: <https://doi.org/10.3390/risks10020044>.

20. Rajesh Ahirwar, Amit K. Tripathi. E-waste management: A review of recycling process, environmental and occupational health hazards, and potential solutions. *Environmental Nanotechnology, Monitoring & Management*. 2021; (15). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enmm.2020.100409>.

Статья поступила в редакцию 03.03.2024; одобрена после рецензирования 21.03.2024; принята к публикации 14.04.2024.
The article was submitted on 03.03.2024; approved after reviewing on 21.03.2024; accepted for publication on 14.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коршунова Людмила Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС».
Россия, г. Москва, Ленинский пр., 4, стр. 1

Lyudmila N. Korshunova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, National University of Science and Technology «MISIS».
6 Leninsky ave., bld. 1, Moscow, Russia

Научная статья

УДК 336.76

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-130-137

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И НЕЙРОСЕТЕЙ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ФОНДОВОГО РЫНКА

Михаил Михайлович Куликов

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

kulikovmichael@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4139-9391,

AuthorID РИНЦ: 360563, AuthorID Scopus: 57209222679

Аннотация. *Целью исследования* является оценка возможностей использования элементов искусственного интеллекта, включая нейросети, для прогнозирования ситуации на фондовом рынке.

Методологическую базу исследования представляют нормативно-правовые акты по деятельности на фондовом рынке, по использованию искусственного интеллекта и нейронных сетей, статистические данные по использованию нейросетей и динамике рынка акций технологических компаний, связанных с искусственным интеллектом, научные публикации по классификации и использованию искусственного интеллекта нейросетей, а также элементы структурного анализа. Применение этих методов и подходов позволяет изучить возможности использования инструментов искусственного интеллекта и нейросетей на фондовом рынке, исследовать возможные альтернативные варианты и комбинации нейросетевых методов, оценить возможные результаты от использования нейросетей на фондовом рынке.

Результаты исследования. В статье изучается возможность использования инструментов искусственного интеллекта и нейронных сетей на фондовом рынке. Представлено, как нейронные сети применяются для верификации гипотезы эффективного фондового рынка. Предложена структура нейросети и конфигурация целевого вектора для работы на фондовом рынке. Представлена математическая модель по верификации нейросети на фондовом рынке. Нейронные сети требуют тщательного и эффективного обучения для повышения качества прогнозов и при соответствующем подходе дают результаты лучшие, чем остальные методы предсказания. Это позволяет использовать их для прогнозирования изменения хаотических многофакторных систем, включая фондовый рынок.

Перспективу исследования составляет проверка реального обучения нейросетей по реальной деятельности на фондовом рынке.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, прогнозирование, фондовый рынок, моделирование

Для цитирования: Куликов М. М. Возможности использования инструментов искусственного интеллекта и нейросетей для прогнозирования фондового рынка // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 130–137. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-130-137>.

Original article

POSSIBILITIES OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TOOLS AND NEURAL NETWORKS FOR STOCK MARKET FORECASTING

Mikhail M. Kulikov

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
kulikovmichael@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4139-9391,
AuthorID RSCI: 360563, AuthorID Scopus: 57209222679*

Abstract. *The purpose of the study is to assess the possibilities of using elements of artificial intelligence, including neural networks, to predict the situation on the stock market.*

The methodological base of the study is represented by regulations on activities in the stock market, on the use of artificial intelligence and neural networks, statistical data on the use of neural networks and the dynamics of the stock market of technology companies related to artificial intelligence, scientific publications on the classification and use of artificial intelligence of neural networks, as well as elements of structural analysis. The use of these methods and approaches allows us to study the possibilities of using artificial intelligence tools and neural networks in the stock market, explore possible alternatives and combinations of neural network methods, and evaluate possible results from the use of neural networks in the stock market.

The results of the study. The article examines the possibility of using artificial intelligence tools and neural networks in the stock market. It is presented how neural networks are used to verify the hypothesis of an efficient stock market. The structure of the neural network and the configuration of the target vector for working on the stock market are proposed. A mathematical model for verifying a neural network on the stock market is presented. Neural networks require careful and efficient training to improve the quality of predictions, and when properly trained, produce results that are better than other prediction methods. This allows them to be used to predict changes in chaotic multifactor systems, including the stock market.

The prospect of the research is to test the actual training of neural networks based on real activity on the stock market.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, forecasting, stock market, modeling

For citation: Kulikov M. M. Possibilities of using artificial intelligence tools and neural networks for stock market forecasting // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 130–137. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-130-137>.

Введение. В настоящее время фондовый рынок переживает сильнейшее воздействие технологий искусственного интеллекта (ИИ). Сейчас на рынке США с ИИ больше всего ассоциируются NVIDIA (производство чипов) и Microsoft (из-за доли в OpenAI). После того как NVIDIA показала по итогам 2023 года рост выручки на 126% г/г и рост прибыли на 581% г/г, капитализация в моменте превысила \$2 трлн (компания торгуется

с P/S=32 и P/E = 66). Чистая рентабельность продаж — 49%, а в 4 квартале 2023 этот показатель вообще составил 55% (это, скорее всего, говорит о том, что продукции компании просто нет аналогов и её покупают по любым ценам).

Аналитики предполагают, что даже если в 2024 году квартальные результаты будут ненамного выше результатов 4-го квартала 2023 года, то fwd EPS 2024 будет около 25\$,

т.е. $\text{fwd P/E } 2024 = 31,5$. И неважно, что 10 лет назад эта же компания торговалась с P/E чуть выше 10 (хотя перспектив роста тогда было больше от низкой базы) [15]. Но объем мирового рынка чипов в 2023 году в стоимостном выражении уменьшился на 8,8% и составил \$521,3 млрд. Если закладывать на 2024 год выручку NVIDIA в \$106 млрд, то доля компании на рынке должна будет составить больше 20%. Судя по оценке, предполагается, что конкуренты не будут разрабатывать свои ИИ-чипы и снижать цены, а спокойно отдадут весь рынок одной компании, позволяя ей торговать с чистой маржой в 55%. Также актуален вопрос, какие дата-центры закупают эти чипы в таком объеме, насколько это связано с ИИ и насколько это рентабельно. OpenAI в феврале 2024 года была оценена в \$86 млрд в рамках сделки по продаже акций инвесторам. С учетом того, что это самая популярная ИИ-компания, её оценка вообще несоизмерима с капитализацией того же MSFT (\$3 трлн, P/E = 37, во многом рост из-за ИИ-хайпа и доли в OpenAI).

Прогноз цен на акции от искусственного интеллекта может помочь инвесторам зарабатывать, а машинное обучение по своим «навыкам» может превзойти профессионального трейдера — вот одни из самых актуальных вопросов в настоящее время [1; 2; 4; 5; 6; 16].

Обсуждение. Фондовые рынки известны своей нестабильностью, и основной инструмент, которым пользуются инвесторы для оценки рынков — прогнозирование. Разные стратегии и изучение тенденций нужны для оценки уровня цены на ценную бумагу и рекомендации покупки ценной бумаги ради увеличения ее цены в будущем. При этом сложно прогнозировать изменения цен из-за влияния политических, экономических, технологических факторов, «черных лебедей» и финансовых показателей компании, поэтому использование искусственного интеллекта и машинного обучения дает возможность облегчить оценку и анализ цен, выявление закономерностей на фондовом рынке за счет использования больших данных. В настоящее время уже есть компании, которые используют возможности искусственного интеллекта для торговли на фондовом рынке [3; 7; 8; 9; 13; 17].

Применение нейронных сетей в финансовой сфере, включая фондовый рынок, предоставляет как новые возможности, так и вызовы, улучшая прогнозирование и принятие решений, но требуя внимания к эффективному управлению рисками [10; 11; 12; 14]. Потенциал использования нейросетей на фондовом рынке:

1) прогнозирование и разработка стратегий:
— возможности (улучшение анализа, включая возможность обработки больших объемов данных и выявления скрытых зависимостей на фондовом рынке; анализ технических индикаторов и разработка стратегий поведения на рынке);

— угрозы (качество данных значительно влияет на точность прогнозов, требуется верификация и актуализация информации; затраты на разработку и обучение нейронных сетей, а также техническую поддержку могут быть выше получаемой прибыли);

2) управление рисками:

— выявление аномалий и мошенничества на фондовом рынке для безопасности операций;

— оценка рисков, анализ портфеля и формирование стратегий контроля за финансовыми потерями;

3) автоматизация в торговле ценными бумагами:

— нейронные сети могут быть использованы в разработке автоматизированных торговых роботов, способных выполнять операции на фондовом рынке;

— нейронные сети используются в интрадей торговле для быстрого реагирования на изменения на рынке;

4) учет психологических и поведенческих факторов:

— эмоциональный аспект — анализ психологических факторов и эмоциональной составляющей, влияющих на решения инвесторов;

— поведенческий анализ — изучение поведенческих закономерностей на фондовом рынке и предсказания тенденций.

Использование нейронных сетей в финансовой сфере и на фондовом рынке требует подготовки специалистов, понимающих как технологические, так и финансовые аспекты их использования. Эффективное применение нейросетей может повысить эффективность

торговли, улучшить прогнозирование и управление рисками на фондовом рынке.

Нейросети, которые можно использовать инвесторам на фондовом рынке¹:

— рекуррентные нейронные сети (RNN) — для анализа временных рядов в финансовых данных, предсказания цен акций на основе исторических данных и обнаружения трендов, например, прогнозирование динамики цен акций на основе предыдущих ценовых данных и объема торгов;

— сверточные нейронные сети (CNN) — для анализа графиков цен акций, принятия торговых решений на основе паттернов на графиках и распознавания сложных зависимостей в данных, например, анализ графиков свечей и выявление технических индикаторов для прогнозирования цен акций;

— глубокие нейронные сети (DNN) — для анализа множества различных факторов, включая новости, социальные медиа, финансовые отчеты и другие данные для прогнозирования направления рынка, например, предсказание изменений цен акций на основе комплексного анализа фундаментальных и технических факторов;

— генеративные состязательные сети (GAN) — для создания синтетических рядов данных, проведения экспериментов на исторических объемах данных и создания симуляций для анализа рынка, например, генерация синтетических временных рядов для моделирования динамики цен акций в различных условиях;

— долгая краткосрочная память (LSTM) — для анализа временных рядов и последовательных данных на фондовом рынке, учитывая долгосрочные зависимости, например, прогнозирование краткосрочной и долгосрочной динамики цен акций на основе исторических данных.

Нейронные сети могут помочь в принятии более обоснованных инвестиционных решений на фондовом рынке, улучшая прогнозирование, анализ и риск-менеджмент. Однако важно помнить об ограничениях и рисках, связанных с использованием алго-

ритмов машинного обучения в финансовой сфере.

Машинное обучение предоставляет разнообразные методы и алгоритмы для анализа финансовых данных и прогнозирования цен на фондовом рынке:

— регрессионный анализ — для предсказания числовых значений на основе исторических данных и факторов, влияющих на их изменение (например, линейная регрессия, гребневая и лассо-регрессия, случайные леса и градиентный бустинг);

— модели временных рядов и ARIMA (AutoRegressive Integrated Moving Average — для прогнозирования будущих значений на основе предыдущих наблюдений (например, анализ автокорреляции, определение дифференциации и выбор параметров ARIMA));

— анализ сентимента и текстовых данных на новостных и социальных медиаплатформах для понимания влияния новостей и мнений на цены акций, (например, обработка естественного языка (Natural Language Processing), классификация текстов, определение тональности);

— нейронные сети — обрабатывают сложные зависимости в данных и могут использоваться для прогнозирования цен на фондовом рынке, (например, прогнозирование цен акций, анализ изменений в динамике рынка);

— случайные леса и градиентный бустинг — для объединения прогнозов от нескольких моделей (например, прогнозирование сложных паттернов, учет независимости моделей);

— обучение с подкреплением — для создания стратегий торговли и управления портфелем на основе результата предыдущих сделок (например, Q-обучение, стратегии Монте-Карло).

Комбинация различных методов машинного обучения и техник анализа данных может помочь в создании более точных и надежных алгоритмов для прогнозирования цен на фондовом рынке. Важно учитывать

¹ Нейросети (на примере трансформеров) на фондовом рынке. Коды, «граали», финансовый результат [Электронный ресурс] // Хабр. URL: <https://habr.com/ru/articles/648053/> (дата обращения: 28.03.2024); Искусственный интеллект в прогнозировании фондового рынка: методы и алгоритмы [Электронный ресурс] // Freedom life. URL: <https://ffin.kz/blog/77-iskusstvennyy-intellekt-v-prognozirovanii-fondovogo-rynka-metody-i-algoritmy> (дата обращения: 28.03.2024).

специфику финансовых данных и подходить к анализу с необходимой осторожностью и пониманием рисков. Возможная структура нейросети и конфигурация целевого вектора приведены на рис. 1.

Безусловно, бенефициарами внедрения ИИ станут компании, которые имеют больше данных о своих пользователях, это позволит обучать ИИ и получать преимущества в виде автоматизации ряда процессов и повышения их эффективности. Однако банки уже используют данные о клиентах и алгоритмы для улучшения качества скоринга, а онлайн-сервисы используют данные пользователей для показов рекламы и т.д. ИИ лишь в некоторой степени усовершенствует эти бизнес-процессы (и только при условии, что будут данные, которые позволят качественно обучить ИИ)².

Возможность точного прогнозирования ситуации на фондовом рынке и триллионных прибылей ИИ-компаний (которые, судя по стоимости акций, уже ждут энтузиасты), пока невысока. ИИ в настоящее время мало подходит для решения сложных задач в динамически меняющейся системе с множест-

вом быстро меняющихся детерминант. Пока лишь кажется, что ИИ может всё. В целом на развитие ИИ потребуется время, а для того, чтобы ИИ-компания зарабатывали сотни миллиардов-триллионы, нужно, чтобы они создавали соразмерную ценность, которая пока вообще неочевидна, и цены сделок с OpenAI это подтверждают.

Заключение. Таким образом, использование нейронных сетей для предсказания ситуации на фондовом рынке является новой актуальной сферой исследований. Заслуживающие доверия результаты и подтверждение гипотез появятся расширением использования нейронных сетей для решения сложных задач в хаотических системах. Ограничение сети и совершенствование обучения — важные детерминанты, влияющие на внедрение финансовых нейронных сетей. Нейронные сети на фондовом рынке должны быть обучены изучать данные и обобщать их, не допускать при этом переобучения и запоминания данных. Кроме того, из-за большого количества входных данных ограничение сети является

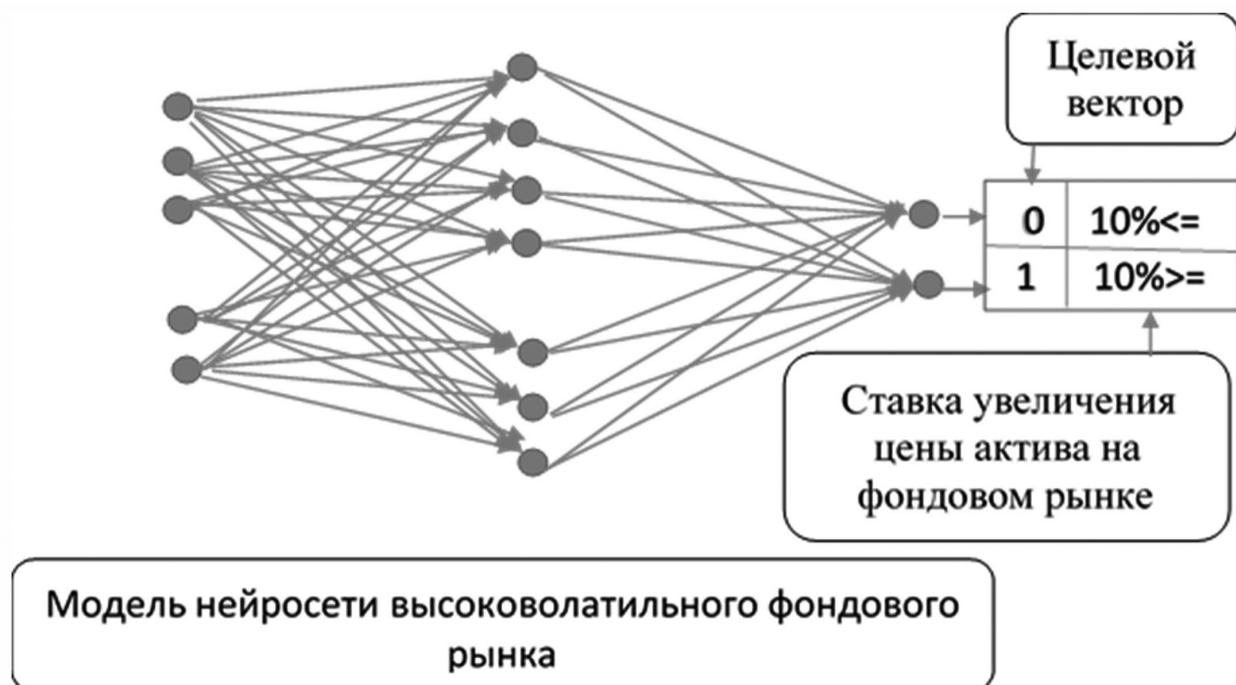

Рис. 1. Структура нейросети и конфигурация целевого вектора
Fig. 1. Neural network structure and target vector configuration

² Искусственный интеллект в финансах: как банки используют нейросети [Электронный ресурс] // РБК.
 URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/61e924349a7947761b46f2d8?from=copy>. (дата обращения: 28.03.2024).

важным для удаления избыточных входных узлов и ускорения обучения и отзыва сети. Основным направлением исследований в этой области должно быть определение лучшей сетевой архитектуры. Обычно используемая сеть обратного распространения обеспечивает хорошую производительность, но эту производительность можно улучшить, используя рекуррентность или повторное использование прошлых входных и выходных данных. Архитектура, сочетающая нейронные сети и экспертные системы, демонстрирует большой потенциал для своего развития. В настоящее время внедренные нейронные сети показали, что гипотеза эффективного рынка, описанного в теоретических моделях, не соблюдается на практике и что фондовые рынки, вероятно, являются хаотическими системами. Пока мы не поймем динамику таких хаотических систем, лучшее, на что можно надеяться, — это пытаться моделировать их как можно точнее. Нейронные сети кажутся сейчас оптимальным методом моделирования, потому что они отражают нелинейности в системе автоматически. Продолжение работы над улучшением производительности нейронных сетей может привести к лучшему пониманию хаотичной природы систем, которые они моделируют. Однако при этом маловероятно, что нейронная сеть когда-либо станет идеальным устройством прогнозирования, которое необходимо, поскольку детерминирующие факторы в такой большой динамической системе, как фондовый рынок, слишком сложны, чтобы их можно было точно определить на постоянной основе.

Список источников

1. Agrawal D., Minocha S., Namasudra S., Kumar S. Ensemble algorithm using transfer learning for sheep breed classification // 2021 IEEE 15th international symposium on applied computational intelligence and informatics (SACI). Piscataway, 2021. Pp. 199–204.
2. Akita R., et al. Deep learning for stock prediction using numerical and textual information // 2016 IEEE/ACIS 15th International Conference on Computer and Information Science (ICIS). 2016. Pp. 1–6.
3. Alguliyev R.M., Sukhostat L.V. Efficient algorithm for big data clustering on single machine // CAAI Transactions on Intelligence Technology. 2019. №5(1). Pp. 9–14.
4. Araújo R. D. A., Nedjah N., Oliveira A. L., Silvio R. D. L. A deep increasing-decreasing-linear neural network for financial time series prediction // Neurocomputing. 2019. №347. Pp. 59–81.
5. Benvenuto D., Giovanetti M., Vassallo L., Angeletti S., Ciccozzi M. Application of the ARIMA model on the COVID-2019 epidemic dataset // Data in Brief. 2020. №29. P. 105340.
6. Bustos O., Pomares-Quimbaya A. Stock market movement forecast: a systematic review // Expert Systems with Applications. 2020. №156. Pp. 113464.
7. Chakraborty S., Aich S., Han E. E., Park J., Kim H. C. Parkinson's disease detection from spiral and wave drawings using convolutional neural networks: A multistage classifier approach // International conference on advanced communication technology (ICACT). 2020. Pp. 298–303.
8. Day M. Y., Lee C. C. Deep learning for financial sentiment analysis on finance news providers [Electronic resource] // 2016 IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (ASONAM). 2016. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/7752381> (date accessed: 28.03.2024).
9. Deng, Y., et al. Deep Direct Reinforcement Learning for Financial Signal Representation and Trading // IEEE Transactions on Neural Networks and Learning Systems. 2016. №PP(99). Pp. 1–12.
10. Hooshmand M. K., Gad I. Feature selection approach using ensemble learning for network anomaly detection // CAAI Transactions on Intelligence Technology. 2020. №5(4). Pp. 283–293.
11. Moghaddam A. H., Moghaddam M. H., Esfandyari M. Stock market index prediction using artificial neural network // Journal of Economics, Finance and Administrative Science. 2016. №21(41). Pp. 89–93.
12. Namasudra S., Dhamodharavadhani S., Rathipriya R. Nonlinear neural network based forecasting model for predicting COVID-19 cases // Neural Processing Letters. 2021. Pp. 1–21. DOI: 10.1007/s11063-021-10495-w.
13. Paul S. S., Singh L. A review on advances in deep learning [Electronic resource] // 2015 IEEE Workshop on Computational Intelligence: Theories, Applications and Future Directions (WCID). 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/305305074_A_review_on_

advances_in_deep_learning (date accessed: 28.03.2024).

14. Recht B., et al. Hogwild: A lock-free approach to parallelizing stochastic gradient descent [Electronic resource] // *Advances in Neural Information Processing Systems*. 2021. URL: https://papers.nips.cc/paper_files/paper/2011/hash/218a0aefd1d1a4be65601cc6ddc1520e-Abstract.html. (date accessed: 28.03.2024).

15. Sun Y., Wang X., Tang X. Deep learning face representation from predicting 10,000 classes [Electronic resource] // *Proceedings of the IEEE Conference on Computer Vision and Pattern Recognition*. 2014. URL: https://mmlab.ie.cuhk.edu.hk/pdf/YiSun_CVPR14.pdf (date accessed: 28.03.2024).

16. Vui C. S., et al. A review of stock market prediction with Artificial neural network (ANN) [Electronic resource] // *2013 IEEE International Conference on Control System, Computing and Engineering*. 2013. URL: https://www.academia.edu/29057488/A_review_of_stock_market_prediction_with_Artificial_neural_network_ANN (date accessed: 28.03.2024).

17. Yetis Y., Kaplan H., Jamshidi M. Stock market prediction by using artificial neural network // *2014 World Automation Congress (WAC)*. 2014. Pp. 718–722.

References

1. Agrawal D., Minocha S., Namasudra S., Kumar S. Ensemble algorithm using transfer learning for sheep breed classification. 2021 IEEE 15th international symposium on applied computational intelligence and informatics (SACI). Piscataway, 2021. Pp. 199–204.

2. Akita R., et al. Deep learning for stock prediction using numerical and textual information. 2016 IEEE/ACIS 15th International Conference on Computer and Information Science (ICIS). 2016. Pp. 1–6.

3. Alguliyev R. M., Sukhostat L. V. Efficient algorithm for big data clustering on single machine. *CAAI Transactions on Intelligence Technology*. 2019; 5(1): 9–14.

4. Araújo R. D. A., Nedjah N., Oliveira A. L., Silvio R. D. L. A deep increasing-decreasing-linear neural network for financial time series prediction. *Neurocomputing*. 2019; (347): 59–81.

5. Benvenuto D., Giovanetti M., Vassallo L., Angeletti S., Ciccozzi M. Application of the

ARIMA model on the COVID-2019 epidemic dataset. *Data in Brief*. 2020; (29): 105340.

6. Bustos O., Pomares-Quimbaya A. Stock market movement forecast: a systematic review. *Expert Systems with Applications*. 2020; (156): 113464.

7. Chakraborty S., Aich S., Han E. E., Park J., Kim H. C. Parkinson's disease detection from spiral and wave drawings using convolutional neural networks: A multistage classifier approach. *International conference on advanced communication technology (ICACT)*. 2020. Pp. 298–303.

8. Day M. Y., Lee C. C. Deep learning for financial sentiment analysis on finance news providers [Electronic resource]. 2016 IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (ASONAM). 2016. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/7752381> (date accessed: 28.03.2024).

9. Deng, Y., et al. Deep Direct Reinforcement Learning for Financial Signal Representation and Trading. *IEEE Transactions on Neural Networks and Learning Systems*. 2016; PP(99): 1–12.

10. Hooshmand M. K., Gad I. Feature selection approach using ensemble learning for network anomaly detection. *CAAI Transactions on Intelligence Technology*. 2020; 5(4): 283–293.

11. Moghaddam A. H., Moghaddam M. H., Esfandyari M. Stock market index prediction using artificial neural network. *Journal of Economics, Finance and Administrative Science*. 2016; 21(41): 89–93.

12. Namasudra S., Dhamodharavadhani S., Rathipriya R. Nonlinear neural network based forecasting model for predicting COVID-19 cases. *Neural Processing Letters*. 2021. Pp. 1–21. DOI: 10.1007/s11063-021-10495-w.

13. Paul S. S., Singh L. A review on advances in deep learning [Electronic resource]. 2015 IEEE Workshop on Computational Intelligence: Theories, Applications and Future Directions (WCI). 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/305305074_A_review_on_advances_in_deep_learning (date accessed: 28.03.2024).

14. Recht B., et al. Hogwild: A lock-free approach to parallelizing stochastic gradient descent [Electronic resource]. *Advances in Neural Information Processing Systems*. 2021. URL: https://papers.nips.cc/paper_files/paper/2011/hash/218a0aefd1d1a4be65601cc6ddc1520e-Abstract.html. (date accessed: 28.03.2024).

15. Sun Y., Wang X., Tang X. Deep learning face representation from predicting 10,000 classes [Electronic resource]. Proceedings of the IEEE Conference on Computer Vision and Pattern Recognition. 2014. URL: https://mmlab.ie.cuhk.edu.hk/pdf/YiSun_CVPR14.pdf (date accessed: 28.03.2024).

16. Vui C. S., et al. A review of stock market prediction with Artificial neural network (ANN) [Electronic resource]. 2013 IEEE International

Conference on Control System, Computing and Engineering. 2013. URL: https://www.academia.edu/29057488/A_review_of_stock_market_prediction_with_Artificial_neural_network_ANN (date accessed: 28.03.2024).

17. Yetis Y., Kaplan H., Jamshidi M. Stock market prediction by using artificial neural network. 2014 World Automation Congress (WAC). 2014. Pp. 718–722.

Статья поступила в редакцию 02.03.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 14.04.2024.

The article was submitted on 02.03.2024; approved after reviewing on 20.03.2024; accepted for publication on 14.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Куликов Михаил Михайлович — кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. Сфера научных интересов — промышленная политика, кластеры в экономике, цифровая трансформация экономики, управление персоналом.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Mikhail M. Kulikov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Research interests — industrial policy, clusters in the economy, digital transformation of the economy, personnel management.
132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

УДК 332.1:631.6

JEL Q56

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-138-153

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОБОСНОВАНИИ УСТОЙЧИВЫХ ОРОШАЕМЫХ АГРОЛАНДШАФТОВ

Людмила Николаевна Медведева^{1✉}, Антонина Александровна Пахомова²

¹Всероссийский научно-исследовательский институт орошаемого земледелия —
филиал ФГБНУ «ФНЦ ВНИИГиМ им. А. Н. Костякова», Волгоград, Россия

¹Волжский политехнический институт (филиал)

Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия

²Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹*milena.medvedeva2012@yandex.ru*✉, ORCID: 0000-0002-3650-2083, AuthorID РИНЦ:
665980, AuthorID Scopus: 57119337500, SPIN-код: 4685-1949

²*tivano@yandex.ru*, AuthorID РИНЦ: 405417, SPIN-код: 4903-0814

Аннотация. Целью исследования стало формирование концептуально-методологических подходов в обеспечении устойчивых агроландшафтов на основе адаптивных систем земледелия и комплексных мелиораций. Объекты исследования — агроландшафты, расположенные в Волго-Донском междуречье, и региональные системы орошаемого земледелия.

Материалы и методы. Основу исследования составил метаанализ результатов научных экспедиций, проводимых учеными ВНИИОЗ — филиал ФГБНУ «ФНЦ ВНИИГиМ им. А. Н. Костякова» (Волгоград) за последние годы, а также анализ статистических данных по климатическим изменениям, состоянию региональной агропродовольственной системы. Обработка материалов и расчеты проводились с помощью компьютерных программ MS Office 2010, Statistica 13.

Результаты и выводы. Результаты исследования подтверждают повышение эффективности сельскохозяйственного производства на орошаемых землях в степной зоне на основе более широкого применения инноваций и цифровых технологий. Киберэкономическое моделирование процессов, протекающих в агроландшафтах, позволило предложить адаптивно-ландшафтные системы земледелия на основе учета разных видов полива и схем севооборотов. Выделение в пространственной структуре Волго-Донского междуречья сетевого агроландшафта интенсивного промышленного садоводства в какой-то мере восполнило научный пробел в этой области знаний. Разработанные интегральные показатели устойчивости агроландшафтов позволили спрогнозировать продукционный потенциал региональных агропродовольственных систем.

Ключевые слова: орошаемые агроландшафты, методология исследования, адаптивно-ландшафтные системы земледелия, модель агропродовольственных региональных систем, экономико-математическое моделирование

Для цитирования: Медведева Л. Н., Пахомова А. А. Концептуально-методологический подход в обосновании устойчивых орошаемых агроландшафтов // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 138–153. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-138-153>.

Original article

CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL APPROACH TO SUBSTANTIATING SUSTAINABLE IRRIGATED AGRICULTURAL LANDSCAPES

Lyudmila N. Medvedeva¹✉, Antonina A. Pakhomova²

¹*All-Russian Research Institute of Irrigated Agriculture — branch of
FSBSI «Federal Scientific Center for Hydraulic Engineering and Melioration
named after A. N. Kostyakov», Volgograd, Russia*

¹*Volzhsky Polytechnic Institute (branch) of Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russia*

²*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia*

¹*milena.medvedeva2012@yandex.ru ✉, ORCID: 0000-0002-3650-2083, AuthorID RSCI:
665980, AuthorID Scopus: 57119337500, SPIN-code: 4685-1949*

²*tivano@yandex.ru, AuthorID RSCI: 405417, SPIN-code: 4903-0814*

Abstract. *The purpose of the study was to develop conceptual and methodological approaches to ensuring sustainable agricultural landscapes based on adaptive farming systems and integrated land reclamation. The objects of study are agricultural landscapes located in the Volga-Don interfluvium and regional systems of irrigated agriculture.*

Materials and methods. *The basis of the study was a meta-analysis of the results of scientific expeditions conducted by scientists from VNIIOZ — branch of the Federal State Budgetary Institution «FNTs VNIIGiM named after A. N. Kostyakov» (Volgograd) in recent years, as well as analysis of statistical data on climate change and the state of the regional agri-food system. Processing of materials and calculations were carried out using computer programs MS Office 2010, Statistica 13.*

Results and conclusions. *The results of the study confirm the increase in the efficiency of agricultural production on irrigated lands in the steppe zone based on the wider use of innovations and digital technologies. Cyber-economic modeling of processes occurring in agricultural landscapes has made it possible to propose adaptive landscape farming systems based on taking into account different types of irrigation and crop rotation schemes. The identification of a network agrolandscape of intensive industrial gardening in the spatial structure of the Volga-Don interfluvium has to some extent filled the scientific gap in this area of knowledge. The developed integral indicators of the sustainability of agricultural landscapes made it possible to predict the production potential of regional agri-food systems.*

Keywords: *irrigated agricultural landscapes, research methodology, adaptive landscape farming systems, model of agri-food regional systems, economic and mathematical modeling*

For citation: *Medvedeva L. N., Pakhomova A. A. Conceptual and methodological approach to substantiating sustainable irrigated agricultural landscapes // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 138–153. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-138-153>.*

Введение. Концепция устойчивого развития, являющаяся мировым методологическим трендом, обосновывает рачительное использование природной пресной воды и развитие орошаемого земледелия, которое

наряду с высоким сельскохозяйственным потенциалом несет перманентные экологические риски. Ландшафтоведение является одним из направлений естественных наук, раскрывающих функционирование геосис-

тем во взаимодействии со всеми известными природными процессами. Теоретические основы развития ландшафтов изложены в работах В. Докучаева, К. Риттера, А. Гумбольдта, Л. Берга, Ф. Милькова, А. Воейкова, И. Кружилина и др. [1; 6; 12; 16]. Наиболее полная картина функционирования природных ландшафтов, выступающих основой для организации сельскохозяйственного производства, представлена в трудах Ф. Милькова (1972–1978), В. Николаева (1984–1986) [16; 17]. Под аграрными ландшафтами они понимали «земледельческие природно-антропогенные комплексы с региональной размерностью», которые в зависимости от протекающих процессов подразделяются на техногенные, пирогенные и беллигеративные [19, с. 63]. В настоящее время сложилось несколько подходов в изучении ландшафтов:

— общий подход, рассматривающий ландшафт как структурный элемент географической оболочки Земли с внутренними закономерностями и общими свойствами: целостностью, открытостью и устойчивостью;

— частный подход, определяющий развитие ландшафтов, исходя из оценки преобладающих процессов: влагооборота, почвообразования, формирования биомассы, тепло- и влагообеспеченности;

— технологичный подход, классифицирующий типы ландшафтов на основе применения доминирующих технологий.

Ввиду значительного распространения научных знаний о ландшафтах определение их значимости в развитии сельскохозяйственного производства стало весьма полемичным и дискуссионным. Предпосылкой к созданию научного направления — антропогенного ландшафтоведения — стали работы В. Докучаева, в числе которых «Наши степи прежде и теперь» (1892). Сельскохозяйственный ландшафт в его представлении — «территориальная единица, с определенным пищевым, водным и тепловым режимом, находящаяся в пользовании человека» [6, с. 41]. Схожей точки зрения придерживается В. Кирюшин (2011), который определяет агроландшафт как геосистему с совокупностью определяющих факторов и значений, функционирующую «в пределах единой миграции вещества и энергии» [10, с. 94]. В работах академика РАН И. Кружилина под агроландшафтами

понимаются «территории под хозяйственной деятельностью человека в пределах природной зоны, отличающиеся своеобразием водного режима, биологического и геохимического круговорота веществ» [12, с. 29]. Основные положения ландшафтно-экологического земледелия «как нового пространственно-временного отношения человека с природой» изложены в трудах А. Каштанова (1994) [9]. Структура агроландшафта с подсистемами: природной и производственно-социальной, обоснована в работе А. Юртаева (2011) [22, с. 219]. Во многих публикациях присутствует точка зрения, что сельскохозяйственный агроландшафт — это природная геосистема с относительно низким порогом экологической надежности, требующая постоянного наблюдения и принятия действенных мер по сохранению плодородия [19].

Из многообразия определений выделим следующие:

— агроландшафт — это территориальная система, состоящая из взаимосвязанных природных и антропогенных компонентов, обладающих однотипным рельефом, единообразным сочетанием почв и растительности;

— агроландшафт — земельная единица, выделяемая для сельскохозяйственном деятельности;

— агроландшафт — это совокупность агроценозов в пределах административно-территориальной единицы или природной зоны.

Изменения в агроландшафтах являются весьма сложными, что обосновывает необходимость мониторинга за ресурсовоспроизводящими и средоформирующими факторами. Одними из функциональных показателей агроландшафтов являются экологическая устойчивость и восстановительная способность. Устойчивыми агроландшафтами считаются те, в которых сохраняется естественное плодородие на значительный период времени.

В Российской Федерации около 9480 млн га мелиорированных земель, из которых в производстве используется менее 5,0 млн га. Исследовательский опыт позволяет ученым — академиком РАН обосновывать необходимость увеличения орошаемых земель в стране. Ученый И. Айдаров считает, что «необходимо иметь 22 млн га мелиорированных земель» [1, с. 44]; И. Кружилин при-

держивается точки зрения, «что пригодные к орошению площади земель, обеспечивающие среднюю устойчивость сельского хозяйства, должны быть в пределах 12 млн га» [11, с. 54]; В. Щедрин убедительно доказывает, что «в стране должно быть 10 млн га старо-, новоорошаемых земель» [24, с. 30]. Один из прогнозных вариантов развития сельского хозяйства на мелиорированных землях представлен в таблице 1.

Одной из перспективных природных зон для орошаемого земледелия является степная, которая занимает площадь 1,7 млн км² (10% территории страны) [4; 20]. Интенсивное природопользование способствовало формированию агроэкосистемы степей, обеспечивающей относительно существование естественных организмов и постоянное воспроизводство сельскохозяйственной продукции. В зону степей входит территория Волго-Донского междуречья (большая часть Волгоградской области), расположенная между сформировавшимися речными долинами рек Волги и Дона, обладающая мощным почвенным покровом, состоящим

из черноземов и каштановых почв. Особенностью междуречья является значительное наличие земельных и водных ресурсов, а также сильная подверженность эрозийным процессам, что уменьшает интенсивность сельскохозяйственного труда (рисунок 1) [12].

Ретроспективный анализ показал наличие в междуречье хорошо сформированных агроландшафтов: растениеводческого, овощеводческого, лугово-пастбищного. В ходе исследования был выделен новый тип агроландшафта — сетевой агроландшафт интенсивного промышленного садоводства с «ядрами» промышленно-сельскохозяйственного производства и сформированными цепочками поставок. Площадь агроландшафта интенсивного промышленного садоводства в Волго-Донском междуречье составляет 7,1 тыс. га (для сравнения: в 2010 году было 5,0 тыс. га). Лидером по производству плодоягодной продукции выступает компания ООО НПП «Сады Придонья» (Волгоградская область), имеющая 3,7 тыс. га интенсивных садов¹. Выделение нового типа агроландшафта производилось на основе динамических рас-

Таблица 1
Table 1

**Развитие сельскохозяйственного производства на мелиорированных землях
в России до 2030 г (прогноз)**
Development of agricultural production on reclaimed lands in Russia until 2030 (forecast)

Наименование показателей	Площадь, млн га	Сбор з. е. после внедрения, млн т	Сбор з. е. до внедрения, млн т	Прирост з. е., млн т	Стоимость з. е. после внедрения, млрд руб	Стоимость з. е. до внедрения, млрд руб	Прирост стоимости, млрд руб
Орошение, в том числе восстановленное	4	25,1	11,9	13,2	251	95,2	155,8
Новое орошение	6	37,7	17,8	19,9	377	142,8	234, 2
Осушение	10	9,3	—	9,3	93	—	93
Культуртехнические мероприятия	5	5,5	—	5,5	55	—	55
Итого	25	77,6	29,7	47,9	776	237,9	538

¹ Сады Придонья [Электронный ресурс] // Официальный сайт. URL: <https://pridonia.ru> (дата обращения: 25.02.2024).

четов по площади и урожайности садов, объемов товарных и финансовых потоков. В новом типе агроландшафта сложилась система взаимодействий между структурами и уровнями, обеспечивающих его устойчивость и дальнейшую эволюцию [4; 7]. Устойчивое состояние орошаемых ландшафтов достигается за счет максимально полного учета контролируемых показателей, применения адаптивно-ландшафтных систем земледелия и комплексных мелиораций.

В сельскохозяйственной науке и практике получил применение индекс NDVI (Normalized Difference Vegetation Index), дающий возможность определения состояния сельскохозяйственных агроландшафтов (совокупности агроценозов). Мультиспектральные данные, полученные с помощью спутников Sentinel-2A и 2B (ESA), Landsat-8 и Landsat-9, дополняют картины исследований по оценке состояния орошаемых агроландшафтов с посевами. Использование киберэкономического инструментария в сельскохозяйственном производстве позволяет сократить экспертные трудозатраты, повысить точность распознавания исследуемых объектов, обосновать правильность принимаемых решений [2]. Искусственные нейросети с глубоким обучением (Deep Learning) в настоящий момент являются наиболее распространенным видом алгоритмов машинного обучения и позволяют проводить анализ

состояния полей, определять наличие сорной растительности на единицу площади, устанавливать плотность посевов через сегментирование фотоснимков с группированием пикселей.

Разработанная во ВНИИОЗ — филиале ФГБНУ «ФНЦ ВНИИГиМ им. А. Н. Костякова» (Волгоград) киберэкономическая система оценки орошаемых агроландшафтов включает базы данных и справочно-аналитических материалов, авторские компьютерные программы, IT-системы мониторинга почвенных и водных ресурсов, датчики Decagon MPS-6. Выходами интеллектуальных нейронных сетей (ИНС) выступают данные об оптимальном режиме орошения, возделывании культур по фазам роста и развития. Объектом исследования являются орошаемые агроландшафты; целью исследования — формирование концептуально-методологического обоснования орошаемых агроландшафтов на основе экономико-математического моделирования.

Материалы и методы. Методологическую основу составили труды отечественных и зарубежных ученых, размещенные в базах РИНЦ, Scopus, Cloud Shell. С помощью методов экономико-математического моделирования был проведен расчет эффективности региональной системы орошаемого земледелия (PCOЗ) с построением когнитивной модели «взаимодействие — результат» с орграфами:

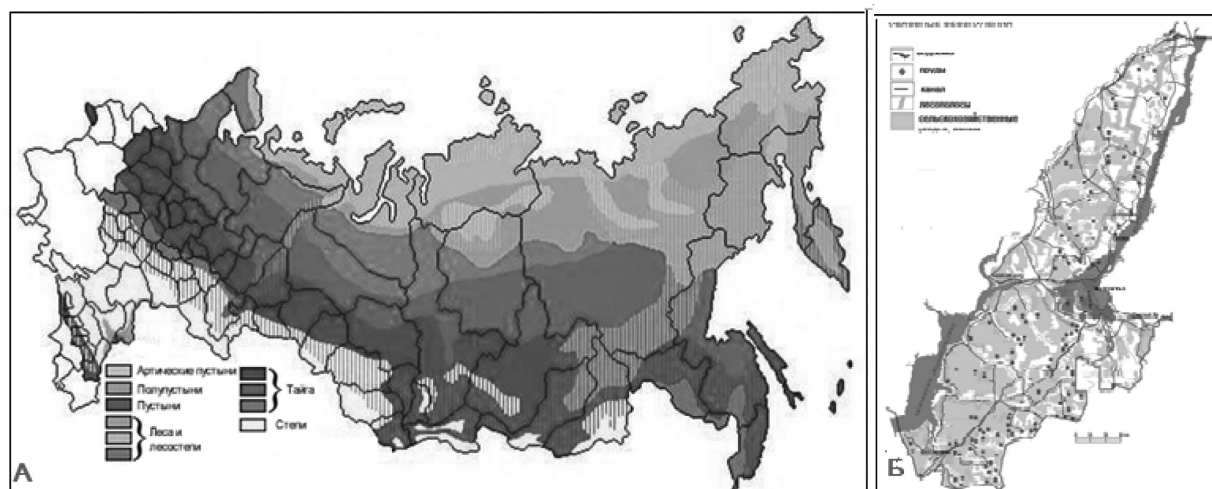

Рис. 1. Природные зоны России (А), природно-производственная инфраструктура Волго-Донского междуречья (Б)

Fig. 1. Natural zones of Russia (A), natural and industrial infrastructure of the Volga-Don interfluvium (B)

$$G = (V, E, w),$$

где G — знаковый ориентированный граф;
 $V = \{V_i\}$ — множество вершин, представленных факторами;
 $E = \{E_{ij}\}$ — множество дуг, отражающих причинно-следственные взаимосвязи;
 $w = \{w_{ij}\}$ — множество весов, определяющих силу влияния между вершинами, $w_{ij} \in [-1, 1]$.

Модель PCOЗ представлена уравнением:

$$X(t) = (IN + A + A_2 + \dots + A_l) \cdot x(0)\tau, \quad (1)$$

где IN — единичная матрица размером $n \times n$;
 n — количество факторов;
 A — матрица взаимовлияния, размерности $n \times n$;
 $x(0)\tau$ — вектор начальных значений факторов, размерности $1 \times n$.

С помощью программы Statistica 13 были рассчитаны «коэффициенты напряженности» региональной системы орошаемого земледелия по выделенным факторам. Фактор «политика государства и региональных властей» составил $k = 0,81$. Расчетные коэффициенты других факторов: конъюнктура продовольственных рынков $k = 0,71$, объемы государственной поддержки $k = 0,67$, применяемые технологии $k = 0,52$, финансово-экономическая устойчивость КФХ $k = 0,73$, экологическое состояние земель $k = 0,38$. Наиболее «чувствительными» стали следующие факторы: конъюнктура продовольственных рынков, позиция федеральных и региональных властей, обеспечивающих государственную поддержку сельхозтоваропроизводителей.

Для определения оптимального землепользования в зоне Волго-Донского междуречья использовались расчеты, проведенные с помощью формул [19]:

$$\psi(u) = \max_{x_l, y} \left\{ \begin{aligned} &\sum_{l \in L} C_l(y) \cdot x_l - \\ &- C_0 \left[\left(\frac{y}{\theta} \right)^{4,35} - 1 \right] - \\ &- \left(C_1 \left(\frac{y}{\theta} \right)^{4,35} + C_2 \right) \cdot \delta \end{aligned} \right\}, \quad (2)$$

где $\psi(u)$ — целевая функция, определяющая наибольший эффект при оптимальном землепользовании, руб;

u — уровень водоподдачи в систему, м³;

x_l — искомая площадь орошения под l -севооборот;

l — индекс севооборота;

y — общий коэффициент полезного действия оросительной системы;

L — множество севооборотов, включающее подмножества L_i , $i \in [1, n]$, определенных видов сельскохозяйственной продукции;

$C_l(y)$ — стоимость продукции с единицы орошаемой площади для l -севооборота, руб./га;

C_0 — приведенные капитальные затраты на строительство оросительных систем, руб.;

θ — КПД всей оросительной системы, $\theta \leq y \leq 1$;

C_1 — приведенные капитальные затраты на строительство оросительного канала в земляном русле, руб.;

C_2 — приведенные капитальные затраты на строительство оросительного канала бетонном русле в сопоставимых ценах, руб.;

δ — бинарная переменная, определяемая из зависимости:

$$\delta = \begin{cases} 0, & \text{если } \sum_{j \in J} +u_j \leq u_j^0, \\ 1, & \text{если } \sum_{j \in J} +u_j > u_j^0, \end{cases} \quad (3)$$

где u_j — пропускная способность проектируемого перспективного j -го отрезка оросительного канала, м³;

u_j^0 — пропускная способность существующего j -го отрезка ОС, м³.

Для определения рентабельности сельскохозяйственного производства на орошаемых агроландшафтах использовалась формула (3):

$$P_{\text{произ}} = \sum_{i=1}^N \frac{\Delta \Pi_i}{\Delta C_i} \cdot 100, \quad (4)$$

где $P_{\text{произ}}$ — рентабельность производства продукции на орошаемых землях, %;

$\Delta \Pi$ — прирост прибыли i -го КФХ, полученный за счет полива земель, руб.;

ΔC — прирост текущих затрат, связанный с производством сельскохозяйственной продукции на орошаемых землях, содержанием оросительной системы, i -го КФХ, руб.;

N — число КФХ.

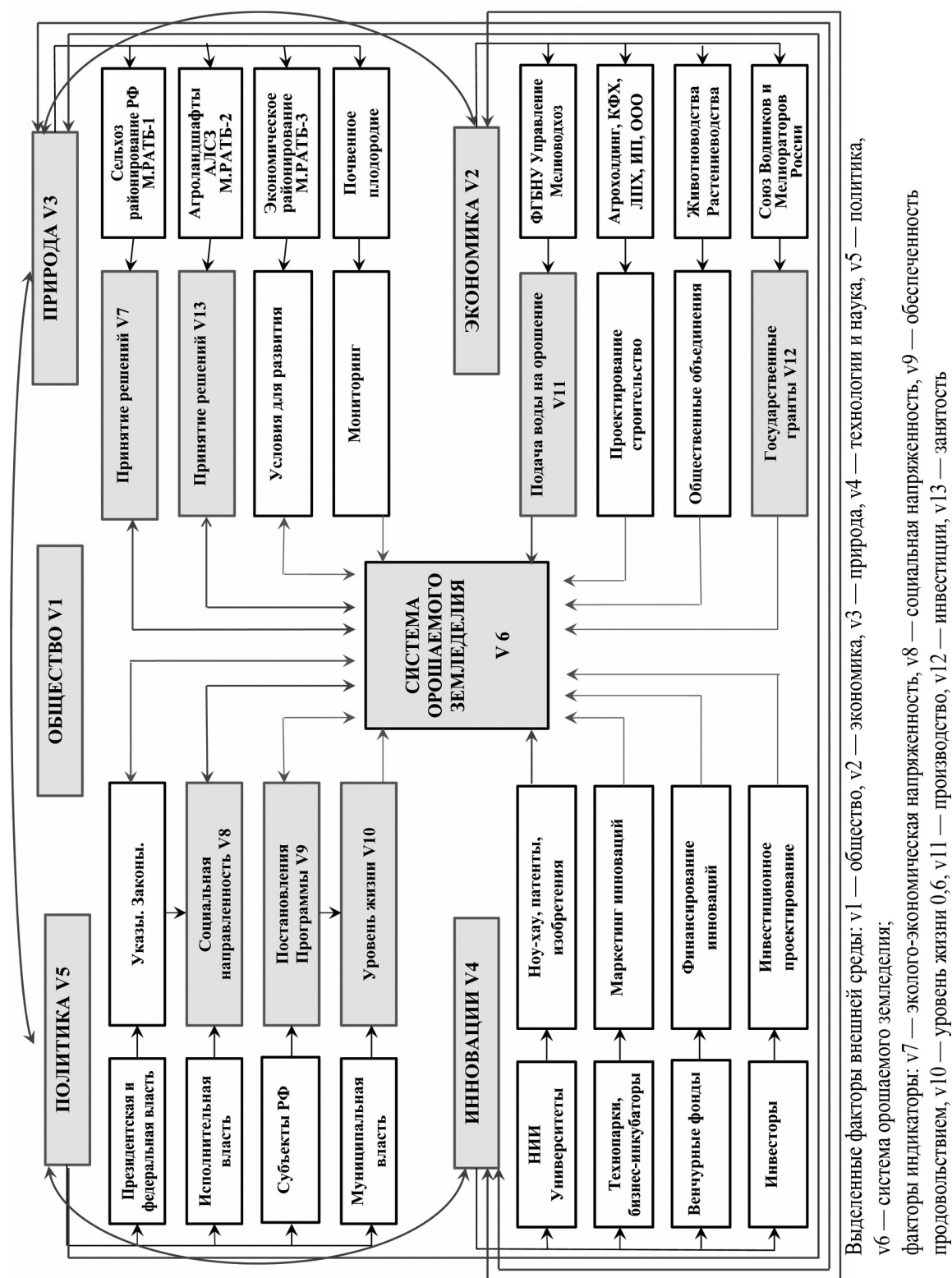

Рис. 2. Когнитивно-математическая модель региональной системы орошаемого земледелия
Fig. 2. Cognitive-mathematical model of the regional system of irrigated agriculture

Для расчета выручки от реализации сельскохозяйственной продукции, полученной на орошаемых землях, применялась формула:

$$\Delta B_i = \sum_{j=1}^N (Y_{ji}^{после} - Y_{ji}^{до}) \times F_{мелі} \cdot \alpha_{ji} \cdot K_{зні} \cdot ц_j, \tag{5}$$

где $Y_{ji}^{после}$ — фактическая урожайность j -й сельскохозяйственной культуры на орошаемых землях в i -м КФХ, ц/га;
 $Y_{ji}^{до}$ — фактическая урожайность j -й сельскохозяйственной культуры на богарных землях в i -м КФХ, ц/га;
 $F_{мелі}$ — орошаемая площадь в i -м КФХ, га;
 $K_{зні}$ — коэффициент земельного использования в i -м КФХ, относительных единиц;
 n — число сельскохозяйственных культур, шт.;
 α_{ji} — доля орошаемых земель, занятая j -й сельскохозяйственной культурой, в i -м КФХ, относительных единиц;
 $ц_j$ — цена реализации j -й сельскохозяйственной культуры, руб/ц.

Для оценки состояния орошаемых агроландшафтов применялась таблица укрупненных показателей (таблица 2). Для оценки потенциалов орошаемых агроландшафтов

применялась матрица плодородия, разработанная в ходе исследования (таблица 3).

Рассуждения. В Российской Федерации действует государственная программа эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса до 2030 года. В числе целей: вовлечение в оборот земель сельскохозяйственного назначения (13234,8 тыс. га). обеспечение водного режима на гидромелиоративных площадях (1353,5 тыс. га). Вопросы устойчивого развития орошаемых агроландшафтов в зоне степей Волго-Донского междуречья занимают научные школы под руководством академика РАН И. Кружилина (разработка адаптивно-ландшафтных систем орошаемого земледелия для сухостепной зоны), академика РАН В. Щедрина (разработка оросительно-осушительных систем для степных агроландшафтов) [4; 8; 12; 15; 21].

Большая часть территории Волго-Донского междуречья входит в состав Волгоградской области. Зона характеризуется значительным разнообразием почвенно-климатических условий, которые обеспечивают развитие сельскохозяйственного производства и сельских территорий. При движении с севера

Таблица 2
Table 2

Показатели оценки состояния орошаемых земель
Indicators for assessing the condition of irrigated lands

Категория земель	Интенсивность проявления неблагоприятных процессов	Класс земель	Понижающий коэффициент на неблагоприятные свойства почв Кп
Хорошая	Отсутствует	0	1
Хорошая с угрозой ухудшения	Подъем УГВ	0 ^п	1
	Полив водой 3–4-го класса	0 ^о	1
	Опасность проявления геологических процессов	0 ^и	1
Деградирующие почвы	Степень засоления		
	Нет		
	Слабая	3 ₁	0,800–0,240
	Средняя	3 ₂	0,600–0,120
	Сильная	3 ₃	0,400–0,120
Примечание: 3 — засоление.			

на юг наблюдается изменение почвенного плодородия: черноземные почвы заменяются светло-каштановыми с низким содержанием гумуса (1,5–3%). Общая площадь сельскохозяйственных угодий зоны междуречья составляет 9415,0 тыс. га, в том числе 6598,7 тыс. га пашни. Исследования позволили определить приоритетные направления сельскохозяйственного производства (таблица 4).

Во ВНИИОЗе — филиале ФГБНУ «ФНЦ ВНИИГиМ им. А. Н. Костякова» (Волгоград) была разработана адаптивно-ландшафтная система орошаемого земледелия (АЛСЗ) для хозяйствующих субъектов Волго-Донского междуречья. Исследования проводились на сельскохозяйственных полях площадью 3644 га, из которых 1379 га были поливными (рисунок 3).

Таблица 3
Table 3

Матрица определения потенциалов плодородия орошаемых агроландшафтов
Matrix for determining fertility potentials of irrigated agricultural landscapes

Потенциалы плодородия			
Климатический	Структурный	Топографический	Гидрологический
Среднегодовая температура воздуха min/max	Количество гумуса	Шкала уклонов: от 0,5 до 25°	Глубина залегания грунтовых вод, наличие токсичных солей.
Количество осадков	Мощность плодородного слоя	Протяжённость и экспозиция склонов	Источник орошения
Продолжительность вегетационного периода	Содержание глины	Изрезанность оврагами	Поверхностный сток
Влажность воздуха	Количество солей	Наличие открытых песков	Гидротермический коэффициент
	Содержание подвижного азота, фосфора, калия		

Таблица 4
Table 4

Направления специализации природных зон Волго-Донского междуречья
Areas of specialization of natural areas of the Volga-Don interfluvium

Природные зоны Волго-Донского междуречья	Направления специализации и критерии эффективности
Степная зона черноземных почв	Зернопроизводство, мясо-молочное животноводство. Рентабельность более 60%
Сухостепная зона темно-каштановых почв	Зернопроизводство, кормопроизводство, мясо-молочное животноводство, овощеводство, плодоводство. Рентабельность ≈ 10-50%
Сухостепная зона каштановых почв	
Полупустынная зона светло-каштановых почв	Зернопроизводство, мясное скотоводство, овцеводство. Рентабельность ≈ 15%

Рис. 3. Карта-схема сельскохозяйственных участков ВНИИОЗ — филиала ФГБН «ФНЦ ВНИИГиМ им. А. Н. Костякова» (Волгоград)

Fig. 3. Schematic map of agricultural plots of the VNIIOZ branch of the Federal State Budgetary Budgetary Institution «FNC VNIIGiM named after A. N. Kostyakov» (Volgograd)

Рис. 4. Блок-схема программно-модульного комплекса ВНИИОЗ

Fig. 4. Block diagram of the VNIOZ software and modular complex

Таблица 5
Table 5

**Информация об адаптивно-ландшафтной системе орошаемого земледелия
на сельскохозяйственном поле РУ 376 га
Information about the adaptive landscape system of irrigated agriculture
in the agricultural field of RU 376 ha**

Поле РУ 376 га			
Характеристика	Предлагаемые севообороты	Предлагаемые режимы полива	Предлагаемые способы обработки почвы
Светло-каштановые солонцеватые почвы. Среднее содержание: гумуса — 1,56 %, фосфора — 49 мг/1 кг, калия — 342 мг/1 кг. Экологическая емкость — 1180360 МДж/га. Уклоны поверхности — 0,005	<i>Севооборот №1</i> Кукуруза на зерно // Люцерна на з/м Суданка + кукуруза на з/м // Картофель	Регулярное водоподобеспечение полей в соответствии с водопотреблением культур под планируемую урожайность, соблюдением экологии	Нулевая обработка // поверхностная обработка // мелкая отвальная или безотвальная обработка // средняя безотвальная обработка // средняя отвальная обработка // глубокая отвальная обработка почвы
	<i>Севооборот №2</i> Люцерна на з/м // Суданка + кукуруза на з/м Кормовые смеси // Картофель		
	<i>Севооборот №3</i> Яровая, озимая пшеница // Кукуруза на зерно. Кормовые смеси // Пожнивные, поукосные на з/м // Картофель		

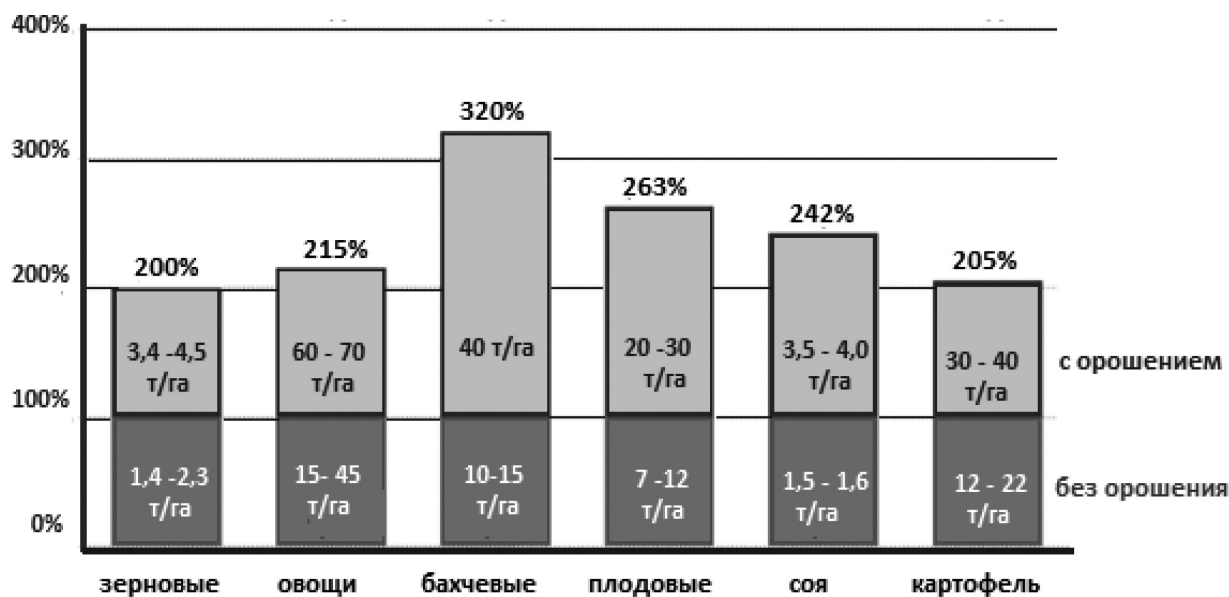

Рис. 5. Эффективность сельскохозяйственного производства при орошении дождеванием
Fig. 5. Efficiency of agricultural production in irrigation by sprinkling

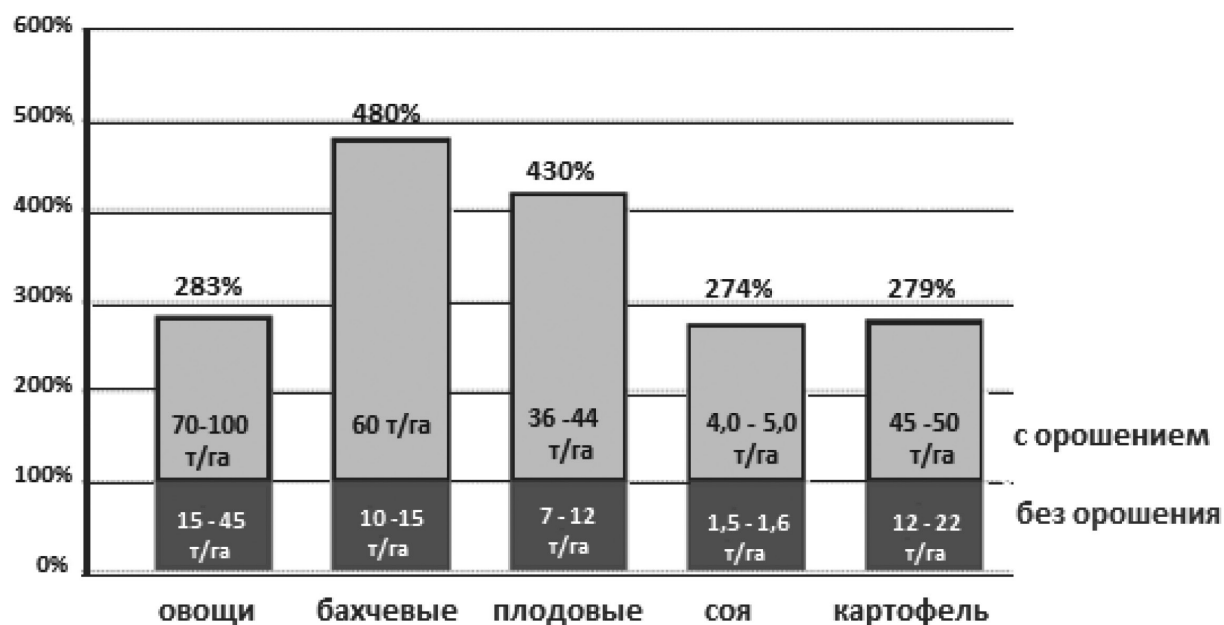

Рис. 6. Эффективность сельскохозяйственного производства при капельном поливе

Fig. 6. Efficiency of agricultural production with drip irrigation

Материал, полученный в ходе исследования, позволил трансформировать знания в программно-модульный комплекс, который способен компилировать информационные потоки двух уровней: первый — от хозяйствующего субъекта; второй — от баз данных, информационно-справочных систем и компьютерных программных средств (рисунок 4).

База данных комплекса включает набор файлов: fed_region.dbf; meteostation.dbf; meteodata.dbf; water.dbf; soil_type.dbf; soil.dbf; me.dbf, sprinkling.dbf; prod_type.dbf; culture.dbf; kt.dbf; evaporation_coef.dbf. Для примера: в базу данных «meteostation.dbf» включена информация, получаемая с зарегистрированной метеостанции в Волгограде №34560; в базу данных «soil.dbf» вошли материалы, отражающие типы и подтипы почв; в базу данных «culture.dbf» — информация об основных культурах, сортах и гибридах, районированных в регионе. Гибкость баз данных позволяет моделировать АЛСЗ под запросы хозяйствующих субъектов. Разработанный модуль позволяет решать следующие задачи: внесение информации в базы данных, обеспечение сохранности, визуализацию и экспорт необходимой информации. Внесенные данные автоматически сравниваются с нормативными значениями, при завершении

загрузки на интерфейсе появляется таблица с выходными данными. При прогнозировании сельскохозяйственных работ в модуль вносятся данные о пашне (га), сельскохозяйственных культурах, материально-денежных потоках (тыс. руб.). В состав модуля входят авторские программы для ЭВМ, в их числе прогнозирование продуктивности раннего картофеля на капельном орошении. Информация модуля позволяет сгруппировать исходную информацию под рабочие участки, в таблице 5 — один из примеров. Программный комплекс позволил рассчитать эффективность производства при использовании разных типов полива (рисунки 5, 6) [23].

Заключение. Многолетний опыт показывает, что повысить эффективность сельскохозяйственного производства возможно на основе широкого внедрения инноваций и цифровых технологий. Киберэкономическое моделирование процессов, протекающих в агроландшафтах, позволяет обосновать адаптивно-ландшафтные системы земледелия, комплексные мелиорации. Сформированные концептуально-методологические основы орошаемых ландшафтов и когнитивно-математическая модель региональных систем орошаемого земледелия позволили: выделить в пространственной структуре степной

зоны сетевого агроландшафта интенсивного промышленного садоводства, обосновать применение программно-модульных комплексов в орошаемом земледелии, определить эффективность разных типов полива (повысить продуктивность кормовых культур с 2,9 до 7,0 тонн к.е. на 1 га, овощных — с 20,0 т/га до 40,0 т/га, плодовых культур — с 10,0 т/га до 35 т/га). Перед наукой стоит задача — обосновать необходимые площади орошаемых земель, перед практиками (сельхозтоваропроизводителями) — ввести в сельскохозяйственный оборот новые орошаемые площади в степной зоне России.

Список источников

1. Айдаров И. П., Краснощеков В. Н. Методология оценки экономической эффективности природообустройства агроландшафтов // Мелиорация и водное хозяйство. 2005. №5. С. 40–47.
2. Боровой С. Е., Комарова О. П., Козенко К. Ю. Киберфизические системы в мониторинге орошаемых агроценозов // Известия НВ АУК. 2023. №2. С. 552–562.
3. Власов М. В., Куприянова С. В. Комплексный подход к определению эффективности реконструкции оросительных систем // Научный журнал Российского НИИ проблем мелиорации. 2019. №2(34). С. 185–200.
4. Горохова И. Н., Панкова Е. И. Методические подходы к оценке состояния орошаемых земель сухостепной зоны Волгоградской области с использованием космических снимков // Экосистемы: экология и динамика. 2023. №1. С. 5–37.
5. Гурина И. В. Стратегическая платформа преобразований в агропромышленном комплексе в условиях меняющейся внешней среды // Инновации и современные технологии в производстве и переработке сельскохозяйственной продукции. Сборник статей по материалам Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (Курган, 20 января 2022 г.). Курган: Курганская государственная сельскохозяйственная академия им. Т. С. Мальцева (Лесниково), 2022. С. 141–144.
6. Докучаев В. В. Наши степи прежде и теперь // Избранные сочинения. М.: Сельхозгиздат, 1954. С. 449–513.
7. Завражнов А. А., Завражнов А. И., Мишин Б. С. Математическое моделирование урожайности и динамики развития промышленных садов интенсивного и суперинтенсивного типа // Российская сельскохозяйственная наука. 2021. №6. С. 68–75.
8. Иванов А. Л., Кулик К. Н., Барабанов А. Т. Система адаптивно-ландшафтного земледелия Волгоградской области на период до 2015 года. Волгоград: Нива, 2009. 215 с.
9. Методика разработки систем земледелия на ландшафтной основе // А. Н. Каштанов, А. П. Щербаков, В. М. Володин, Г. И. Бахирев и др. Курск: ВНИИЗиЗПЭ, 1996. 132 с.
10. Кирюшин В. И. Теория адаптивно-ландшафтного земледелия и проектирование агроландшафтов. М.: КолосС, 2011. 443 с.
11. Конаш В. В. Онтология мелиоративного комплекса Российской Федерации // Мелиорация как драйвер модернизации АПК в условиях изменения климата. Материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции (Новочеркасск, 24–26 апреля 2023 г.). Новочеркасск: ЛИК, 2023. С. 23–29.
12. Кружилин И. П. Мелиорация и использование орошаемых земель степной зоны. М.: Агропромиздат, 1988. 240 с.
13. Кулик К. Н., Ткаченко Н. А., Кошелев В. В. Использование ГИС-технологий при оценке антропогенной нагрузки на агроландшафты Волгоградского Заволжья // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2015. №2. С. 161–163.
14. Медведева Л. Н. Стратегемы идеального орошаемого земледелия // Агролесомелиорация и защитное лесоразведение — история и перспективы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Волгоград, 19–21 октября 2023 г.). Волгоград: ФГБНУ «ФНЦ агроэкологии, комплексных мелиораций и защитного лесоразведения РАН», 2023. С. 209–212.
15. Мелихов В. В. Мелиорация земель: стратегия на перспективу // Орошаемое земледелие. 2019. №3. С. 6–7.
16. Мильков Ф. Н. Сельскохозяйственные ландшафты, их специфика и классификация // Вопросы географии. 1984. №124. С. 24–31.
17. Николаев В. А. Концепция агроландшафта // Вестник Московского университета. География. Серия 5. 1987. №2. С. 22–27.

18. Рогачёв А. Ф., Медведев А. В., Медведева Л. Н., Куприянова С. В. Экономико-математическое моделирование и обоснование рационального землепользования в агроландшафтах юга // Научный журнал Российского НИИ проблем мелиорации. 2018. №2(30). С. 186–208.

19. Сизов Ю. И. Природные и мелиоративные концепции формирования агроландшафтов // Орошаемое земледелие. 2022. №4. С. 62–67.

20. Соколов А. А., Руднева О. С. Степное пространство России: экономико-географический обзор // Известия Саратовского университета. Серия: Науки о Земле. 2017. Т. 17. С. 87–94.

21. Шевченко В. А., Щедрин В. Н., Куприянова С. В. Задачи и проблемы восстановления оросительных мелиораций на Юге России // Мелиорация и водное хозяйство. 2023. №3. С. 28–32.

22. Юртаев А. А. Агроландшафтные исследования: теория и практика // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2011. №15(110). С. 217–221.

23. Roiss O., Medvedeva L. Innovation in agriculture — An actor in the development of a green economy // AIP Conference Proceedings. 2022. №2650. P. 030019.

24. Shchedrin V. N., Vasilyev S. M., Kolganov A. V., Kupriyanov A. A. Meliorative institutional environment: The area of state interests // Espacios. 2018. Vol. 39. Pp. 28–36.

References

1. Ajdarov I. P., Krasnoshhekov V. N. Metodologija ocenki jekonomicheskoy jeffektivnosti prirodooobustrojstva agrolandshaftov [Methodology for assessing the economic efficiency of environmental management of agricultural landscapes]. *Melioracija i vodnoe hozjajstvo* [Melioration and water management]. 2005; (5): 40–47. (In Russ.).

2. Borovoj S. E., Komarova O. P., Kozenko K. Ju. Kiberfizicheskie sistemy v monitoringe oroshaemyh agrocenozov [Cyberphysical systems in monitoring irrigated agrocenoses]. *Izvestija NV AUK* [News of NV AUK]. 2023; (2): 552–562. (In Russ.).

3. Vlasov M. V., Kuprijanova S. V. Kompleksnyj podhod k opredeleniju jeffektivnosti re-

konstrukcii orositel'nyh sistem [An integrated approach to determining the effectiveness of reconstruction of irrigation systems]. *Nauchnyj zhurnal Rossijskogo NII problem melioracii* [Scientific journal of the Russian Research Institute of Land Reclamation Problems]. 2019; 2(34): 185–200. (In Russ.).

4. Gorohova I. N., Pankova E. I. Metodicheskie podhody k ocenke sostojanija oroshaemyh zemel' suhostepnoj zony Volgogradskoj oblasti s ispol'zovaniem kosmicheskikh snimkov [Methodological approaches to assessing the condition of irrigated lands of the dry steppe zone of the Volgograd region using satellite images]. *Jekosistemy: jekologija i dinamika* [Ecosystems: Ecology and Dynamics]. 2023; (1): 5–37. (In Russ.).

5. Gurina I. V. Strategicheskaja platforma preobrazovanij v agropromyshlennom komplekse v uslovijah menjajushhejsja vneshnej sredy [Strategic platform of transformations in the agro-industrial complex in a changing external environment]. *Innovacii i sovremennye tehnologii v proizvodstve i pererabotke sel'skohozjajstvennoj produkcii. Sbornik statej po materialam Vserossijskoj (nacional'noj) nauchno-prakticheskoj konferencii* (Kurgan, 20 janvarja 2022 g.) [Innovations and modern technologies in the production and processing of agricultural products. Collection of articles based on the materials of the All-Russian (national) scientific and practical conference (Kurgan, January 20, 2022)]. Kurgan: Kurganskaja gosudarstvennaja sel'skohozjajstvennaja akademija im. T. S. Mal'ceva (Lesnikovo), 2022. Pp. 141–144. (In Russ.).

6. Dokuchaev V. V. Nashi stepi prezhe i teper' [Our steppes ahead and beyond]. *Izbrannye sochinenija* [Selected works]. Moscow: Sel'hozizdat, 1954. Pp. 449–513. (In Russ.).

7. Zavrzhnov A. A., Zavrzhnov A. I., Mishin B. S. Matematicheskoe modelirovanie urozhajnosti i dinamiki razvitija promyshlennyh sadov intensivnogo i superintensivnogo tipa [Mathematical modeling of productivity and dynamics of development of industrial gardens of intensive and superintensive type]. *Rossijskaja sel'skohozjajstvennaja nauka* [Russian Agricultural Science]. 2021; (6): 68–75. (In Russ.).

8. Ivanov A. L., Kulik K. N., Barabanov A. T. Sistema adaptivno-landshaftnogo zemledelija Volgogradskoj oblasti na period do 2015 goda [The system of adaptive landscape agriculture of

the Volgograd region for the period up to 2015]. Volgograd: Niva, 2009. 215 p. (In Russ.).

9. Metodika razrabotki sistem zemledelija na landshaftnoj osnove [Methodology for the development of farming systems on a landscape basis]. A. N. Kashtanov, A. P. Shherbakov, V. M. Volodin, G. I. Bahirev et al. Kursk: VNIIZ-iZPJe, 1996. 132 p. (In Russ.). (In Russ.).

10. Kirjushin V. I. Teorija adaptivno-landshaftnogo zemledelija i proektirovanie agrolandshaftov [Theory of adaptive landscape farming and design of agricultural landscapes]. Moscow: KolosS, 2011. 443 p. (In Russ.).

11. Konash V. V. Ontologija meliorativnogo kompleksa Rossijskoj Federacii [Ontology of the meliorative complex of the Russian Federation]. Melioracija kak drajver modernizacii APK v uslovijah izmenenija klimata. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj internet-konferencii (Novocherkassk, 24–26 aprlja 2023 g.) [Melioration as a driver of modernization of agriculture in the context of climate change. Materials of the IV International Scientific and Practical Internet Conference (Novocherkassk, April 24–26, 2023)]. Novocherkassk: LIK, 2023. Pp. 23–29. (In Russ.).

12. Kruzhilin I. P. Melioracija i ispol'zovanie oroshaemyh zemel' stepnoj zony [Melioration and use of irrigated lands of the steppe zone]. Moscow: Agropromizdat, 1988. 240 p. (In Russ.).

13. Kulik K. N., Tkachenko N. A., Koshchev V. V. Ispol'zovanie GIS-tehnologij pri ocenke antropogennoj nagruzki na agrolandshafty Volgogradskogo Zavolzh'ja [The use of GIS technologies in assessing the anthropogenic load on the agro-landscapes of the Volgograd Volga region]. *Izvestija Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Proceedings of the Orenburg State Agrarian University]. 2015; (2): 161–163. (In Russ.).

14. Medvedeva L. N. Stratagemy ideal'nogo oroshaemogo zemledelija [Stratagems of ideal irrigated agriculture]. Agrolesomelioracija i zashhitnoe lesorazvedenie — istorija i perspektivy razvitija. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Volgograd, 19–21 oktjabrja 2023 g.) [Agroforestry and protective afforestation — history and prospects of development. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Volgograd, October 19–21, 2023)]. Volgograd: FGBNU «FNC agrotekologii, kompleksnyh melioracij i zashhitno-

go lesorazvedenija RAN», 2023. Pp. 209–212. (In Russ.).

15. Melihov V. V. Melioracija zemel': strategija na perspektivu [Land reclamation: a strategy for the future]. *Oroshaemoe zemledelie* [Irrigated agriculture]. 2019. №3. Pp. 6–7. (In Russ.).

16. Mil'kov F. N. Sel'skohozjajstvennyje landshafty, ih specifika i klassifikacija [Agricultural landscapes, their specificity and classification]. *Voprosy geografii* [Questions of geography]. 1984; (124): 24–31. (In Russ.).

17. Nikolaev V. A. Konceptcija agrolandshafta [The Concept of the Agricultural Landscape]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Geografija. Serija 5* [Bulletin of the Moscow University. Geography. Series 5]. 1987; (2): 22–27. (In Russ.).

18. Rogachjov A. F., Medvedev A. V., Medvedeva L. N., Kuprijanova S. V. Jekonomiko-matematicheskoe modelirovanie i obosnovanie racional'nogo zemlepol'zovanija v agrolandshaftah juga [Economic and mathematical modeling and justification of rational land use in agricultural landscapes of the South]. *Nauchnyj zhurnal Rossijskogo NII problem melioracii* [Scientific journal of the Russian Research Institute of Land Reclamation Problems]. 2018; 2(30): 186–208. (In Russ.).

19. Sizov Ju. I. Prirodnye i meliorativnye konceptcii formirovanija agrolandshaftov [Natural and meliorative concepts of the formation of agricultural landscapes]. *Oroshaemoe zemledelie* [Irrigated agriculture]. 2022; (4): 62–67. (In Russ.).

20. Sokolov A. A., Rudneva O. S. Stepnoe prostranstvo Rossii: jekonomiko-geograficheskij obzor [Steppe space of Russia: economic and geographical review]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija: Nauki o Zemle* [News of Saratov University. Series: Earth Science]. 2017; (17): 87–94. (In Russ.).

21. Shevchenko V. A., Shhedrin V. N., Kuprijanova S. V. Zadachi i problemy vosstanovlenija orositel'nyh melioracij na Juge Rossii [Tasks and problems of restoration of irrigation reclamation in the south of Russia]. *Melioracija i vodnoe hozjajstvo* [Melioration and water management]. 2023; (3): 28–32. (In Russ.).

22. Jurtaev A. A. Agrolandshaftnye issledovanija: teorija i praktika [Agro-landscape research: theory and practice]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific bulletin of the Belgorod State University]. 2011; 15(110): 217–221. (In Russ.).

23. Roiss O., Medvedeva L. Innovation in agriculture — An actor in the development of a green economy. *AIP Conference Proceedings*. 2022; (2650): 030019.

24. Shchedrin V.N., Vasilyev S.M., Kolganov A.V., Kupriyanov A.A. Meliorative institutional environment: The area of state interests. *Espacios*. 2018; (39): 28–36.

Статья поступила в редакцию 06.03.2024; одобрена после рецензирования 22.03.2024; принята к публикации 10.04.2024.

The article was submitted on 06.03.2024; approved after reviewing on 22.03.2024; accepted for publication on 10.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Медведева Людмила Николаевна — доктор экономических наук, профессор, Волжский политехнический институт (филиал), Волгоградский государственный технический университет; ведущий научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт орошаемого земледелия.

Россия, г. Волжский, пр. им. Ленина, 72

Lyudmila N. Medvedeva — Doctor of Economics Sciences, Professor, Docent, Volzhsky Polytechnic Institute (branch) of Volgograd State Technical University; Leading Researcher, All-Russian Research Institute of Irrigated Agriculture.

72 Lenina ave., Volzhskiy, Russia

Пахомова Антонина Александровна — доктор экономических наук, профессор кафедры «Производственный и инновационный менеджмент» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ).

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Antonina A. Pakhomova — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department «Production and Innovation Management», Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.1

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-154-165

ЭВОЛЮЦИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ЭКОСИСТЕМ И ТРАНСФОРМАЦИЯ БИЗНЕСА

Алексей Владимирович Митенков¹✉, Евгения Николаевна Елисеева²

^{1, 2}*Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»,
Москва, Россия*

²*Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия*

¹*amit-77@mail.ru* ✉, ORCID: 000-0003-3146-621X,

AuthorID РИНЦ: 19182917, SPIN-код: 8563-6810

²*evgeniyse@mail.ru, ORCID: 000-0001-7985-3484,*

AuthorID РИНЦ: 924057, SPIN-код: 2120-5197

Аннотация. *Цель.* Данная статья представляет исследование, освещающее уникальные аспекты эволюции инновационных экосистем и связанный с ним процесс трансформации моделей ведения бизнеса в различных областях.

Методология. В статье использован метод анализа научного и практического знания, понятий и категорий, и последующий синтез научных выводов.

Результаты. Современные инновационные экосистемы становятся главным двигателем прогресса, объединяя пространственное развитие, науку, технологии и бизнес. В статье раскрывается взаимодействие между акторами экосистемы, анализируются ключевые факторы, способствующие эволюции экосистемы, рассматривается их влияние на пространственное развитие, научные исследования, технологические инновации и бизнес-практики. Главной идеей статьи является рассмотрение новых направлений в исследованиях, ориентированных на дальнейшее раскрытие потенциала инновационных экосистем в формировании будущего общества.

Перспективы исследования заключаются в развитии теоретических основ для разработки механизма и инструментария трансформации системы управления организаций в условиях развития экосистем.

Ключевые слова: экосистемы, управление бизнесом, теория менеджмента, инновационное развитие, трансформация бизнеса

Для цитирования: Митенков А. В., Елисеева Е. Н. Эволюция инновационных экосистем и трансформация бизнеса // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 154–165. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-154-165>.

Original article

EVOLUTION OF INNOVATION ECOSYSTEMS AND BUSINESS TRANSFORMATION

Alexey V. Mitenkov^{1✉}, Evgeniya N. Eliseeva²

^{1,2}National University of Science and Technology «MISIS», Moscow, Russia

²Financial University under the Government of Russia, Moscow, Russia

¹amit-77@mail.ru✉, ORCID: 000-0003-3146-621X,

AuthorID RSCI: 19182917, SPIN-code: 8563-6810

²evgeniyse@mail.ru, ORCID: 000-0001-7985-3484,

AuthorID RSCI: 924057, SPIN-code: 2120-5197

Abstract. Objective. This article presents a study highlighting the unique aspects of the evolution of innovation ecosystems and the associated process of transformation of business models in various fields.

Methodology. The article uses the method of analyzing scientific and practical knowledge, concepts and categories and the subsequent synthesis of scientific findings

Results. Modern innovation ecosystems are becoming the main engine of progress, combining spatial development, science, technology and business. The article reveals the interaction between the ecosystem actors, analyzes the key factors contributing to the ecosystem evolution, considers their impact on spatial development, scientific research, technological innovation and business practices. The main idea of the article is to consider new directions in research focused on further unlocking the potential of innovation ecosystems in shaping the future society.

The prospects of the research lie in the development of theoretical foundations for the development of the mechanism and tools for the transformation of the management system of organizations in the conditions of ecosystems development.

Keywords: ecosystems, business management, management theory, innovative development, business transformation

For citation: Mitenkov A. V., Eliseeva E. N. Evolution of innovation ecosystems and business transformation // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 154–165. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-154-165>.

Введение. В последние десятилетия эволюция инновационных экосистем стала ключевым фактором, определяющим трансформацию бизнеса и систем управления организациями в глобальном масштабе. Экосистемы, сформированные вокруг взаимодействия предприятий, стартапов, академических институтов и государственных учреждений, оказывают существенное воздействие на различные аспекты бизнес-практик, инновационных стратегий и структур организаций.

Научные исследования в области эволюции инновационных экосистем сфокусированы на выявлении факторов, оп-

ределяющих успешные трансформации, и разработке стратегий, способствующих динамичному развитию бизнеса в новом экосистемном контексте [13]. Такие авторы, как Эрик Брайсфелд [2], Морайн Вилленски [3] и Джозеф Коттингем [5], в своих работах исследовали инновационные экосистемы, выделяя их роль в формировании инновационного капитала и стимулировании экономического роста. В их трудах акцент сделан на взаимодействии различных участников, а именно: корпораций и стартапов в создании динамичных экосистем, способных быстро адаптироваться к пе-

ременам в технологической и бизнес-среде. Исследования Эндрю Макафи и Эрика Брайсфелда [2] акцентируют внимание на важности инноваций и динамичности экосистем, подчеркивая, что эволюция бизнеса в современных условиях тесно связана со способностью организаций быстро воспринимать и интегрировать новые идеи, технологии и бизнес-модели. В работах Джонатана Леффа и Марка Тоси исследования ориентированы на анализ механизмов взаимодействия между корпоративными и стартап-экосистемами, выявляя ключевые факторы успешного сотрудничества и интеграции инноваций в корпоративных структурах. Понимание динамической эволюции инновационных экосистем обогащено исследованиями Дженнифер Миллер [6], чей фокус лежит на взаимодействии человеческого капитала и технологических инноваций. Её работы выделяют важность человеческого фактора в создании и управлении инновационными экосистемами, а также в формировании предпринимательского климата. Исследования Кетрин Хейккиля и Джулиана Трейзера [7] дополняют научный дискурс, фокусируясь на роли образования и исследований в инновационных экосистемах. Они выделяют значение университетских исследований и тесного сотрудничества с индустрией для создания интеллектуальной базы и обучения кадров для новых технологий. Исследования Анны Лиес Блум и Майкла Кревелдинга [1] сосредотачиваются на роли инновационных стратегий в формировании успешных бизнес-моделей. Они предлагают пересмотр подходов к стратегическому планированию и бизнес-моделированию с учетом современной динамики инновационных экосистем. Все эти работы обозначают обширный спектр исследований в области эволюции инновационных экосистем и их влияния на трансформацию бизнеса и систем управления организацией.

В условиях текущей экономической конъюнктуры, характеризуемой переформированием рынка и изменением главных потребителей, инновационный высокотехнологичный путь становится приоритетной целью [10]. Подобное развитие обеспечивается за счёт создания инновационной экосис-

темы, которая имеет большой потенциал для развития в промышленном секторе и может сформировать конкурентноспособную национальную экономику.

Таким образом, стремление к комплексному пониманию факторов и процессов, формирующих современные инновационные экосистемы, является идеей данной статьи, направленной на дополнение и развитие этих исследований, с акцентом на связь между эволюцией экосистем и трансформацией систем и моделей управления бизнесом в глобальном масштабе.

Методика. В исследовании использованы научные методы анализа концепций экосистемного развития и трансформации системы управления организацией. Также в работе применены методы последующего синтеза, позволившего обобщить научный анализ и таким образом прийти к формулированию собственных научных результатов.

Результаты и обсуждение. Инновационная экосистема характеризуется современной моделью «инновационного развития экономики страны, региона или отрасли, выступая актуальной версией более ранних концепций, основной из которых является теория национальной инновационной системы (НИС)» [4, с. 127]. Данная концепция впервые была сформирована в 2004 г. Ч. Весснером. Идея инновационной экосистемы заключается в преобразовании научных исследований в товары или услуги, которые имеют спрос на рынке [9]. Этот процесс требует сотрудничества различных участников, таких как предприятия, стартапы, академические институты и государственные учреждения. Инновационная экосистема объединяет их усилия, создавая синергетический эффект. Совместное использование экспертных знаний из разных областей позволяет обращаться к большему числу генераторов добавленной стоимости, что способствует инновационному развитию по экспоненте. Для этого участники должны делиться своими компетенциями и обмениваться знаниями. Взаимодействие и взаимное обучение являются основой сети, способствующей увеличению инноваций. Важно адаптировать структуру иннова-

ционной экосистемы для оптимизации производительности и затрат¹.

Современная экономическая теория предлагает несколько подходов для определения экосистемы. Сначала экосистема может быть представлена как группа участников, таких как поставщики, производители, сбытовые организации, инвесторы и покупатели, которые взаимодействуют в процессе разработки, производства и сбыта продукции [12]. Второй подход рассматривает экосистему как цифровую платформу, которая позволяет участникам

взаимодействовать и достигать синергетического эффекта. Наконец экосистема может быть самой организацией, которая использует инновационные подходы к управлению и рассматривает предприятие как саморазвивающийся живой организм, активно взаимодействующий с внешней средой [8].

Инновационные экосистемы могут быть разнообразными, и их типология зависит от различных факторов, таких как географическое положение, отраслевая специализация, уровень развития технологий и другие

Таблица 1
Table 1

Типология инновационных экосистем (разработано авторами)
Typology of innovative ecosystems (developed by the authors)

Виды типологий	Виды экосистем	Содержание экосистем
Географическая	Локальные экосистемы	Фокусируются на инновации в конкретном городе, регионе или стране. Примеры включают Силиконовую долину в США
	Международные экосистемы	Объединяют инновационные усилия и ресурсы из разных стран. Примеры включают Глобальные инновационные центры
Отраслевая	Технологические	Сфокусированы на развитии конкретных технологий, таких как искусственный интеллект, биотехнологии, кибербезопасность и т.д.
	Отраслевые	Ориентированы на развитие инноваций в определенных отраслях, таких как здравоохранение, транспорт, финансы и др.
Организационная	Корпоративные инновационные экосистемы	Связаны с инновациями внутри крупных корпораций, которые активно взаимодействуют с стартапами, акселераторами и университетами
	Стартап-хабы и инкубаторы	Создают условия для развития и роста стартапов, предоставляя им пространство, обучение и финансовую поддержку
Фазовая	Стартап-экосистемы	Ориентированы на поддержку ранних стадий развития стартапов, предоставляя инвестиции, экспертную помощь и ресурсы
	Масштабируемые экосистемы	Специализируются на масштабировании успешных стартапов в крупные компании
Смешанные	Интегрированные инновационные экосистемы	Включают в себя элементы различных типов экосистем для достижения более комплексного и сбалансированного подхода

¹ Transformation through innovation, ecosystems and sustained outcomes PwC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/issues/innovation/transformation-through-innovation.html> (дата обращения: 15.10.2023).

[11]. В таблице 1 представлена общая типология инновационных экосистем. Такая типология в перспективе может быть расширена в зависимости от конкретных характеристик исследуемой области.

Увеличение инвестиций в научно-исследовательскую и инновационную деятельность (НИОКР) со стороны различных акторов и привлечение талантов из университетов и научно-исследовательских институтов положительно сказывается на повышении уровня технологий и ВВП: «Государственные инвестиции в НИОКР оказывают более значительное влияние, чем инвестиции со стороны университетов и научно-исследовательских институтов» [13]. Правительство играет важную роль в определении государственной политики, макрорегулировании и стимулировании инноваций. Компании со своей стороны заинтересованы в создании экономически выгодных промышленных инноваций и трансформации системы и моделей ведения бизнеса под экосистемную среду.

В итоге уровень технологий и управления имеют разнофакторное положительное влияние на увеличение ВВП. Улучшение управленческих инноваций оказывает прямое и постепенное влияние на повышение эффективности корпораций, в то время как влияние уровня технологии на коммерциализацию может быть менее очевидным на ранних стадиях². Технологические достижения повышают эффективность бизнеса уже после их внедрения.

Таким образом, устойчивая эволюция экосистемы инноваций, обеспечивая инвестиции в НИОКР, уровень технологий и управления, образование и экологическую устойчивость, способствует достижению устойчивого и здорового развития всей экономики в целом.

Трансформация инновационных экосистем в различных областях науки и бизнеса включает в себя множество аспектов, от пространственного развития до взаимодействия между участниками экосистемы. Ключевые аспекты трансформации представлены на рисунке 1.

В контексте эволюции инновационных экосистем возникает необходимость эффективного управления и адаптации бизнес-структур к динамичным изменениям в организационной среде. Эволюция инновационных экосистем представляет собой процесс постоянного изменения и развития, включая появление новых технологий, бизнес-моделей и партнерских отношений. Трансформация моделей ведения бизнеса и системы управления организациями, вызванная инновационными экосистемами, требует комплексного подхода, объединяя усилия государства, бизнеса и академического сообщества для создания благоприятной среды для инноваций, устойчивого развития и роста производительности.

Рассмотрим пример эволюции инновационной экосистемы в сфере информационных технологий.

Первый этап. Зарождение и пионеры (1990–2000 гг.). Характеристики: в этот период компании, такие как Microsoft, IBM, и Oracle, стали пионерами в области информационных технологий. Они создавали программное обеспечение и аппаратные решения, формируя основы индустрии.

Второй этап. Возникновение интернета (2000–2010 гг.). Характеристики: с развитием интернета началась новая волна инноваций. Google, Amazon и другие компании стали лидерами в области поиска, электронной коммерции и облачных вычислений. Появились социальные сети, такие как Facebook и Twitter.

Третий этап. Мобильные технологии и приложения (2010–2020 гг.). Характеристики: с появлением смартфонов и планшетов произошел сдвиг в фокусе на мобильные технологии. Apple и Google создали успешные экосистемы для мобильных приложений. Развитие интернета вещей (IoT) также стало значимым трендом.

Четвёртый этап. Искусственный интеллект и блокчейн (2020 — настоящее время). Характеристики: в последнее десятилетие стал заметен рост в области искусственного интеллекта (ИИ) и блокчейна. Тех-

2 European Innovation Council and SMEs Executive Agency (EISMEA) [Electronic resource] // European Innovation Ecosystems (EIE) programme. URL: https://eisma.ec.europa.eu/programmes/european-innovation-ecosystems_en (date accessed: 10. 02.2024).

Бизнес-экосистемы	- <i>Корпоративные инновации</i>: развитие внутренних механизмов инноваций в крупных корпорациях и активное взаимодействие с внешними стартапами. - <i>Глобальные партнерства</i>: установление глобальных партнерств и сетей для обмена опытом и ресурсами между различными экосистемами.
Устойчивость и общественные аспекты	- <i>Устойчивое развитие</i>: внедрение практик и технологий, способствующих устойчивому развитию, включая зеленые технологии и процессы. - <i>Социальная ответственность</i>: акцент на социальной ответственности бизнеса и инноваций, в том числе влиянии на рабочую силу и общество в целом.
Пространственное развитие	- <i>Географическая концентрация</i>: формирование инновационных кластеров, где компании, стартапы и исследовательские центры физически близки друг к другу, что способствует обмену идеями и ресурсами. - <i>Инфраструктура</i>: создание высокотехнологичных инновационных парков, лабораторий и инкубаторов, обеспечивающих поддержку для развития новых технологий и стартапов.
Научные исследования	- <i>Интеграция исследований и бизнеса</i>: сокращение разрыва между академическими исследованиями и корпоративным миром, стимулирование трансфера технологий и создание плодотворных партнерств. - <i>Междисциплинарные проекты</i>: повышение значимости междисциплинарных исследовательских проектов, способствующих совместному решению сложных проблем.
Технологические инновации	- <i>Стартап-экосистемы</i>: создание поддерживающих сред для стартапов, включая инвестиции, обучение и менторство, чтобы стимулировать инновационные технологии. - <i>Искусственный интеллект и большие данные</i>: интеграция технологий, таких как искусственный интеллект и анализ больших данных, в различные отрасли для повышения эффективности и создания новых продуктов и услуг.

Рис. 1. Ключевые аспекты трансформации экосистем (разработано авторами)
Fig. 1. Key aspects of ecosystem transformation (developed by the authors)

нология блокчейн используется для обеспечения безопасности транзакций и создания децентрализованных приложений. Крупные компании и стартапы внедряют ИИ для улучшения продуктов и услуг.

Пятый этап. Будущее (прогнозируемое развитие): интеграция технологий и устойчивость (2020–2030 гг.). Прогноз: ожидается, что в ближайшем будущем произойдет еще большая интеграция технологий: ИИ, блокчейн, биотехнологии и квантовые вычисления. Экосистемы будут стремиться к устойчивости, внедряя инновации, направленные на решение глобальных проблем, таких как изменение климата и социальная несправедливость.

Описанные этапы представляют общую картину эволюции инновационных экосистем в сфере информационных технологий, но в различных отраслях и регионах эволюция может происходить с уникальными характеристиками и темпами.

Рассмотрим пример эволюции инновационной экосистемы в сфере промышленных технологий. Так, в марте 2023 г. Европейская комиссия приняла новую программу на 2023–2024 гг. «European Innovation Ecosystems (EIE)»³, в рамках которой Европейские инновационные экосистемы (EIE) будут действовать в дополнение и синергии с Европейским советом по инновациям (EIC) и Европейским институтом инноваций и технологий (EIT), а также с инновационной деятельностью в Horizon Europe и другими программами финансирования ЕС для улучшения общей экосистемы инноваций в Европе.

ЕС в рамках этой программы стремится создать более взаимосвязанные и эффективные инновационные экосистемы для поддержки масштабирования компаний, поощрения инноваций и стимулирования сотрудничества между национальными, региональными и местными субъектами инновационной деятельности.

Данная программа предполагает создание взаимосвязанных, инклюзивных инновационных экосистем по всей Европе,

с использованием существующих сильных сторон национальных, региональных и местных экосистем и привлечением новых, менее широко представленных участников и территории для постановки, осуществления и реализации коллективных амбиций в отношении задач на благо общества, включая зеленые, цифровые и социальные преобразования.

Помимо этого, программа укрепляет сетевые связи внутри инновационных экосистем и между ними для ускорения устойчивого роста бизнеса с высокой общественной ценностью. Программа также сконцентрирована на поддержании Европейского партнерства для инновационных малых и средних предприятий. Рабочая программа дополняет поддержку инновационным экосистемам и межрегиональным партнерствам Европейского фонда регионального развития по темам интеллектуальной специализации.

Инновационные промышленные экосистемы в России постепенно начинают развиваться и уже сейчас находят свои решения в крупнейших компаниях страны. Например, в декабре 2020 г. создана программа «Газпромнефть — Промышленные инновации»⁴, где к работе было привлечено более 150 исследователей, технологов и инженеров, включая профессоров, докторов и кандидатов наук, имеющих множество научных работ и изобретений. Эта команда объединяет опыт различных научных областей и профессий, таких как химия, физика, математика, информационные технологии, промышленный инжиниринг, строительство, экономика, юриспруденция и другие. «Газпромнефть — Промышленные инновации» осуществляет полный цикл научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, начиная с лабораторных исследований и пилотных испытаний до инжиниринга, внедрения и лицензирования промышленных технологий. Их технологическая повестка охватывает основные и перспективные направления в нефтепереработке, включая проекты и технологии катализаторов для получения топливных

3 European Innovation Council and SMEs Executive Agency (EISMEA) [Electronic resource] // European Innovation Ecosystems (EIE) programme. URL: https://eismea.ec.europa.eu/programmes/european-innovation-ecosystems_en (date accessed: 10. 02.2024).

4 Программа «Газпромнефть — Промышленные инновации» [Электронный ресурс]. URL: <https://innovations.gazprom-neft.ru> (дата обращения: 10. 02.2024).

продуктов, технологии нефтехимии, малотоннажной и специальной химии, а также биотехнологии.

Технологические проекты «Газпромнефть — Промышленных инноваций» испытываются и пилотируются в их Лабораторно-пилотном комплексе, который является уникальным научно-исследовательским центром площадью более 18 тыс. кв. метров. Он объединяет научные и аналитические лаборатории, цифровые лаборатории для моделирования технологий, пилотные установки, а также пространство для демонстрации инновационных разработок для нефтеперерабатывающей отрасли. Продукты и технологии, созданные в рамках программы, внедряются в ПАО «Газпром нефть», а также представляются на внешнем рынке под новыми брендами компании. «Газпромнефть — Промышленные инновации» является основным партнером для реализации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), технологических проектов и партнерств. В состав инновационной экосистемы «Газпромнефть — Промышленные инновации» входят разработчики технологий, вузы, научные центры, инжиниринговые партнеры, исполнители НИОКР и институты, поддерживающие научные и технологические инициативы. «Газпромнефть — Промышленные инновации» постоянно совершенствует взаимодействие с инновационной средой. В 2022 г. партнерам программы была представлена научно-технологическая платформа, которая облегчит передачу новых технологий в области нефтепереработки. Эта платформа ускорит внедрение в нефтегазовую отрасль востребованных технологий производства нефтехимических и полимерных продуктов, малотоннажной химии, биотехнологий и экологических решений, а также возродит процесс передачи технологий в новых условиях.

Сегодня компании все чаще сталкиваются с растущим давлением не только внутри своих отраслей, но и от конкуренции со стороны зарождающихся инновационных экосистем (стартапов, академических лабораторий и исследовательских центров), которые задают тренды в изменении потребительско-

го спроса поведения, проявляя следующие принципы рождения импульса трансформации моделей ведения бизнеса, а именно:

1) инновационное лидерство: сильное лидерство, способное внедрять и поддерживать инновационные идеи, играет решающую роль в трансформации бизнеса. Пример: Стив Джобс в Apple — его визионерский подход и способность привнести инновации в продукты существенно повлияли на успех компании;

2) гибкость и высокая адаптивность: гибкая структура и agile-методологии позволяют быстро реагировать на изменения в экосистеме. Пример: компания Netflix быстро адаптируется к изменениям в индустрии развлечений, активно внедряя новые технологии и изменяя свою стратегию контента;

3) стратегическое партнерство: сотрудничество с ключевыми участниками инновационной экосистемы может усилить потенциал трансформации. Пример: IBM и Salesforce стратегически сотрудничают, объединяя свои сильные стороны в области облачных технологий и искусственного интеллекта;

4) технологическая интеграция: внедрение современных технологий и цифровых платформ способствует повышению эффективности и конкурентоспособности. Пример: Starbucks внедрил мобильное приложение для заказа и оплаты, оптимизировав тем самым процессы обслуживания и улучшив взаимодействие с клиентами;

5) обучение и развитие кадров: постоянное обучение и развитие сотрудников позволяют создать культуру, готовую к постоянным изменениям. Пример: Google предоставляет сотрудникам доступ к обучающим программам и инновационной среде для стимулирования творческого мышления;

6) открытые инновации и внешнее взаимодействие: взаимодействие с внешними стартапами, университетами и исследовательскими институтами может приносить новые идеи и технологии. Пример: General Electric использует программу GE Ventures для инвестирования в стартапы и создания внешних инноваций;

7) понимание клиента и рынка: глубокое понимание потребностей клиентов и динамики рынка позволяет адаптироваться к изменениям в бизнес-среде. Пример: Amazon

активно анализирует данные клиентов, что позволяет предугадывать требования и предоставлять персонализированный опыт.

На основании вышеприведенного анализа, авторами было установлено, что основными факторами успеха, влияющими на трансформацию системы управления бизнесом в контексте эволюции инновационных экосистем, являются:

1) взаимодействие с инновационными стартапами: успешные компании активно взаимодействуют с инновационными стартапами, инвестируя в них, предоставляя площадки для сотрудничества и интегрируя их технологии в свои бизнес-процессы;

2) гибкая структура организации: компании, способные быстро реагировать на изменения в экосистеме, имеют гибкую организационную структуру. Они активно применяют методологии гибкого управления и гибкие практики;

3) сотрудничество с образовательными институтами: успешные компании взаимодействуют с университетами и исследовательскими институтами, активно вовлекаясь в научные исследования и обучение персонала для быстрого усвоения новых технологий.

Эти факторы не являются исчерпывающим списком, но представляют ключевые аспекты успешной трансформации бизнеса в условиях эволюции инновационных экосистем.

Можно констатировать, что инновационные экосистемы играют важную роль в развитии экономики и обеспечении устойчивого роста, а именно:

— способствуют созданию и продвижению новых технологий, улучшению конкурентоспособности предприятий и стимулируют инновационную активность;

— способствуют созданию сетей взаимодействия между компаниями, научными учреждениями и государственными органами, что способствует обмену знаниями и опытом. Это позволяет совместно решать сложные проблемы, создавать инновационные продукты и услуги, а также улучшать производственные процессы;

— являются ключевым инструментом для развития экономики, повышения конкурентоспособности и создания благоприятной среды для инноваций;

— способствуют росту компаний, улучшению жизни людей и решению глобальных вызовов.

Заключение. В ходе настоящего исследования были рассмотрены ключевые аспекты эволюции инновационных экосистем и их влияние на трансформацию бизнес-моделей в различных отраслях. Анализ современных тенденций показал, что инновационные экосистемы играют решающую роль в формировании условий для устойчивого развития компаний, способствуя не только внедрению новых технологий, но и созданию ценностных предложений для конечных пользователей.

Особое внимание в работе уделено механизмам взаимодействия участников инновационной экосистемы, включая стартапы, корпорации, научно-исследовательские институты и государственные органы. Подчеркнута важность синергии между различными акторами экосистемы для достижения общих целей и ускорения процесса инноваций.

В статье также обсуждаются вызовы и препятствия на пути развития инновационных экосистем, включая необходимость адаптации к быстро меняющимся технологическим и рыночным условиям, а также риски, связанные с интеграцией новых бизнес-моделей. Предложены пути преодоления этих препятствий, основанные на опыте ведущих мировых экосистем.

В заключение можно утверждать, что развитие инновационных экосистем является ключевым фактором в трансформации бизнеса, позволяя компаниям не только адаптироваться к изменениям внешней среды, но и активно формировать будущее своих отраслей. Для поддержания конкурентоспособности и достижения долгосрочного успеха компаниям необходимо активно участвовать в развитии этих экосистем, вкладывая ресурсы в исследования и разработки, сотрудничество с партнерами и инвестирование в инновации.

Таким образом, исследование подтверждает, что инновационные экосистемы и трансформация бизнеса взаимосвязаны и способствуют созданию новых рыночных возможностей, укреплению экономического роста и улучшению качества жизни общества.

Список источников

1. Блум А.Л., Кревелдинг М. Инновационные стратегии для формирования устойчивых бизнес-моделей // Журнал инноваций в управлении. 2019. №14(5). С. 203–220.
2. Брайсфелд Э. Инновационные экосистемы: ключевые элементы и влияние на трансформацию бизнеса // Журнал инноваций и исследований. 2018. №12(3). С. 45–62.
3. Вилленски М. Технологическая эволюция и формирование инновационных кластеров // Журнал технологических трендов. 2019. №8(2). С. 112–130.
4. Каленов О.Е. Инновационная экосистема как основа развития высокотехнологичной промышленности [Электронный ресурс] // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. 2020. Т. 17. №5(113). С. 126–133. URL: <https://vest.rea.ru/jour/article/viewFile/948/731> (дата обращения: 19.01.2024).
5. Коттингем Д. Роль стартапов в динамике инновационных экосистем // Международный журнал инноваций и предпринимательства. 2020. №15(4). С. 78–95.
6. Миллер Дж. Человеческий капитал и технологические инновации в инновационных экосистемах // Журнал социальных технологий. 2018. №9(3). С. 56–73.
7. Хейскиль К., Трейзер Дж. Образование и исследования в инновационных экосистемах: ключевые факторы влияния // Журнал инновационного образования. 2018. №13(2). С. 87–105.
8. Eliseeva E., Mottaeva A. The life cycle of an organization in a changing economic environment [Electronic resource] // XXII International Scientific Conference Energy Management of Municipal Facilities and Sustainable Energy Technologies (EMMFT-2020). 2021. Vol. 244. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/abs/2021/20/e3sconf_emmft2020_10028/e3sconf_emmft2020_10028.html (date accessed: 10.02.2024).
9. Mann G., Karanasios S., Breidbach C. Orchestrating the Digital Transformation of a Business Ecosystem [Electronic resource] // The Journal of Strategic Information Systems. №31(3). URL: https://www.researchgate.net/publication/362244734_Orchestrating_the_Digital_Transformation_of_a_Business_Ecosystem (date accessed: 10.02.2024). DOI: 10.1016/j.jsis.2022.101733.
10. Mitenkov A. V., Chupakhin V. V. Conceptualisation of measurability indicators of market actors' interactions for sustainable development [Electronic resource] // International Scientific Conference on Biotechnology and Food Technology (BFT-2023). 2023. Vol. 460. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/abs/2023/97/e3sconf_bft2023_02007/e3sconf_bft2023_02007.html. DOI: 10.1051/e3sconf/202346002007.
11. Osterwalder A., Viki T., Pigneur Y. Why Every Company Needs an Ecosystem Strategy [Electronic resource] // Harvard Business Review. 2019. URL: <https://hbr.org/2019/11/why-your-organization-needs-an-innovation-ecosystem> (date accessed: 19.01.2024).
12. Tolstykh T. O., Shkarupeta E. V., Kostuhin Y. Y., Zhaglovskaya A. V., Garin A. P. Scenarios for the Development of Industrial Complexes in the Digital Economy // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. №73. Pp. 1255–1261.
13. Yao J., Li H., Shang D., Ding L. Evolution of the Industrial Innovation Ecosystem of Resource-Based Cities (RBCs): A Case Study of Shanxi Province, China [Electronic resource] // Sustainability. 2021. №13(20). URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/20/11350> (date accessed: 19.01.2024). DOI: 10.3390/su132011350.

References

1. Blum A. L., Krevelding M. Innovacionnye strategii dlja formirovanija ustojchivyh biznes-modelej [Innovative strategies for the formation of sustainable business models]. *Zhurnal innovacij v upravlenii* [Journal of Innovations in Management]. 2019; 14(5): 203–220. (In Russ.).
2. Brajsfeld Je. Innovacionnye jekosistemy: kljuchevye jelementy i vlijanie na transformaciju biznesa [Innovative ecosystems: key elements and impact on business transformation]. *Zhurnal innovacij i issledovanij* [Journal of Innovation and Research]. 2018; 12(3): 45–62. (In Russ.).
3. Villenski M. Tehnologicheskaja jevoljucija i formirovanie innovacionnyh klasterov [Technological evolution and formation of innovative clusters]. *Zhurnal tehnologicheskikh trendov* [Journal of Technological Trends]. 2019; 8(2): 112–130. (In Russ.).
4. Kalenov O. E. Innovacionnaja jekosistema kak osnova razvitija vysokotehnologichnoj

promyshlennosti [Innovation ecosystem as the basis for the development of high-tech industry] [Elektronnyj resurs]. *Vestnik RJeA im. G. V. Plekhanova* [Bulletin of the Plekhanov REA]. 2020; №5(113): 126–133. URL: <https://vest.rea.ru/jour/article/viewFile/948/731> (data obrashhenija: 19.01.2024). (In Russ.).

5. Kottingem D. Rol' startapov v dinamike innovacionnyh jekosistem [The role of startups in the dynamics of innovative ecosystems]. *Mezhdunarodnyj zhurnal innovacij i predprinimatel'stva* [International Journal of Innovation and Entrepreneurship]. 2020; 15(4): 78–95. (In Russ.).

6. Miller Dzh. Chelovecheskij kapital i tehnologicheskie innovacii v innovacionnyh jekosistemah [Human capital and technological innovations in innovative ecosystems]. *Zhurnal social'nyh tehnologij* [Journal of Social Technologies]. 2018; 9(3): 56–73. (In Russ.).

7. Hejkkil' K., Trejzer Dzh. Obrazovanie i issledovanie v innovacionnyh jekosistemah: ključevye faktory vlijaniya [Education and research in innovative ecosystems: key factors of influence]. *Zhurnal innovacionnogo obrazovanija* [Journal of Innovative Education]. 2018; 13(2): 87–105. (In Russ.).

8. Eliseeva E., Mottaeva A. The life cycle of an organization in a changing economic environment [Electronic resource]. XXII International Scientific Conference Energy Management of Municipal Facilities and Sustainable Energy Technologies (EMMFT-2020). 2021. Vol. 244. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/abs/2021/20/e3sconf_emmft2020_10028/e3sconf_emmft2020_10028.html (date accessed: 10.02.2024).

9. Mann G., Karanasios S., Breidbach C. Orchestrating the Digital Transformation of a Business Ecosystem [Electronic resource]. *The Journal of Strategic Information Systems*. 31(3). URL: https://www.researchgate.net/publication/362244734_Orchestrating_the_Digital_Transformation_of_a_Business_Ecosystem (date accessed: 10.02.2024). DOI: 10.1016/j.jsis.2022.101733.

10. Mitenkov A. V., Chupakhin V. V. Conceptualisation of measurability indicators of market actors' interactions for sustainable development [Electronic resource]. International Scientific Conference on Biotechnology and Food Technology (BFT-2023). 2023. Vol. 460. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/abs/2023/97/e3sconf_bft2023_02007/e3sconf_bft2023_02007.html. DOI: 10.1051/e3sconf/202346002007.

11. Osterwalder A., Viki T., Pigneur Y. Why Every Company Needs an Ecosystem Strategy [Electronic resource]. Harvard Business Review. 2019. URL: <https://hbr.org/2019/11/why-your-organization-needs-an-innovation-ecosystem> (date accessed: 19.01.2024).

12. Tolstykh T. O., Shkarupeta E. V., Kostuhin Y. Y., Zhaglovskaya A. V., Garin A. P. Scenarios for the Development of Industrial Complexes in the Digital Economy. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2020; (73): 1255–1261.

13. Yao J., Li H., Shang D., Ding L. Evolution of the Industrial Innovation Ecosystem of Resource-Based Cities (RBCs): A Case Study of Shanxi Province, China [Electronic resource]. *Sustainability*. 2021; 13(20). URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/20/11350> (date accessed: 19.01.2024). DOI: 10.3390/su132011350.

Статья поступила в редакцию 30.02.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 14.04.2024.

The article was submitted on 30.02.2024; approved after reviewing on 20.03.2024; accepted for publication on 14.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Митенков Алексей Владимирович — кандидат философских наук, директор Института экономики и управления промышленными предприятиями, доцент кафедры экономики, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС».

Россия, г. Москва, Ленинский пр., 4, стр. 1

Alexey V. Mitenkov — Candidate of Philosophical Sciences, Director of Economics and Industrial Management College, National University of Science and Technology «MISIS».

6 Leninsky ave., bld. 1, Moscow, Russia

Елисеева Евгения Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»; доцент кафедры отраслевых рынков Финансового университета при Правительстве РФ.

Россия, г. Москва, Ленинский пр., 4, стр. 1

Россия, г. Москва, пр. Ленинградский, 49/2

Evgeniya N. Eliseeva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Economics Department, National University of Science and Technology MISIS; Associate Professor of Economics Department, Financial University under the Government of the Russian Federation.

6 Leninsky ave., bld. 1, Moscow, Russia

4/1, Leningradsky ave., Moscow, Russia

Вклад авторов:

Митенков А. В. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Елисеева Е. Н. — написание исходного текста; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Mitenkov A. V. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Eliseeva E. N. — writing the source text, follow-on version of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК 331.522

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-166-175

ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ТРУДОВЫХ РЫНКОВ ПРИ ВНЕДРЕНИИ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Людмила Александровна Погорелова

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

pogorelova_la@npi-tu.ru, ORCID: 0000-0002-2099-9419,

AuthorID РИНЦ: 881163, SPIN-код: 5448-0039

Аннотация. *Целью исследования* является анализ изменений на рынке труда в процессе интеграции технологий искусственного интеллекта в различные сферы народного хозяйства.

Методологическую базу исследования представляет системный анализ опыта отечественных и зарубежных ученых в области оценки перспектив воздействия искусственного интеллекта на человеческий капитал.

Результаты исследования: проведен анализ последствий воздействия систем искусственного интеллекта на человеческий капитал, обозначены основные проблемы профессионального и социального характера.

Перспективы исследования заключаются в необходимости осознания обществом проблем и выработки оптимальных перспектив развития, связанных с негативным воздействием технологий искусственного интеллекта на человеческий капитал.

Ключевые слова: искусственный интеллект, трудовые взаимоотношения, внедрение инноваций, трудовые трансформации

Для цитирования: Погорелова Л. А. Исследование трансформаций трудовых рынков при внедрении инновационных технологий искусственного интеллекта // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 166–175. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-166-175>.

Original article

RESEARCH OF LABOR MARKET TRANSFORMATIONS IN THE IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Lyudmila A. Pogorelova

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
pogorelova_la@npi-tu.ru, ORCID: 0000-0002-2099-9419,
AuthorID RSCI: 881163, SPIN-code: 5448-0039*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze changes in the labor market in the process of integrating artificial intelligence technologies into various spheres of the national economy.*

The methodological basis of the research is a systematic analysis of the experience of domestic and foreign scientists in the field of assessing the prospects for the impact of artificial intelligence on human capital.

The results of the study analyzed the consequences of the impact of artificial intelligence systems on human capital, identified the main problems of a professional and social nature.

The prospects of the research lie in the need for society to understand the problems and develop optimal development prospects related to the negative impact of artificial intelligence technologies on human capital.

Keywords: *artificial intelligence, labor relations, innovation, labor transformations*

For citation: *Pogorelova L. A. Research of labor market transformations in the implementation of innovative artificial intelligence technologies // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 166–175. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-166-175>.*

Введение. Современное развитие предприятий и отраслей различных сфер народного хозяйства характеризуется активным внедрением технологий искусственного интеллекта. Лидирующую группу государств по автоматизации производственных процессов составляют такие страны, как Китай, Япония, США, Южная Корея и Германия. Внедрение данных технологий сопровождается процессами трансформации трудовых отношений в различных отраслях народного хозяйства, определением необходимости их интеграции с киберпространством, выработкой новых парадигм взаимодействия с технологической средой.

На первом этапе необходимо понимание понятия «искусственный интеллект». Термин «искусственный интеллект» в российском

нормативном законодательстве впервые был обозначен в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года¹.

В работе [7] детализированы основные характеристики понятия «искусственный интеллект», которые учитывают специфические особенности этого понятия и выделяют его среди прочих технологий. Такое понимание искусственного интеллекта акцентирует внимание на его потенциальных преимуществах перед человеческим интеллектом и выявляет возможности его применения в сфере производства и бизнеса.

Цифровая трансформация различных отраслей народного хозяйства влечет для рынка труда такую угрозу, как исчезновение профессий, связанных с выполнением рутин-

¹ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 // СЗ РФ. 2019. №41. Ст. 5700.

ной работы. Чаще всего это специальности с низкой квалификацией: некоторые функции в бухгалтерии, делопроизводстве, курьерские услуги и операции в сфере обслуживания. В то же время, наряду с исчезновением традиционных, формируются новые профессии, требующие более высоких квалификационных характеристик. Таким образом, актуализируется проблема своевременной переквалификации работников под новые трансформации технологий [2].

В исследовании [3] отмечается, что искусственный интеллект освобождает человеческий ресурс от монотонной работы путем автоматического создания программного обеспечения, поддержки в принятии решений, автоматизации опасных видов работ. Изучение и анализ последствий внедрения технологий искусственного интеллекта представляет актуальную задачу современного общества. Обсуждение проблем, формируемых в общественной среде, безусловно, является направлением по выработке оптимальных решений для снижения дисбаланса в обществе, вызванного внедрением искусственного интеллекта в различные сферы народного хозяйства.

Цель настоящего исследования заключается в анализе трансформаций трудовых ресурсов при внедрении технологий искусственного интеллекта в экономическую среду.

Анализ внедрения искусственного интеллекта в различные отрасли народного хозяйства. Научные работы по проблематике исследования акцентируют внимание на новых препятствиях и барьерах, возникающих в процессе активной цифровизации и внедрении систем на базе искусственного интеллекта в экономическую инфраструктуру. В качестве методологической основы данного исследования использовались как общенаучные, так и специализированные методы, в том числе методы наблюдения и обобщения.

По сведениям Международной федерации робототехники в сотрудничестве с Фон-

дом информационных технологий и инноваций² в 2022 году, Российская Федерация демонстрирует некоторое отставание в сфере внедрения технологий искусственного интеллекта по сравнению с другими странами в мировом сообществе. Так, коэффициент роботизации в целом в мире составляет 141 промышленный робот на 10 тыс. производственных рабочих. Лидирующие позиции занимает Южная Корея с индексом в 1 тыс. роботов на 10 тыс. рабочих мест. Российская Федерация из 27 стран, по которым проводился мониторинг, занимает одно последних мест с результатом 6 роботов на 10 тыс. производственных рабочих. Таким образом, на основе вышеприведенного анализа сделан прогноз о трансформации численности экономически активного населения (рисунок 1).

В исследовательских материалах компании McKinsey&Company сделан вывод о том, что производственный сектор более всего подвержен риску сокращения рабочих мест из-за интенсивного внедрения промышленных роботов³. В то же время розничную торговлю также ожидает глубокая структурная трансформация ввиду повсеместного применения программно-технических решений и систем на базе искусственного интеллекта для оптимизации работы по продаже продукции.

Влияние автоматизации и внедрение систем искусственного интеллекта также оказывает воздействие на транспортный сектор, где для оптимизации процессов логистического характера принимаются решения на основе автоматизированного анализа больших объемов данных. Что касается авиационной отрасли, то здесь прогнозируется постепенное внедрение систем искусственного интеллекта, заменяющих функции пилотов, хотя этот процесс будет менее быстрым по сравнению с другими отраслями транспорта. Однако в долгосрочной перспективе, исходя из текущих тенденций, можно предположить рост количества беспилотных воздушных судов [1].

² IFR подвела итоги мировой роботизации в 2022 году: рост продолжается! [Электронный ресурс]. URL: <https://robotrends.ru/pub/2340/ifr-podvela-itogi-mirovoy-robotizacii-v-2022-godu-rost-prodolzhaetsya?ysclid=ltzr6gt6yz220248529> (дата обращения: 01.03.2024).

³ Цифровая Россия: новая реальность [Электронный ресурс] // McKinsey&Company URL: <https://www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/locations/europe%20and%20middle%20east/russia/our%20insights/digital%20russia/digital-russia-report.ashx> (дата обращения: 10.03.2024).

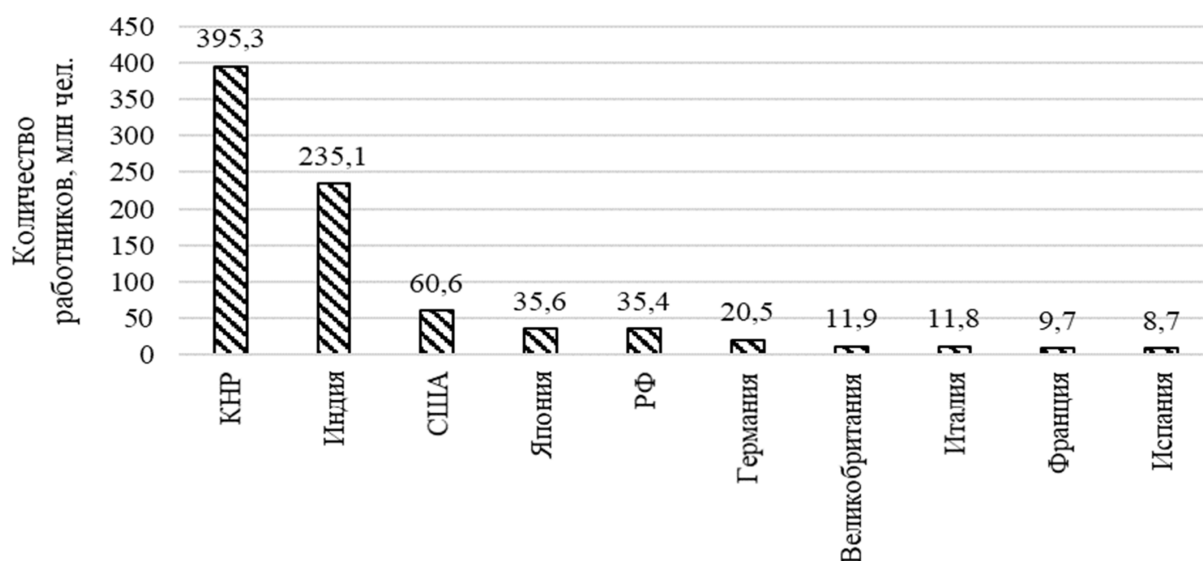

Рис. 1. Численность занятого населения, высвобождающегося в результате процессов роботизации⁴

Fig. 1. The number of employed people released as a result of robotization processes

Признавая стратегическую важность современных технологических решений, государственные структуры направляют усилия на увеличение финансовых инвестиций и поддержку разработки и интеграции соответствующих технологий. Так, в феврале 2017 года президиумом Совета при Президенте РФ по вопросам модернизации экономики и инновационному развитию был утвержден документ, именуемый как «Технет»⁵, который представляет собой дорожную карту национальной технологической инициативы. Этот документ акцентирует внимание на внедрении систем искусственного интеллекта с целью повышения показателей производительности труда в отечественных производственных системах.

о статистическим данным Национальной ассоциации участников рынка робототехники, в период с 2005 по 2015 годы показатели внедрения промышленных роботов в России показывают стабильный рост порядка 27% ежегодно с последующим ускорением до 50%. Период пандемии COVID-19 акцентировал внимание на преимуществах произ-

водственных систем, использующих технологии искусственного интеллекта в процессах, представляющих угрозу для здоровья человека. Это в свою очередь стало катализатором для увеличения инвестиций бизнес-структур по внедрению технологий автоматизации. Детальный анализ трансформаций на трудовом рынке, связанных с активным внедрением инновационных технологий, представлен на рисунке 2.

Основываясь на данных, полученных из исследований Национальной ассоциации участников рынка робототехники (НАУРР), можно констатировать, что роботизация активно распространяется в различных секторах обрабатывающей промышленности, в частности сварочное производство выделяется на фоне других областей, занимая приблизительно 47% от общего объема роботизации в данном секторе. Другие отрасли, такие как техническое обслуживание станков и металлообработка, также активно интегрируют роботизацию, составляя 30% и 10% соответственно. Паллетирование и упаковка, на долю которых приходится 7%, используют

⁴ Harnessing automation for a future that works [Electronic resource] // McKinsey&Company. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/digital-dis-ruption/harnessing-automation-for-a-future-that-works>.

⁵ Национальная технологическая инициатива [Электронный ресурс] // Официальный сайт Инфраструктурного центра «Технет» СПбПУ. URL: <https://technet-nti.ru/> (дата обращения: 28.02.2024).

робототехнику для оптимизации логистических и складских процессов. Отрасли, такие как окраска, измерения, контроль и обработка пластмассовых материалов, каждая занимают по 2% и активно применяют роботизацию для повышения качества производства.

Отдельного внимания заслуживает анализ результатов внедрения искусственного интеллекта для управления энергетическими системами. Ввиду того, что энергия представляет собой продукт, обладающий специфическими свойствами (качественные характеристики в каждый момент времени, невозможность складирования, большие потери при передаче на расстояния), внедрение технологий искусственного интеллекта позволяет значительно снизить расходную составляющую тарифов на энергоносители и повысить качество управления энергокомпанией [10].

Важно отметить, что роботизация и искусственный интеллект не ограничиваются только производственным сектором. Их применение наблюдается и в других областях, включая судопроизводство [8]. Элементы искусственного интеллекта могут быть использованы для более объективного решения

споров. В статье [6] освещается вопрос применения технологий искусственного интеллекта в контексте трудовых правоотношений. Автор утверждает, что применение технологий искусственного интеллекта для рассмотрения индивидуальных трудовых споров в комиссиях могло бы стать наилучшим способом апробации этой технологии перед внедрением ее в практику.

Несмотря на то, что внедрение технологий искусственного интеллекта способствует значительному повышению производительности труда, данная тенденция порождает целый спектр задач, требующих глубокого научного анализа:

1) замещение человеческого труда искусственным интеллектом может привести к замещению высококвалифицированных специалистов системами искусственного интеллекта. Это предполагает переориентацию ряда профессиональных функций в пользу роботизированных систем, способных обеспечивать высокую степень точности и эффективности;

2) увеличение разрыва между спросом и предложением рабочей силы. С учетом увеличения автоматизации в различных сфе-

Рис. 2. Трансформация трудовых ресурсов при внедрении технологий искусственного интеллекта в производственную среду хозяйствования

Fig. 2. The transformation of labor resources in the implementation of artificial intelligence technologies in the production environment of management

рах спрос на человеческий труд, вероятно, уменьшится, особенно в тех областях, где машины и системы искусственного интеллекта демонстрируют более высокую производительность. Это создает риск социально-экономических дисбалансов на рынке труда;

3) необходимость формирования новых рабочих мест. С целью компенсации возможных дисбалансов и социальных рисков требуется разработка новых профессиональных направлений, акцентирующих внимание на интеллектуальной деятельности и областях, сложно поддающихся автоматизации. Это предполагает значительную трансформацию образовательных программ и подходов к подготовке кадров. В работе [5] акцентируется внимание на потенциальном росте безработицы среди низкоквалифицированных специалистов в свете данных изменений. Наиболее чувствительными к подобной трансформации могут оказаться отрасли промышленного производства, розничной торговли, транспорта, государственного управления, сельского хозяйства и строительства.

Массовое внедрение технологий искусственного интеллекта порождает новые проблемы, касающиеся правового и социального статуса робота. В работе [11], посвященной роли искусственного интеллекта в трудовой сфере, акцентируется внимание на том, что «...вопросы наделения роботов, оснащенных технологиями искусственного интеллекта, статусом, близким к статусу человека, всегда привлекали внимание ученых, философов и творческих деятелей. Но в наше время это действительно становится важнейшей правовой и этической проблемой» [11, с. 46]. Данные вопросы, вероятно, приобретут особую актуальность в ближайших десятилетиях.

Касаемо основных постулатов рыночной экономики, где первоочередной является задача максимизации прибыли, этические аспекты часто отходят на второй план. Этот факт вызывает опасения среди экспертов относительно потенциального неравномерного распределения экономических выгод от интеграции новейших технологий. Так, авторы [9] утверждают, что «...искусственный интеллект может повысить эффективность мировой экономики, но распределение полученных выгод, скорее всего, будет неравномерным...» [9, с. 14].

В условиях нестабильной экономической ситуации значительная часть среднего класса, в частности рабочие, может столкнуться с реальным сокращением доходов в процессе адаптации к новой экономической реальности. Параллельно с этим владельцы предприятий и корпораций могут усилить свои экономические позиции за счет роста доли прибавочной стоимости. Это, по всей видимости, может способствовать углублению экономического неравенства как внутри отдельных стран, так и на международной арене. Возможен сценарий, при котором разрыв в уровне благосостояния между высокодоходными группами населения и менее обеспеченными слоями будет продолжать расти.

Для эффективного реагирования на вышеуказанные изменения экономического и технологического характера актуально разработать комплекс мероприятий, направленных на систематическое обучение и профессиональную поддержку рабочей силы, а также на создание условий для обеспечения социальной стабильности и гарантированного равномерного распределения выгод от процессов роботизации и автоматизации.

В настоящее время происходит интенсивное внедрение новаторских технологических решений в различные сферы деятельности (таблица 1).

Современные инновационные решения направлены на замену некоторых специалистов в различных отраслях. К примеру, долгосрочное влияние промышленных роботов на рынок труда уже подтверждено множеством исследований, и, исходя из прогнозов экспертных групп, можно сделать вывод, что в ближайшие десятилетия их роль станет еще более значимой.

В перспективе многие специалисты столкнутся с необходимостью адаптации в виде дополнительного обучения или перехода в отрасли, где сложность принятия решений делает невозможной полную автоматизацию. В первую очередь это следующие отрасли:

1) организация системы бухгалтерского учета, в которой внедрение искусственного интеллекта позволяет автоматизировать рутинные операции, связанные с обработкой однотипных документов, например, формированием платежных поручений, банковских выписок, счетов-фактур, товарно-транспорт-

Таблица 1
 Table 1

**Сферы народного хозяйства, активно использующие в настоящее время
 технологии искусственного интеллекта**
**Spheres of the national economy that are currently actively using
 artificial intelligence technologies**

Сфера	Инновация
Банковское обслуживание, клиентский сервис в розничной торговле	Информирование клиентов по телефонной связи о задолженности на кредитных картах, лицевых счетах
Здравоохранение	Диагностика рака лёгких с помощью анализа результатов МРТ без участия человека
Строительство, проектирование	Строительство домов на основе 3D-печати. Строительная печать материалов под заказ с учетом всех особенностей. Создание 3D-моделей ландшафта и конструкций. Робот-каменщик
Машиностроение	Прохождение первичных испытаний продукта в виртуальной среде, приближенной к реальным условиям
Автомобилестроение	Разработка и внедрение в эксплуатацию беспилотного транспорта

ных накладных, доверенностей. Стандартизация форм и электронный документооборот сокращают необходимость активного участия специалистов;

2) в туристической отрасли использование искусственного интеллекта задействовано в автоматизированных системах управления при бронировании, а также при формировании персонализированных рекомендаций, что способствует повышению качества обслуживания;

3) использование чат-ботов и автоматизированных систем обработки запросов клиентов в колл-центрах позволяет оптимизировать работу операторов;

4) логистическая и транспортная отрасли переживают революцию из-за внедрения беспилотных транспортных средств и систем искусственного интеллекта, целью которых является оптимизация маршрутов и снижение затрат;

5) проверка качества изготавливаемых продуктов в пищевом производстве посредством контроля качественных характеристик каждой единицы продукции опирается на технологии искусственного интеллекта;

6) в области здравоохранения инновационные системы применяются для диагностики и анализа медицинских данных, ускоряя процесс выявления заболеваний;

7) в розничной торговле искусственный интеллект помогает в персонализации предложений и оптимизации товарных запасов;

8) сельское хозяйство интегрирует интеллектуальные системы для мониторинга и управления процессами, такими как автоматизация сбора данных и рекомендации по уходу;

9) в секторе строительства искусственный интеллект улучшает управление процессами строительства, планирование и мониторинг стройплощадок.

Тем не менее большинство решений, принимаемых искусственным интеллектом, требуют проверки человеком. Интеграция искусственного интеллекта в различные секторы национальной экономики современной системы хозяйствования предполагает возможность автоматизации ряда стандартных задач, а также потенциал для усиления оперативной эффективности и оптимизации качества услуг. Однако исследования подчеркивают необходимость уделения пристального

внимания ключевым аспектам, которые требуют глубокого анализа и разработки решений в настоящее время. К таким вопросам можно отнести обеспечение безопасности данных, а также проблемы социального и экономического характера, связанные с изменениями на рынке труда в свете активной технологической трансформации.

Заключение. Таким образом, процессы внедрения технологий искусственного интеллекта в различные сферы деятельности соответственно порождают и трансформации рынка труда.

1. Повышение производительности труда, вызванное внедрением технологий искусственного интеллекта, сказывается на повышении прибыльности компаний. При этом основная доля прибыли формируется за счет снижения активности низкоквалифицированных работников посредством замены монотонных рутинных операций работой роботов. В долгосрочной перспективе данный факт негативно скажется на социальных диспропорциях в обществе.

2. Общество должно поступательно адаптироваться к новым условиям посредством постоянного повышения квалификации, переобучения работников, активизации социального обеспечения в связи с переходом на автоматизированные производственные процессы.

3. Необходимо сглаживать последствия активного внедрения искусственного интеллекта с помощью государственного регулирования, направленного на разработку различного рода социальных программ и стратегий, позволяющих социуму адаптироваться к переходам на новые автоматизированные системы.

Таким образом, искусственный интеллект и автоматизация все более активно интегрируются в повседневные операции, заменяя ряд рутинных функций, позволяя более оперативно обрабатывать большие объемы информации, увеличивая производительность процессов, а также позволяя существенно повысить координированность управленческих воздействий на производственные системы [4].

В этом контексте будущее рынка труда будет ориентировано на специалистов с вы-

соким уровнем творческих и инновационных способностей. При этом стоит понимать, что для выработки решений и обучения искусственный интеллект базируется на статистических базах данных, а также требует подтверждения посредством человеческого анализа.

Общество должно быть социально адаптировано к грядущим трансформациям, связанным с передачей рутинных функций высокопроизводительным роботам.

Список источников

1. Белова Л. Г. Технологическая безработица и бизнес-модель шеринговой экономики в условиях цифровизации экономики // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2021. №1. С. 208–225.
2. Вешкурова А. Б., Терганов Я. К. Цифровая трансформация и безработица: пути совмещения технологического прогресса и обеспечения занятости населения // Экономика труда. 2023. Т. 10. №5. С. 665–684.
3. Кайнов П. И., Ревунков Г. И. Критериальный анализ системы человек-машина на соответствие инженерно-психологическим требованиям на примере системы мониторинга событий информационной безопасности // Аспирант и соискатель. 2020. №2(116). С. 53–62.
4. Комиссарова М. А., Погорелова Л. А. Цифровизация документооборота как основа инноватизации управления производственными системами // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2024. Т. 13. №1. С. 92–97.
5. Лушников А. М. Трудовое право как средство минимизации «провалов рынка» в информационном обществе: история и современность // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. №4. С. 123–130.
6. Любаева А. М., Белозерова О. А. Практика использования технологии искусственного интеллекта в трудовых правоотношениях // В сборнике: Международные научные студенческие чтения — 2023. Сборник статей III Международной научно-практической конференции. Петрозаводск: Новая наука, 2023. С. 164–168.
7. Минбалеев А. В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмурт-

ского университета. Серия Экономика и право. 2022. Т. 32. №6. С. 1094–1099.

8. Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. №5(81). С. 188–191.

9. Окунева Н.В. Мировой рынок искусственного интеллекта его влияние искусственного интеллекта на облик рынка труда / Н.В. Окунева, Е.С. Туманова, И.А. Шипулина // Современный специалист-профессионал: теория и практика: Материалы 10-й международной научной конференции студентов и магистрантов, посвящённой 100-летию Финансового университета в рамках IX Международного научного студенческого конгресса «Цифровая экономика: новая парадигма развития» (Барнаул, 22–23 марта 2018 г.) / Под общ. ред. Т.Е. Фасенко, Д.В. Коханенко. Барнаул: Графикс, 2018. С. 13–16.

10. Погорелова Л.А. Системный подход к оперативно-диспетчерскому управлению энергосистемой Российской Федерации в условиях цифровизации экономики // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2023. Т. 12. №4. С. 118–123.

11. Хубулова М.И. Искусственный интеллект в сфере труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. №3. С. 45–47.

References

1. Belova L.G. Tehnologicheskaja bezrabotica i biznes-model' sheringovoj jekonomiki v uslovijah cifrovizacii jekonomiki [Technological unemployment and the business model of the sharing economy in the context of digitalization of the economy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6: Jekonomika* [Bulletin of the Moscow University. Episode 6: Economics]. 2021; (1): 208–225. (In Russ.).

2. Veshkurova A.B., Terganov Ja. K. Cifrovaja transformacija i bezrabotica: puti sovmeshhenija tehnologicheskogo progressa i obespechenija zanjatosti naselenija [Digital transformation and unemployment: ways to combine technological progress and employment]. *Jekonomika truda* [Labor economics]. 2023; 10(5): 665–684. (In Russ.).

3. Kajnov P.I., Revunkov G.I. Kriterijal'nyj analiz sistemy chelovek-mashina na sootvetstvie

inzhenerno-psihologicheskim trebovanijam na primere sistemy monitoringa sobytij informacionnoj bezopasnosti [Criterion analysis of the human-machine system for compliance with engineering and psychological requirements on the example of an information security event monitoring system]. *Aspirant i soiskatel'* [Postgraduate student and applicant]. 2020; 2(116): 53–62. (In Russ.).

4. Komissarova M.A., Pogorelova L.A. Cifrovizacija dokumentooborota kak osnova innovatizacii upravlenija proizvodstvennymi sistemami [Digitalization of document management as a basis for innovatization of production systems management]. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionnyh tehnologij* [Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies]. 2024; 13(1): 92–97. (In Russ.).

5. Lushnikov A.M. Trudovoe pravo kak sredstvo minimizacii «provalov rynka» v informacionnom obshhestve: istorija i sovremennost' [Labor law as a means of minimizing «market failures» in the information society: history and modernity]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]. 2022; (4): 123–130. (In Russ.).

6. Ljubaeva A.M., Belozerova O.A. Praktika ispol'zovanija tehnologii iskusstvennogo intellekta v trudovyh pravootnoshenijah [The practice of using artificial intelligence technology in labor relations]. V sbornike: Mezhdunarodnye nauchnye studencheskie chtenija — 2023. Sbornik statej III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [In the collection: International scientific student readings — 2023. Collection of articles of the III International Scientific and Practical Conference]. Petrozavodsk: Novaja nauka, 2023. Pp. 164–168. (In Russ.).

7. Minbaleev A.V. Ponjatie «iskusstvennyj intellekt» v prave [The concept of «artificial intelligence» in law]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Jekonomika i pravo* [Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law series]. 2022; 32(6): 1094–1099. (In Russ.).

8. Momotov V.V. Iskusstvennyj intellekt v sudoproizvodstve: sostojanie, perspektivy ispol'zovanija [Artificial intelligence in judicial proceedings: state, prospects of use]. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGJuA)* [Bulletin

of the O. E. Kutafin University (MGUA)]. 2021; 5(81): 188–191. (In Russ.).

9. Okuneva N. V. Mirovoj rynek iskusstvennogo intellekta ego vlijanie iskusstvennogo intellekta na oblik rynka truda [The world artificial intelligence market and its influence of artificial intelligence on the appearance of the labor market]. N. V. Okuneva, E. S. Tumanova, I. A. Shipulina. Sovremennyy specialist-professional: teorija i praktika: Materialy 10-oj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov i magistrantov, posvjashhjonnoj 100-letiju Finuniversiteta v ramkah IX Mezhdunarodnogo nauchnogo studencheskogo kongressa «Cifrovaja jekonomika: novaja paradigma razvitija» (Barnaul, 22–23 marta 2018 g.) [A modern professional specialist: theory and practice: Materials of the 10th International scientific conference of students and undergraduates dedicated to the 100th anniversary of the University of Finance within the framework of the IX International Scientific Student

Congress «Digital Economy: a new paradigm of development» (Barnaul, March 22–23, 2018)]. Pod obshh. red. T. E. Fasenko, D. V. Kohanenko [In T. E. Fasenko, D. V. Kohanenko (eds.)]. Barnaul: Grafiks, 2018. Pp. 13–16. (In Russ.).

10. Pogorelova L. A. Sistemnyj podhod k operativno-dispatcherskomu upravleniju jenergосистемoj Rossijskoj Federacii v uslovijah cifrovizacii jekonomiki [A systematic approach to operational dispatch management of the energy system of the Russian Federation in the context of digitalization of the economy]. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionnyh tehnologij* [Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology]. 2023; 12(4): 118–123. (In Russ.).

11. Hubulova M. I. Iskusstvennyj intellekt v sfere truda [Artificial intelligence in the field of labor]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom* [Labor law in Russia and abroad]. 2022; (3): 45–47. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 04.04.2024.

The article was submitted on 28.02.2024; approved after reviewing on 18.03.2024; accepted for publication on 04.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Погорелова Людмила Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Производственный и инновационный менеджмент», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова. Область научных интересов: управление производственными системами, анализ финансово-хозяйственной деятельности, организация бухгалтерского учета, аудит, управление персоналом. Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Lyudmila A. Pogorelova — Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor of the Department of Production and Innovation Management, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Research interests: management of production systems, analysis of financial and economic activities, organization of accounting, audit, personnel management.

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 330.342.24

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-176-188

ВЫБОР БРЕНДОВ НА МАРКЕТПЛЕЙСАХ КАК ОСНОВНОЙ МЕХАНИЗМ СОВЕРШЕНИЯ ПОКУПКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Ольга Николаевна Фетюхина^{1✉}, Светлана Николаевна Землякова²,
Вадим Игоревич Фетюхин³

^{1,2}Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

³Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия

¹olgaf1977@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0002-6997-0617, AuthorID РИНЦ: 461158

²zemlyakovas@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-1745-0863, AuthorID РИНЦ: 714864

³vadik-fetyukhin@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3372-3216, AuthorID РИНЦ: 854471

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение психологического портрета отношения к брендам покупателей маркетплейсов, основных тенденций поведения покупателей маркетплейсов при выборе ими брендов товаров, сценариев поиска ими новых брендов в условиях ухода части иностранных компаний.

Методологическую базу исследования представляют теоретические аспекты применения различных методов выбора брендов различными типами покупателей в условиях импортозамещения, а также многочисленные данные, полученные в результате практических исследований консалтинговых агентств и маркетплейсов.

Результаты исследования показывают, что маркетплейсы — самый большой канал онлайн-покупок. Доля онлайн-продаж от общего объема розничной торговли в России выросла за последние несколько лет. По социально-демографическим характеристикам покупатели маркетплейсов, выбирая различные бренды товаров, в том числе иностранные, практически не отличаются от онлайн-покупателей в целом. Уход с российского рынка мировых брендов — драйвер роста для российских торговых марок.

Перспективы исследования представляют сопоставление разнообразных трендов, касающихся выбора отечественных и зарубежных брендов на площадках маркетплейсов с проблемами отечественных селлеров при попытке замещения ими ушедших с российского рынка зарубежных брендов.

Ключевые слова: психологический портрет покупателя, маркетплейсы, бренды, интернет-покупки, товарные категории, механизм выбора, импортозамещение, поиск товара

Для цитирования: Фетюхина О. Н., Землякова С. Н., Фетюхин В. И. Выбор брендов на маркетплейсах как основной механизм совершения покупки в условиях цифровой трансформации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 176–188. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-176-188>.

Original article

THE CHOICE OF BRANDS ON MARKETPLACES AS THE MAIN MECHANISM FOR MAKING PURCHASES IN THE CONTEXT OF IMPORT SUBSTITUTION

Olga N. Fetyukhina^{1✉}, Svetlana N. Zemlyakova², Vadim I. Fetyukhin³

^{1,2}Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

³Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia

¹olgaf1977@yandex.ru ✉, ORCID: 0000-0002-6997-0617, AuthorID RSCI: 461158

²zemlyakovasn@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-1745-0863, AuthorID RSCI: 714864

³vadik-fetyukhin@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3372-3216, AuthorID RSCI: 854471

Abstract. *The purpose of the study is to consider the psychological portrait of the attitude of marketplace buyers to brands, the main trends in the behavior of marketplace buyers when they choose product brands, scenarios for their search for new brands in the conditions of the departure of some foreign companies.*

The methodological basis of the study is represented by theoretical aspects of the application of various methods of brand selection by different types of buyers in the context of import substitution, as well as numerous data obtained as a result of practical research by consulting agencies and marketplaces.

The results of the study show that marketplaces are the largest online shopping channel. The share of online sales from the total retail trade in Russia has grown over the past few years. According to socio-demographic characteristics, buyers of marketplaces, choosing various brands of goods, including foreign ones, practically do not differ from online buyers in general. The withdrawal of global brands from the Russian market is a growth driver for Russian brands.

The prospects of the study are a comparison of various trends related to the choice of domestic and foreign brands on the marketplaces with the problems of domestic sellers when trying to replace foreign brands that have left the Russian market.

Keywords: *psychological portrait of the buyer, marketplaces, brands, online purchases, product categories, selection mechanism, import substitution, product search*

For citation: *Fetyukhina O.N., Zemlyakova S.N., Fetyukhin V.I. The choice of brands on marketplaces as the main mechanism for making purchases in the context of import substitution // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 176–188. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-176-188>.*

Ведение. По мере того, как рыночные бренды продолжают распространяться в современном бизнес-пространстве, оставаясь при этом конкурентоспособными, они сталкиваются с уникальным набором проблем. Несмотря на то, что эти проблемы часто схожи с теми, с которыми сталкиваются традиционные бренды, масштаб и сложность современного рынка таковы, что многие из традиционных подходов к маркетингу и брендингу мо-

гут быть уже неприменимы. Одна из наиболее заметных проблем, с которыми сталкиваются бренды маркетплейсов, заключается в том, что они должны найти способы дифференцировать свои предложения от предложений конкурентов. С сотнями тысяч продуктов, доступных на рынке, может быть трудно выделить продукт из ряда аналогичных. Бренды маркетплейсов должны стремиться к созданию уникального брендингового опыта, кото-

рый будет привлекать клиентов и заставлять их возвращаться. Это может включать в себя создание компаний, ориентированных на эмоциональные связи, разработка сильной стратегии обслуживания клиентов или создание привлекательного контента для привлечения новых покупателей.

Еще одна проблема, с которой сталкиваются бренды маркетплейсов, заключается в том, что им часто приходится полагаться на сторонних поставщиков для выполнения заказов. Это может создать множество проблем, включая ненадежное обслуживание, длительные сроки доставки и путаницу с доступностью продукта. Кроме того, брендам маркетплейсов часто приходится конкурировать с более крупными, более авторитетными игроками на рынке, которые могут предложить более низкие цены и более комплексное обслуживание клиентов. В этой конкурентной борьбе многие бренды обращаются к инновационным технологиям, таким как искусственный интеллект, чтобы автоматизировать выполнение заказов и обслуживание клиентов, а также снизить затраты [1; 8; 9].

И, наконец, бренды маркетплейсов также должны помнить о своей репутации. Благодаря сотням тысяч отзывов, доступных в Интернете, покупатели теперь более осведомлены, чем когда-либо, о послужном списке бренда. Таким образом, для брендов маркетплейсов важно культивировать позитивное присутствие в Интернете и быстро реагировать на жалобы и отзывы клиентов. Кроме того, брендам маркетплейсов важно принимать меры для защиты данных своих клиентов и обеспечения высочайшего качества своих продуктов.

Методика проведения опроса и описание выборки исследования: онлайн-опрос (онлайн-панель), основанный на ответах респондентов, которые совершали покупки на маркетплейсах раз в месяц или чаще за последние 6 месяцев (число респондентов $N = 1532$ человек). В опросе использовалась квотированная выборка пользователей интернета по полу, возрасту и региону проживания. Респонденты, не подошедшие под одно или несколько условий прохождения опроса, завершали участие в исследовании и не включались в итоговый массив данных.

Набор осуществлялся методом ривер-сэмплинга: респонденты набирались среди всех пользователей интернета с использованием баннеров, всплывающих окон и персональных предложений, а также с привлечением таргетированной рекламы. Для проверки пользователей применялись такие технологии, как проверка по IP-адресу устройства, проверка по cookie-файлам партнеров сервиса сбора данных и др. Опрос проводился в городах с населением 1 млн и более среди респондентов в возрасте 18–65 лет.

Интервью с покупателями на маркетплейсах, для которых были отобраны потребители, регулярно (раз в 2–3 месяца и чаще) совершающие покупки на маркетплейсах ($N = 5$). Интервью с продавцами на маркетплейсах, для которых были отобраны действующие селлеры, продающие товары минимум на одном из маркетплейсов (исключая площадки C2C) ($N = 3$).

Характеристики выборки: мужчины — 50%, женщины — 50%. Возраст респондентов: 18–24 года (11%); 25–34 года (24%); 35–44 года (29%); 45–54 года (21%); 55–65 лет (15%). Место жительства респондентов: Москва (37%), Санкт-Петербург (18%), другие города с населением 1 млн и более (48%).

Психологический портрет отношения к брендам покупателей маркетплейсов. Маркетплейсы — самый большой канал онлайн-покупок [2]. Как показали исследования, 84% всех опрошенных совершали покупки на маркетплейсах за последние 6 месяцев. В интернет-магазинах за тот же период совершали покупки 53% опрошенных. 80% опрошенных делают покупки на маркетплейсах чаще двух-трех раз в месяц. В среднем покупатели используют для покупок три маркетплейса. Только один маркетплейс используют 14% опрошенных, это «консерваторы», среди них большая часть — мужчины (56%). «Инноваторов» — тех, кто за последние 6 месяцев совершали покупки на 5 и более маркетплейсах — 18%. Большинство в группе «инноваторов» — женщины (58%). По социально-демографическим характеристикам покупатели маркетплейсов практически не отличаются от онлайн-покупателей в целом. Ядро аудитории маркетплейсов — возрастная группа 25–44 года (54%). При этом

соотношение мужчин и женщин практически одинаково — 52 % и 48 % соответственно.

Уход с российского рынка мировых брендов — драйвер роста для остальных. 43 % покупателей, которые перестали приобретать товары ушедших брендов, уже нашли им замену на маркетплейсах. А 45 % всех покупателей убеждены, что товары, замесившие ушедшие бренды, не уступают им по качеству. Почти половина покупателей готовы приобретать на маркетплейсах товары новых, только стартовых на рынке брендов. 46 % опрошенных ответили, что приобретают не только товары известных им марок, но исследуют также и новые бренды. Товарные категории, в которых покупатели больше всего настроены на исследование новых брендов — это «Продукты питания» (50 %), «Товары для дома» (48 %) и «Медицинские товары» (48 %). Ключевое значение при покупке неизвестного бренда имеет не цена, а уверенность покупателя в качестве. Принимая решение о покупке товара нового для себя бренда, наибольшая группа покупателей ориентируется в первую очередь на отзывы (35 %), на рекомендации друзей (30 %), на цены (25 % опрошенных). Товарные категории, в которых новые для рынка бренды получили наилучшие оценки качества товаров относительно ушедших брендов: мебель и осветительные приборы (51 %), автозапчасти и товары для авто (51 %), товары для ухода за малышами (50 %), зоотовары (50 %). В этих категориях новые бренды уже получили внимание и доверие покупателей. 53 % опрошенных продолжают покупать на маркетплейсах товары любимых брендов, ввезенных по параллельному импорту.

Товарная выдача в поиске на маркетплейсе — основной способ узнать о новых брендах. 46 % опрошенных покупателей узнают о новинках именно таким образом. Почти каждый третий покупатель (32 %) узнает о новых брендах через раздел с рекламой и подборками товаров на главной странице. Чтобы привлечь покупателей, новому бренду стоит позаботиться о наличии отзывов на свой товар. О необходимости наличия положительных отзывов заявили 51 % опрошенных.

Положительные отзывы на других ресурсах в интернете при выборе товара нового бренда интересуют 38 % покупателей.

Подробное описание товара на маркетплейсе также важно (45 %), так как оно позволяет получить более полное представление о товаре и его характеристиках.

По способу выбора товаров среди покупателей можно выделить несколько аудиторных групп с разными сценариями поведения. Больше всего среди покупателей «фото-фанатов» (29 %). Красочные отзывы — то, чем новым брендам следует озаботиться в первую очередь. «Ценовых стратегов» (19 %) привлекает выгодное предложение. Третья по размеру группа — «Внимательные покупатели» — ориентируется на положительные оценки, пусть даже без подробного отзыва. 56 % опрошенных, сделав выбор, редко переключаются и покупают определенный товар у одного продавца. Из них у 19 % любимый продавец — тот, у кого лучшие отзывы и рейтинг, у 19 % — к которому привыкли, у 26 % — тот, у которого самое выгодное предложение.

Основной сценарий поиска товаров на маркетплейсе — по ключевым словам в строке маркетплейса. Его используют 3 покупателя из 5. На втором месте по популярности просмотр товаров в каталоге (2 из 5). Раздел акций и скидок просматривают 27 % покупателей.

Сценарии, связанные с повторными покупками и лояльностью, также занимают заметное место. Как показал анализ, 25 % повторяют сделанные ранее заказы, 37 % просматривают отложенные товары, 13 % изучают каталоги любимых продавцов. Присутствие бренда в списке «Избранного» может быть хорошим драйвером продаж при условии, что бренд умеет управлять лояльностью своих покупателей. Корзина — не менее популярный способ для хранения понравившихся товаров, чем «Избранное». Именно корзину используют как «список желаний» почти треть опрошенных (29 %), 30 % добавляют понравившийся товар в «Избранное», а 18 % добавляют в «Избранное» весь бренд.

На выбор товара на маркетплейсе больше всего влияют ценовые факторы: 46 % покупателей приобретут тот товар, который по цене выгоднее, чем аналогичные, а 33 % купят товар, если он участвует в скидках и акциях. Большое значение имеет уверенность в качестве и фактор лояльности: 39 % покупате-

лей выберут товар, у которого будет большое количество положительных отзывов.

Главный барьер при выборе товара на маркетплейсе — наличие отрицательных отзывов о товаре. Этот вариант выбрали 45 % покупателей. Почти настолько же важна для покупателей более высокая цена, чем на аналогичные товары (44 %). Еще 31 % покупателей учитывают при выборе рейтинг продавца, а почти четверть покупателей не станут покупать товар, если его карточка не будет подробно заполнена.

Сценарии поиска и выбора товаров на маркетплейсах. Как уже отмечалось ранее, в рамках исследования влияния механизма поиска товаров и брендов на площадках маркетплейсов был проведен онлайн-опрос покупателей. Потребителям был задан вопрос «Каким образом вы осуществляете поиск товаров в вашем основном маркетплейсе?». Базой исследования была выбрана Россия, города с населением 1 млн и более, возраст опрашиваемых 18–65 лет, опрашиваемые совершали покупки на маркетплейсах раз в месяц или чаще за последние 6 месяцев, основные маркетплейсы у респондентов — Ozon / Wildberries / Яндекс Маркет. N выборки равен 1447 человек. Как показал анализ, основным сценарием такого поиска является поиск

товаров через поисковую строку маркетплейса (рисунок 1). Его используют 3 покупателя из 5. На втором месте по популярности — просмотр товаров в каталоге (2 из 5). Раздел акций и скидок просматривают 27 % покупателей. В то же время заметное место среди сценариев выбора товаров занимают долговременные сценарии, связанные с повторными просмотрами и покупками, использование которых подразумевает лояльность, привычку или, по крайней мере, длительный интерес к товару. Четверть покупателей (25 %) повторяют сделанные ранее заказы. Просматривают отложенные товары 37 % покупателей, просматривают каталоги любимых продавцов — 13 %. Присутствие в списке «любимых брендов» и отложенных товаров может быть хорошим драйвером продаж при условии, что бренд умеет управлять лояльностью своих покупателей.

Среди факторов выбора конкретного товара на маркетплейсе респонденты выделили ценовые, сервисные факторы, факторы лояльности, а также информационные факторы (таблица 1).

Наличие отрицательных отзывов о товаре (45 %) почти настолько же важно, как и более высокая цена, чем на аналогичные товары (44 %), когда речь идет о том, что может побудить покупателей отказаться от покупки

Рис. 1. Сценарии поиска и выбора товаров покупателями на площадках маркетплейсов
Fig. 1. Scenarios for the search and selection of goods by customers on the marketplaces

Таблица 1
 Table 1

Факторы выбора товаров на площадках маркетплейсов
Factors of product selection on marketplaces

Ценовые факторы	Сервисные факторы
Более выгодная цена, чем на другие аналогичные товары	Более быстрая доставка, чем у других аналогичных товаров
Наличие скидки на товар или участие в акции	
Факторы лояльности	Информационные факторы
Наличие положительных отзывов о товаре	Наличие фото и видео товара от покупателей
Отзывы от покупателей о том, что товар является оригинальным	Подробное описание характеристик товара в карточке
Отсутствие отрицательных отзывов о товаре	Наличие оригинальных фото и видео в карточке товара от продавца
Высокий рейтинг продавца	Наличие сертификатов, подтверждающих качество товара
Наличие программы лояльности у продавца	Наличие сертификатов, подтверждающих оригинальность товара
Товар из коллекции уже известного покупателя бренда	

товара в пользу другого, аналогичного. Еще 31 % покупателей учитывают при выборе рейтинг продавца, а почти четверть покупателей не станут покупать товар, если его карточка не будет подробно заполнена. Класть товар в корзину и затем не покупать его — привычная модель поведения для покупателей, которые хотят просто сохранить понравившийся товар — так делает почти треть опрошенных (29 %). Почти столько же респондентов добавляют понравившийся товар в «Избранное» (30 %), а 18 % добавляют в «Избранное» весь бренд. Всего 4 % покупателей вообще никак не сохраняют понравившиеся товары. Подавляющее большинство опрошенных (83 %) так или иначе добавляют в корзину товары и потом не покупают их. Лишь 15 % респондентов кладут товары в корзину, чтобы потом их купить. Чаще всего покупатели кладут товары в корзину и затем не покупают их потому, что отпала необходимость в товаре (26 %). Еще 20 % откладывают покупку из-за того, что не хватило денег на покупку. 12 % респондентов, прежде чем купить товар из корзины, проверят, нет ли аналогичного товара с более привлекательной ценой у другого продавца.

Механизм выбора нового бренда товара на площадках маркетплейсов. Разные типы покупателей подходят к выбору новых брендов на маркетплейсах по-разному [4; 6]. Таблица 2 иллюстрирует комплексную оценку покупателей по факторам выбора товаров (отзывы с фото и видео, выгодное предложение, отзывы о товаре, содержащие только оценку). «Фото-фанаты» среди покупателей составляют самую многочисленную группу (29 %). Если бренды хотят привлечь эту группу покупателей, им необходимо позаботиться о ярких выразительных отзывах. «Ценовые стратеги» (19 %) обращают внимание в первую очередь на выгодные предложения. Новым брендам следует предложить этим покупателям конкурентную цену на товар и быструю доставку. «Внимательные покупатели» составляют третью по размеру группу (12 %), они будут учитывать все отзывы о товаре, для них важна общая положительная оценка товара. «Опережающие выбор» покупатели (12 %) сделают выбор в пользу продавца с более привлекательной ценой, даже если не найдут в отзывах большого количества фото и видео товара. Однако отзывы для них

все же играют большую роль, чем для «ценовых стратегов», которые ориентируются исключительно на более низкую стоимость. «Гибкие покупатели» (11%) не сильно придирчивы к содержанию отзывов (главное — их наличие). Они оценивают продавцов комплексно, по всем параметрам сразу. «Беззаветные экономисты» (10%) менее придирчивы,

чем «ценовые стратеги»: в товаре им важнее всего цена, и они не станут рассматривать товары с отзывами, где есть только оценка.

Как показал анализ, 46% покупают товары новых брендов на маркетплейсах¹. Новые бренды — бренды, недавно появившиеся и вышедшие на маркетплейсы, которые пользователям были до этого не известны и с ко-

Таблица 2
Table 2

Типы покупателей на маркетплейсах по отношению к новому бренду товаров
Types of buyers on marketplaces in relation to a new product brand

Название типа покупателей	Характеристика типа покупателей
«Фото-фанат»	Полагается исключительно на качественные отзывы с фото и видео. Его решение сильно зависит от количества положительных отзывов, которые он считает ключевым показателем удовлетворенности покупателей. Пустые отзывы не играют роли в его решениях
«Ценовой стратег»	Для него главное – выгодные предложения. Он ориентируется на сроки доставки и цену, при этом не обращая внимание на наличие фото/видео в отзывах. Пустые отзывы также не учитываются им при принятии решения
«Внимательный покупатель»	Ценит отзывы с фото/видео и уделяет внимание количеству положительных оценок. Однако он готов рассмотреть товары и с отсутствием фото/видео, при условии, что другие клиенты были довольны. Ему важны и пустые отзывы, которые также учитываются в его выборе
«Опережающий выбор»	Обращает меньше внимания на отзывы, содержащие фото/видео, чем на более оперативные параметры. Даже если у продавца немного положительных отзывов, это не влияет на его решение. Он готов сделать выбор в пользу продавца с более выгодным временем доставки, независимо от наличия фото/видео в отзывах
«Гибкий покупатель»	Оценивает товары как по выгодным предложениям, так и по отзывам с фото/видео. Его выбор продавца зависит от общей картины, включая цену и сроки доставки, а также уровень удовлетворенности покупателей. Важно отметить, что он учитывает и пустые отзывы
«Беззаветный экономист»	Сосредотачивается исключительно на цене и сроках доставки. Отзывы с фото/видео или их отсутствие не являются для него решающим фактором. Важно отметить, что он принимает во внимание пустые отзывы при принятии решения о покупке
«Оптимизатор»	Для него важны цена и сроки доставки. Отзывы с фото/видео или их отсутствие не влияют на его решение. Пустые отзывы также не учитываются им при выборе товара

1 Москва, 2024 [Электронный ресурс] // Data Insight: официальный сайт. URL: <http://www.datainsight.ru> (дата обращения: 03.03.2024).

торыми они познакомились на маркетплейсе. Таким образом возникает вопрос: как стартовым брендам привлечь покупателей? Как показали исследования, 35% покупателей хотят видеть отзывы о новом (ранее не известном им) бренде на маркетплейсе, 30% покупателей прислушаются к рекомендациям родственников, друзей, коллег, 25% покупателей хотят видеть у новых брендов более низкую цену, чем у известных брендов, 22% покупателей купят товар нового бренда, если он будет превосходить по характеристикам привычный бренд. 43% респондентов покупают как известные им бренды, так и новые бренды, которые они впервые обнаружили на маркетплейсе — эти покупатели готовы исследовать новые бренды и продукты, но при этом сохраняют верность уже известным маркам. 37% опрошенных покупателей не обращают внимания на бренд и отдают предпочтение другим характеристикам товара, для них бренд не имеет первостепенного значения, они, скорее, фокусируются на других параметрах приобретаемых товаров. 46% опрошенных покупателей узнают о новых брендах прежде всего через поиск товаров на самом маркетплейсе, а почти каждый третий (32%) — через раздел с рекламой и подборками товаров на главной странице. Поиском через строку маркетплейса занимаются респонденты всех возрастов. Это наиболее простой способ поиска, который позволяет получить релевантную выдачу и сконцентрироваться только на тех товарах, которые в данный момент необходимы. Изучать подборки и рекламу больше любит молодая аудитория: их можно привлечь красивыми рекламными предложениями.

Новым брендам важно работать над созданием доверия у потенциальных потребителей [5]. Каждый третий опрошенный (36%) предпочитает приобретать товары проверенных брендов, чье качество товаров стабильно и не вызывает сомнений при очередной покупке. Значительное число респондентов (31%) считают, что для новых брендов характерна нехватка отзывов. Также стоит обратить внимание на беспокойство о подделках (28%) и сомнения в соответствии описания и характеристик товара (27%). Предоставление точной и достоверной информации о продукте может существенно уменьшить эти

опасения. 35% респондентов признались, что приобрели бы товар нового бренда, если бы на маркетплейсе было много положительных отзывов. Это подчеркивает важность репутации и обратной связи в формировании доверия к новым брендам. 25% респондентов готовы купить товар нового бренда, если его цена ниже по сравнению с известным брендом. Это свидетельствует о значимости ценового аспекта при внедрении новых брендов. Как показал анализ, 22% обращают внимание на лучшие характеристики товара нового бренда по сравнению с уже известным. Это подчеркивает важность качества для привлечения внимания покупателей.

При выборе товара нового, ранее незнакомого, бренда на маркетплейсе наиболее важными факторами являются положительные отзывы на самом маркетплейсе (51%) и положительные отзывы на других ресурсах в интернете (38%). Подробное описание товара на маркетплейсе также считается важным (45%), так как оно позволяет получить более полное представление о товаре и его характеристиках. Каждый второй опрошенный (50%) перестанет покупать товар определенного бренда и снова возобновит поиски другого, более подходящего, если испортится качество товара, 43% будут искать другой бренд, если предыдущий увеличит цену на товар, 27% респондентов, увидев негативные отзывы о товаре, примут решение также искать новый подходящий бренд. Как показали исследования, 56% опрошенных покупателей определяют товар на маркетплейсе у одного конкретного продавца, 39% признались, что каждый раз выбирают того продавца, у которого более выгодное предложение (цена, срок доставки и другие параметры).

У относительного большинства как приверженцев старых, так и новых брендов есть любимый продавец на маркетплейсе — тот, у которого самое выгодное предложение по цене. Большую роль играют здесь и привычки: большая доля респондентов заказывают товар у того продавца, у которого заказывали чаще всего. Примечательно, что те респонденты, которые не обращают внимания на бренд при покупке, также не обращают внимания и на продавца: 61% таких респондентов каждый раз выбирают нового продавца. 80% опрошенных, кому важно наличие

положительных отзывов на товар нового бренда при покупке, все равно будут готовы приобрести его даже без отзывов, но при следующих условиях: 33 % — если будут уверены, что товар подходит им; 30 % — если устроит предложение этого продавца (цена, срок доставки и другие характеристики); 29 % — если уже был успешный опыт покупки у этого продавца².

На рисунке 2 отражено мнение респондентов, которые перестали покупать на маркетплейсах товары брендов, ушедших с рынка РФ. 32 % из них нашли отечественную замену этим брендам на маркетплейсе и поэтому перестали приобретать товары «оригинальных» брендов, 29 % опрошенных отказались от покупки из-за того, что выросла цена на товар или ухудшилось отношение к бренду. Еще у 21 % не вызывают доверия сам товар или продавцы (16 %), которые его предлагают: эти покупатели опасаются подделок.

Российские покупатели переживают потерю западных брендов относительно безболезненно. У каждого покупателя в конкретной товарной группе есть несколько брендов, которые он готов покупать, если останется даже один из них. Исключения корма

для животных и средства женской гигиены, где предпочтения потребителей сформированы конкретной маркой. В остальном, как показали исследования, памяти на бренды у покупателя нет. В основном готовность отказаться от ушедших брендов выражает аудитория старше 40 лет (более 50 %), так же категорически настроена треть российской молодежи (18–34 лет). Как показали исследования, в целом россияне негативно отнесутся к зарубежным брендам, которые остановили работу в России (45 %). Однако 63 % потребителей готовы приобретать их продукцию при возобновлении работы, 23 % опрошенных утверждают, что полностью потеряли лояльность к таким компаниям и впредь не станут их покупать. Такая позиция характерна для россиян старше 55 лет (28 %).

Как показал анализ, 45 % респондентов считают, что отечественные бренды, которые стали продаваться на маркетплейсах на замену ушедшим брендам, такие же или лучше по качеству в целом, и только 11 % считают, что аналоги хуже. Однако 53 % опрошенных продолжают покупать товары любимых брендов, ввезенные по параллельному импорту. Это говорит о том, что часть покупа-

Рис. 2. Причины отказа покупателей от товаров ушедших брендов
Fig. 2. The reasons for the refusal of customers from the products of the departed brands

² Global Innovation Index 2021: Tracking Innovation through the COVID-3. Crisis [Electronic resource] // WIPO. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2021/ (date accessed: 24.02.2024).

телей не готовы резко отказаться от покупки привычных им брендов и стараются и дальше приобретать их, несмотря на изменившиеся условия продажи. Всего 10% перестали приобретать эти товары. Лишь 6% опрошенных отметили, что эти товары не появились снова в продаже на маркетплейсах. Более четверти опрошенных (27%) вообще не следят за появлением товаров ушедших брендов на маркетплейсах³.

Социально-демографические характеристики покупателей при выборе категорий товаров на площадках маркетплейсов. Категории товаров, которые покупали за последние 6 месяцев на маркетплейсах, традиционно возглавляет «Одежда и обувь для взрослых» (71%). 61% покупок за последние 6 месяцев пришлось на категорию «Средства личной гигиены», а 55% — на категорию «Хозтовары и бытовая химия». Это — товары повседневного спроса, которые, по данным самих маркетплейсов, пользуются наибольшей популярностью у покупателей. Реже всего за последние 6 месяцев покупали крупную бытовую технику (15%) и товары для взрослых — 13%.

Товарные категории, в которых российские бренды получили наилучшие оценки качества товаров относительно ушедших мировых брендов:

- мебель и осветительные приборы (51%);
- автозапчасти и товары для авто (51%);
- товары для ухода за малышами (50%);
- зоотовары (50%);
- товары для дачи, сада, огорода (48%);
- товары для строительства и ремонта (47%);
- спортивные товары (47%);
- крупная бытовая техника (46%);
- медицинские товары (кроме лекарств) (46%).

Как показал анализ, 34% покупателей считают, что все зависит от конкретного бренда: качество товаров может быть разным как у отечественных, так и у зарубежных брендов.

Социально-демографические характеристики покупателей на маркетплейсах прак-

тически не отличаются от таковых интернет-покупателей в целом и также незначительно отличаются от показателей покупателей интернет-магазинов. Среднее число маркетплейсов, на которых совершает покупки один пользователь — 3. Как показал анализ, 14% опрошенных используют всего 1 маркетплейс для совершения покупок. Среди них в основном мужчины — их в группе «консерваторов» 56%. Большинство опрошенных (53%) совершают покупки на 2–3 маркетплейсах. «Инноваторов» — тех, кто за последние 6 месяцев совершали покупки на 5 и более маркетплейсах — 18%. Большинство в группе «инноваторов» — женщины (58%). На маркетплейсах в основном активны женщины, на них в среднем приходится больше покупок на маркетплейсах, чем на мужчин. Самой «женской» категорией товаров оказалась категория «Детские товары» — 70% покупок в этой категории совершали женщины. Меньше всего женщин совершали покупки в категории «Мелкая бытовая техника».

Заключение. Отечественные бренды в современном экономическом пространстве сталкиваются с уникальным набором проблем, среди которых дифференцирование своих предложений от предложений конкурентов, разработка сильной стратегии обслуживания клиентов, создание привлекательного контента для привлечения новых покупателей, зависимость от сторонних поставщиков и ряд других проблем.

Онлайн-опрос покупателей маркетплейсов показал, что маркетплейсы — самый большой канал онлайн-покупок: 84% всех опрошенных совершали покупки на маркетплейсах за последние 6 месяцев. Уход с российского рынка мировых брендов — драйвер роста для российских продавцов: 43% покупателей перестали приобретать товары ушедших брендов, они уже нашли им замену на маркетплейсах. А 45% всех покупателей убеждены, что товары, заместившие ушедшие бренды, не уступают им по качеству.

Товарная выдача в поиске на маркетплейсе — основной способ узнать о новых брендах. Как показали исследования, 46% опрошен-

³ Цифровая экономика: 2021. Краткий статистический сборник [Электронный ресурс] / НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/434007067.pdf> (data accessed: 13.11.2022).

ных покупателей узнают о новинках именно таким образом. Чтобы привлечь покупателей, новому бренду стоит позаботиться о наличии отзывов о своем товаре. Подробное описание товара на маркетплейсе также важно, так как оно позволяет получить более полное представление о товаре и его характеристиках.

Основной сценарий поиска товаров на маркетплейсе — по ключевым словам в строке маркетплейса. Присутствие бренда в списке «Избранного» может быть хорошим драйвером продаж при условии, что бренд умеет управлять лояльностью своих покупателей.

На выбор товара на маркетплейсе больше всего влияют ценовые факторы. Главный барьер при выборе товара на маркетплейсе — наличие отрицательных отзывов о товаре. Среди факторов выбора конкретного товара на маркетплейсе респонденты выделили ценовые, сервисные факторы, факторы лояльности, а также информационные факторы [3; 7].

Разные типы покупателей подходят к выбору новых брендов на маркетплейсах по-разному. Больше всего среди покупателей фото-фанатов (29%).

Таким образом, новым брендам, чтобы привлечь больше покупателей, необходимо позаботиться о качественном фото-контенте, заполненности карточки, наличии достаточного количества положительных отзывов, а также приемлемости для покупателей установленной на товар цены.

Список источников

1. Асраев У. Информационный ресурс как фактор развития современной экономики / У. Асраев, Р. Матниязов // Теория и практика экономики и предпринимательства: XVI Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция (Симферополь-Гурзуф, 18–20 апреля 2019 г.) / Под ред. Н.В. Апатовой. Симферополь-Гурзуф: ИП Зуева Т.В., 2019. С. 4–5.

2. Бармута К.А. Стратегический менеджмент в контексте построения цифровой экономики: вызовы и проблемы адаптации // Экономика устойчивого развития. 2020. №4(44). С. 32–36.

3. Борщ Л.М. Цифровизация экономики / Л.М. Борщ, С.П. Реус // Теория и практика экономики и предпринимательства: XVI

Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция (Симферополь-Гурзуф, 18–20 апреля 2019 г.) / Под ред. Н.В. Апатовой. Симферополь-Гурзуф: ИП Зуева Т.В., 2019. С. 10–12.

4. Волкодавова Е.В. Малый и средний бизнес: тренды предпринимательской деятельности в пандемию коронавируса // Экономические науки. 2021. №197. С. 75–79.

5. Иванова Е.К. Маркетплейсы как инструмент развития малого бизнеса // Инновационная экономика и современный менеджмент. 2021. №2(33). С. 35–37.

6. Марченков А.А. Маркетплейсы как главный тренд электронной коммерции // Научные стремления. 2019. №26. С. 65–67.

7. Шевчук И.Б. Расширенная классификация информационных технологий: научно-теоретические и региональный подходы // Перспективы науки и образования. 2014. №6(12). С. 41–47.

8. Электронная коммерция: учебник / Л.А. Брагин и др. М.: ИД Форум, НИЦ Инфра-М, 2012. 192 с.

9. Anopchenko T.Y. A Set of Systemic Measures for the Development of International Cooperation and Integration of Small and Medium-Sized Businesses in Russia / T.Y. Anopchenko, V.I. Ostrovskiy // New Institutions for SocioEconomic Development; Eds.: E. G. Popkova and E. Zavyalova. Deutschland Berlin: Walter de Gruyter GmbH, 2021. Pp. 163–171.

References

1. Asraev U. Informacionnyj resurs kak faktor razvitiya sovremennoj jekonomiki [Information resource as a factor in the development of modern economics]. U. Asraev, R. Matnijazov. Teorija i praktika jekonomiki i predprinimatel'stva: XVI Vserossijskaja s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskaja konferencija (Simferopol'-Gurzuf, 18–20 aprelja 2019 g.) [Theory and practice of economics and entrepreneurship: XVI All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation (Simferopol-Gurzuf, April 18–20, 2019)]. Pod red. N.V. Apatovoj [In N.V. Apatova (eds.)]. Simferopol'-Gurzuf: IP Zueva T. V., 2019. Pp. 4–5. (In Russ.).

2. Barmuta K.A. Strategicheskij menedzhment v kontekste postroenija cifrovoj jekonomiki: vyzovy i problemy adaptacii [Strategic manage-

ment in the context of building a digital economy: challenges and problems of adaptation]. *Jekonomika ustojchivogo razvitija* [The economics of sustainable development]. 2020; 4(44): 32–36. (In Russ.).

3. Borshh L.M. Cifrovizacija jekonomiki [Digitalization of the economy]. L.M. Borshh, S.P. Reus. Teorija i praktika jekonomiki i predprinimatel'stva: XVI Vserossijskaja s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskaja konferencija (Simferopol'-Gurzuf, 18–20 aprlja 2019 g.) [Theory and practice of economics and entrepreneurship: XVI All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation (Simferopol'-Gurzuf, April 18–20, 2019)]. Pod red. N.V. Apatovoj [In N.V. Apatova (eds.)]. Simferopol'-Gurzuf: IP Zueva T.V., 2019. Pp. 10–12. (In Russ.).

4. Volkodavova E. V. Malyj i srednij biznes: trendy predprinimatel'skoj dejatel'nosti v pandemiju koronavirusa [Small and medium-sized businesses: business trends in the coronavirus pandemic]. *Jekonomicheskie nauki* [Economic sciences]. 2021; (197): 75–79. (In Russ.).

5. Ivanova E.K. Marketplejsy kak instrument razvitija malogo biznesa [Marketplaces as a tool for small business development]. *Innova-*

cionnaja jekonomika i sovremennij menedzhment [Innovative economics and modern management]. 2021; 2(33): 35–37. (In Russ.).

6. Marchenkov A.A. Marketplejsy kak glavnyj trend jelektronnoj kommercii [Marketplaces as the main trend of e-commerce]. *Nauchnye stremlenija* [Scientific aspirations]. 2019; (26): 65–67. (In Russ.).

7. Shevchuk I.B. Rasshirennaja klassifikacija informacionnyh tehnologij: nauchno teoreticheskie i regional'nyj podhody [Extended classification of information technologies: scientific theoretical and regional approaches]. *Perspektivy nauki i obrazovanija* [Prospects of science and education]. 2014; 6(12): 41–47. (In Russ.).

8. Jelektronnaja kommercija: uchebnik [Electronic commerce: textbook]. L.A. Bragin et al. Moscow: ID Forum, NIC Infra-M, 2012. 192 p. (In Russ.).

9. Anopchenko T.Y. A Set of Systemic Measures for the Development of International Cooperation and Integration of Small and Medium-Sized Businesses in Russia. T.Y. Anopchenko, V.I. Ostrovskiy. New Institutions for SocioEconomic Development; Eds.: E.G. Popkova and E. Zavyalova. Deutschland Berlin: Walter de Gruyter GmbH, 2021. Pp. 163–171.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 04.04.2024.

The article was submitted on 28.02.2024; approved after reviewing on 18.03.2024; accepted for publication on 04.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фетюхина Ольга Николаевна — доктор экономических наук, профессор кафедры «Производственный и инновационный менеджмент», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова. Сфера научных интересов — электронная коммерция, менеджмент маркетплейсов, трудовые отношения в системе электронной торговли, маркетинг.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Olga N. Fetyukhina — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of «Production and Innovation Management», Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Research interests — E-commerce, marketplace management, labor relations in the E-commerce system, marketing.

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Землякова Светлана Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Производственный и инновационный менеджмент», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ). Сфера научных интересов — электронная коммерция, искусственный интеллект в агро-промышленном комплексе, трудовые отношения в сфере АПК, маркетинг.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Svetlana N. Zemlyakova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Production and Innovation Management, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Her research interests include e-commerce, artificial intelligence in the agro-industrial complex, labor relations in the field of agriculture, marketing.

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Фетюхин Вадим Игоревич — аспирант Московского финансово-промышленного университета «Синергия».

Россия, г. Москва, Ленинградский пр., 80, корп. Г

Vadim I. Fetyukhin — a Postgraduate Student of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy».

80 Leningradsky ave., bldg. G, Moscow, Russia

Вклад авторов:

Фетюхина О. Н. — научное руководство; итоговые выводы.

Землякова С. Н. — написание исходного текста; концепция исследования; доработка текста.

Фетюхин В. И. — подготовка материалов к публикации; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Fetyukhina O. N. — scientific guidance; final conclusions.

Zemlyakova S. N. — writing the source text; research concept; revision of the text.

Fetyukhin V. I. — preparation of materials for publication; final conclusions.

ФИЛОСОФСКАЯ ИННОВАТИКА PHILOSOPHICAL INNOVATION

Научная статья

УДК. 304.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-189-196

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МАССОВИЗАЦИЯ И ГУМАНИЗАЦИЯ

Максим Васильевич Герасимов¹✉, Ольга Михайловна Шевченко²

*¹Российский государственный университет правосудия (Ростовский филиал),
Ростов-на-Дону, Россия*

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹m.gerasimov@ro.ru✉, AuthorID РИНЦ: 1013404

²olgashv2007@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6726-7269, AuthorID РИНЦ: 479776

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении специфики тенденций развития спортивной деятельности в современном обществе.

Методологической основой исследования выступает трансформационный подход, а также положения теории информационного общества, сетевого общества, массовой культуры и общества потребления.

Результаты исследования. Одним из векторов развития спортивной деятельности в условиях глобальной сетевизации общества выступает ее массовизация. Основными чертами массового спорта являются вовлеченность большого количества людей в оздоровительные практики и их доступность. В то же время в конце XX века в развитии массового спорта сложились такие негативные тенденции, как коммерциализация, недоступность для малообеспеченных слоев общества, ориентация на зрелищность. Эти тенденции определяют необходимость гуманизации современной спортивной деятельности, возрождения изначально заложенных ценностей, связанных с физическим и духовным совершенствованием человека.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования динамики развития спортивной деятельности в условиях появления новых технологий.

Ключевые слова: спортивная деятельность, массовый спорт, классический гуманизм, постгуманизм, трансгуманизм, киберспорт, трансгендер

Для цитирования: Герасимов М. В., Шевченко О. М. Современные тенденции развития спортивной деятельности: массовизация и гуманизация // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 189–196. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-189-196>.

Original article

MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF SPORTS ACTIVITIES: MASS CHARACTERIZATION AND HUMANIZATION

Maxim V. Gerasimov^{1✉}, Olga M. Shevchenko²

¹Russian State University of Justice (Rostov Branch), Rostov-on-Don, Russia

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹m.gerasimov@ro.ru[✉], AuthorID RSCI: 1013404

²olgashv2007@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6726-7269, AuthorID RSCI: 479776

Abstract. *The purpose of the study is to identify the specifics of trends in the development of sports activities in modern society.*

The methodological basis of the study is the transformational approach, as well as the principles of the theory of the information society, network society, mass culture and consumer society.

Research results. *One of the vectors for the development of sports activities in the context of global networking of society is its massification. The main features of mass sports are the involvement of a large number of people in health practices and their accessibility. At the same time, at the end of the XX century, such negative trends as commercialization, inaccessibility to low-income groups of society, and focus on entertainment emerged in the development of mass sports. These trends determine the need to humanize modern sports activities, revive the originally inherent values associated with the physical and spiritual improvement of a person.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research into the dynamics of development of sports activities in the context of the emergence of new technologies.*

Keywords: *sports activity, mass sports, classical humanism, posthumanism, transhumanism, e-sports, transgender*

For citation: Gerasimov M. V., Shevchenko O. M. Modern trends in the development of sports activities: mass characterization and humanization // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 189–196. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-189-196>.

Введение. Массовизация спортивной деятельности как процесс вовлечения широких масс в занятия физкультурой и спортом стала набирать обороты в силу развития массовой культуры, посредством которой начинает культивироваться здоровый образ жизни. С развитием средств массовой информации активизируется процесс приобщения масс к различным видам спортивной деятельности. Телевизионные технологии позволили осуществлять трансляцию спортивных состязаний с экрана, что сделало их доступными для большей аудитории.

История свидетельствует о том, что спорт всегда был зрелищным массовым мероприятием, несущим свою смысловую

нагрузку, связанную как демонстрацией спортивных достижений, культом спортсмена-победителя, так и с психологической разгрузкой зрителя, вовлечением его в спортивную борьбу.

В условиях развития новых информационных технологий и общества потребления массовый спорт получил широкое распространение, но в то же время столкнулся с рядом проблем. Это активизирует научный интерес в области тенденций развития современной спортивной деятельности.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования выступают положения теории информацион-

ного общества [8; 2; 14], концепции « сетевого общества » [4], теория массовой культуры [6] и общества потребления [3], а также трансформационный подход [11].

Результаты. Постсоветские трансформации российского общества оказали деструктивное влияние на массовый спорт в стране. Деидеологизация общества и активное внедрение рыночных отношений в социально значимые сферы общества привели к коммерциализации массового спорта в России. Спорт из социальной сферы перешел в сферу платных услуг, причем это затронуло все демографические группы, включая и детские спортивные секции.

С начала 90-х годов многие спортивные площадки и учреждения были приватизированы и реструктуризованы, причем исключительно в направлении извлечения прибыли. В результате коммерциализация структур, предназначенных ранее для развития массового спорта, привела к тому, что для большинства населения России платные услуги за занятия физкультурой и спортом оказались недоступными, а государство сняло с себя ответственность за эту сферу деятельности.

Анализ состояния массового спорта в конце XX века позволяет выделить основные тенденции в его развитии: а) коммерциализация; б) недоступность для малообеспеченных слоев общества; в) идеологической составляющей сегодняшнего массового спорта является не ценность здоровья, а зрелищность и привлечение многочисленных потребителей.

Если в советский период массовый спорт был прерогативой государства, которое занималось его пропагандированием и создавало развитую спортивную инфраструктуру, то в постсоветской России выбор здорового образа жизни является сугубо индивидуальным. Кроме того, массовый спорт наряду с профессиональным стал сферой спортивной индустрии.

К сожалению, те тенденции, которые сегодня наблюдаются в сфере массового спорта, свидетельствуют о том, что спорт перестал выполнять свою основную функцию, а именно — физическое и духовное развитие и самосовершенствование человека. Сложившаяся ситуация определяет необходимость гуманизации современной спортивной сфе-

ры, возрождения в ней исконных нравственных принципов.

Текущее положение определяет необходимость гуманизации современной спортивной деятельности. Однако понятие гуманизма сегодня неоднозначно трактуется в философском знании. Ученые говорят о трансформации гуманизма в современных реалиях, что дает основание для его типологизации: классический гуманизм, постгуманизм, трансгуманизм.

Концепция классического гуманизма сложилась в культурном контексте эпохи Возрождения, создавшем предпосылки для формирования антропоцентрического мировоззрения, основой которого стала идеология гуманизма. Родоначальниками итальянского гуманизма являются Ф. Петрарка, Л. Бруни, Дж. Пико делла Мирандола, которые в своем творчестве провозгласили веру в могущество человеческого разума, возродили значимость телесного начала в человеке.

Возрождение культа человеческого тела шло не только в живописи, скульптуре, литературе, но и в развитии физической культуры того времени. Самым популярным видом спорта было фехтование, приобретшее форму искусства, приобщение к которому позволяет совершенствовать человека не только в физическом плане, но и в психологическом и этическом аспектах. Так последний проявляется в формировании определенного этикета и гуманного отношения к побежденному.

Постгуманизм как философское течение формируется в условиях научно-технического прогресса, который открывает широкие возможности использования технологических достижений для совершенствования физической природы человека. Теоретики этого направления подвергают сомнению положения классического гуманизма о гармонии физического, этического и эстетического начал в человеке, субъектом которой был сам человек [15]. По их мнению, современный человек — это человек техногенной эпохи, которая определяет его ценности и возможности созидать себя, прибегая к помощи науки и техники. В результате формируется техночеловек или киборг, который не обладает качествами традиционного человека.

Исследователи отмечают, что «в многообразии постгуманистических концепций нет единого представления о том, каким дол-

жен быть постчеловек, что объясняется отсутствием на данный момент постлюдей как таковых. Сегодня существует только жалкий эрзац постчеловека в виде роботов-андроидов, наделенных псевдоискусственным интеллектом» [5, с. 16].

Технологические инновации активно внедряются как в тренировочный процесс, так и непосредственно в соревнования спортсменов, значительно улучшая их физические способности. По сути, инновационные технологические средства становятся неотъемлемой частью самого спортсмена.

В настоящее время наиболее востребованными технологиями, оказывающими влияние на спортивные достижения, являются следующие: а) тренажер внимания, помогающий спортсмену концентрироваться в ходе состязания; б) компьютерные программы контроля состояния спортсмена, позволяющие получать ему или тренеру консультации от специалистов во различных медицинским вопросам; в) технология психорезонансной диагностики и тренировки спортсменов, которая позволяет значительно улучшить спортивные результаты; г) создание информационного портала, где происходит сбор данных из области медицины, диетологии, методов тренировки спортсменов из различных стран, а также организация сетевой коммуникации между тренерами и спортсменами.

Наряду с вышеназванным есть масса технологических устройств, используемых спортсменами и позволяющих улучшать спортивные результаты. Речь идет и об оптических приборах, и даже о специальной одежде и обуви, применяемых в ходе спортивных состязаний.

Очевидно, что спорт сегодня — это не только личные достижения спортсменов, но и комплекс инновационных технологий, которые позволяют добиваться им новых достижений и рекордов. В этом плане человек традиционного общества вряд ли смог бы достичь тех спортивных результатов, которые демонстрируют нам спортсмены сегодня, поэтому современный спортсмен в определенном смысле человек-киборг, интегрирующий в спортивной деятельности свои личные качества, выносливость, работоспособность и технологии, позволяющие достигать беспрецедентных рекордов.

Последнее отчасти связано и с использованием допинга в сфере спорта высоких достижений. В научной литературе под допингом понимается «совокупность лекарственных препаратов, которые применяются спортсменами для искусственного, принудительного повышения работоспособности в период учебно-тренировочного процесса и соревновательной деятельности» [10], причем эти препараты различаются по специфике действия и поэтому тщательно подбираются для конкретных видов спорта. Ужесточение конкуренции в современном спорте заставляет спортсменов трудиться на пределе физических возможностей организма. Стремление к высоким спортивным результатам вынуждает прибегать к приему запрещенных препаратов, стимулирующих организм на максимальный эффект. В настоящее время физические перегрузки, которым подвергают себя спортсмены, неизбежно заставляют их прибегать к помощи допинга, который тоже является результатом развития технологий в сфере фармацевтической промышленности. По мнению специалистов, «причиной широкого распространения допинга в современном спорте является мнение многих тренеров и спортсменов о том, что без использования запрещенных веществ и методов трудно добиться высоких спортивных результатов. Существующая система допинг-контроля ограничивает масштабы применения спортсменами запрещенных веществ и методов в спорте, но кардинально проблему в современном спорте она не решает» [10].

Сегодня обеспокоенность ученых вызывает появление генетических допингов, использование которых несет в себе огромные риски для здоровья спортсмена, связанные с трансформацией его генного материала. В настоящее время появляются публикации, в которых легитимизируется использование современных биотехнологий в спортивной деятельности, многие авторы полагают, что эти технологии открывают большие перспективы особенно для спорта высоких достижений [12]. Сегодня открыто предлагается относиться к современному спорту как соревнованию различных видов биотехнологий, преимущественно молекулярных [1].

В настоящее время в научном и общественном дискурсе присутствуют различные

оценки относительно применения молекулярных биотехнологий в спортивной сфере. На этическую сторону этих процессов указывает Ю. Хабермас, считающий, что «размах биотехнологического вмешательства не просто поднимает сложные моральные проблемы, как это было до сих пор, но ставит вопросы совершенно иного рода. Ответы на них затрагивают этическое самопонимание человечества в целом» [9, с. 153].

Широкое применение новых достижений в сфере биотехнологий поднимает этические вопросы в области спортивной деятельности. Ученые справедливо указывают на то, что «проблема современного спорта с позиций биоэтики состоит в том, что реализующий стремление человека определить меру своих физических и ментальных сил и способностей, он начинает выходить за пределы этой меры. Возникает опасность искусственного создания “квазичеловека” на базе современных технологий во имя зрелищных удовольствий и коммерческих интересов» [7, с. 57].

Таким образом, можно говорить о том, что спортивная деятельность в эпоху постгуманизма приобретает свои специфические черты. Так в настоящее время появился новый вид спортивной деятельности — киберспорт. Его возникновение обусловлено стремительным развитием компьютерных технологий и их активным вхождением в повседневную жизнь человека информационного общества.

Это самое молодое направление в сфере массового спорта, название и содержание которого нашло отражение в уставе Общероссийской общественной организации «Федерация компьютерного спорта России»¹. В этом документе киберспорт определяется как вид соревновательной деятельности, осуществляемой посредством компьютерных и видеотехнологий, которые создают среду и правила игры для индивидуальных или коллективных состязаний в виртуальном пространстве. Следует отметить, что сегодня киберспорт является официально признанным

видом спорта в России, что зафиксировано в документах Министерства спорта России².

Очевидно, что киберспорт противоречит общепринятым представлениям о спорте как особом виде физической и/или интеллектуальной деятельности, осуществляемой в форме соревнований и направленной на достижение лучших результатов. Если в традиционном и индустриальном обществах спорт был видом исключительно двигательной активности, направленной на совершенствование физических и личностных качеств спортсмена, то в постиндустриальном мире развитие спортивной деятельности обусловлено появлением новых цифровых технологий, способствующих массовому использованию сети Интернет для развития интеллектуальных и видеоигр, участие в которых приходит в виртуальной среде.

В настоящее время ученые наряду с гуманизмом и постгуманизмом выделяют новую разновидность — трансгуманизм. Последний представляет собой логическое развитие постгуманизма, отражая высший уровень технологического развития человечества, связанный с развитием цифровизации общества, криотехнологий и технологий, позволяющих менять пол человека. Очевидно, что прогресс в таких сферах, как генетика, биохимия, биоинженерия, информатика, кибернетика и прочие, не может не отразиться на сфере спортивной деятельности. Последняя становится областью применения научных достижений с целью получения невиданных ранее спортивных результатов. Сегодня актуальной проблемой является появление спортсменов-трансгендеров.

Заключение. Вышеизложенное позволяет заключить, что тенденция массовизации спорта обусловлена развитием средств массовой информации, посредством которых осуществляется процесс формирования интереса людей к спортивным мероприятиям. На процесс массовизации спорта повлияло

¹ Устав Общероссийской общественной организации «Федерация компьютерного спорта России» (ФКС России) (принят учредительным съездом Федерации 24.03.2000 (с изм. на 11.03.2017)) [Электронный ресурс]. URL: http://resf.ru/upload/58f4c9f92235c_ustav.fks_2017.pdf/ (дата обращения: 14.02.2024).

² Приказ Министерства спорта России от 02.09.2013 №702 «Об утверждении Порядка признания видов спорта, спортивных дисциплин и включения их во Всероссийский реестр видов спорта и порядка его ведения» [Электронный ресурс] // Гарант. ру. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70351560/> (дата обращения: 14.02.2024).

распространение в обществе принципов здорового образа жизни, а также представление о ценности спорта как способе сохранения здоровья и молодости.

В то же время в конце XX века в развитии массового спорта сложились такие негативные тенденции, как коммерциализация, недоступность для малообеспеченных слоев общества, ориентация на зрелищность. Кроме того, развитие новых информационных и биотехнологий привело к появлению как новых видов спортивной деятельности (киберспорт), так и к появлению нового вида спортсменов — спортсменов-трансгендеров.

Все это свидетельствует о серьезных изменениях в природе современного спорта, способных разрушить биосоциальную природу человека. В такой ситуации формируется необходимость подлинной гуманизации спортивной деятельности, ориентированной на возрождение исконной ценности спорта как социокультурного явления, выполняющего важнейшую роль в развитии физических, интеллектуальных, этических параметров человека и формировании здорового общества.

Список источников

1. Барабанова В.Б. О проблеме предельных человеческих возможностей и генетических технологиях в спорте // Успехи современного естествознания. 2010. №11. С. 63–64.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 944 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006. 269 с.
4. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
5. Крайнов А.Л. Постгуманизм и проблема бессмертия: социально-философский анализ // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22. Вып. 1. С. 14–18.
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избранные труды. М.: Весь мир, 2000. 704 с.
7. Смирнов И.Е., Иванюшкин А.Я., Смирнов В.И., Поляков С.Д. Спорт высших до-

стижений в свете биоэтики // Российский педиатрический журнал. 2014. №1. С. 53–59.

8. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 800 с.

9. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. М.: Весь Мир, 2003. 416 с.

10. Холопов А.В., Сумина В.В. Допинг в спорте [Электронный ресурс] // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2017. Спецвыпуск №3. URL: <http://e-journal.omgau.ru/index.php/spetsvypusk-3/36-spets03/733-00318>.

11. Alexander J.C., Sztompka P. (eds.) *Re-thinking Progress*. Boston, 1990. P. 67–88.

12. Ergen E., Pigozzi F., Bachl N., Dickhuth H.H. Sports medicine: a European perspective. Historical roots, definitions and scope // *Journal of Sports Medicine and Physical Fitness*. 2006. №46(2). P. 167–175.

13. Harman G. O zameshchayushchey prichinnosti [On Replacement Causality] // *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2012. Issue 2. P. 75–90.

14. Masuda Y. The information society as post-industrial society. Editorial Fundesco, 1984. 171 p.

References

1. Barabanova V.B. O probleme predel'nykh chelovecheskih vozmozhnostey i geneticheskikh tehnologiyah v sporte [On the problem of limiting human capabilities and genetic technologies in sports]. *Uspehi sovremennogo estestvoznaniya* [Successes of modern natural science]. 2010; (11): 63–64. (In Russ.).
2. Bell D. Grjadushhee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya [The coming post-industrial society. The experience of social forecasting]. Moscow: Academia, 2004. 944 p. (In Russ.).
3. Bodrijjar Zh. Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury [Consumer society. His myths and structures]. Moscow: Kul'turnaja revolyucija; Respublika, 2006. 269 p. (In Russ.).
4. Kastel's M. Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve [Galactica Internet: Reflections on the Internet, business and society]. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2004. 328 p. (In Russ.).
5. Krajnov A.L. Postgumanizm i problema bessmertija: social'no-filosofskij analiz [Posthu-

manism and the problem of immortality: a socio-philosophical analysis]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija: Filosofija. Psihologija. Pedagogika* [Izvestiya Saratov University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. 2022; 22(1): 14–18. (In Russ.).

6. Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass [The uprising of the masses]. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Ves' mir, 2000. 704 p. (In Russ.).

7. Smirnov I.E., Ivanjushkin A. Ja., Smirnov V.I., Poljakov S.D. Sport vysshih dostizhenij v svete biojetiki [Sport of the highest achievements in the light of bioethics]. *Rossiiskij pediatricheskij zhurnal* [Russian Pediatric Journal]. 2014; (1): 53–59. (In Russ.).

8. Toffler Je. Tret'ja volna [The third wave]. Moscow: AST, 2010. 800 p. (In Russ.).

9. Habermas Ju. Filosofskij diskurs o moderne [Philosophical discourse on modernity]. Per. s nem. Moscow: Ves' Mir, 2003. 416 p. (In Russ.).

10. Holopov A.V., Sumina V.V. Doping v sporte [Doping in sports] [Elektronnyj resurs]. *Elektronnyj nauchno-metodicheskij zhurnal Omskogo GAU* [Electronic scientific and methodological journal of Omsk State University]. 2017; (3). URL: <http://e-journal.omgau.ru/index.php/spetsvypusk-3/36-spets03/733-00318>. (In Russ.).

11. Alexander J.C., Sztompka P. (eds.) *Rethinking Progress*. Boston, 1990. P. 67–88.

12. Ergen E., Pigozzi F., Bachl N., Dickhuth H.H. Sports medicine: a European perspective. Historical roots, definitions and scope. *Journal of Sports Medicine and Physical Fitness*. 2006; 46(2): 167–175.

13. Harman G. O zameshchayushchey prichinnosti [On Replacement Causality]. *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2012; (2): 75–90.

14. Masuda Y. The information society as post-industrial society. Editorial Fundesco, 1984. 171 p.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 14.04.2024.

The article was submitted on 28.02.2024; approved after reviewing on 18.03.2024; accepted for publication on 14.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Герасимов Максим Васильевич — старший преподаватель кафедры «Гуманитарные и социально-экономические дисциплины», Ростовский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».

Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Ленина, 66

Maxim V. Gerasimov — Senior Lecturer of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Rostov branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Russian State University of Justice».

66 Lenin ave., Rostov-on-Don, Russia

Шевченко Ольга Михайловна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Конфликтология и национальная безопасность», Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет. Специалист в области исследования этнополитических процессов, межэтнических отношений, национальной и духовной безопасности общества, культуры гражданственности.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Olga M. Shevchenko — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University. A specialist in the field of research on ethnopolitical processes, interethnic relations, national and spiritual security of society, civil practices.

160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 101.1

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-197-209

НЕОПЛАТОНИЗМ, ИЗЛОЖЕННЫЙ ЯСНО, КАК СОЛНЦЕ, И ЦИФРОВАЯ ЗЕМЛЯ

Евгений Николаевич Ерёмченко

Московский государственный университет

имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

*eugene.eremchenko@gmail.com, ORCID: 0000-0002-4416-7617, AuthorID РИНЦ: 710365,
AuthorID Scopus: 57188738753, WoS Research ID: P-5822-2014, SPIN-код: 9624-7300*

Аннотация. *Цель исследования* — междисциплинарное рассмотрение общенаучных оснований и логики становления нового подхода к управлению, известного как «Цифровая Земля» и ассоциируемого с научной геопространственной революцией.

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных методов и подходов, центральное место в котором занимают холистический, системный и междисциплинарный подходы, метод вскрытия и анализа парадоксов, диалектический и сравнительный методы. В качестве базиса для системного исследования используется работа А. Ф. Лосева «Неоплатонизм, изложенный ясно, как солнце», представляющая собой концентрированное изложение холистического мировоззрения.

Результаты исследования. Показано, что в Цифровой Земле за счёт использования беззнаковых средств представления геоконтекста реализован сверхголографический режим представления обстановки, удовлетворяющий условиям обеспечения ситуационной осведомлённости. Тем самым Цифровая Земля первой из систем управления вышла за рамки семиотического и позволила обеспечить целостное восприятие обстановки без её принудительной категоризации. Показано, что логика внутреннего диалектического развития геопространственных методов в направлении холизма соответствует логике холистического мировоззрения, изложенного А. Ф. Лосевым.

Перспективы исследования. Полученные в ходе исследования результаты обозначают перспективу гармонизации философии и передовых научных направлений в новых технологических реалиях и перехода к системному, теоретически обоснованному и инструментально обеспеченному решению комплексов проблем, связанных с неэффективным глобальным управлением и представляющих собой угрозу существования цивилизации.

Ключевые слова: А. Ф. Лосев, Цифровая Земля, неогеография, холизм, ситуационная осведомлённость, управление

Для цитирования: Ерёмченко Е. Н. Неоплатонизм, изложенный ясно, как солнце, и Цифровая Земля // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 197–209. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-197-209>.

Original article

NEOPLATONISM, EXPLAINED CLEARLY AS THE SUN, AND THE DIGITAL EARTH

Eugene N. Eremchenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

*eugene.ermchenko@gmail.com, ORCID: 0000-0002-4416-7617, AuthorID RSCI: 710365,
AuthorID Scopus: 57188738753, WoS Research ID: P-5822-2014, SPIN-code: 9624-7300*

Abstract. *The purpose of the study is interdisciplinary consideration of the general scientific foundations and logic of the genesis of a new approach to governance, known as the «Digital Earth» and associated with the scientific geospatial revolution.*

The methodological basis of the study forms a complex of general scientific methods and approaches, the central place in which is occupied by holistic, systemic and interdisciplinary approaches, the method of opening and analyzing paradoxes, dialectical and comparative methods. A. F. Losev's work «Neoplatonism explained clearly as the sun», which is a concentrated presentation of a holistic worldview, is used as a basis for a systematic study.

The results of the study. It is shown that in the Digital Earth, due to the use of unsigned means of representing geocontext, a super-holographic mode of representing the situation is implemented, satisfying the conditions for ensuring situational awareness. Thus, the Digital Earth was the first of the control systems to go beyond the semiotic and allowed for a holistic perception of the situation without its forced categorization. It is shown that the logic of the internal dialectical development of geospatial methods in the direction of holism corresponds to the logic of the holistic worldview outlined by A. F. Losev.

The prospect of the study. The results obtained in the course of the study indicate the prospect of harmonization of philosophy and advanced scientific directions in new technological realities and the transition to a systematic, theoretically sound and instrumentally secured solution to complex problems associated with ineffective global governance and posing a threat to the existence of civilization.

Keywords: *A. F. Losev, Digital Earth, neogeography, holism, situational awareness, management*

For citation: *Eremchenko E. N. Neoplatonism, explained clearly as the Sun, and the Digital Earth // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 197–209. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-197-209>.*

Введение. Тематика работ Алексея Фёдоровича Лосева (1893–1988) одной лишь философией не ограничивается — вопросы мировоззренческой значимости неизбежно проецируются на широкий круг академических и прикладных проблем, в том числе предельно актуальных в «цифровую» и кибернетическую эпоху, и переосмысливаются в них. Одной из показательных в этом отношении работ А. Ф. Лосева является незаконченный труд «Неоплатонизм, изложенный ясно, как

солнце» [11], интересный своим непривычным для философского трактата стилем и необычно доходчивым изложением нашим современникам основ сложной мировоззренческой концепции, возникшей на закате эллинистического периода и утверждающей доминанту целостного, не фрагментированного восприятия мира. Данный труд служит наглядным примером ответственного размышления над серьёзными вопросами — искусства, во многом утраченного в наши дни.

И ещё он интересен своим созвучием идее Цифровой Земли, или неогеографии.

Термин Цифровая Земля (Digital Earth) [20] был предложен вице-президентом (1993–2001) США Альбертом Гором для обозначения инструмента радикальной перестройки глобального управления [17] — виртуальной модели планеты, отличающейся от привычных карт трёхмерностью и многомасштабностью [18]. Заказ Вашингтонской администрации был выполнен в 2005 г., когда появился интернет-сервис Google Earth¹, до сегодняшнего дня остающийся эталоном Цифровой Земли. Вид планеты какой она есть, не опосредованной знаковыми условностями, настолько противоречил стереотипам, что уже год спустя появился термин «неогеография», предложенный Эндрю Тёрнером в книге «Введение в неогеографию» (Introduction to Neogeography, [34]). В том же году было создано Международное Общество Цифровой Земли (International Society for Digital Earth, ISDE), было заявлено о начале научной «геопространственной революции»² и смены парадигм (в терминах Т. Куна [28]). Счёт пользователям одного лишь Google Earth уже идёт на миллиарды³. В дальнейшем было показано, что термины «Цифровая Земля» и «неогеография» тождественны и адресованы одному феномену, однако различны по акцентам на соответственно технические и научные его основания [8; 7]. В данной работе Цифровая Земля рассматривается в оптике мировоззренческих принципов, описанных в работе А. Ф. Лосева.

Постановка задачи. Географическая карта является одной из древнейших информационных систем⁴ и во многом сформировала современную картину мира, поэтому появление альтернативы ей обнажает в виде парадоксов глубоко укоренённые интеллектуальные комплексы, требующие критического осмысления в максимально широком

контексте — философском. Один из парадоксов состоит в том, что Цифровая Земля как географический инструмент не только не соответствует определению географической карты, но и противоречит каждой из компонент такого определения [1; 24].

По утверждению А. А. Тахо-Годи, «Неоплатонизм, изложенный ясно, как солнце» датируется серединой 1930-х гг. [11]. Как раз в те годы выдающийся русский мыслитель и писатель М. А. Булгаков работал над романом «Мастер и Маргарита» (1928–1940) [3; 16]. Роман Булгакова широко известен точным и детальным описанием идеи, вида и возможностей будущей Цифровой Земли, названной в романе «волшебным глобусом» и представленной атрибутом и инструментом инстанции, идеально осведомлённой о глобальной обстановке и управляющей ею [6]. Роман стал настольной книгой российской интеллигенции, о волшебном глобусе читал или, по крайней мере, слышал в России буквально каждый, поэтому удивительно, что очевидный картографический аспект романа М. А. Булгакова [27] игнорировался в России вплоть до появления за рубежом уже готового Google Earth — за, пожалуй, единственным и потому показательным исключением, впрочем, не имевшим продолжения и лишь подтверждающим парадоксальную закономерность ситуации [12]. Ключом к рассмотрению этого и других парадоксов может стать работа А. Ф. Лосева «Неоплатонизм, изложенный ясно, как солнце».

Методология. Неоплатонизмом называют последний этап развития античного платонизма [13], известный хаотическим [11] своеобразием учений различных школ. У них имеется одно общее основание — представление о «Едином» как фундаменте мироздания и основе всякой сущности. Единое может быть охарактеризовано лишь апофатически, возможность его интеллектуального описа-

1 Google Earth [Electronic resource]. URL: <https://www.google.com/earth/about/versions/> (date accessed: 19.02.24).

2 Geospatial Revolution [Electronic resource]. URL: <https://www.geospatialrevolution.psu.edu> (date accessed: 19.02.24).

3 More than one billion downloads for Google Earth [Electronic resource]. URL: https://www.earthblog.com/blog/archives/2011/10/more_than_one_billion_downloads_for.html (date accessed: 19.02.24).

4 В настоящее время самой древней высококачественной крупномасштабной картой принято считать план населённого пункта, обнаруженный при раскопках неолитического поселения Чатал-Гюк в Малой Азии, верно представляющий его геопространственный контекст и датируемый приблизительно 6600 г. до н. э. [32].

ния с использованием аппарата категорий⁵ исключается. Неоплатонизм последовательно утверждает холизм как принцип целостности и требует вытеснения категориального мышления как минимум на периферию философии как таковой⁶.

Для передачи неоплатонического видения мира А.Ф. Лосев использует простые, но мощные и эффективные методологические подходы — мысленный эксперимент и диалектику. Сначала он предлагает забыть о том, что неоплатонизм — «это вообще какая-нибудь философия», и говорить на «обыденном», «здоровом» языке [11, с. 272], что позволяет вывести идею неоплатонизма напрямую из современного культурного контекста и общепонятной повседневной практики. Темой разговора становится обычный сад, в котором пребывает автор. Сад как целое⁷ воспринимается субъектом в своём единстве и, что важно, в своём удовольствии, т.е. отношение к саду не является и не может являться узко рассудочным [11]. Сад не может быть сведён к утилитарным или частным дисциплинарным точкам зрения: биологии, химии, астрономии, экономики. Точно так же сад не может быть представлен в виде суммы чего-либо, в нём находящегося или с ним связанного: яблонь, фиалки, неба, птичьих трелей, урожайности с гектара и кадастровой площади, кадушки с водой и т.д. Сад — это нечто качественно иное, нежели сумма предикатов или какая-либо классификационная схема. Суть сада не может быть зафиксирована в дефиниции; у него нет исключительных носителей, материальных или нематериальных. Суть сада — Единое, это критически важно для понимания того, как из невырази-

мого дискурсивно, но более чем реального Единого⁸ диалектически и поэтапно проявляются все эманации, и в том числе умопостигаемые категории, которыми мы по необходимости вынуждены мыслить сегодня всё и сад в том числе. Членение единого на отдельные компоненты исключается, цельность фундаментальна и исчезает при любой такой попытке. Из этих обыденных, понятных любому ощущений, интуиций и суждений в работе А.Ф. Лосева развёртывается панорама неоплатонической картины мира — холизма, полярного принципам современной научной картины мира⁹.

Восприятие холизма парадоксальным образом сложно и просто одновременно. Сложность связана с тем, что сегодня мы не можем мыслить иначе как посредством категорий. Осознанное восприятие реальности в наши дни безраздельно строится на дискретизации её на категории, и в том числе на различные предметные дисциплины. Мы воспринимаем внешнюю реальность как сумму биологии, экономики, физики, политики, стереотипов социальных групп, и т.д. Даже геопространство как таковое, неделимая среда существования человечества, декларируется состоящим из трёх компонент: социальной, технологической, природной [4]. При этом даже сведение воедино различных точек зрения под лозунгом «междисциплинарности» представляет собой как минимум исключительно сложную задачу, а реализация холизма как полной «вне-дисциплинарности» в рамках современной научной картины мира очевидно невозможна вообще.

Простота же холизма связана с его естественностью. Бессознательное, целостное,

5 Неоплатоник Плотин утверждает невозможность применения категорий как опосредующего инструмента к чувственно воспринимаемым сущностям даже косвенно, в виде аналогий «... intelligible categories cannot be applied, even analogously, to sensible substance» [31]. А.Ф. Лосев подчёркивает, что «Плотин категорически запрещает понимать... единство как *категорию* (Ennead. VI)» [11, с. 278].

6 Сам А.Ф. Лосев в этой ситуации говорит: «Я, слава Богу... не философ, если под философией понимать систему категорий» [11, с. 273].

7 А.Ф. Лосев вместо термина «холизм» использует именование «единое» и «цельность», подчёркивая, что они не являются категориями и терминами.

8 «Эта неопределимая «ипостась», начало и исток всякой сущности, но сама еще являющаяся ни сущностью, ни, тем более, познаваемой сущностью» [11, с. 277].

9 Прямо отмечается наивность и бесплодность любых фрагментированных точек зрения, диссоциирующих целостное: астрономической, мещанской, позитивистской, торгово-промышленной, ботанической, менеджерской и даже доктринально-философской, и иных. Подчёркивается, что опосредованное категориями восприятие мира уничтожает целостность и тем самым исключает его понимание: «Сад есть сад, — хоть убей... Сад выше всякого отдельного предиката, ему приписываемого, и выше того знания о нем, которые этими предикатами, взятыми в отдельности или вообще в их общей сумме, ему приписываются» [11, с. 275].

не фрагментированное и не опосредованное интеллектуальными конструкциями восприятие реальности не только безраздельно доминирует в нашей повседневной жизни и сегодня, но и единственное обеспечивает её органичность и является залогом устойчивого существования субъекта в мире. Это касается не только низших функций (поведение, целесообразное маневрирование в пространстве, контроль обстановки, и т.д.), но и таких высших, как инсайт, неопределимый рассудочно. Целостность всегда не только вокруг нас, но и внутри нас, и передать её словами, инструментом категориального мышления, невозможно — целостное восприятие необратимо разрушается при любой попытке его рационализации с использованием опосредующих инструментов, знаков, поэтому интересно, как описанные А. Ф. Лосевым и, казалось бы, навсегда оставшиеся в минувшем идеи доведенного до предельной завершённости холизма диалектически возродились в современной, «цифровой» и кибернетической, реальности и в проблематике управления.

Философские истоки геопроостранственного кризиса в управлении. Способность адекватного восприятия обстановки и устойчивый непрерывный процесс выработки на основе этого восприятия последовательности правильных решений являются необходимым и достаточным требованием, предъявляемым к системам управления. Поскольку любая деятельность и мышление осуществляются исключительно в пространстве и во времени и никак иначе [26], основой восприятия обстановки неизбежно является универсальная, единая пространственно-временная среда — геопроостранственный контекст. Исторически такой контекст назывался картами и создавался методами картографии. Но контекст должен быть един, а создание глобальной и одновременно с этим детальной, т.е. всемасштабной, географической карты принципиально невозможно [5], поэтому единый образ пространства неизбежно и необратимо расслаивается в картах на разномасштабные реплики, по-разному представ-

ляющие обстановку [14]. При этом на картах различного масштаба местность и объекты на ней представляются хоть и правильно¹⁰, но при этом в равной степени неодинаково, меняясь иногда до неузнаваемости. Скалярные величины, определяемые по картам и являющиеся основными факторами экономического управления (площади земельных участков и стоимости кадастровых участков, длины береговых линий, протяжённость рек, совокупные площади внутренних акваторий и т.д.), не могут быть определены точно, и в некоторых случаях такое определение заведомо бессмысленно, поскольку значения не стремятся к имеющему физический смысл пределу. Этот парадокс, известный с середины XX в. как «парадокс береговой линии» (coastline paradox)¹¹, отражает фрактальную природу геопроостранственных объектов и послужил отправной точкой для разработки понятия о фракталах [29]. Так, очевидно наличие у геопроостранственного объекта (например, острова) границы (береговой линии). Эта граница существует в реальности, но при этом какой-либо длины не имеет — длина появляется только при представлении границы на карте определённого масштаба, на картах различных масштабов эта длина в общем случае будет заведомо различной. Длина является предикатом не самого географического объекта, но лишь его представления с помощью картографических знаков. Сами по себе географические объекты ни масштаба, ни проекции не имеют. Карта, наоборот, имеет только строго определённые проекцию и масштаб, граница в виде линии с измеримой длиной появляется исключительно при создании карты и членении обстановки на категории (картографические слои), при этом изначально единый феномен расщепляется на несовместимые друг с другом разномасштабные реплики.

Одномасштабность карт привела к формированию иерархий, например, глобального (национального, регионального, муниципального) уровней в государственном управлении, стратегического (оперативного, тактического) уровней в управлении войс-

¹⁰ Для данного масштаба в соответствии с правилами картографической генерализации.

¹¹ Coastline paradox [Electronic resource] // Wikipedia.org. 2018. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Coastline_paradox (date accessed: 22.01.2024).

ками и т.д. Каждый ярус при этом работает с картами оптимального для него масштаба, соответствующими охвату подлежащих контролю пространств и выполненными в соответствующих каждому из масштабных уровней проекциях, с различной генерализацией и классификацией тематических слоёв. Карта является не только и не столько образом пространства, сколько причиной сложившейся архитектуры существования человечества в виде пространственно обособленных территорий, разделённых границами, то есть картографическими знаками. До последнего времени такая организация общества виделась безальтернативной, несмотря на нарастающие кризисы, обусловленные невозможностью прямой циркуляции географически привязанной информации по вертикали между ярусами. Однако по мере глобализации проблемы, порождённые этим противоречием, усугублялись, и к середине 1990-х концепция ситуационной осведомлённости (Situation [al] Awareness) [21] обозначила два необходимых условия эффективного управления: 1) представление всей полноты информации в едином пространственно-временном контексте, не расчленённом на несовместимые реплики по масштабному признаку, и 2) её прямое, чувственное восприятие, лишённое опосредующих инстанций и формализмов¹². С помощью карт обеспечить ситуационную невозможность очевидно невозможно.

Основное противоречие картографии и его разрешение. Основное противоречие картографии заключается во внемасштабности реального геопространства при неизбежной масштабной ограниченности любой карты¹³. Создание глобального мультимасштабной карты невозможно, использование карт различных масштабов ведёт к формированию иерархических ярусных архитектур управления, к обособлению ярусов друг от друга и к невозможности количественного

определения критически важных для управления параметров. Основное противоречие картографии проявляется в непрерывно воспроизводящихся кризисах управления из-за рассогласования на разных ярусах. Для разрешения нарастающего управленческого кризиса требуется принципиально иной, нежели карты, носитель географической информации. Однако вплоть до начала XXI в. альтернативы не было — карты были единственно возможным информационным инструментом в географии¹⁴.

Разрешить основное противоречие картографии удалось в Цифровой Земле, которая стала полностью всемасштабной и всеракурсной моделью геоцентрического пространства, пригодной для использования во всех ярусах систем управления одновременно [23]. Такой режим визуализации превосходит по своим возможностям голографию, сводящуюся только лишь к всеракурсности, и может быть назван «сверхголографией» [9]. Достигается он за счёт отказа от использования картографических знаков, что позволяет реализовать оба условия достижения режима ситуационной осведомлённости одновременно¹⁵. Недостатки опосредованного знаками доступа к информации косвенно отмечались ещё А. Гором, однако вся глубина семиотического кризиса была осознана позднее [13].

Появление сверхголографии стало цивилизационным рубиконом — до этого на протяжении всей истории научное и технологическое развитие сопровождалось разработкой всё более сложных и всё более абстрактных знаковых систем и, как предполагалось, стало возможным именно благодаря совершенствованию знаков [33], а отождествление информации со знаками стало краеугольным камнем современной науки. Цифровая Земля показала обратное — отказ от знаков не только не разрушает управление, но, очевидно, улучшает его качество. Однако за этой очевидностью скрывается научная проблема:

12 Боярчук К. А., Ерёмченко Е. Н., Мороз В. А., Никонов О. А. Анализ понятия Situational Awareness [Электронный ресурс] // Неогеография. Загадки пространства-времени. URL: <http://www.neogeography.ru/rus/news/articles/understanding-situational-awareness.html> (дата обращения: 22.01.2024)

13 А также проекцией и классификацией отображаемых на ней объектов, которые приходится разделять на ограниченное количество разных для каждого масштаба дискретных тематических слоёв.

14 Показателен тезис «Карта есть альфа и омега географии». Эта формулировка как нельзя лучше выявляет соотношение между картой и географией» [2].

15 В Цифровой Земле нет уникальных технологий, которые не использовались бы в иных типах геопространственных продуктов. Новое качество достигается за счёт использования иного научного принципа.

если знаки не являются единственно возможным средством представления обстановки и передачи смысла, значит, им есть альтернатива, иной, нежели любые знаки, носитель информации и метрически точного образа обстановки, который может быть использован для выработки управленческих решений. Эта альтернатива описана А.Ф. Лосевым в работе «Неоплатонизм, изложенный ясно, как солнце». Единое, единственно тождественное реальности, несводимо к каким-либо категориям, т.е. к формализмам, опосредованным знаками — несводимо к семиотическому. Но при этом оно не является умозрительной абстракцией или отстранённым от бытия абсолютом и ни в коей мере не отчуждено от субъекта. Наоборот, Единое прямо и непосредственно организует нашу повседневную жизнь, являясь её единственной сутью, обуславливая непрерывную цепь неосознанно принимаемых субъектом и тут же реализуемых им решений, обеспечивая их высшую целесообразность и эстетическую, что очень важно¹⁶, ценность. Единое гармонизирует субъекта и среду. Единое как инстанция управления не может быть втиснуто в прокрустово ложе каких-либо формальных схем и доктринальной прагматики — оно изолировано от семиотической реплики бытия, категориального мышления и поэтому не может быть описано дискурсивно, при помощи интеллектуальных категорий. Но это (ещё один парадокс!) отнюдь не означает его иррациональности. Воспринимать Единое и рационально мыслить его вполне возможно с помощью точного, но специфического и обособленного от категориального мышления интеллектуального механизма — пространственно-временной локализации описываемого. Иными словами, Единое или любой аспект бытия, содержащий в себе идею Единого (например,

описываемый А.Ф. Лосевым сад), в принципе не могут быть раскрыты ответом на вопрос «что?». Но при этом они даже в рамках предельно отчётливого неоплатонического холизма вполне естественно, однозначно и полно могут быть охарактеризованы с помощью вопросов «где?» и «когда?»¹⁷ [25]. Оппоненты могут никогда не сойтись в оценке, например, исторического значения некоторого события («что это было?»), но при этом заведомо будут согласны в том, где и когда оно произошло. Это есть следствие ещё одного парадокса: инвариантного и объективного характера пространства и времени при заведомо субъективной, априорной их природе [26]. Данный парадокс также относится к числу фундаментальных, и его рассмотрение выходит за рамки данной работы, однако отметим, что в Цифровой Земле *ad hoc* была реализована именно эта концепция, давно и подробно разработанная в философии.

Цифровая Земля и кибернетика.

В практике создания систем управления выявились два комплекса проблем, носящих принципиальный характер: 1) невозможность формирования единого образа обстановки и достижения ситуационной осведомлённости с помощью опосредованных знаками информационных сред, и 2) невозможность создания онтологии¹⁸ верхнего уровня и тем самым формализации обстановки [30]. Суть первой проблемы была описана выше, она является следствием основного противоречия картографии и разрешается в Цифровой Земле. Вторая констатирует невозможность создания непротиворечивой и целостной системы понятий и категорий, базовые из которых можно было бы применить для формирования любых частных онтологий. В оптике описанного А.Ф. Лосевым неоплатоническо-

¹⁶ «Красота вещи есть весь смысл вещи, форма, идея вещи» [11, с. 283].

¹⁷ Интересно, что сам А.Ф. Лосев в своей работе многократно использует пространственно-временную локализацию для фиксации того, что в принципе не может быть описано категориями и терминами, но при этом «очевидно», и, следовательно, настолько однозначно и инвариантно локализовано в пространстве, что на него достаточно махнуть рукой вместо заведомо бесплодных попыток сформулировать дефиницию с помощью категорий: «Но где же находится такой сад, если он не есть не яблоня, не груша и не песок, посыпанный по аллеям? Но теперь уже я покажу вам рукой на окружающее, и скажу: а вот где, смотрите!» [11, с. 281].

¹⁸ Здесь речь идёт об онтологии в её не философском, но кибернетическом толковании как понятийного описательного каркаса — «исчерпывающе полной инструкции по концептуализации (An ontology is an explicit specification of a conceptualization)» [25], или того, что «... описывает наиболее общие категории, необходимые для описания реальности, и их взаимосвязи друг с другом» (An ontology... defines the most general categories to which we need to refer in constructing a description of reality, and it tells us how these categories are related) [19].

го подхода это очевидно, поскольку исчерпывающий ответ на вопрос «что?» в принципе невозможно дать с помощью рациональных категорий и, следовательно, с помощью знаков. Он всегда будет ситуативно ограничен практическим контекстом работы, субъективизмом авторов и самое главное — заведомо разрушает целостность. Но несмотря на это, саму реальность вполне можно исчерпывающе точно представить с помощью базисного описания «где?» и «когда?», опирающегося на инвариантность пространства и времени для субъектов и исключаящего необходимость в однозначной категориальной трактовке феномена («что?»). Есть лишь одно, хотя и существенное условие — пространственная и временная локализации не могут быть представлены знаками, т.е. представляемыми знаками категориями. Беззнаковое представление практически достижимо с использованием визуально точных изображений¹⁹ или средств прямого, не опосредованного знаками моделирования реальности, и впервые было реализовано на практике в Цифровой Земле. Цифровая Земля использует нулевые знаки для представления геопространственного контекста, поэтому он един, детален и при этом не расщеплён на условные дискретные категории. Обстановка воспринимается пользователем и осознаётся им непосредственно органами чувств через нулевые знаки в полном соответствии с идеей Единого, однако Цифровая Земля гетерогенна и позволяет встраивать в неё и знаки в качестве вспомогательной компоненты — точно так же, как категориальное представление и последующая его концептуализация могут «эманировать» из Единого в неоплатонизме. Важно, что эти операции могут осуществляться в Цифровой Земле непосредственно оператором.

В онтологической модели Цифровой Земли верхний уровень представлен беззнаковым геоконтекстом, представляющим Единое, он не воспринимается посредством категорий и не может имитироваться с их помощью. Его восприятие возможно лишь

неопосредованными знаками и категориями образом через органы чувств — в данном случае в виде визуальной модели Земли целиком, воспринимаемой целостно, эстетически достоверно и, кроме того, удовлетворяющей требованиям ситуационной осведомлённости. На практическом уровне это означает, что Цифровая Земля может использоваться в системах управления чрезвычайными ситуациями, характер которых принципиально не может быть предусмотрен и формализован заблаговременно, например, для выявления пандемических угроз, которые не могут быть предугаданы и которые всякий раз становятся вызовом для науки²⁰. При невозможности описать с помощью категорий качественно новую угрозу Цифровая Земля всё равно позволяет работать с ней, используя для начала только лишь пространственную и временную локализации ещё не описанного феномена и сохраняя возможность существования различных и не совместимых друг с другом гипотез — этот подход было предложено называть «онтологическим плюрализмом» [33].

Итак, оба вышеуказанных комплекса проблем разрешаются с помощью отказа от использования знаков и, следовательно, категорий. Возможность рационального восприятия обстановки при этом не страдает — наоборот, избавленное от попыток подмены реальности искусственными доктринёрскими конструкциями, оно достигает исключительной филигранности. Примечательно, что наука и технологии в соответствии с логикой собственного развития привели к выработке и воплощению на практике подхода, близкого описанному А.Ф. Лосевым на примере неоплатонизма холизма. Можно сказать, что в виртуальном пространстве было успешно реплицировано Единое за счёт внедрения не-знаков — того способа взаимодействия с Единым, которое и реализовано в реальном мире. Разумеется, мы можем говорить лишь о первых шагах в этом направлении, в частности потому, что образ реальность пока лишь визуален. Тем самым «вводный курс» холизма, которым яв-

¹⁹ В настоящее время для определения пространственно локализованных изображений Земли, получаемых в основном с космических платформ, используется обобщающий термин «данные дистанционного зондирования (ДДЗ)».

²⁰ «Пандемия — это не просто большая эпидемия. Это явление качественно иного порядка. На уровне субъективного восприятия каждая новая пандемия выглядит так, как будто она учитывает неудачи предыдущей и хотя бы на шаг опережает возможности науки данного исторического периода» [30].

ляется обсуждаемая работа А. Ф. Лосева, применим к описанию генезиса Цифровой Земли в ходе естественного, обусловленного логикой внутреннего развития преодоления имманентных ограничений картографического метода. Конечный результат такого развития предвиделся в прошлом неоднократно, в том числе в России — можно упомянуть Л. Н. Толстого и М. А. Булгакова [16]. На этом фоне значимость работы А. Ф. Лосева проявляется особенно ярко, поскольку именно в ней показано, что реализованный в наши дни подход к управлению является диалектическим развитием древней, если не древнейшей, интеллектуальной традиции.

Цифровая Земля и диалектика. Становление неогеографии посредством диалектического, обусловленного внутренней логикой развития картографии и семиотики и принятия неоплатонической доминанты целостности особенно интересно, в частности в силу их внутренней близости. А. Ф. Лосев прямо отождествлял неоплатонизм с диалектикой²¹. Такое развитие проходит через несколько этапов [15]. На первом из них обстановка воспринимается субъектом непосредственно, процедуры принятия решений и их исполнения органичны, естественны и обусловлены полной погруженностью субъекта, ещё не знакомого со знаками и с категориальным мышлением, в обстановку. На втором этапе возникают категориальное мышление и картографические знаки, которыми представляется обстановка сначала на примитивных рисунках, затем на всё более и более совершенных бумажных картах. На этом этапе знаки производятся аналоговыми методами, воплощаются в специфических материальных носителях, существуют в неразрывной связи с веществом и в этом качестве неотторжимы от реальности. Этот этап длится с доисторических времён до появления компьютеров и первых электронных карт.

На третьем этапе, начавшемся с компьютерной революцией и «цифровым поворотом» (digital turn) и длившемся до появления Google Earth в 2005 г., знаки окончательно

отчуждаются от вещества [22], мигрируют в глобальную семиотическую экосистему интернета, утрачивают связь с реальностью и дезорганизуют управление. Наконец, на четвёртом, текущем этапе диалектического развития в экосистеме интернета появляется Цифровая Земля — реплика нашей планеты, выполненная уже с использованием компьютерных знаков, но при этом метрически точная, целостная и главное — визуально достоверная, поскольку само представление не опосредовано знаками, хотя и формируется с их помощью. Она становится «якорем», необходимым для локализации наполняющей всемирную сеть информации. Знаки (цифровые компьютерные сигналы) используются для эмуляции (=эманации) точного, беззнакового образа обстановки в произвольном, интерактивно выбираемом пользователем ракурсе и масштабе. Цифровая Земля сформирована в цифровой компьютерной среде и с помощью компьютерных знаков, но при этом она уже не является знаковой по своей сути и по своей форме, являясь диалектическим отрицанием карты классической. В этом смысле (ещё один парадокс) Цифровая Земля является не-цифровой. Исторически сложившийся термин «Цифровая Земля» появился в конце XX в. и отражает оптимизм той эпохи, видевшей прогресс за всем «цифровым». Но сегодня определитель «цифровой» уже не может характеризовать содержание и специфику нового подхода, поскольку все информационные продукты сегодня также цифровые, к тому же он неверно трактует форму представления образа обстановки — она, наоборот, беззнаковая, т. е. не-цифровая. Удачной альтернативой термину «Цифровая Земля» в этом смысле является термин «неогеография», подчёркивающий качественную новизну нового подхода.

Заключение. Обращение к концепции Единого помогает понять причину, по которой Цифровая Земля предвосхищалась писателями и философами и оставалась скрытой для специалистов. Она заключается в том, что Цифровая Земля впервые в истории уп-

21 «...неоплатонизм силою самих вещей есть диалектика. И диалектика он только потому, что он захотел непосредственно отнестись к бытию, только потому, что он захотел оставить это бытие в нетронutom виде» [11, с. 277].

равления вышла за пределы семиотического. Появление Цифровой Земли как концепта управления было обусловлено внутренней логикой развития науки и привело в итоге к геопространственной научной революции и адаптации холистического подхода. Суть этого подхода к управлению и мировосприятию была ранее описана А. Ф. Лосевым в работе «Неоплатонизм, изложенный ясно, как солнце». Это описание носит настолько полный и настолько отчётливый характер, что может быть рекомендовано в качестве введения в принципы неогеографии. Суть геопространственной революции заключается, во-первых, в выявлении внезнаковых средств передачи информации, находящихся за рамками традиционной семиотики, и, во-вторых, в формировании новых гетерогенных сред управления, использующих оптимальный для обеспечения устойчивого развития гармоничный баланс беззнаковых и традиционных семиотических информационных инструментов. Цифровая Земля показала, что беззнаковость не означает непостижимости, и Единое можно рационально воспринимать в пространстве-времени, конечно, если такое представление не опосредовано знаками. Цифровая Земля не есть конструкция, заполненная цифрами, то есть знаками. Наоборот, её суть — в беззнаковости. Предлагается использовать в качестве альтернативы этому исторически сложившемуся двусмысленному названию именованное «неогеография».

Геопространственная революция уже привела к осознанию необходимости глубокого пересмотра фундаментальных цивилизационных оснований, основанных на безальтернативности категориального мышления как единственно возможного интеллектуального инструмента. Такое представление не ново, органично для человека и в прямом смысле очевидно. Новизной следует считать выход данной проблематики за рамки философского теоретизирования и внедрение его в кибернетику для решения насущных вопросов управления, причём внедрение успешное. Цифровая Земля, или неогеография, свидетельствует о том, что внутреннее развитие науки и техники осуществляется органично процессам философского осмысления и в этом смысле может способствовать формированию давно ожидаемого целостно-

го мировоззрения, представляющего Вселенную и Человека как Единое Целое.

Список источников

1. Аноприенко А. Я., Ерёмченко Е. Н., Клименко С. В. Digital Earth как метод визуализации // Труды 27-й Международной конференции Graphicon 2017. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2017. С. 290–294.
2. Баранский Н. Н., Преображенский А. И. Экономическая картография. М.: Географгиз, 1962. 286 с.
3. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. СПб.: Азбука-классика, 2006. 594 с.
4. Дергачева Е. А. От техногенного общества — к социотехноприродной глобализации [Электронный ресурс] // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. №4. С. 7–13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-tehnogennogo-obschestva-k-sotsiotehnoprirodnoy-globalizatsii> (дата обращения: 19.01.2024).
5. Ерёмченко Е. Н. От карт прошлого к не-картам будущего: обзор событий и концепций // От карты прошлого — к карте будущего: сборник научных трудов. В 3-х тт. Т. 2. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2017. С. 62–73.
6. Ерёмченко Е. Н. Предыстория концепции Цифровой Земли // Геоконтекст. 2019. №7(1). С. 44–53.
7. Ерёмченко Е. Н. Цифровая Земля: геопространственная революция и ее мировоззренческие последствия [Электронный ресурс] // Логос. 2023. Т. 33. №1(152). С. 221–241. URL: 10.22394/0869-5377-2023-1-221-240 (дата обращения: 19.02.24).
8. Ерёмченко Е., Никонов О., Дмитриева В. Картография: между двумя парадигмами // Геоконтекст. 2019. №6(1). С. 12–36.
9. Ерёмченко Е. Н., Тикунов В. С. Голографические возможности визуализации в географии // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2016. №2. С. 22–29.
10. Ерёмченко Е. Н., Тикунов В. С., Никонов О. А., Мороз В. А., Массель Л. В., Захарова А. А., Дмитриева В. Т., Панин А. Н. Цифровая Земля и цифровая экономика // Геоконтекст. 2017. Т. 5. №1. С. 40–54.
11. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Неоплатонизм, изложенный ясно, как Солнце // Кон-

текст: литературно-теоретические исследования. 2003. С. 269–288.

12. Мартыненко А. И. Электронная Земля, электронная Россия, электронная Москва: теоретические основы и технологии // Электронная Земля, электронная Россия, электронная Москва. Методология и технологии. М.: Институт проблем информатики. 2002. С. 8–16.

13. Неоплатонизм (статья). Философский энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1983. С. 427–428.

14. Соколов И. А. Топографическая карта и местность. М.: ДОСААФ, 1975. 96 с.

15. Супотницкий М. В. Микроорганизмы, токсины и эпидемии. М.: Вуз. кн., 2000. 376 с.

16. Baturin Y. M. et al. Digital Earth in Russia // Manual of Digital Earth. Singapore: Springer, 2020. Pp. 733–752. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-32-9915-3_23.

17. Gore A. Earth in the Balance: Ecology and the Human Spirit. Boston: Houghton Mifflin, 1992. 424 p.

18. Gore A. The Digital Earth: Understanding our planet in the 21st Century [Electronic resource]. 1998. 3 p. URL: https://www.asprs.org/wp-content/uploads/pers/99journal/may/1999_may_highlight.pdf (date accessed: 19.02.24).

19. Gruber T. R. Toward principles for the design of ontologies used for the knowledge sharing // Technical Report KSL. Knowledge System Laboratory. Stanford University. 1993. №4. P. 1–23.

20. Guo H., Goodchild M. F., Annoni A. Manual of Digital Earth. Singapore: Springer, 2010. 852 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-32-9915-3>.

21. Endsley M. Toward a theory of situation awareness in dynamic systems // Human Factors. 1995. №37(1). Pp. 32–64.

22. Eremchenko E. Semiotics from maps to digital Earth: Conundrums and challenges // II International Scientific Conference Landscape Dimension of Sustainable Development: Science, CartoGis, Planning, Governance. Tbilisi, 2022. Pp. 17–25.

23. Eremchenko E. What is and what is not the Digital Earth? // Proceedings of the 30th International Conference on Computer Graphics and Machine Vision. 2020. 11 p. DOI: <https://doi.org/10.51130/graphicon-2020-2-3-47>.

24. Eremchenko E., Gorin S., Tikunov V., Radevski I. Digital Earth as next step in car-

tography [Electronic resource] // 3rd international scientific conference Geobalcantica 2017. Skopje, Republic of Macedonia: Geobalcancia Society, 2017. Pp. 121–126. URL: [10.18509/GBP.2017.17](https://doi.org/10.18509/GBP.2017.17) (date accessed: 19.02.24).

25. Eremchenko E., Rylskiy I. Digital Earth for Smart Municipalities // CEUR-WS. 2021. Vol. 3027. Pp. 598–603.

26. Kant I. Critique of Pure Reason. 1781/ Translated by: N. K. Smith. London: Palgrave Macmillan, 2006. 735 p.

27. Komac B., Gašperič P. Cartographic time travel: Reflecting the past, defining the present, and challenging the future using old maps // Acta Geographica Slovenica. 2023. №63(2). Pp. 9–21. DOI: <https://doi.org/10.3986/AGS.13292>.

28. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: The University of Chicago, 1970. 232 p.

29. Mandelbrot B. How Long Is the Coast of Britain? Statistical Self-Similarity and Fractional Dimension // Science, New Series. 1967. Vol. 156. №3775. Pp. 636–638.

30. Milton Simon K., Barry Smith. Top-Level Ontology: The Problem with Naturalism // Formal ontology in information systems. 2004. Vol. 85. P. 94.

31. Plotinus in seven volumes [Electronic resource]. Vol. 6: Enneads VI. Pp. 1–5. URL: <https://archive.org/details/plotinus-in-seven-volumes.-vol.-6-loeb-445> (date accessed: 22.01.2024).

32. Schmitt A. K., Danišik M., Aydar E., Şen E., Ulusoy İ., Lovera O. M. Identifying the Volcanic Eruption Depicted in a Neolithic Painting at Çatalhöyük, Central Anatolia, Turkey // PLoS ONE. 2014. №9(1). P. e84711. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0084711>.

33. Solomonick A. The Modern Theory of Cognition. Cambridge: Scholars Publishing, 2021. 247 p.

34. Turner A. Introduction to Neogeography. Sebastopol, CA: O'Reilly, 2006. P. 54.

References

1. Anoprienko A. Ja., Eremchenko E. N., Klimenko S. V. Digital Earth kak metod vizualizacii [Digital Earth as a visualization method]. Trudy 27-j Mezhdunarodnoj konferencii Graphicon 2017 [Proceedings of the 27th International Con-

ference Graphicon 2017]. Perm': Permskij gos. nac. issled. un-t, 2017. Pp. 290–294. (In Russ.).

2. Baranskij N.N., Preobrazhenskij A.I. Je-konomicheskaja kartografija [Economic cartography]. Moscow: Geografiz, 1962. 286 p. (In Russ.).

3. Bulgakov M.A. Master i Margarita [The Master and Margarita]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2006. 594 p. (In Russ.).

4. Dergacheva E.A. Ot tehnogenogo obshhestva — k sociotekhnoprirodnoj globalizacii [From technogenic society to sociotechnological globalization] [Elektronnyj resurs]. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences]. 2010; (4): 7–13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-tehnogenogo-obshchestva-k-sociotekhnoprirodnoj-globalizatsii> (data obrashhenija: 19.01.2024). (In Russ.).

5. Eremchenko E.N. Ot kart proshlogo k nekartam budushhego: obzor sobytij i koncepcij [From maps of the past to non-maps of the future: an overview of events and concepts]. Ot karty proshlogo — k karte budushhego: sbornik nauchnyh trudov. V 3-h tt. [From the map of the past to the map of the future: a collection of scientific papers. In 3 volumes]. Vol. 2. Perm': Permskij gos. nac. issled. un-t, 2017. Pp. 62–73. (In Russ.).

6. Eremchenko E.N. Predystorija koncepcii Cifrovoj Zemli [The background of the Digital Earth concept]. *Geokontekst* [Geocontext]. 2019; 7(1): 44–53. (In Russ.).

7. Eremchenko E.N. Cifrovaja Zemlja: geoprostranstvennaja revoljucija i ee mirovozzrencheskie posledstvija [Digital Earth: the geospatial revolution and its ideological consequences] [Elektronnyj resurs]. *Logos*. 2023; 1(152): 221–241. URL: [10.22394/0869-5377-2023-1-221-240](https://doi.org/10.22394/0869-5377-2023-1-221-240) (data obrashhenija: 19.02.24). (In Russ.).

8. Eremchenko E., Nikonov O., Dmitrieva V. Kartografija: mezhdvu dvumja paradigmami [Cartography: between two paradigms]. *Geokontekst* [Geocontext]. 2019; 6(1): 12–36. (In Russ.).

9. Eremchenko E.N., Tikunov V.S. Golograficheskie vozmozhnosti vizualizacii v geografii [Holographic visualization capabilities in geography]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5: Geografija* [Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography]. 2016; (2): 22–29. (In Russ.).

10. Eremchenko E.N., Tikunov V.S., Nikonov O.A., Moroz V.A., Massel' L. V., Zaharo-

va A.A., Dmitrieva V.T., Panin A.N. Cifrovaja Zemlja i cifrovaja jekonomika [Digital Land and digital economy]. *Geokontekst* [Geocontext]. 2017; 5(1): 40–54. (In Russ.).

11. Losev A.F., Taho-Godi A.A. Neoplatonizm, izlozhennyj jasno, kak Solnce [Neoplatonism, stated clearly as the Sun]. Kontekst: literaturno-teoreticheskie issledovanija [Context: literary and theoretical studies]. 2003. Pp. 269–288. (In Russ.).

12. Martynenko A.I. Jelektronnaja Zemlja, jelektronnaja Rossija, jelektronnaja Moskva: teoreticheskie osnovy i tehnologii [Electronic Earth, electronic Russia, electronic Moscow: theoretical foundations and technologies]. Jelektronnaja Zemlja, jelektronnaja Rossija, jelektronnaja Moskva. Metodologija i tehnologii [Electronic Earth, electronic Russia, electronic Moscow. Methodology and technologies]. Moscow: Institut problem informatiki. 2002. Pp. 8–16. (In Russ.).

13. Neoplatonizm (stat'ja). Filosofskij jenciklopedicheskij slovar' [Neoplatonism (article). Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaja Jenciklopedija, 1983. Pp. 427–428. (In Russ.).

14. Sokolov I.A. Topograficheskaja karta i mestnost' [Topographic map and terrain]. Moscow: DOSAAF, 1975. 96 p. (In Russ.).

15. Supotnickij M.V. Mikroorganizmy, toksiny i jepidemii [Microorganisms, toxins and epidemics]. Moscow: Vuz. kn., 2000. 376 p. (In Russ.).

16. Baturin Y.M. et al. Digital Earth in Russia. Manual of Digital Earth. Singapore: Springer, 2020. Pp. 733–752. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-32-9915-3_23.

17. Gore A. Earth in the Balance: Ecology and the Human Spirit. Boston: Houghton Mifflin, 1992. 424 p.

18. Gore A. The Digital Earth: Understanding our planet in the 21st Century [Electronic resource]. 1998. 3 p. URL: https://www.asprs.org/wp-content/uploads/pers/99journal/may/1999_may_highlight.pdf (date accessed: 19.02.24).

19. Gruber T.R. Toward principles for the design of ontologies used for the knowledge sharing. *Technical Report KSL. Knowledge System Laboratory. Stanford University*. 1993; 4: 1–23.

20. Guo H., Goodchild M.F., Annoni A. Manual of Digital Earth. Singapore: Springer, 2010. 852 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-32-9915-3>.

21. Endsley M. Toward a theory of situation awareness in dynamic systems. *Human Factors*. 1995; 37(1): 32–64.
22. Eremchenko E. Semiotics from maps to digital Earth: Conundrums and challenges. II International Scientific Conference Landscape Dimension of Sustainable Development: Science, CartoGis, Planning, Governance. Tbilisi, 2022. Pp. 17–25.
23. Eremchenko E. What is and what is not the Digital Earth? Proceedings of the 30th International Conference on Computer Graphics and Machine Vision. 2020. 11 p. DOI: <https://doi.org/10.51130/graphicon-2020-2-3-47>.
24. Eremchenko E., Gorin S., Tikunov V., Radevski I. Digital Earth as next step in cartography [Electronic resource]. 3rd international scientific conference Geobalcancia 2017. Skopje, Republic of Macedonia: Geobalcancia Society, 2017. Pp. 121–126. URL: [10.18509/GBP.2017.17](https://doi.org/10.18509/GBP.2017.17) (date accessed: 19.02.24).
25. Eremchenko E., Rylskiy I. Digital Earth for Smart Municipalities. *CEUR-WS*. 2021; (3027): 598–603.
26. Kant I. Critique of Pure Reason. 1781. Translated by: N.K. Smith. London: Palgrave Macmillan, 2006. 735 p.
27. Komac B., Gašperič P. Cartographic time travel: Reflecting the past, defining the present, and challenging the future using old maps. *Acta Geographica Slovenica*. 2023; 63(2): 9–21. DOI: <https://doi.org/10.3986/AGS.13292>.
28. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: The University of Chicago, 1970. 232 p.
29. Mandelbrot B. How Long Is the Coast of Britain? Statistical Self-Similarity and Fractional Dimension. *Science, New Series*. 1967; 156(3775): 636–638.
30. Milton Simon K., Barry Smith. Top-Level Ontology: The Problem with Naturalism. *Formal ontology in information systems*. 2004; (85): 94.
31. Plotinus in seven volumes [Electronic resource]. Vol. 6: Enneads VI. Pp. 1–5. URL: <https://archive.org/details/plotinus-in-seven-volumes.-vol.-6-loeb-445> (date accessed: 22.01.2024).
32. Schmitt A.K., Danišik M., Aydar E., Şen E., Ulusoy İ., Lovera O.M. Identifying the Volcanic Eruption Depicted in a Neolithic Painting at Çatalhöyük, Central Anatolia, Turkey. *PLoS ONE*. 2014; 9(1): e84711. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0084711>.
33. Solomonick A. The Modern Theory of Cognition. Cambridge: Scholars Publishing, 2021. 247 p.
34. Turner A. Introduction to Neogeography. Sebastopol, CA: O'Reilly, 2006. P. 54.

Статья поступила в редакцию 29.02.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 10.04.2024.
The article was submitted on 29.02.2024; approved after reviewing on 20.03.2024; accepted for publication on 10.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ерёмченко Евгений Николаевич — научный сотрудник,
Московский государственный университет им. Ломоносова.
Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1

Eugene N. Eremchenko — Scientific Researcher, Lomonosov
Moscow State University.
1 Leninskie gory, Moscow, Russia

Обзорная статья

УДК 316.42

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-210-218

ИНДУСТРИЯ 4.0: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ПУТИ АДАПТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Людмила Николаевна Кузьмичева¹, Ксения Руслановна Хурина²✉

^{1, 2}Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт
имени А. К. Кортунова (филиал),

Донской государственный аграрный университет, Новочеркасск, Россия

¹*mila.donchenko.74@mail.ru*, ORCID: 0009-0007-7456-2814,

AuthorID РИНЦ: 791244, SPIN-код: 5761-5827

²*hurinaksenagmail.com* ✉, ORCID: 0009-0002-1817-3906

Аннотация. Целью исследования является анализ социокультурных аспектов Четвертой промышленной революции с учетом высказанных Швабом тезисов о ее влиянии на экономическую, политическую и социальную жизнь общества. Исследование направлено на выявление ключевых факторов развития этой революции, анализ ее позитивных и негативных аспектов, а также оценку ее воздействия на различные сферы жизни современного общества. Дополнительно исследование ставит целью проанализировать перспективы адаптации государственных структур к вызванным этой революцией изменениям в управлении и оценить роль цифровых технологий в повышении прозрачности, ответственности и участия граждан в политических, экономических и культурных процессах.

Методологическую базу исследования составляет концептуальный анализ, аналитический подход, анализ литературы и научных источников, связанных с различными аспектами.

Результаты исследования включают выявление признаков Четвертой промышленной революции, обоснование ее неизбежности, идентификацию основных вызовов и проблем человечества с ней связанных, возможные методы и принципы их преодоления. Обозначены сферы жизни, которые могут быть при этом затронуты, определены возможные позитивные и негативные последствия цифровизации, автоматизации, развития нано- и биотехнологий.

Перспективы исследования. Исследование даст возможность сформировать новое видение анализа этических вопросов, связанных с использованием новых технологий, и исследование угроз в области кибербезопасности, которые возникают в результате распространения цифровых технологий

Ключевые слова: Четвертая промышленная революция, Индустрия 4.0, цифровые технологии, социальные аспекты, неравенство, этика, кибербезопасность, банковская сфера, мегатренды, адаптация, рынок труда, геополитика

Для цитирования: Кузьмичева Л. Н., Хурина К. Р. Индустрия 4.0: социокультурные преобразования и пути адаптации в современном обществе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 210–218. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-210-218>.

Review article

INDUSTRY 4.0: SOCIOCULTURAL TRANSFORMATIONS AND WAYS OF ADAPTATION IN MODERN SOCIETY

Lyudmila N. Kuzmicheva¹, Ksenia R. Khurina²✉

^{1,2}*Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch),
Don State Agrarian University, Novocherkassk, Russia*

¹*mila.donchenko.74@mail.ru, ORCID: 0009-0007-7456-2814,*

AuthorID RSCI: 791244, SPIN-code: 5761-5827

²*hurinaksen@gmail.com ✉, ORCID: 0009-0002-1817-3906*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the sociocultural aspects of the Fourth Industrial Revolution, taking into account the theses expressed by Schwab about its impact on the economic, political and economic life of society. The study identified the key factors in the development of this revolution, analyzed its positive and negative aspects, and also noted its impact on various areas of life in modern society. The additional research aims to improve government structures brought about by these revolutionary changes in governance and assess the role of digital technologies in increasing transparency, accountability and citizen participation in financial, economic and cultural processes.*

The methodological basis of the study includes conceptual analysis, analytical approach, analysis of literature and scientific sources, connections with various aspects.

The results of the study include the identification of signs of the Fourth Industrial Revolution, the justification of its inevitability, the identification of the main challenges and problems of mankind associated with it, possible methods and principles of overcoming them. The spheres of life that can be affected in this case are identified, and possible positive and negative consequences of digitalization, automation, and the development of nano- and biotechnologies are identified.

Research prospects. *The study provides an opportunity to create a new perspective on analytical issues related to the use of new technologies and research on cybersecurity threats that lead to the proliferation of digital technologies.*

Keywords: *Fourth Industrial Revolution, Industry 4.0, digital technologies, social aspects, color, ethics, cybersecurity, banking, megatrends, adaptation, market labor, geopolitics*

For citation: *Kuzmicheva L.N., Khurina K.R. Industry 4.0: sociocultural transformations and ways of adaptation in modern society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 210–218. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-210-218>.*

Введение. На сегодняшний день человечество может наблюдать процессы, нуждающиеся в критическом анализе. Изменения происходят на уровне технологического уклада жизни и основываются на появлении новых цифровых технологий (искусственный интеллект, виртуальная реальность), что является началом Четвертой промышленной революции.

Обсуждение. Понятие Четвертой промышленной революции впервые представил К. Шваб, который использовал термин «четвертая промышленная революция» в 2011 году в документе Германии о государственной стратегии «Hi-Tech стратегия 2020», где были описаны новейшие процессы технологической революции. Эти процессы получили название «Индустрия 4.0» и были

частью данной стратегии. План заключался во внедрении киберфизических систем в промышленное производство, создании «умных заводов» и эффективном использовании глобального Интернета вещей и услуг [6].

Таким образом, Индустрия 4.0 в узком понимании представляет собой государственную стратегию Германии, в то время как в широком контексте определяет Четвертую промышленную революцию. В настоящее время Индустрия 4.0 становится объектом изучения для социальной философии, поскольку вызывает новые риски, связанные с увеличением неравенства по вопросам геополитики, труда, информации, власти, а также представляет угрозы в области кибербезопасности и этики.

Для исследования Четвертой промышленной революции в контексте социальной философии необходимо учитывать хронологический аспект [5]. Индустрия 4.0 отличается от предыдущих революций, которые характеризовались быстрыми и значительными изменениями в способах работы промышленного производства с использованием передовых технологий своего времени. Такие изменения ведут к трансформации социальных, экономических, политических, правовых и культурных основ общества. Эта революция предполагает управление производством с использованием современных цифровых технологий. Она включает в себя создание и применение искусственного интеллекта, развитие цифровых технологий, виртуальную реальность, различные интернет-продукты, возможность управления сложными системами и огромными базами данных с помощью big data, а также создание цифровых платформ и блокчейнов, способствующих развитию био- и нанотехнологий [3].

Ученые, исследующие процессы цифровой трансформации банковской системы, отмечают вытеснение интернет-банкингом традиционный банк. Привлечение новых клиентов на данный момент времени происходит за счет перехода банков в цифровой формат и внедрения в свое продвижение на рынке ведения социальных сетей. Цифровые транзакции позволяют совершать сделки быстро и непосредственно, а дигитализация обеспечивает доступ ко всем услугам. Главным товаром современного мира является информа-

ция, она же становится ключевых элементом развития мира.

Индустрия 4.0, по Швабу, изменяет экономические, политические, социальные, культурные, правовые сферы общества, так как является социокультурным явлением. Как и любая другая революция, Индустрия 4.0 имеет ряд отличий от предыдущей. Во-первых, развитие идет экспоненциально, когда новые технологии стимулируют появление еще более передовых. Во-вторых, основная роль отводится цифровым технологиям, которые глобально меняют социокультурные парадигмы в различных сферах жизни. И наконец, воздействие системы приводит к целостным преобразованиям всех сфер общества.

Клаус Шваб предполагает, что Четвертая промышленная революция будет нести за собой как положительные изменения, так и отрицательные, которые ранее не встречались человеку. В число положительных входят появление и приток новых и бесплатных продуктов и услуг, к отрицательным относится увеличение разрыва в уровне жизни и благосостояния между странами и нациями. Центральным результатом Индустрии 4.0 предполагается развитие цифровых платформ, способствующих установлению связей между продавцами и покупателями с помощью цифровых технологий и увеличению прибыли организаций за счет расширения масштабов операций.

Определяя мегатренды социокультурного развития, Шваб выделяет три основных направления: физический (беспилотные транспортные средства, 3D-печать, передовая робототехника и новые материалы), цифровой (квантовые компьютеры, блокчейн и виртуальные сети) и биологический блоки (мегатренды в синтетической биологии и геномной инженерии, включая революционные изменения в медицине, сельском хозяйстве и производстве биотоплива).

Развивающаяся Четвертая промышленная революция не только внедряет новые технологии, но и вызывает значительные изменения в социокультурной сфере. По мнению Шваба, общество должно быть готово к изменениям в управлении государством. Широкое использование цифровых технологий требует модернизации государственных структур, которые будут адаптироваться

к электронному управлению, включая цифровые банки, сетевые торговые платформы, цифровые образовательные и медицинские услуги. Это приведет к увеличению гражданской ответственности, прозрачным отношениям в экономических, культурных и политических процессах. Современные технологии предоставляют гражданам лучшую возможность в отстаивании своего мнения, также они координируют гражданскую позицию и могут менять социокультурную среду. Исходя из этого, правительства стран должны будут гибко реагировать на появляющиеся законодательные нормы, адаптируясь к современной социально-технологической среде, и преобразуются в более эффективные и качественные органы управления [1].

Четвертая промышленная революция, согласно прогнозам ученых, приведет к значимым изменениям в обществе, усугубляя разрыв между высшими и низшими слоями населения, а также затрагивая средний класс. Кроме того, продолжается тенденция к замещению человеческого труда цифровизацией и автоматизацией оборудования, при этом организация своего дела при цифровой экономике становится менее капиталоемкой. Рынок труда нуждается в людях с узкой направленностью, вследствие чего крупные цифровые платформы отдают предпочтение небольшому штату опытных сотрудников. Эта тенденция приводит к исчезновению ряда профессий и появлению новых (урбанистов-экологов, специалистов по киберпротезированию).

Важно заметить, что вызовы, связанные с изменениями на рынке труда, вынуждают правительства стран осуществлять мониторинг состояния рынка, составлять прогнозы и принимать меры по обеспечению занятости населения. В связи с этим в 2014 году в Российской Федерации был выпущен «Атлас новых профессий». Атлас представляет собой сборник актуальных и перспективных профессий до 2034 года, профессии составлены с учетом цифровизации промышленности, производства и сферы услуг. Сборник помогает предположить, какие отрасли будут в дальнейшем активно развиваться, какие технологии, методики и продукты управления появятся, какие специалисты будут востребованы работодателями. Содержание сборника постоянно обновляется с учетом

социокультурных изменений и технологического развития общества.

Изменения на рынке труда спровоцируют изменение заработной платы и критерии принадлежности к среднему классу. Увеличение социальных различий грозит появлением новых проблем, таких как угроза демократическим принципам общества. Социокультурные изменения в общественной жизни могут повлиять и на онтологическую идентичность человека, понимание понятия «личность». Его содержание будет изменено из-за развития биотехнологий и искусственного интеллекта, это создаст новую антропологическую парадигму. Изменение сущности человека потребует решения нравственных дилемм и ответов на этические вопросы, которые станут актуальными в цифровую эпоху [4]. Социально-философский анализ подчеркивает, что Индустрия 4.0 представляет собой новое социокультурное явление, результаты которого могут повлиять на человека как положительно, так и отрицательно.

Четвертая промышленная революция в своей основе строится на передовых киберфизических технологиях Индустрии 4.0, что является ключевым трендом на данный момент в цивилизационном процессе [10]. Прогресс Четвертой промышленной революции, цифровизацию сфер жизни общества невозможно остановить. Мир стоит перед значительными изменениями, и перед правительствами стоит задача активной интеграции в глобальный технологический контекст, от этого зависит, какое место их страна будет занимать в рейтинге развитых государств [2].

В разное время развития человечества роль науки и техники в жизни общества и каждого человека менялась. Анализ достигнутых результатов при помощи эволюции науки и техники (научно-технические достижения и результаты) приводит к интерспекции над последствиями современного научно-технического развития и его вызовами.

Наука и техника играют важнейшую роль в развитии цивилизации, они являются ключевыми институтами современного общества. Размышление над проблемами науки стало одной из основных задач философии наших дней. Уже более двух столетий существует отдельное направление философских исследований, посвященных науке. Бурное

развитие научных открытий последних десятилетий вызвало необходимость в более глубоком понимании социокультурных функций науки и антропологических перспектив, открываемых научными и технологическими революциями. Переход к Четвертой промышленной революции, связанный с глобальной технологизацией и цифровизацией, вызывает не только интерес, но и необходимость понять специфику роли науки в современном мире и ее сущности.

Сегодня наука охватывает множество сфер общества: экономику, политику, культуру и другие. Она выполняет ряд разнообразных функций, будучи как производительной силой, так и инструментом политики. Связи науки с экономическими и идеологическими структурами, системой образования и производства становятся все более тесными. Научные достижения оказывают влияние на различные аспекты общественной жизни — от бизнеса и политики до образования, нравственности и правового регулирования. Научно-техническая революция изменила подход к производству и привела к появлению новых наукоемких отраслей, расширяя при этом мировоззренческое значение научных знаний.

В прошлом веке общественное развитие переплеталось с научными достижениями и техническим прогрессом, плодами современной техногенной цивилизации. В настоящее время наука играет важнейшую роль в обществе и производстве, помогая решать социально-экономические вопросы. Она опирается на синтез нанотехнологий, биотехнологий, информационных и когнитивных наук (NBICS), открывая новые перспективы для технологической революции, становящейся одним из основных направлений развития цивилизации. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что люди будут изучать вопросы, связанные с будущим человечества, так как социальные функции науки не прекращают расширяться.

С философской точки зрения наука занимает центральное место в ландшафте познания. Опираясь на теорию и логику, она формирует уникальное мировоззрение, помогающее ориентироваться в окружающем мире. Достигнув определенной зрелости общества, наука направляет прогресс по всеобъемлю-

щим траекториям, а технология создает инструменты для глобальных преобразований.

Развитие техники увеличило влияние человека на окружающий мир. Совмещение научного прогресса с техническим развитием способствовало увеличению власти человека над природой. Данное сближение произошло во время Первой промышленной революции в XIII–XIV веках, так как совершался переход от аграрной экономики к индустриальной. Этот процесс подразумевал замену ручного труда и ремесленного производства на машинный труд. Результат соединения техники и науки в процессе индустриализации известен как научно-технический прогресс техногенной цивилизации с внедрением новой технологии и техники, организации труда, в основе которой лежат научные знания. В результате Первой промышленной революции наука стала производительной силой. Это развитие науки и техники, трудовых и экономических отношений привело в дальнейшем к переходу из индустриального в постиндустриальное общество в контексте техногенной цивилизации [7].

Во время Четвертой промышленной революции техника и наука стали важной частью жизненного пространства для современного человека, они определяют его существование в мире. С философской точки зрения техника и наука стали ключевыми понятиями в позиционировании человека в мировой Вселенной.

Идея Четвертой промышленной революции заключается во внедрении Индустрии 4.0 и массовом использовании киберфизических систем во всех сферах человеческой деятельности. Эти процессы в качестве мегатрендов технологического развития начинают играть значительную роль в социальной и цивилизационной сферах, обогащая современную социальную философию.

Технологическое развитие занимает одну из главных ролей в экономическом развитии стран и формировании социума, оказывая глубокое влияние на все его стороны. Техника и наука — ключевые явления современного мира. Продвижение научно-технического прогресса через различные технологические достижения способствовало появлению искусственной среды, или техносферы, которая стремительно расширяется, используя

научные знания, информационные и другие технологии под воздействием процессов глобализации.

Современная жизненная среда человека в значительной степени обусловлена наукой и техникой, и без них нам сложно представить полноценное общественное взаимодействие. Сегодня происходят изменения, повышающие роль науки в обществе за счет взаимосвязи с техническими достижениями. Этот этап развития можно назвать научно-технологической революцией, так как технологическая функция науки стала определяющей, утверждает известный философ науки Б.Г. Юдин, поскольку создание новых технологий играет ключевую роль в современной эпохе [9].

Современные вызовы, которые стоят перед человечеством, обусловлены быстрым развитием науки и техники в XXI веке и включают в себя ряд проблем, таких как экологические кризисы и изменения в отношениях между человеком, природой и технологиями. Расширение цифровых высоких технологий является ключевым элементом научно-технологической эволюции и может привести к негативным последствиям. Эти риски включают в себя трансформацию реальности через виртуализацию, изменения в социальных практиках и неравенстве, модификацию природы и человеческого тела с помощью биотехнологий, применение нанотехнологий для манипуляции атомами и молекулами, а также увеличение нестабильности в мировой системе. Все это требует серьезного размышления об этических и социальных последствиях такого технологического прогресса [8].

Характер и масштаб перспективы широкого внедрения инноваций и технологий предполагает научно-технический прорыв, который подразумевает положительные и отрицательные результаты. Положительным результатом будет возрастание социальной ответственности и как следствие — улучшение качества жизни и социальной среды. Современная философия, исходя из результатов техногенного развития, подчеркивает успешное решение возникающих проблем и указывает на необходимые ограничения и возможности обращать внимание на ограниченность ресурсов и вызовы цифровизации. Анализ и контроль научно-технологического разви-

тия стали основными стратегиями государственной политики. Поднимаются вопросы национального проекта «Наука» и программы «Научно-технологическое развитие России на 2019–2030 годы», которые стремятся ответить на различные вызовы общества, экономики и государственного управления. Стратегия научно-технического развития до 2035 года стремится обеспечить наиболее эффективный ответ на вызовы, развивая приоритетные направления в экономической, демографической, антропогенной сферах. С философской точки зрения, сферы проявления научно-технологического развития можно считать перспективными областями для изучения, своевременного контроля роста научных результатов.

В условиях современной техногенной цивилизации возрастает необходимость проведения философского анализа научно-технологического развития. Современная наука предоставляет возможность познания и преодоления угроз, техника разрабатывает необходимые инструменты для контроля, политика анализирует качество управления, а философия занимается мировоззренческими и прогностическими аспектами данных процессов.

Заключение. Современная цивилизация признает науку как один из ключевых элементов технологического прогресса прошлого века. Научно-технологическое развитие готовит общество к переходу к Четвертой промышленной революции и вступлению в Шестой технологический уклад, что представляет новые вызовы и условия для жизни. Наука не только изменяет производственные процессы, но также оказывает существенное влияние на другие сферы человеческой деятельности, изменяя их методы и средства регулирования.

Неоспоримо воздействие каждой промышленной революции на все сферы жизни общества. На данный момент времени общество находится на перепутье, так как это может являться вызовом для человечества, который стимулирует разрыв между социальными классами. С появлением автоматизации и цифровизации также надвигается угроза исчезновения многих профессий, это стимулирует человека обращать внимание

на интеллект и гибкость, способность адаптироваться к изменяющейся среде.

Широкое применение техники и технологий практически во всех областях жизни является одним из главных признаков научно-технической революции в современности. Рост наукоемких отраслей промышленности (таких как микроэлектроника, робототехника, атомная энергетика, космическая техника) определяет современное научно-технологическое развитие. Быстрое развитие общества посредством науки и технологий неизбежно влияет на все сферы жизни человека и вносит изменения в его взаимодействие с миром, обществом и окружающей средой. В связи с этим понимание текущих научных, технических и технологических тенденций в сочетании с философским и социально-философским анализом становится все более актуальным.

Список источников

1. Алексеева И. Ю. «Пантехнология» и «синтагма» в философии Анатолия Ракитова [Электронный ресурс] // Научно-исследовательские исследования. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pantehnologiya-i-sintagma-v-filosofii-anatoliya-rakitova> (дата обращения: 12.01.2024).

2. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Сетевые информационные революции и большой антропологический переход: эволюционный аспект [Электронный ресурс] // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevye-informatsionnye-revoljutsii-i-bolshoy-antropologicheskij-perehod-evolyucionnyy-aspekt> (дата обращения: 21.09.2023).

3. Волков Ю. К. Технонаука, человечество и человек: в поисках формулы сосуществования [Электронный ресурс] // Epistemology & Philosophy of Science. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnounauka-chelovechestvo-i-chelovek-v-poiskah-formuly-sosuschestvovaniya> (дата обращения: 28.12.2023).

4. Гассиева М. А. Техногенное общество: о вопросе взаимоотношения человека и техники [Электронный ресурс] // Символ науки. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnogennoe-obschestvo-o-voprose>

vzaimootnoshenii-cheloveka-i-tehniki (дата обращения: 17.10.2023).

5. Ильяхович Е. Б. Наука и техника на горизонте Четвертой технологической революции современной техногенной цивилизации [Электронный ресурс] // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-i-tehnika-na-gorizonte-chetvertoy-tehnologicheskoy-revoljutsii-sovremennoy-tehnogennoy-tsivilizatsii> (дата обращения: 15.11.2023).

6. Небратенко Г. Г., Бурлуцкий А. Н. Четвертая промышленная революция как предмет социальной философии: критический анализ [Электронный ресурс] // Философия права. 2020. №1(92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chetvertaya-promyshlennaya-revoljutsiya-kak-predmet-sotsialnoy-filosofii-kriticheskij-analiz> (дата обращения: 17.07.2023).

7. Скиннер К. Цифровой человек. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 292 с.

8. Хамидова К. У. Трансформация экономики в условиях Четвертой промышленной революции [Электронный ресурс] // ORIENSS. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-ekonomiki-v-usloviyah-chetvertoy-promyshlennoy-revoljutsii> (дата обращения: 26.01.2024).

9. Черникова И. В., Тунда Е. А. Антропологические вызовы технологий Четвертой промышленной революции [Электронный ресурс] // Гуманитарный вестник. 2023. №2(100). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropologicheskie-vyzovy-tehnologiy-chetvertoy-promyshlennoy-revoljutsii> (дата обращения: 09.01.2024).

10. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.

References

1. Alekseeva I. Ju. «Pantehnologija» i «sintagma» v filosofii Anatolija Rakitova [«Pantehnologija» and «syntagma» in the philosophy of Anatoly Rakitov] [Elektronnyj resurs]. *Nauchno-issledovatel'skie issledovanija* [Scientific research]. 2022; (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

pantehnologiya-i-sintagma-v-filosofii-anatoliya-rakitova (data obrashheniya: 12.01.2024). (In Russ.).

2. Arshinov V.I., Budanov V.G. Setevye informacionnye revoljucii i bol'shoj antropologicheskij perehod: jevoljucionnyj aspekt [Network information revolutions and the great anthropological transition: an evolutionary aspect] [Jelektronnyj resurs]. *Slozhnost'. Razum. Post-neklassika* [Complexity. The mind. Post-neoclassical]. 2020; (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevye-informatsionnye-revoljutsii-i-bolshoy-antropologicheskij-perehod-evolyucionnyj-aspekt> (data obrashheniya: 21.09.2023). (In Russ.).

3. Volkov Ju. K. Tehnonauka, chelovechestvo i chelovek: v poiskah formuly sosushhestvovaniya [Technoscience, humanity and man: in search of a formula for coexistence] [Jelektronnyj resurs]. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2022; (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnouka-chelovechestvo-i-chelovek-v-poiskah-formuly-sosuschestvovaniya> (data obrashheniya: 28.12.2023). (In Russ.).

4. Gassieva M.A. Tehnogennoe obshchestvo: o voprose vzaimootnoshenii cheloveka i tehniki [Technogenic society: on the issue of the relationship between man and technology] [Jelektronnyj resurs]. *Simvol nauki* [The symbol of science]. 2021; (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnogennoe-obshchestvo-o-voprose-vzaimootnoshenii-cheloveka-i-tehniki> (data obrashheniya: 17.10.2023). (In Russ.).

5. Il'janovich E.B. Nauka i tehnika na gorizonte Chetvertoj tehnologicheskoy revoljucii sovremennoj tehnogennoj civilizacii [Science and technology on the horizon of the Fourth technological revolution of modern technogenic civilization] [Jelektronnyj resurs]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2021; (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-i-tehnika-na-gorizonte-chetvertoy-tehnologicheskoy-revoljutsii-sovremennoj-tehnogennoj-civilizacii>

ka-i-tehnika-na-gorizonte-chetvertoy-tehnologicheskoy-revoljutsii-sovremennoj-tehnogennoj-tsivilizatsii (data obrashheniya: 15.11.2023). (In Russ.).

6. Nebratenko G.G., Burluckij A.N. Chetvertaja promyshlennaja revoljucija kak predmet social'noj filosofii: kriticheskij analiz [The Fourth Industrial Revolution as a subject of social philosophy: a critical analysis] [Jelektronnyj resurs]. *Filosofija prava* [Philosophy of Law]. 2020; 1(92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chetvertaja-promyshlennaja-revoljutsiya-kak-predmet-sotsialnoj-filosofii-kriticheskij-analiz> (data obrashheniya: 17.07.2023). (In Russ.).

7. Skinner K. Cifrovoy chelovek. Chetvertaja revoljucija v istorii chelovechestva, kotoraja zatronet kazhdogo [Digital man. The fourth revolution in the history of mankind, which will affect everyone]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2019. 292 p. (In Russ.).

8. Hamidova K.U. Transformacija ekonomiki v uslovijah Chetvertoj promyshlennoj revoljucii [Transformation of the economy in the conditions of the Fourth Industrial Revolution] [Jelektronnyj resurs]. *ORIENSS*. 2022; (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-ekonomiki-v-usloviyah-chetvertoy-promyshlennoj-revoljutsii> (data obrashheniya: 26.01.2024). (In Russ.).

9. Chernikova I.V., Tunda E.A. Antropologicheskie vyzovy tehnologij Chetvertoj promyshlennoj revoljucii [Anthropological challenges of technologies of the Fourth Industrial Revolution] [Jelektronnyj resurs]. *Gumanitarnyj vestnik* [Humanitarian Bulletin]. 2023; 2(100). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropologicheskie-vyzovy-tehnologiy-chetvertoy-promyshlennoj-revoljutsii> (data obrashheniya: 09.01.2024). (In Russ.).

10. Shvab K. Chetvertaja promyshlennaja revoljucija [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow: Jeksmo, 2016. 138 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.03.2024; одобрена после рецензирования 28.03.2024; принята к публикации 14.04.2024.

The article was submitted on 10.03.2024; approved after reviewing on 28.03.2024; accepted for publication on 14.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузьмичева Людмила Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «История, философия и социальные технологии», Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортунова (филиал), Донской государственный аграрный университет.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111

Lyudmila N. Kuzmicheva — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Technologies, Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A.K. Kortunov (branch), Don State Agrarian University.

111 Pushkinskaya str., Novocherkassk, Russia

Хурина Ксения Руслановна — студент факультета «Бизнес и социальные технологии», Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортунова (филиал), Донской государственный аграрный университет.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111

Ksenia R. Khurina — student of the Faculty of Business and Social Technologies, Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A.K. Kortunov (branch), Don State Agrarian University.

111 Pushkinskaya str., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Кузьмичева Л. Н. — научное руководство; построение концепции научного исследования; доработка текста.

Хурина К. Р. — написание исходного текста; выводы по проведенному исследованию.

Contribution of the authors:

Kuzmicheva L. N. — scientific guidance; building the concept of scientific research; text revision.

Khurina K. R. — writing the original text; conclusions from the study.

Научная статья

УДК 323.113

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-219-228

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСГУМАНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Татьяна Валериевна Плотникова^{1✉}, Елена Викторовна Волохова²

¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

²Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹tatyana0918@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-8855-2066,
AuthorID РИНЦ: 409962, SPIN-код: 9736-6938

²volohova.1973@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5192-3823, AuthorID РИНЦ: 290507

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении основных принципов и фундаментальных особенностей трансгуманизма в современной философии, оценке его легитимации в сопряжении с традиционными практиками и теориями.

Методы исследования. Исследование основано на методологических критериях достоверности результатов анализа трансгуманизма, искомых в современном философском знании, а также на методологии, состоящей из эвристических процедур критики концепции трансгуманизма.

Результаты исследования. В статье утверждается, что континуистская стратегия, с помощью которой трансгуманисты стремятся узаконить свои тезисы, основана на поверхностном позитивизме, чрезмерно упрощающем последствия неизбежного использования технологий для улучшения человека. Статья посвящена критике технологий и идей в совершенствовании практик, непреднамеренные и неконтролируемые эффекты которых игнорировались трансгуманистами. В статье обсуждается критика имплицитной метафизики, антропологии и этики трансгуманизма.

Перспективы исследования. Результаты исследования могут быть использованы в междисциплинарной области, включающей вклад специалистов в области философии, права, политики, медицины, биологии. Дебаты о радикальном биоусовершенствовании создают широкую дисциплинарную сеть даже по этим стандартам.

Ключевые слова: трансгуманизм, критика трансгуманизма, современная философия, искусственный интеллект, нейросети

Для цитирования: Плотникова Т.В., Волохова Е.В. Концептуализация проблемы трансгуманизма в современном философском дискурсе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 219–228. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-219-228>.

Original article

CONCEPTUALIZATION OF THE PROBLEM OF TRANSHUMANISM IN MODERN PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Tatiana V. Plotnikova^{1✉}, Elena V. Volokhova²

¹*Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia*

²*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia*

¹*tatyana0918@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-8855-2066,*

AuthorID RSCI: 409962, SPIN-code: 9736-6938

²*volohova.1973@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5192-3823, AuthorID RSCI: 290507*

Abstract. *The purpose of the study is to identify the basic principles and fundamental features of transhumanism in modern philosophy, to assess its legitimization in conjunction with traditional practices and theories.*

Research methods. *The research is based on methodological criteria for the reliability of the results of the analysis of transhumanism, sought in modern philosophical knowledge, as well as on a methodology consisting of heuristic procedures for criticizing the concept of transhumanism.*

The results of the study. *The article argues that the continuist strategy by which transhumanists seek to legitimize their theses is based on superficial positivism, which oversimplifies the consequences of the indiscriminate use of technology to improve people. The article is devoted to the criticism of technologies and ideas in improving practices, the unintended and uncontrolled effects of which were ignored by transhumanists. The article discusses the criticism of implicit metaphysics, anthropology and ethics of transhumanism.*

Research prospects. *The results of the research can be used in an interdisciplinary field, including contributions from specialists in philosophy, law, politics, medicine, and biology. The debate about radical improvement creates a broad disciplinary network even by these standards.*

Keywords: *transhumanism, criticism of transhumanism, modern philosophy, artificial intelligence, neural networks*

For citation: *Plotnikova T. V., Volokhova E. V. Conceptualization of the Problem of Transhumanism in Modern Philosophical Discourse // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 219–228. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-219-228>.*

Введение. В рамках философских дебатов о повсеместной важности оцифровки особая роль отводится так называемому «трансгуманизму». Он утверждает, что благодаря своим технологическим достижениям люди перерастают самих себя и могут коренным образом изменить свою природу. Однако статус трансгуманизма неясен: его можно рассматривать как философскую теорию, теорию Просвещения, а также как идеологию, размышления о будущем или форму научной фантастики.

Хотя трансгуманизм предлагает захватывающие возможности для улучшения человеческих способностей, важно учитывать потенциальные риски и непредвиденные последствия, которые могут возникнуть в результате. Одной из основных проблем является ответственный мировоззренческий и этический подход к новым технологиям.

В контексте перехода к культуре оптимизации и модернизации, а также к широкой цифровизации теория трансгуманизма приобретает особое значение. Но действитель-

но ли в этих социальных изменениях, которые глубоко затрагивают культурные и антропологические основы, можно увидеть признаки внутримирового трансчеловеческого спасения? Трансгуманизм как культурное движение и междисциплинарный исследовательский подход, направленный на глобальное улучшение человеческого бытия с помощью технологий, бросает вызов фундаментальным пограничным различиям — между природой и технологией, людьми и животными, людьми и машинами, личностями и вещами, а также между терапией и улучшением.

Методы. Методология исследования трансгуманизма зиждется на критическом методе, подразумевающем критический анализ генезиса и современного состояния феномена трансгуманизма. Особое место в методологии отводится системному и эволюционно-синергетическому подходам, которые выстраивают непреложный гносеологический фундамент для анализа многочисленных концепций и направлений трансгуманизма. Концепция трансгуманизма уходит корнями в различные духовные движения. От античных философий, таких как стоицизм, до ренессансной идеи улучшения человеческих способностей желание раздвинуть наши естественные границы пронизывало всю историю, но только с появлением современных технологий трансгуманизм как самостоятельное движение получил импульс.

Во все времена философы и провидцы размышляли о возможностях преодоления наших человеческих ограничений. От стоиков, стремившихся к внутреннему спокойствию и свободе от страданий, до мыслителей эпохи Возрождения, веривших в силу образования и самосовершенствования, идея расширения границ человеческого потенциала присутствовала всегда. Но только в середине XX века трансгуманизм начал формироваться как отдельная идеология. Такие мыслители, как Джулиан Хаксли, биолог и философ, и Роберт Эттингер, пионер крионики, выдвинули идею использования науки и технологий для расширения человеческого потенциала. Ее видение проложило путь к появлению трансгуманизма как отдельного движения в 1990-х годы, которое набрало обороты и вызвало споры о будущем человечества.

С быстрым развитием технологий возможности для совершенствования человека становятся все более реальными. От генной инженерии и нанотехнологий до искусственного интеллекта и виртуальной реальности — инструменты, которые помогут нам преодолеть наши биологические ограничения, находятся в пределах досягаемости. Теперь вопрос заключается не в том, должны ли мы принять трансгуманизм, а в том, как мы можем справиться с этическими, социальными и философскими последствиями этого дивного нового мира.

Искусственный интеллект (ИИ) играет центральную роль в трансгуманистическом видении мира. Сторонники утверждают, что усовершенствованные системы искусственного интеллекта могут улучшить когнитивные способности человека и сделать наши мыслительные процессы более быстрыми и эффективными. Однако в нашем стремлении к этому будущему, основанному на искусственном интеллекте, необходимо тщательно учитывать опасения по поводу способности ИИ превосходить человеческий интеллект и его потенциальных последствий. Концепция суперинтеллектуального ИИ, системы искусственного интеллекта, превосходящей человеческий интеллект и способности, поднимает этические вопросы о контроле, автономии и потенциальных рисках, связанных с созданием превосходного интеллекта.

Результаты. Для трансгуманистов переход к постчеловечеству представляет собой огромный разрыв, «историческую сингулярность» [3, с. 297–298]. Обычно это понимание приписывают Вернору Винджу. Его изложение этого существенно отличается от манеры изложения Рея Курцвейла, например, в его признании того, что для людей результат может быть довольно плохим. Физическое вымирание человеческой расы — одна из возможностей. И все же физическое вымирание, пожалуй, не самая страшная возможность [3]. Способности наших постчеловеческих, самооптимизирующихся преемников превзойдут наши собственные на порядки, сравнимые с пропастью между людьми и бактериями. Отсюда следует, что нынешнее человечество было бы также неспособно постичь постчеловеческий мир будущего,

как бактерии не способны постичь наш [3]. Виндж, со своей стороны, считает, что сингулярность может быть не такой уж непостижимой. Постчеловеческий мир «вполне может быть все еще понятен человеку с широким кругозором, у которого достаточно времени и желания учиться». Тем не менее он делает важную оговорку, что «могут быть вещи, которые наш разум недостаточно широк, чтобы охватить, идеи, части которых у нас недостаточно памяти, чтобы удержать; могут быть силы, способные думать быстрее, чем мы». Это, безусловно, предполагает фактическую непостижимость, пока люди смертны и ограничены, какими они являются в настоящее время [3].

Таким образом, хотя в ближайшей перспективе трансгуманисты довольствуются тем, что полагаются на технологии, позволяющие улучшить нашу жизнь способами, соответствующими нашим слишком человеческим желаниям, в долгосрочной перспективе необычайное благо, которого можно достичь путем преобразования самих себя и нашего мира, следует принимать более или менее на веру. Это может звучать обнадеживающе для тех, кто ожидает, что в ближайшие годы и десятилетия технический прогресс продолжит облегчать нашу участь без каких-либо последствий, радикально меняющий нашу природу. Для них достаточно знать, что мы неуклонно излечиваем все больше болезней или увеличиваем ВВП. С этой прагматической точки зрения склонность к размышлениям о далеких перспективах сделает любое обсуждение трансгуманистического радикализма безобидным (хотя и бесполезным) развлечением. Р. Курцвейл, напротив, утверждает, что «быть сингуляритарием — это вопрос не веры, а понимания» [16, с. 298]. Сингуляритарист понимает, что «наше предназначение сейчас — эволюционировать в обширный разум Сингулярности» [16]. Такие аргументы и их убедительная сила хорошо представлены также в работе Джоэлом Гарро [12].

На самом деле нет никакой гарантии, что какие-либо моральные соображения, сдерживающие современное технологическое развитие, будут иметь влияние в будущем, тем более, учитывая и без того мощные интеллектуальные тенденции, которые в пер-

вую очередь отрицают саму возможность рационального морального суждения [15]. Даже сегодня очевидны предупреждающие знаки; уже существует мощное и растущее сопротивление любым попыткам направлять и ограничивать науку и технологии «по моральным соображениям».

Трансгуманисты полностью усвоили урок Дж. Б. С. Халдейна о моральном значении технологического прогресса в его знаменитом эссе 1923 года «Дедал, или Наука и будущее». Ницшеанский урок Халдейна можно резюмировать просто: наука создает новые моральные порядки, поскольку расширяет наши способности к мышлению и действию, когда дело доходит до открытий и изобретений, то, что начинается как извращение, заканчивается как ритуал. Но наука также по своей сути разрушительна и для этих новых моральных порядков, всегда продвигаясь дальше, к какой-то новой возможности [13].

Этот аргумент вполне может оказаться неверным, но опровергнуть его далеко не так просто. Он также не слишком чужд релятивизму, который практически является моральной верой по умолчанию для очень многих образованных жителей Запада.

Этот релятивизм в союзе с коммерческими, военными и интеллектуальными силами, которые сегодня так эффективно управляют технологическим развитием, делает очень трудным сказать «нет» любой новой вещи. Итак, тот факт, что трансгуманисты открыто агитируют за вымирание и вытеснение нынешнего человеческого вида, может быть как раз тем, что может подстегнуть поиск ясности относительно реального значения «человеческого достоинства».

В остальном, как и ожидают трансгуманисты, на пути к постчеловечеству предстоит достичь стольких хороших и заманчивых результатов, включая более долгую, здоровую и состоятельную жизнь, наполненную немыслимыми возможностями и выбором, что, просто предоставив людям свободу поступать так, как им заблагорассудится, мы можем проложить путь к преобразованному человечеству, даже не имея прямого намерения [13].

Таким образом, критики утверждают, что стремление к совершенствованию че-

ловека с помощью технологий может усугубить социальное неравенство и создать пропасть между теми, кто может позволить себе улучшения, и теми, кто не может. Они поднимают законные вопросы о возможной утрате разнообразия и о том, как это повлияет на наше понимание человеческого бытия. Приведет ли стремление к совершенству и желание преодолеть наши биологические ограничения к созданию гомогенизированного общества, в котором различия больше не будут отмечаться?

Кроме того, этические последствия трансгуманизма выходят за рамки социального неравенства. Как и любая новая область, трансгуманизм сопряжен с рисками и непредвиденными последствиями, которые необходимо тщательно обдумать. Потенциальные риски для здоровья, связанные с изменением нашей биологии или слиянием с машинами, вызывают обеспокоенность по поводу долгосрочных последствий для отдельных людей и общества в целом.

Концепция слияния человеческого сознания с искусственным интеллектом, например, поднимает вопрос о сохранении индивидуальной идентичности. Потеряем ли мы чувство собственного достоинства и станем просто продолжением технологий? Как это повлияет на наши отношения, наше чувство автономии и нашу способность принимать этические решения?

Следует обозначить риски трансгуманистских процессов. Потенциальная потеря конфиденциальности, автономии и индивидуальности вызывает серьезные опасения. Становимся ли мы зависимыми от технологий до такой степени, что это влияет на нашу личную способность действовать? Как мы можем предотвратить эксплуатацию личности путем неправильного использования этих технологий?

Также необходимо тщательно учитывать непредвиденные последствия трансгуманизма. Учитывая экспоненциальный рост технологий, многие предсказывают, что однажды мы можем достичь точки, когда разница между человеком и машиной станет неразличимой. Это может привести к беспрецедентным достижениям в области человеческих способностей и глубоким изменениям в обществе.

Обсуждение. Основатель трансгуманизма Джулиан Хаксли определяет трансгуманизм едущим дискурсом современности, основанным на новых когнитивных и гносеологических системах, качественно новой антропологической идеологии [14].

В трансгуманизме многие видят антропологический поворот в культуре, который «привлекает к понятию стержневой человечности или общей существенной черты, в терминах которой человеческие существа могут быть определены и поняты» [17, с. 11–12]. Однако критическое осмысление сущности и природы человека реализуется в рамках философии Нового времени в рациональных и иррациональных концепциях Ф. Ницше [7], З. Фрейда [9], К. Маркса [6], в постмодернизме Ж. Бодрийера [2], Ж.-Ф. Лиотара [5], Р. Барта [1], М. Фуко [10] и Ж. Дерриды [4].

На протяжении всей истории всегда были провидцы и пионеры, которые проложили путь к трансгуманизму. От знаменитого футуриста Рэя Курцвейла [17] до биохакера Джозайи Зайнера [20] — эти люди внесли свой вклад в развитие и распространение трансгуманистических идей. Ее работа служит источником вдохновения для всех, кто стремится раздвинуть границы человеческого потенциала.

Концепция техно-трансгуманизма была разработана американским инженером и изобретателем Рэем Курцвейлом. Его книга «Сингулярность близка» [16] носит показательный подзаголовок: «Когда люди выходят за рамки биологии». Понятие сингулярности актуально в том смысле, что оно указывает на перспективу будущего, в котором благодаря технологическому экспоненциальному росту достигается состояние такой мощности и плотности интеллекта, что возникают новые явления, которые глубоко революционизируют нашу жизнь и природу.

Важно отметить, что сингулярность, которую Курцвейл устанавливает примерно в 2100 году, обозначает состояние слияния биологической и технологической эволюции: «Не будет никакого различия, пост-сингулярности, между человеком и машиной или между физической и виртуальной реальностью» [16, с. 94]. Через сингулярность мы выходим за пределы границ наших биологических тел и мозга: «Мы обретаем власть над своими

судьбами. Наша смертность будет в наших собственных руках» [17, с. 168–169].

Р. Курцвейл разрабатывает эволюционную теорию, которая помещает биологическую и технологическую эволюцию в прогрессивный континуум. Его телеологическая техноистория состоит из шести сменяющих друг друга эпох, которые можно описать как эволюцию все более сложной информации: «Это эволюция паттернов, которая составляет окончательную историю нашего мира» [17, с. 175]. В первую эпоху развивались физические частицы, во вторую — ДНК, в третью — мозг, в четвертом — технология.

Согласно Р. Курцвейлу, в пятую, все еще будущую эпоху технологии и биология сливаются воедино, поскольку технологии могут искусственно воссоздавать биологию. В шестую и последнюю эпоху человеческий разум распространяется по всей Вселенной, поскольку он больше не привязан к биологическим конечным телам, а в принципе может быть распространен на всю материю и энергию. Эта мысль о том, что человеческий интеллект и идентичность могут быть отделены от индивидуального биологического тела, не нова. Ключевым моментом в телеологической истории Курцвейла является то, что ее можно понимать как форму радикальной человеческой автономии, потому что здесь человек определяет не только свою волю, независимую от естественных влияний (как у Р. Декарта и И. Канта), но и свое физическое существование, эволюцию и будущее. Технология и человек больше не противостоят друг другу в сингулярности, как инструмент и пользователь, а скорее, сливаются воедино. Люди все больше и больше становятся своей собственной технологией, созданной перфекционистами.

Техника становится измерением человека, которое приходит к самому себе в сингулярности, тем самым все больше стирая разницу между человеком и техникой. Однако техно-нормативность Курцвейла проблематична с этической точки зрения в том смысле, что в ней не обсуждается возможность того, что технологические разработки также могут повлечь за собой негативные последствия. Кроме того, возникает вопрос, не является ли трансгуманизм технологическим инструмен-

том, превращающим человека в простой объект технологической эволюции.

Можно подумать о четырех отношениях, в которых люди относятся к технике:

1) тезис о конвергенции (= о трансгуманизме): человек и машина сливаются в сингулярности; человек сам определяет свою судьбу с помощью технологий;

2) тезис об инструментальности: машины — это всего лишь вспомогательные средства человека: человек управляет техникой. Противоречит тот факт, что новые медиа больше не являются простыми инструментами, направленными только на одну цель;

3) тезис взаимодействия: человек и машина взаимодействуют и вмешиваются (например, через «Интернет вещей» и искусственный интеллект); тезис о расширении: машины расширяют возможности человека с помощью виртуальных реальностей.

Таким образом, началась тотальная мобилизация разума, которую Эрнст Юнгер предсказывал почти сто лет назад. Самотехнизация *homo faber* кажется неудержимой [11].

Развитие суперинтеллектуализма может привести к новой эре технологического империализма, в которой эти корпорации будут определять судьбу человечества, поэтому важно, чтобы в развитии суперинтеллекта участвовали различные заинтересованные стороны, в том числе правительства, высшие учебные заведения и организации гражданского общества. Кроме того, развитие суперинтеллекта поднимает важные этические вопросы. Например, как мы можем гарантировать, что эти машины соответствуют человеческим ценностям и целям? Как мы можем предотвратить их причинение вреда людям? Это сложные вопросы, требующие тщательного рассмотрения и взвешивания.

Суперинтеллект может значительно ускорить темпы научных открытий за счет обработки огромных объемов данных и установления сложных взаимосвязей, которые могут ускользнуть от людей. Это может привести к прорывам в таких областях, как медицина, энергетика и освоение космоса. Например, суперинтеллект может анализировать огромные объемы медицинских данных, чтобы выявлять закономерности и варианты лечения заболеваний, которые, возможно, не смогли бы обнаружить одни люди. Это может при-

вести к более эффективным методам лечения и лечению болезней, которые преследовали человечество на протяжении веков.

Суперинтеллект может предложить решения сложных глобальных проблем, таких как изменение климата, бедность и болезни. Анализируя огромные объемы данных и устанавливая связи, которые могут ускользнуть от экспертов-людей, суперинтеллект может помочь нам разработать эффективные решения, которые на сегодняшний день невозможны.

В то время как великие умы эпохи Возрождения думали в первую очередь о раскрытии бесконечного потенциала посредством образования, заложенного в конечном человеке, трансгуманисты стремятся преодолеть ограниченность человека и таким образом создать новый тип человека — «посмертное состояние», как формулирует Макс Мор [18]. Согласно его определению, «трансгуманизм разделяет многие аспекты гуманизма, в том числе уважение к разуму и науке, приверженность прогрессу и признание ценности человеческого (или трансчеловеческого) существования в этой жизни» [18, с. 112].

Виктор Франкл писал: «Мы должны осознать, что мы конечны, чтобы наконец-то начать жить» [8, с. 201]. Наша жизненная сила основана на конечном. Неопределенность между полюсами: сознание и забвение, рождение и смерть, бытие и небытие, конечное тело и бесконечный дух — это то, что придает жизни ее очарование и интенсивность. Именно в ней зиждется наша человечность. Нам нужен предел смерти, чтобы иметь возможность безгранично любить и мыслить. Тем не менее трансгуманисты не понимают именно этого. Вот почему они производят призраков, а не богов.

Философские возражения против трансгуманизма в конечном счете имеют приоритет над научными. Но философские и научные аргументы взаимосвязаны и в некоторых отношениях взаимно усиливают друг друга. С философской точки зрения утилитарный подход к радикальному биоусовершенствованию глубоко проблематичен. Но сторонники утилитаризма также должны отвергать трансгуманизм: утилитаристы обычно тесно связывают наши моральные обязательства с мерами, которые наука и технология,

как считается, делают доступными в данное время; поскольку наука и технология сильно подрывают трансгуманизм, моральных обязательств, основанных на них, существовать не может.

Способствуя технологизации человеческого вида, трансгуманизм стал культурным явлением, выражающим Дух времени нашего технологического века. Технопрогрессивная программа не стремится преодолеть человеческие ограничения, справляясь с трагической природой жизни в нищезанятном смысле, а просто продвигает нигилистическую мечту «нового человека» Заратустры об установлении всеобщего счастья путем искоренения дионисийской реальности всего сущего.

Трансгуманизм отличается от традиционного гуманизма тем, что не знает никаких ценностей, кроме прогресса ради прогресса. Не случайно сотни трактатов о достоинстве человека появились в эпоху Возрождения, «*de dignitate homini*» было стандартным названием целой эпохи. Тем не менее ни один трансгуманист больше не спрашивает о достоинстве человека. Напротив, нетехнологически продвинутый человек уже утратил для него свое достоинство, нет ничего, что могло бы занять их место, кроме бессмертия.

И именно здесь трансгуманизм показывает свое лицо: он обещает человеку именно то, что лишает его антропологической сущности: безграничность, бессмертие, бесконечность. Если бы совершенствование человека действительно привело к этому, то это был бы конец современного человека как конечного существа, того, что мы смертны и несовершенны.

В результате критики трансгуманизма во второй половине XX века в литературе, кино, политике, антропологии, в социальном дискурсе и исследованиях технологий господство универсального человека было поставлено под сомнение и разобрано с философской точки зрения.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что будущее человечества часто рассматривается как тема для досужих спекуляций.

Таким образом, следует проанализировать, как трансгуманизм стремится достичь трансцендентности с помощью технологий

и как он концептуализирует трансцендентность в технологических категориях. Это показывает, что трансгуманистический дискурс изобилует напряженностью и даже противоречиями из-за разницы между «горизонтальной» трансцендентностью и «вертикальной» трансцендентностью: в то время как первая направлена на «улучшение» человечества с целью преодоления его биологических пределов, вторая направлена на то, чтобы сделать человечество устаревшим.

Заключение. Приведенный выше обзор трансгуманизма указывает на то, что проводить философский анализ трансгуманизма является затруднительным: трансгуманизм — не просто теоретическая концепция, это то, что уже применяется на практике. Различные приложения в реальном мире демонстрируют потенциал слияния человека и технологий. Заявленная цель многих трансгуманистов — это «сингулярность», слияние человека и машины. В философии сингулярность — момент, когда машины достигают такой степени, что превосходят людей и в некотором смысле образуют острие эволюции.

Таким образом, следует отметить, что хотя трансгуманизм как социально-интеллектуальное движение является маргинальным, трансгуманистический дискурс поднимает важнейшие вопросы о смысле бытия человеком в современной технокультуре.

Список источников

1. Барт Р. Как жить вместе: романические симуляции некоторых пространств повседневности. М.: Ad Marginem, 2016. 272 с.
2. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. 318 с.
3. Виндж В. О сингулярности [Электронный ресурс]. URL: www.mindstalk.net/vinge/vinge-sing.html (дата обращения: 15.02.2024).
4. Деррида Ж. Глобализация. Мир. Космополитизм // Космополис. 2004. №2(8). С. 125–140.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Алетейя, СПб., 1998. 489 с.
6. Маркс К. Критика Готской программы // Политология: хрестоматия. М.: Гардарики, 2000. С. 843.

7. Ницше Ф. Полное собр. соч.: в 13 тт. Ин-т философии РАН. М.: Культурная революция, 2005–2014.

8. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 2022. 366 с.

9. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я // Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 1997. 418 с.

10. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2019. 500 с.

11. Юнгер Э. Смена гештальта. Прогноз на XXI век. М.: Циолковский, 2018. 372 с.

12. Garro's Joela Radical Evolution: The Prospects and Dangers of Improving Our Minds, our Bodies, and what it means to be Human. New York: Doubleday, 2005. 344 p.

13. Haldane J.B.S. Daedalus, or Science and the Future / In Krishna R. Dronamraju ed. Haldane's Revision of Daedalus, Oxford University Press, 1995. Pp. 23–50.

14. Huxley J. New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus, 1957. 340 p.

15. Khan J. Technology and Responsibility: Reflections on new ethical challenges / Philosophical Essays: From an Ancient Creed to a Technological Man. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 374 p.

16. Kurzweil R. The Singularity Is Near. New York: Doubleday, 2005. 413 p.

17. Kurzweil R. The Age of Intelligent Machines. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. 298 p.

18. More M. Transhumanism: Towards a Futurist Philosophy. London: John Wiley & Sons Limited, 2013.

19. Soper K. Humanism and Anti-Humanism. Chicago: Open Court Publishing Co, 2000. 164 p.

20. Zayner J. Do-it-yourself from scientific paper to covid-19 DNA vaccine playlist. Archived from the original on November 28, 2020. 374 p.

References

1. Bart R. Kak zhit' vmeste: romanicheskie simuljaccii nekotoryh prostranstv povsednevnosti [How to live together: romantic simulations of some spaces of everyday life]. Moscow: Ad Marginem, 2016. 272 p. (In Russ.).
2. Bodrijar Zh. Soblazn [Temptation]. Moscow: Ad Marginem, 2000. 318 p. (In Russ.).

3. Vindzh V. O singuljarnosti [About the singularity] [Elektronnyj resurs]. URL: www.mindstalk.net/vinge/vinge-sing.html (data obrashhenija: 15.02.2024). (In Russ.).
4. Derrida Zh. Globalizacija. Mir. Kosmopolitizm [Globalization. The world. Cosmopolitanism]. *Kosmopolis* [*Cosmopolis*]. 2004; 2(8): 125–140. (In Russ.).
5. Liotar Zh.-F. Sostojanie postmoderna [The state of postmodernity]. Moscow: Aletejja, Saint Petersburg, 1998. 489 p. (In Russ.).
6. Marks K. Kritika Gotskoj programmy [Criticism of the Gothic program]. Politologija: hrestomatija [Political Science: a textbook]. Moscow: Gardariki, 2000. P. 843. (In Russ.).
7. Nicshe F. Polnoe sobr. soch.: v 13 tt. [Complete collection of works: in 13 volumes]. In-t filosofii RAN. Moscow: Kul'turnaja revoljucija, 2005–2014. (In Russ.).
8. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla [Man in search of meaning]. Moscow: Progress, 2022. 366 p. (In Russ.).
9. Frejd Z. Psihologija mass i analiz chelovecheskogo Ja [The psychology of the masses and the analysis of the human Self]. Psihoanaliticheskie jetjudy [Psychoanalytic studies]. Minsk: Popurri, 1997. 418 p. (In Russ.).
10. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my [To supervise and punish. The birth of a prison]. Moscow: Ad Marginem, 2019. 500 p. (In Russ.).
11. Junger Je. Smena geshtal'ta. Prognoz na XXI vek [The change of gestalt. Forecast for the XXI century]. Moscow: Ciolkovskij, 2018. 372 p. (In Russ.).
12. Garro's Joela Radical Evolution: The Prospects and Dangers of Improving Our Minds, our Bodies, and what it means to be Human. New York: Doubleday, 2005. 344 p.
13. Haldane J.B.S. Daedalus, or Science and the Future. In Krishna R. Dronamraju ed. Haldane's Revision of Daedalus, Oxford University Press, 1995. Pp. 23–50.
14. Huxley J. New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus, 1957. 340 p.
15. Khan J. Technology and Responsibility: Reflections on new ethical challenges / Philosophical Essays: From an Ancient Creed to a Technological Man. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 374 p.
16. Kurzweil R. The Singularity Is Near. New York: Doubleday, 2005. 413 p.
17. Kurzweil R. The Age of Intelligent Machines. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. 298 p.
18. More M. Transhumanism: Towards a Futurist Philosophy. London: John Wiley&Sons Limited, 2013.
19. Soper K. Humanism and Anti-Humanism. Chicago: Open Court Publishing Co, 2000. 164 p.
20. Zayner J. Do-it-yourself from scientific paper to covid-19 DNA vaccine playlist. Archived from the original on November 28, 2020. 374 p.

Статья поступила в редакцию 16.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 04.04.2024.

The article was submitted on 16.02.2024; approved after reviewing on 18.03.2024; accepted for publication on 04.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Плотникова Татьяна Валериевна — доктор философских наук, профессор кафедры «Философия и культурология», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). Специалист в области социальной и политической философии, проблем трансформации социального поведения, поведенческих парадигм и моделей политической практики. Сфера научных интересов включает исследование социокультурных факторов национальной и цивилизационной идентичности, проблемы развития креативности в социуме, методологические аспекты когнитивной деятельности, философские аспекты развития научно-технической сферы общества в условиях глобализации.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

Tatiana V. Plotnikova — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Rostov State University of Economics (RSUE). Specialist in social and political philosophy, problems of transformation of social behavior, behavioral paradigms and models of political practice. Research interests include the study of socio-cultural factors of national and civilizational identity, problems of creativity development in society, methodological aspects of cognitive activity, and philosophical aspects of the development of the scientific and technical sphere of society in the context of globalization.

69 B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Волохова Елена Викторовна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Юриспруденция», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Elena V. Volokhova — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Jurisprudence, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 130.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-229-239

СООТНОШЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА И КУЛЬТУРЫ В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ И ТЕОЛОГИЧЕСКИХ УЧЕНИЯХ XX СТОЛЕТИЯ

Елена Юрьевна Положенкова

*Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал),
Донской государственный технический университет, Шахты, Россия
polozhenkova@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1918-7461,
AuthorID РИНЦ: 411796, SPIN-код: 7193-3130*

Аннотация. *Целью данной статьи является культурфилософская рефлексия соотношения христианства и культуры в теологических и религиозно-философских учениях XX столетия (на примере учений С. Н. Булгакова, В. В. Зеньковского, Ж. Маритена, П. Тиллиха).*

Методология. *Авторы статьи исходят из признания двух противоположных методологических подходов, сложившихся в философской и религиозной мысли, к проблеме соотношения христианства и культуры: антиномистического, в котором религия и культура противопоставляются друг другу, и холистического, в котором выявляются их внутренние взаимосвязи и черты подобия.*

Результаты. *Было раскрыто, что вышеназванные мыслители исходят из признания глубокой связи христианства и культуры, рассматривая христианскую религию в качестве основания, духовного средоточия подлинной культуры, задающего ей высокое трансцендентное смысложизненное содержание. Общей чертой всех рассмотренных культурфилософских учений является понимание современного состояния культуры как глубокого кризиса, трагического противостояния религиозной и секулярной культур. Было выявлено, что характер интерпретации связей христианства и культуры, а также этиология кризисного состояния последней в рассмотренных культурфилософских учениях в значительной степени обусловлены конфессиональной спецификой (православной, католической, протестантской) мировоззрения их авторов.*

Перспективы исследования. *Проведённое исследование и его результаты могут способствовать нахождению путей преодоления современного глобального цивилизационного и ценностного кризиса, а также разработке теоретической модели православной культуры.*

Ключевые слова: *культура, религия, творчество, религиозная культура, секулярная культура, христианство, православие, католическое богословие, протестантская теология*

Для цитирования: *Положенкова Е. Ю. Соотношение христианства и культуры в религиозно-философских и теологических учениях XX столетия // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 229–239. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-229-239>.*

Original article

THE RELATIONSHIP OF CHRISTIANITY AND CULTURE IN THE RELIGIOUS, PHILOSOPHICAL AND THEOLOGICAL TEACHINGS OF THE XX CENTURY

Elena Yu. Polozhenkova

*Institute of Service and Entrepreneurship (branch),
Don State Technical University, Shakhty, Russia
polozhenkova@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1918-7461,
AuthorID RSCI: 411796, SPIN-code: 7193-3130*

Abstract. *The purpose of this article is a cultural-philosophical reflection of the understanding of the relationship between Christianity and culture in Christian theological and religious-philosophical teachings of the 20th century (using the example of the teachings of S. N. Bulgakov, V. V. Zenkovsky, J. Maritain, P. Tillich).*

Methodology. *The authors proceed from the recognition of two opposing methodological approaches to the problem of the relationship between Christianity and culture: antinomian, in which religion and culture are opposed to each other, and holistic, in which their internal relationships and similarities are revealed.*

Results. *It was revealed that the above-mentioned thinkers proceed from the recognition of the deep connection between Christianity and culture, considering the Christian religion as the foundation, the spiritual focus of genuine culture, giving it a high transcendental life-meaning content. A common feature of all the considered cultural and philosophical teachings is the understanding of the current state of culture as a deep crisis, a tragic confrontation between religious and secular cultures. It was revealed that the nature of the interpretation of the connections between Christianity and culture, as well as the etiology of the crisis state of the latter in the considered cultural and philosophical teachings, are largely determined by the confessional specifics (Orthodox, Catholic, Protestant) of the worldview of their authors.*

Research prospects. *The conducted research and its results will help to find ways to overcome the modern global civilizational and value crisis, as well as to develop a theoretical model of Orthodox culture.*

Keywords: *culture, religion, creativity, religious culture, secular culture, Christianity, Orthodoxy, Catholic theology, Protestant theology*

For citation: *Polozhenkova E. Yu. The relationship of christianity and culture in the religious, philosophical and theological teachings of the XX century // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 229–239. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-229-239>.*

Введение. Исследование проблемы взаимосвязей христианства и культуры приобретает особую остроту в современной социально-культурной ситуации, которая в Указе президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению

и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» характеризуется как «глобальный цивилизационный и ценностный кризис, ведущий к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных

принципов»¹. Данное состояние, характеризует в первую очередь современную Западную цивилизацию, постепенно утратившую христианские духовно-нравственные ценности, лежавшие в её основе. Современная секулярная культура на Западе активно взращивает «эгоизм, космополитизм, гедонизм, вседозволенность, нетрадиционные формы сексуальных отношений, разрушающих традиционную семью»², и всячески пропагандирует эти элементы деструктивной идеологии по всему миру и особенно в России в ситуации геополитического противостояния нашей страны и коллективного Запада. В современной и мировой, и российской аксиосфере идёт борьба двух противостоящих ценностных систем: традиционной и либеральной, активно поощряющей вышеназванные деструктивные феномены.

В вышеупомянутом указе отмечается, что важная роль в формировании традиционных ценностей, которые являются общими для верующих и неверующих граждан нашей страны, принадлежит традиционным религиям. Христианство, мусульманство, буддизм, иудаизм являются значимой и неотъемлемой частью культурного наследия России. Особая значимость в процессе становления и укрепления традиционных ценностей в России принадлежит восточному христианству, православной культуре, ядром которой они являются³. В этой связи изучение феномена христианской культуры, её соотношение с секулярной культурой, тесно связанной с современным либерализмом, представляется весьма актуальным.

Методологические аспекты исследования. Обращение христианских мыслителей к проблеме соотношения христианской религии и культуры уже в первые века существования христианства связано с драматизмом содержания самой христианской антропологии, прежде всего с трансцендентной направленностью смысложизненных ценностей человека, которая ставит под сомнение значимость его земной жизни и, соответственно,

культуры. Драматизм в восприятии земной жизни усугубляется в христианской эсхатологии, согласно которой земной мир, погрязший в грехах, должен погибнуть. Погибнет, вероятно, и культура как результат деятельности греховного человека.

Вместе с тем приближение к осуществлению трансцендентной смысложизненной заданности человека возможно именно в земном мире в процессе человеческой жизнедеятельности, универсальным способом которой является культура. Данное положение обуславливает высокую значимость земной жизни человека, уверовавшего во Христа, поскольку мир для него превращается в «средство» приобщения к Царству Божию. Таким образом, самому христианскому вероучению имманентно присущи и признание мира, в том числе культуры как сферы, в которой человек может приблизиться к осуществлению его смысложизненного предназначения, и отрицание греховного, отвергшего Христа, мира, которому апостол пророчит гибель.

Неудивительно, что уже во II–III веках появляются противоположные тенденции в осмыслении проблемы соотношения религии и культуры: антиномистическая интерпретация (Тертуллиан, Татиан и другие), в которой религия и культура противопоставляются друг другу, и холистические трактовки (Климент Александрийский и другие), в которых выявляются их внутренние взаимосвязи и черты подобия [6; 11].

В данной статье мы не ставим цель рассмотреть историческую эволюцию данной проблемы. Эта задача в той или иной степени была реализована в ряде публикаций [5]. Цель данной статьи состоит в культурфилософской рефлексии понимания соотношения христианства и культуры в христианских теологических и религиозно-философских учениях XX столетия (на примере учений С. Н. Булгакова, В. В. Зеньковского, Ж. Маритена, П. Тиллиха) в контексте их конфессиональной специфики (православной, католической, протестантской).

¹ Указ президента РФ от 9 ноября 2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>.

² Там же.

³ Там же.

Возможно ли существование культуры на православных основаниях? При обращении к православной интерпретации соотношения христианства и культуры возникает вопрос о самой возможности существования культуры на православных основаниях. Отрицание этой возможности можно обнаружить в работах протестантских и католических теологов. Так, представитель протестантского теологического модернизма А. Гарнак утверждает, что православие в силу его доминирующей «мистической напряжённости» внеисторично и даже антагонистично культуре. Оно интерпретируется как «застывшая форма христианства, неспособная сама к жизненному развитию и тем более неспособная к воздействию на жизнь...» [4]. Вся религиозная деятельность в православии, с точки зрения протестантского мыслителя, сосредоточивается во внутренней жизни человека и не затрагивает внешние социально-культурные реалии.

Аналогичные мысли высказывает католический теолог, один из лидеров неомизма Ж. Маритен: «Полнейшая отрешенность, которой гордятся отдельные церкви Востока, отказ приложить руки к скромным трудам мира сего, безмерное увлечение самоуничтожением и духовной свободой... скрывают за собой отказ от призвания, ниспосланного всем носящим крест высшими законами Исккупителя» [10]. Ж. Маритен и его единомышленники упрекают православную церковь в бездейственности и пренебрежении к попыткам смягчить социальные бедствия, последствия социально-исторических противоречий общества.

Русские православные мыслители обращают внимание на несправедливость подобных упреков. Так, например, В.В. Зеньковский обосновывает целый ряд контраргументов, направленных на выявление ошибочности данных обвинений, связанных с непониманием «психологии» и «духа» православия некоторыми католическими и протестантскими теологами [4].

Действительно, православие характеризуется «мистической напряжённостью». Однако в какой мере эта черта делает его «внеисторичным»? И можно ли вообще говорить о внеисторичности христианства применительно к любой его конфессии? Ведь именно христи-

анству присуща идея направленного исторического развития, вектором которого является высший трансцендентный смысл — преобразование человечества, ради которого Христос пришёл в этот мир. Видя в пришествии Христа, его страданиях, смерти, воскресении главный момент исторического развития, христианство утверждает «христоцентрическое понимание истории» [4]. История понимается как процесс, в котором осуществляется активная христианская деятельность, направленная на преобразование «всечеловеческого организма в Церковь: индивидуальное “спасение” возможно лишь в Церкви» [4].

Христоцентрическое понимание истории обуславливает мистическую напряжённость православия, поскольку именно в ней углубляется христианская активность православного человека. В.В. Зеньковский подчёркивает, что для понимания смысла аскетизма и «внутренней» жизни в христианстве в целом и в православии в частности нужно помнить, что в историческом бытии помимо эмпирического слоя существует глубинный метафизический слой. Действуют в истории не только те люди, активность которых полностью воплощается в эмпирическом слое действительности, но и те, чья деятельность является внутренней. Внутренняя мистическая деятельность часто бывает более плодотворной. Для христианского сознания в истории невидимо, но постоянно совершается напряжённое созидание Царства Божьего.

Если историчность как признание христоцентричности исторического процесса, а истории как пути искания и строительства Царства Божьего — это общая черта, характерная для христианства всех конфессий, то понимание путей этого строительства в православии принципиально отличается от его интерпретации в католицизме и протестантизме. Данная проблема тесным образом связана с вопросом об участии церкви в эмпирическом слое истории, её отношении к власти, государству и другим эмпирическим феноменам.

С точки зрения русских религиозных мыслителей, всему христианскому миру в той или иной мере близки «психологические предпосылки теократии» [4]. Однако именно в католичестве целенаправленно разрабатывалось учение о христианской теократии, суть кото-

рого состояла в обосновании пути внешнего строительства Царства Божьего, а не внутреннего преобразования человека. Путь внешнего строительства предполагает не свободное стремление отдельных людей и народов к Богу, «а внешнее, т.е. основанное на эмпирической власти приведение их к спасению...» [4]. Основой жизни христианина становится не свободный выбор на основе веры, а подчинение церковному авторитету.

В.В. Зеньковский отмечает противоречивую роль в истории Западной Европы теократического пути развития, избранного католицизмом. С одной стороны, данный путь, действительно, во многом определяет значительное влияние католической церкви на исторический процесс. С другой стороны, он является источником трагического отхода западного общества от церкви, строительства секулярной культуры, а также рождения протестантизма, который на место теократии ставит, по выражению Э. Трёльча, «библиократию». Отвергая внешний путь католичества, протестантизм приходит, как известно, к религиозному индивидуализму и атомизму, разрушению церковности.

Православию, в отличие от католицизма, остаётся чуждым теократический путь строительства Царства Божьего как пути внешнего подчинения. Православная церковь всеми силами способствует свободному внутреннему преобразению человека и культуры. Она молится за власть и весь христианский мир, благословляет творчество во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Таким образом, православие не «внеисторично» и не «бессильно» по отношению к эмпирическому слою исторического бытия, но его путь строительства Царства Божьего отличен от путей западного христианства.

Соотношение христианства, культуры и цивилизации: православная и католическая интерпретации. Косвенным подтверждением «историчности» православия является тот факт, что именно проблемы философии и теологии культуры становятся предметом активного обсуждения русскими религиозными мыслителями в 20-е, 30-е годы XX столетия. В этих дискуссиях так или иначе принимают участие Г. Федотов, Г. Флоровский, В. Зеньковский, В. Вейдле,

М. Гершензон, Вяч. Иванов, С. Булгаков, Н. Бердяев, И. Ильин, Вл. Ильин и другие мыслители. Современный исследователь русской философской мысли А.П. Козырев обращает внимание на то, что размышления религиозных мыслителей о культуре и ее отношении к религии вообще и к православию, в частности в данный исторический период не случайны, они тесным образом связаны с духом времени, эпохальными событиями российской истории. В этом историческом контексте «...религиозная философия культуры становится... философией обретения такого жизненного уклада, в котором... человек возвращает себе память о своём божественном предназначении» [7, с. 4].

Именно данная мысль о религиозном предназначении культуры пронизывает культурфилософские воззрения русских религиозных мыслителей. Так, Г.П. Федотов, развивая мысль о том, что всякая настоящая культура обладает глубоким религиозным содержанием, выделяет в нём два ключевых аспекта теоретический и практический. Он подчёркивает, что теоретический аспект её религиозного содержания заключается в познании Бога, практический аспект — в духовно-нравственном преобразении человеческой личности на пути обретения более глубокого богоподобия [7].

Близкие идеи высказывает С. Н. Булгаков. Опираясь на тексты Священного Писания и святоотеческую традицию, он раскрывает религиозные истоки и сущность культуры, определяет её как творческую деятельность человека, созданного по образу и подобию Бога-Творца. «Человек призван быть сотворцом мира. Конечно, не в том смысле, что он может сотворить что-то, Богом не созданное, но человек продолжает раскрытие Божественного замысла о мире» [1, с. 123–128]. По мысли Булгакова, человеческое творчество или теургия имеет религиозную ценность, поскольку Бог даёт человеку возможность участвовать в божественном творчестве, выходя таким образом его. Иными словами, теургия представляет собой процесс божественного творчества, осуществляемый через человека.

Однако в результате грехопадения, искаженной человеческую природу, творчество человека становится трагически противоре-

чивым. В нём происходит борьба духа и плоти. В его самосознании борются два возможных пути для творческой деятельности: путь цивилизации, предполагающий подчинение плоти условиям природной жизни, и путь культуры, то есть творчества как осуществления образа Божия в себе и очеловечивания мира. С.Н. Булгаков подчёркивает, что жизнь христианина — это постоянная борьба между культурой и цивилизацией, борьба за духовное существование. Понятие цивилизации, по С.Н. Булгакову, близко понятию светской, безрелигиозной культуры.

Механизмы формирования подлинной религиозной культуры, а также её трансформации в светскую культуру выражаются в различном характере взаимосвязи божественного и человеческого начал в культурном творчестве [1]. Данные начала артикулируются С.Н. Булгаковым под влиянием софиологии В.С. Соловьёва в понятиях «теургическое действо» (нисхождение Бога к человеку) и «софиургическое действо» (восхождение человека к Богу). «Теургическое действо» является глубинным основанием «софиургического действия». Если это соотношение нарушается, деформируется, если софиургическое начало превращается в преобладающее, происходит трансформация подлинной культуры в культуру светскую [2; 14]. Доминирование в современном мире светской безрелигиозной культуры С.Н. Булгаков, как и другие православные мыслители, считает проявлением глубокого антропологического и культурного кризиса [8].

Как отмечено выше, культурное творчество в православном понимании включает не только внутреннее преображение человека, но и внешнее делание, преобразующее мир. В этой связи С.Н. Булгаков раскрывает несостоятельность отождествления понятий аскетизма и нигилизма, которое допускают западные критики православия. Если аскетизм как ограничение плоти в процессе духовно-нравственного совершенствования человека является необходимой составляющей подлинного творчества, то нигилизм в качестве отрицания значимости внешнего делания, направленного на преобразование мира, есть полное отрицание творчества. Проявления нигилизма философ видит в безответственности и бездушии по отношению к своему

делу, в нежелании вкладывать в него силы своей мысли и любви.

Несовместимость аскетического начала как важной составляющей православной культуры с нигилистическим отрицанием мира и творческой активности человека в мире отмечает и В.В. Зеньковский. Размышляя о содержании православной культуры, он определяет её как «систему свободного творчества, но во Христе и с Христом» [4]. В этой связи русский мыслитель обращает особое внимание на органический внутренний характер христианизации жизни и творчества человека. Созидание православной культуры предполагает не внешнее внесение в неё христианских идей, а внутреннее духовно-нравственное преображение самого субъекта творчества во всех его видах — научного, философского, художественного [4]. Поддерживая идеи «православной науки» и «православной философии», впервые высказанные И.В. Киреевским, А.С. Хомяковым и другими русскими религиозными мыслителями, он подчёркивает внутреннее органическое единство православия с одной стороны, науки и философии с другой стороны, а не их внешнее соединение. Идею внутреннего освящения и одухотворения Церковью различных сфер культуры поддерживают и современные православные богословы [12].

Итак, согласно воззрениям русских православных мыслителей, культура религиозна, во-первых, по своим истокам, поскольку творческая способность укоренена в самой богоподобной природе человека; во-вторых, в своём сущностном назначении, ибо перед культурой стоит недостижимая и беспредельная задача — «очеловечение мира и обожение человека» [7]. В-третьих, по своему содержанию она представляет «систему свободного творчества во Христе», духовным средоточием которого является религиозный культ. Вместе с тем, с точки зрения Булгакова, осмысление культуры с церковной позиции недопустимо со смешением церкви и культуры, поскольку культура все-таки принадлежит миру.

Далее обратимся к католическому видению проблемы соотношения христианства, культуры и цивилизации на примере воззрений видного представителя неотомизма Ж. Маритена. В отличие от С.Н. Булгакова

и других русских религиозных философов, французский мыслитель не противопоставляет цивилизацию культуре, не поддерживает критической интерпретации цивилизации как «...всего того, что является материальным, механическим... (стареющая и поражённая склерозом культура)» [10]. В его понимании подлинная «цивилизация заслуживает своего названия лишь тогда, когда она понимается как культура», то есть эти понятия выступают как синонимичные. Они выражают развитие жизни человека во всех её формах, включая нравственное интеллектуальное, художественное совершенствование. Католический мыслитель особо подчёркивает необходимость включения в культуру (цивилизацию) материального развития человека и общества как её важной составляющей, поскольку оно создаёт материальные условия для достойной жизни человека [10].

Если культура или цивилизация принадлежат земному, временному, конечному миру и направлены к земной, конечной цели, то подлинная религия сверхъестественна и задаёт культуре трансцендентную цель земного существования. Она есть «вдохновительница и благодетельница цивилизаций и культур». Соответственно, промежуточная цель культуры должна быть подчинена высшей конечной религиозной цели, которая возвышает саму культуру.

Кризис современной ему цивилизации католический философ, как и православные мыслители, связывает с формированием в Западной Европе псевдогуманистической антропоцентрической культуры без Христа, культуры, «отдалившейся от священного и повернувшейся к самому человеку». Истоки её возникновения и развития он видит в гуманистических идеях Ренессанса, в Реформации и протестантизме, а также в рационализме Нового времени: «Гуманизм здесь отделён от Воплощения» [10]. «Антропоцентрической» концепции культуры Ж. Маритен противопоставляет её христианское понимание как подлинно гуманистической, для которой характерен приоритет созерцательной жизни христианина по отношению к его социально активной жизни. Данное соотношение не означает пренебрежения христианина активной жизнью, но она должна стремиться к тому её типу, который характерен для лю-

дей, духовно совершенных. Вместе с тем, как отмечает Ж. Маритен, христианство не противопоставляет себя современной антропоцентрической культуре. Оно призвано проникнуть в её глубину, оживить её, содействовать спасению.

Далее французский мыслитель всячески акцентирует внимание на надмирности, надкультурности католической церкви, питающей своими плодами культуру, но не зависимой от культуры или цивилизации. Он подчёркивает, что «...все религии, кроме католической, являются составными частями определенных культур... Только католическая религия в силу своей надприродности абсолютно трансцендентна, надкультурна, надрасова, наднациональна. В этом один из признаков ее божественной природы...» [10]. В данном контексте Ж. Маритен призывает не допускать смешения Церкви с какой бы то ни было цивилизацией, в том числе с христианской цивилизацией, католицизм — с католическим миром.

На наш взгляд, вряд ли можно согласиться с вышеприведённым дискурсом католического мыслителя. Во-первых, если подлинная религия сверхъестественна, трансцендентна и одновременно имманентна по отношению к тварному миру, она не может рассматриваться в качестве просто «составной части определённой культуры». Она является, скорее, её субстанцией, её основой. Во-вторых, являясь способом жизнедеятельности человека, культура не может не оказывать влияния на религию, поскольку религия есть особая коммуникация между Богом и человеком. Трудно не согласиться с известным швейцарским историком культуры Я. Буркхардтом, который по этому вопросу утверждает, что глубокое изучение истории человеческой культуры свидетельствует о том, что никогда не существовало религии, которая была бы совершенно независимой от конкретной исторической эпохи и особенностей традиций и обычаев конкретного народа. Поскольку религия тесным образом переплетается со всеми многообразными сторонами жизни человека, жизнь обязательно будет оказывать на неё своё влияние [3].

В целом, сопоставляя православное осмысление природы культуры и её связи с христианством, представленное в концеп-

ции С.Н. Булгакова и других православных мыслителей, с католическим видением данной проблемы в воззрениях Ж. Маритена, несмотря на определённые различия, рассмотренные выше, можно заметить значительное сходство между ними. И в православной, и в католической трактовках соотношения культуры и христианской религии они теснейшим образом связаны и по истокам, и по высокой трансцендентной цели. Однако при этом и православное, и католическое вероучения не допускают смешения культуры и церкви.

Религиозная сущность культуры в зеркале протестантского экзистенциализма. Далее обратимся к протестантскому пониманию данной проблемы на примере культурно-философских воззрений Пауля Тиллиха. Как известно, философско-теологическое учение немецко-американского мыслителя является своего рода примирением протестантской либеральной теологии и неоортодоксии К. Барта [9]. Если либеральная теология растворяет религию в культуре, в этике, то диалектическая «теология кризиса» К. Барта постулирует разрыв, «диапаз», между христианской верой и культурой, причём и светской, и религиозной. В отличие же от К. Барта, П. Тиллих ищет их синтез.

П. Тиллих, как русские православные мыслители и Ж. Маритен, представляющий католическое видение соотношения христианства и культуры, воспринимает взаимное отчуждение сакрального и светского в современной культуре как трагедию. Однако он считает, что противостояние религиозной и светской культур не может отменить их глубинного сущностного единства. Данный вывод следует из экзистенциального понимания П. Тиллихом сущности самой религии. Он пишет, что, если заглянуть в глубины духовной жизни человека, то можно обнаружить, что религия находится «в глубине всех её функций, ибо она — составляющая глубины каждой из них, аспект глубины в тотальности человеческого духа» [13].

Мыслитель поясняет, что метафора «глубина» означает «предельное и безусловное в человеческой духовной жизни», некий «предельный интерес». Это значит, что вера представляет собой душевное состоя-

ние захваченности предельным интересом, «а Бог — имя, обозначающее содержание этого интереса» [13]. Получается, что при такой интерпретации религии существование Божества не мыслится независимо от акта веры. Таким образом, отрицается догматическое утверждение существования Божества как онтологической предпосылки веры, происходит её имманентизация.

Если религиозная вера представляет собой душевное состояние захваченности предельным интересом, то это состояние не может быть ограничено рамками какой-то особой области. Предельный интерес проявляется во всех творческих сферах человеческого духа: в сфере морали, в сфере познания и в эстетической области. Таким образом, религия как предельный интерес, по П. Тиллиху, представляет собой субстанцию культуры. Религия наделяет культуру смыслом, который воплощается в многообразных формах культуры. В религии открывается глубина духовной жизни человека, «обычно скрытая пылью повседневной жизни и шумом секулярного труда. Она дает нам опыт Священного, того, к чему нельзя прикоснуться, что внушает благоговейный ужас, предельный смысл, источник предельного мужества» [13].

Исходя из своего протестантского «экзистенциального понимания» религии, Тиллих интерпретирует существование традиционных религий с их культами и церковными институтами как следствие «трагического отчуждения человеческой духовной жизни от своего собственного основания и глубины» [13]. Данная причина является общим основанием, обуславливающим деформированный характер и религиозной культуры, связанной с церковью, и светской культуры. По мысли теолога, они одинаково отчуждены от подлинной религии. Данный вывод П. Тиллиха со всей очевидностью демонстрирует принципиальное отличие его понимания сущности секулярной культуры и её соотношения с религиозной культурой от интерпретации данного вопроса православными и католическими мыслителями, для которых секулярная культура — это культура, отчуждённая, прежде всего, от церкви Христовой.

Согласно экзистенциальной концепции религии П. Тиллиха, вся культура в той или иной степени несёт в себе человеческое от-

ношение к «Предельному» и «Безусловному». В этом смысле религиозная культура и секулярная культура не являются разделёнными областями. В реальной исторической действительности ситуация складывается иная: они, как правило, противоборствуют друг с другом. Их конфликтные корреляции воплощаются в двух формах: либо религиозная культура внешним образом подчиняет секулярную и возникает, по терминологии П. Тиллиха, «гетерономная культура», либо секулярный элемент стремится отделиться и стать независимым, тогда формируется «автономная культура».

С точки зрения мыслителя, даже в полностью автономной культуре сохраняется предельный интерес человека к «Безусловному», однако он выражается в деформированной форме, в виде экзистенциалов «пустоты», «тоски», «бессмысленности».

Своего рода идеалом соотношения религии и культуры, по мысли П. Тиллиха, является их гармония в форме так называемой «теономной культуры». Однако полное осуществление их гармоничного соотношения в человеческой истории, с точки зрения П. Тиллиха, недостижимо. Драматизм взаимоотношений христианства и культуры теолог интерпретирует явно под влиянием диалектической теологии К. Барта. По его мысли, субстанция (христианство) и форма (культура) стремятся к гармоничному единству, но, достигая синтеза, постоянно разрушают его, трансформируясь либо в гетерономную культуру, либо в её автономную форму.

Заключение. Итак, в данной статье было осуществлено исследование соотношения христианства и культуры в теологических и религиозно-философских учениях XX столетия (С.Н. Булгакова, В.В. Зеньковского, Ж. Маритена, П. Тиллиха). В итоге были получены следующие выводы.

Было раскрыто, что учения вышеуказанных мыслителей опираются на холистический подход к проблеме соотношения христианства и культуры, то есть они исходят из признания их глубокой связи, рассматривая христианскую религию в качестве основания, субстанции, духовного средоточия подлинной культуры, задающего ей высокое трансцендентное смысложизненное содержание.

Было показано, что общей чертой всех рассмотренных культурфилософских учений является понимание современного состояния культуры как глубокого кризиса, трагического противостояния христианской и секулярной культур.

Было выявлено, что характер интерпретации связей христианства и культуры, а также этиология кризисного состояния последней в рассмотренных культурфилософских учениях в значительной степени обусловлены конфессиональной спецификой (православной, католической, протестантской) мировоззрения их авторов.

Список источников

1. Булгаков С.Н. Догматическое обоснование культуры // Сочинения в 2-х тт. Т. II. М.: Наука, 1993. 750 с.
2. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 77 с.
3. Гарин И. Что такое философия. Что такое истина? М.: Терра — Книжный клуб, 2001. 752 с.
4. Зеньковский В.В. Идея православной культуры [Электронный ресурс] // Альфа и Омега. 1997. №14. С. 325–345. URL: <http://www.pravmir.ru/alfa-i-omega/>.
5. Киселева А.С. Соотношение религии и культуры: специфика культуры в контексте православной традиции [Электронный ресурс] // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-religii-i-kultury-spetsifika-kultury-v-kontekste-pravoslavnoy-traditsii>.
6. Коваль Т. Проблемы культурного и цивилизационного развития в трудах ранних отцов Церкви // Православное учение о человеке. М.: Клион, 2004. С. 362–380.
7. Козырев А.П. Философия культуры в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже (20–30-е годы) // Христианство и культура. Сборник докладов конференции «VII Международные Рождественские чтения». М.: Московский Патриархат, 1999. С. 72–88.
8. Колычева С.В. С.Н. Булгаков о проблеме кризиса культуры // Русское богословие в европейском контексте. С.Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль.

М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. С. 243–249.

9. Лёзов С.В. Теология культуры Пауля Тиллиха [Электронный ресурс] // Католическая информационная служба Agnuz. URL: <http://www.agnuz.info/app/webroot/library/230/497/page>.

10. Маритен Ж. Религия и культура [Электронный ресурс]. М.: Научный мир, 1999 // Электронная библиотека Royallib.com. URL: https://royallib.com/book/mariten_gak/religiya_i_kultura.html.

11. Матяш Т.П. Основы православной культуры (историко-философское и историко-богословское введение): учебное пособие. Донской государственный технический университет. 2-е изд., доп. Ростов н/Д: ДГТУ, 2022. 261 с.

12. О вере и нравственности по учению православной церкви. М.: Издание Московской Патриархии, 1991. 364 с.

13. Пауль Тиллих. Теология культуры [Электронный ресурс] // Studfiles. URL: <https://studfile.net/preview/5596457/page:78/>.

14. Рязанская О.Б., Положенкова Е.Ю. Судьбы русской культуры в контексте христианской эсхатологии // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. №3. С. 185–195.

References

1. Bulgakov S.N. Dogmaticheskoe obosnovanie kul'tury [Dogmatic justification of culture]. Sochinenija v 2-h tt. Vol. II. Moscow: Nauka, 1993. 750 p. (In Russ.).

2. Bulgakov S.N. Svet nevechernij: Sozercanija i umozrenija [The light of the evening: Contemplation and speculation]. Moscow: Respublika, 1994. 77 p. (In Russ.).

3. Garin I. Chto takoe filosofija. Chto takoe istina? [What is philosophy? What is truth?]. Moscow: Terra — Knizhnyj klub, 2001. 752 p. (In Russ.).

4. Zen'kovskij V.V. Ideja pravoslavnoj kul'tury [The idea of Orthodox culture] [Elektronnyj resurs]. *Al'fa i Omega* [Alpha and Omega]. 1997; (14): 325–345. URL: <http://www.pravmir.ru/alfa-i-omega/>. (In Russ.).

5. Kiseleva A.S. Sootnoshenie religii i kul'tury: specifika kul'tury v kontekste pravoslavnoj tradicii [Correlation of religion and culture: specificity of culture in the context of

Orthodox tradition] [Elektronnyj resurs]. *Novyj vzgljad. Mezhdunarodnyj nauchnyj vestnik* [New view. International Scientific Bulletin]. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-religii-i-kultury-spetsifika-kultury-v-kontekste-pravoslavnoj-traditsii>. (In Russ.).

6. Koval' T. Problemy kul'turnogo i civilizacionnogo razvitija v trudah rannih otcov Cerkvi [Problems of cultural and civilizational development in the writings of the early fathers of the Church]. *Pravoslavnoe uchenie o cheloveke* [The Orthodox doctrine of man]. Moscow: Klin, 2004. Pp. 362–380. (In Russ.).

7. Kozyrev A. P. Filosofija kul'tury v Svjato-Sergievskom bogoslovskom institute v Parizhe (20–30-e gody) [Philosophy of culture at St. Sergius Theological Institute in Paris (20–30s)]. *Hristianstvo i kul'tura. Sbornik dokladov konferencii «VII Mezhdunarodnye Rozhdestvenskie chtenija»* [Christianity and Culture. Collection of reports of the conference «VII International Christmas Readings»]. Moscow: Moskovskij Patriarhat, 1999. Pp. 72–88. (In Russ.).

8. Kolycheva S.V. S.N. Bulgakov o probleme krizisa kul'tury [Bulgakov on the problem of the crisis of culture]. *Russkoe bogoslovie v evropejskom kontekste. S.N. Bulgakov i zapadnaja religiozno-filosofskaja mysl'* [Russian theology in a European context. S.N. Bulgakov and Western religious and philosophical thought]. Moscow: Biblejsko-bogoslovskij institut sv. apostola Andreja, 2006. Pp. 243–249. (In Russ.).

9. Ljozov S. V. Teologija kul'tury Paulja Tiliha [Theology of culture by Paul Tillich] [Elektronnyj resurs]. *Katolicheskaja informacionnaja sluzhba Agnuz*. URL: <http://www.agnuz.info/app/webroot/library/230/497/page>. (In Russ.).

10. Mariten Zh. Religija i kul'tura [Religion and culture] [Elektronnyj resurs]. Moscow: Nauchnyj mir, 1999. *Elektronnaja biblioteka Royallib.com*. URL: https://royallib.com/book/mariten_gak/religiya_i_kultura.html. (In Russ.).

11. Matjash T. P. Osnovy pravoslavnoj kul'tury (istoriko-filosofskoe i istoriko-bogoslovskoe vvedenie): uchebnoe posobie [Fundamentals of Orthodox culture (historical-philosophical and historical-theological introduction): a study guide]. *Donskoj gosudarstvennyj tehnickeskij universitet. 2-e izd., dop.* *Rostov-on-Don: DGTU*, 2022. 261 p. (In Russ.).

12. О вере и нравственности по учению православной церкви [On faith and morality accord-

ing to the teachings of the Orthodox Church]. Moscow: Izdanie Moskovskoj Patriarhii, 1991. 364 p. (In Russ.).

13. Paul' Tilih Teologija kul'tury [Theology of Culture] [Elektronnyj resurs] // Studfiles. URL: <https://studfile.net/preview/5596457/page:78/>. (In Russ.).

14. Rjazanskaja O. B., Polozhenkova E. Ju. Cud'by russkoj kul'tury v kontekste hristianskoj jeshatologii [The fate of Russian culture in the context of Christian eschatology]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2017; 6(3): 185–195. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 02.03.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 14.04.2024.

The article was submitted on 02.03.2024; approved after reviewing on 20.03.2024; accepted for publication on 14.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Положенкова Елена Юрьевна — доктор философских наук, профессор, кафедра «Социально-гуманитарные дисциплины», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал), Донской государственный технический университет. Россия, г. Шахты, ул. Шевченко, 147, каб. 1207

Elena Yu. Polozhenkova — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Institute of Service and Entrepreneurship (branch), Don State Technical University.

147 Shevchenko str., office 1207, Shakhty, Russia

Научная статья

УДК 130.2(4/9)

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-240-248

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ТРАДИЦИИ

Инна Сергеевна Якунина¹✉, Ирина Александровна Тищенко²,
Юлия Геннадьевна Тищенко³

^{1,2}Шахтинский автодорожный институт (филиал),
Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Шахты, Россия

³Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹babushka30@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0003-2259-1932, AuthorID РИНЦ: 1085471

²lingvan@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-1147-7245,

WoS Research ID: ABG-6573-2020, Scopus ID: 57222245489

³yuliatiss@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5948-0692

Аннотация. Цель исследования состоит в рассмотрении подходов к анализу массовой культуры для более осмысленного понимания особенностей функционирования данного феномена в современном обществе.

Методологией исследования являются различные подходы к рассмотрению массовой культуры, представленные в трудах А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Г. Лебона, Г. Тарда, З. Фрейда, К. Ясперса, Х. Ортега-и-Гассета, К. Маннхейма, Э. Тоффлера, Ж. Бодрийяра, в которых изучаются особенности и функции массовой культуры, ее влияние на личность. Анализ феномена массовой культуры осуществляется на основе принципов системности и диалектики.

Результаты исследования. Проанализировав существующие подходы к рассмотрению массовой культуры, авторы делают вывод о том, что, несмотря на усложнение общества и появление разнообразных культурных форм, массовая продолжает доминировать. Тем не менее в связи с технологическими и социокультурными изменениями, трансформацией системы ценностных ориентаций возникает тенденция персонализации культуры, связанная с субъективизацией социальных процессов, изменением мотивации и характера потребления, стремлением к обретению идентичности. Массовая культура подстраивается под все более усложняющиеся потребности аудитории, предлагая ей престижные и индивидуализированные продукты. Элитарная культура перестает существовать как недоступная масса, а выступает в роли эталона и культурного образца.

Перспективой исследования является дальнейшее изучение массовой культуры в силу динамичности ее развития, а также особенностей функционирования данного феномена в условиях современной российской действительности.

Ключевые слова: массовая культура, элитарная культура, массы, индустриализация, массовое общество, постиндустриальное общество, идентичность

Для цитирования: Якунина И. С., Тищенко И. А., Тищенко Ю. Г. Развитие представлений о массовой культуре в зарубежной традиции // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 240–248. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-240-248>.

Original article

THE DEVELOPMENT OF IDEAS ABOUT MASS CULTURE IN THE FOREIGN SCIENTIFIC TRADITION

Inna S. Yakunina^{1✉}, Irina A. Tishchenko², Yulia G. Tishchenko³

^{1,2}Shakhty Road Institute (branch),

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Shakhty, Russia

³Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia

¹babushka30@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0003-2259-1932, AuthorID RSCI: 1085471

²lingvan@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-1147-7245,

WoS Research ID: ABG-6573-2020, Scopus ID: 5722245489

³yuliatiss@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5948-0692

Abstract. *The purpose of the study is to consider approaches to the analysis of mass culture for a more meaningful understanding of the functioning of this phenomenon in modern society.*

The methodology of the research is various approaches to the consideration of mass culture, presented in the works of A. Schopenhauer, F. Nietzsche, G. Lebon, G. Tarde, Z. Freud, K. Jaspers, H. Ortega y Gasset, K. Mannheim, E. Toffler, J. Baudrillard, which study the features and functions of mass culture, its influence on personality. The analysis of the phenomenon of mass culture is carried out on the basis of the principles of consistency and dialectics.

The results of the study. Having analyzed the existing approaches to the consideration of the phenomenon of mass culture, the authors conclude that, despite the complexity of society and the emergence of various cultural forms, mass culture continues to dominate. Nevertheless, due to technological and socio-cultural changes, the transformation of the system of value orientations, there is a tendency to personalize culture associated with the subjectivization of social processes, changes in motivation and the nature of consumption, the desire to acquire identity. Mass culture adapts to the increasingly complex needs of the audience, offering them prestigious and individualized products. Elite culture ceases to exist as inaccessible to the masses, but acts as a standard and cultural model.

The prospect of the research is the further study of mass culture due to the dynamism of its development, as well as the peculiarities of the functioning of this phenomenon in the conditions of modern Russian reality.

Keywords: mass culture, elite culture, masses, industrialization, mass society, post-industrial society, identity

For citation: Yakunina I. S., Tishchenko I. A., Tishchenko Yu. G. The development of ideas about mass culture in the foreign scientific tradition // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 240–248. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-240-248>.

Введение. Массовая культура представляет собой особый тип культуры, который возникает в эпоху индустриализации в условиях становления массового общества и особое значение приобретает в технологически развитом постиндустриальном обществе. Предпосылками возникновения массовой

культуры выступили становление индустриальной экономики, опирающейся на конвейерное производство, интенсивное развитие технологий, распространение средств массовой коммуникации. Все эти процессы сопровождалась урбанизацией, разрушением прежних социальных целостностей, форми-

рованием новой картины мира, ценностных установок, поиском идентичности.

Массовая культура формировалась в ситуации разрушения традиционной структуры доиндустриального общества. Усилившаяся социальная дезориентация актуализировала необходимость выработки новых ценностных ориентиров, стандартов жизнедеятельности. Ценностно-ориентационную функцию взяла на себя доминирующая массовая культура, распространяя стереотипы общественной и индивидуальной активности, выступая механизмом социализации, способствуя самоопределению личности.

В результате разложения сословного устройства общества произошло значительное усложнение социальной структуры, выделение различных групп и слоев, перемещение между которыми происходило достаточно свободно. Некогда привычный жизненный уклад сменяется непредсказуемым и хаотичным. В результате интенсификации всех социокультурных процессов, ускорения темпа жизни, омассовления различных форм человеческой деятельности наступает эра массового общества и выдвигание человека массы. Для этого типа общества характерен ряд негативных тенденций, связанных с разрушением этнической, религиозной, культурной идентичности личности, стиранием мировоззренческих основ ее самоопределения. В результате омассовления культуры намечается тенденция упрощения культурных практик [8].

Массовизация зачастую сопровождается отходом на второй план таких черт личности, как компетентность и образованность. Устойчивые и всем понятные критерии, которые необходимы для продвижения в условиях массового общества, не действуют. Оно предъявляет к индивиду совсем иные требования, делает необходимыми для достижения успеха коммуникабельность, уверенность в себе, умение адаптироваться к быстро меняющимся условиям, относительность моральных качеств и т.д.

Тем не менее процесс становления массового общества сопровождался и положительными тенденциями, связанными с либерализацией, установлением равенства прав, свободным самоопределением личности в выборе места жительства, сферы деятельности, правом каждого самостоятельно вы-

бирать образ мыслей и действий. Таким образом, «восстание масс» представляет собой следствие осознания людьми открывшихся перед ними возможностей осуществления своих желаний и реализации планов.

Несмотря на кажущуюся простоту и достаточную освещенность в научной литературе, феномен массовой культуры является довольно противоречивым и малоосмысленным. Тем самым вполне очевидно, что рассмотрение специфики данной культурной формы, а также следствий ее влияния на личность предполагает прежде всего анализ тенденций развития представлений о данном явлении.

Рассмотрение феномена массовой культуры в научном дискурсе: от выделения психологических черт представителей массы до экономических и социально-культурных аспектов информационного общества. Одним из первых попытку изучения сущности зарождающегося типа культуры предпринял И.Г. Гердер. В своей работе «Идеи к философии истории человечества» он делит культуру на 2 типа: «культуру ученых» и «культуру народа» [2]. Призвание первой состоит в производстве, сохранении и передаче научного знания, а также обучении тех, кто самостоятельно к этому не способен. «Культура народа» отличается простотой, которая делает ее доступной для постижения всех слоев общества.

Анализ отличий массовой культуры от элитарной содержится во взглядах А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. Первый в своем труде «Мир как воля и представление» рассматривает деление общества на «людей пользы», занятых преимущественно производительным трудом практической направленности, и «людей гения», которые обладают уникальной возможностью творческого преобразования действительности [12]. Ф. Ницше в своих работах «Человеческое, слишком человеческое», «Так говорил Заратустра» и др. описывал идеальный тип личности, «сверхчеловека», наделенного способностью эстетического восприятия и творчества [5; 6]. По мнению Ницше, для человека очень важно умение сохранять дистанцию между собственной личностью и обществом, оставаться одиноким. Это одиночество необходимо для того, чтобы не раствориться в потоке соци-

альных процессов и не утратить собственное «Я». Рассуждая об одиночестве, Ф. Ницше отмечает важность понимания собственных, а не навязанных извне массовой культурой желаний, вопреки «стадному чувству» [6].

Ницше, несмотря на сарказм, свойственный его форме изложения мыслей, точно уловил суть человека массы. С его точки зрения, это личность, обладающая заурядной душой, находящаяся в состоянии интеллектуальной и духовной дремоты, при этом не желающая делать ничего, кроме того, что приносит ей удовольствие. «Горе! Приближается время, когда человек не родит больше звезды. Горе! Приближается время самого презренного человека, который уже не может презирать самого себя... Земля стала маленькой, и по ней прыгает последний человек, делающий все маленьким... Нет пастуха, одно лишь стадо» [6, с. 13–17].

На рубеже XIX–XX веков выстраивается теоретическая дискуссия вокруг категорий «массового» и «массы», которая выражает негативное отношение к новому социально-психологическому феномену. Наиболее полно проблема психологии масс рассматривается в трудах Г. Лебона и Г. Тарда. В своих работах «Психология народов и масс» и «Публика и толпа» мыслители анализируют «массу» и ее первичную форму «толпу» как ранее не существовавший социальный субъект, обладающий такими чертами, как внушаемость, анонимность, размывание чувства ответственности, преобладание эмоционального над рациональным, нескритичность к восприятию информации, нетерпимость к инакомыслию, сужение многообразия восприятия мира до бинарных оппозиций (свой-чужие, хорошее-плохое) [3].

Лебон, изучая специфику толпы, подчеркивает, что ее психологические особенности совсем не совпадают с индивидуальными чертами каждого отдельно взятого человека. Люди, объединяясь в толпу, формируют совершенно новый социальный субъект, некую «коллективную душу», которая действует под влиянием случайных факторов либо неких возбудителей. Впрочем, Лебон не рассуждает о причинах возникновения толпы, сосредоточившись на анализе ее характерных черт. В силу осознания многочисленности толпы, ее анонимности индивид испытывает чувс-

тво, толкающее его на такие поступки, которые он никогда не совершил бы в одиночку. В толпе все эмоции крайне заразительны, стремительно распространяются, заставляя индивида поступать в соответствии с ними, часто даже вопреки собственным интересам. В качестве одной из особенностей толпы Лебон выделяет восприимчивость к внушению, которая схожа с гипнотическим воздействием, когда человеческие поступки, чувства и мысли направляются чьей-то невидимой волей. Лебон невысоко оценивает интеллектуальные возможности толпы, отмечая, что она способна действовать в соответствии с привычными образами и чувствами, не требующими сложных умозаключений. Мыслитель также подвергает анализу идеи, которые могут вдохновить толпу, отмечая их консервативность, простоту, образность, восприимчивость к оборотам речи, умелое использование которых может сделать их автора кумиром и лидером. Лебон отмечает, что верховенство толп обладает разрушительной силой и является показателем периода варварства в развитии цивилизации.

Тард в основном разделяет выводы Лебона, выделяя такие черты толп, как склонность впадать в крайности, отсутствие чувства меры, нетерпимость и безнаказанность. Однако, он гораздо более снисходителен к толпам, акцентируя, что они могут быть для общества полезны, объединяя людей, способствуя формированию у них чувства солидарности, например, во время праздничных массовых гуляний и т.д.

Помимо Лебона и Тарда изучением психологии масс также занимался З. Фрейд. В своем известном труде «Психология масс и анализ человеческого Я» он сосредоточился на анализе особенностей поведения людей в составе массы, отмечая вслед за своими предшественниками, что человек, ставший участником такого рода объединения, начинает вести себя совершенно иначе, подчас прямо противоположно своей обычной манере поведения [10]. Людей, объединившихся в массу, с точки зрения Фрейда, связывает общее чувство единения и симпатии друг к другу. Инструмент подобной душевной солидарности связан с действием следующих факторов: наличием у данной толпы определенно-го престижа и авторитета, общего вождя либо

кумира и значимой идеи, разделяемой всеми. Чувство ответственности, роль всеобщего цензора и морального ориентира переносятся на вождя. Индивид, находясь в массе, может расслабиться и подчиниться ее устремлениям, находя в этом для себя удовольствие. Человек массы отказывается от самокритики, основанной на общекультурных ценностях и общественной морали, подчиняясь критике толпы, «совершенно очевидна опасность массе противоречить, и можно себя обезопасить, следуя окружающему тебя примеру, то есть иной раз даже “по-волчьи воя”» [11, с. 199]. В функционировании массы Фрейд выделяет такие ее проявления, как равенство всех ее членов, кроме вождя, и чувство социальной справедливости, общий корпоративный дух, который проявляется в равенстве, отсутствии стремления к выдвиганию, и равное владение имуществом.

В интервале конца XVIII начала XX века массовые общественные явления становятся все более отчетливыми, поставив перед мыслителями проблему их анализа как специфического коллективного единства и субъекта социального действия. Индустриализация, массовое производство радикально изменили повседневную жизнь людей, которая, как отмечал К. Ясперс, «превратила все существование в действие некоего технического механизма, всю планету — в единую фабрику» [13, с. 50]. Все, произведенное на этой фабрике, носит массовый характер, включая и человеческую «продукцию». Личность, формируясь под воздействием массового образования и направленных потоков информации, деиндивидуализируется, утрачивает свои уникальные черты, она обречена на анонимное существование, тем не менее представляя идеальную частицу массового общества.

Представителем этико-эстетического направления в описании массового общества является Х. Ортега-и-Гассет, который с тревогой описывал нарастание массовизированного типа личности, ориентированного на потребление [7]. Человек массы может быть представителем любого социального слоя — это средний индивид, который абсолютно посредственен, бездумно усваивает любую информацию, его отличают пассивность, полуобразованность, самодовольство. Автор подчеркивал, что в индустриальном

обществе происходит деление «... на два класса: на тех, кто требует от себя многого и сам на себя взваливает тяготы и обязательства, и на тех, кто не требует ничего и для кого жить — это плыть по течению, оставаясь таким, какой ни на есть, и не силясь перерасти себя» [7, с. 322]. Несмотря на это, представитель массы не хочет быть управляемым со стороны элитарного меньшинства, а, напротив, стремится вытеснить его из всех традиционных для него областей — культуры и политики, что влечет за собой снижение нравственности, духовную деградацию, падение общего уровня культуры. Ортега-и-Гассет отмечает два проявления человека массы: количественное и качественное. Количественное проявление заключается в росте численности населения, который наблюдается в XX веке, выдвигая массу как социальный субъект на авансцену мировой истории. В качественном отношении изменения происходят в духовном и культурном самоопределении человека массы, для которого характерными являются безответственность и неблагодарность. Неблагодарность проявляется в потребительском отношении к цивилизации, которая обеспечивает его существование. Желания и потребности человека этого типа имеют тенденцию к неумолимому росту. «Человек массы считает, что та цивилизация, которую он видит и использует со дня рождения, так же первозданна и самородна, как Природа, и тем самым становится в положение дикаря» [7, с. 322].

Традицию рассмотрения массовой культуры, заложенную Х. Ортегой-и-Гассетом, продолжил К. Манхейм, который следствием установления массовой культуры в качестве доминирующей видел возможность смены политического строя и установления различных форм тоталитаризма. Рассматривая проявления массовой культуры, он выделил два вида иррациональности: «позитивную» иррациональность, которая проявляется в спортивных состязаниях и праздниках, и «негативную», проникающую в те сферы, которые нуждаются в рациональном управлении, в том числе и политику. Этот процесс он называл «негативной демократизацией» [4, с. 144–145].

Сам термин «массовая культура» и попытка его дефиниции впервые встречается

в работах М. Хоркхаймера в начале 40-х годов в эпоху индустриально развитого общества. В этот период акцент исследования смещается с рассмотрения психологических черт представителей массы на экономические аспекты развития общества, а массовая культура рассматривается как коммерческая [14].

В различных концепциях постиндустриальный тип общества изучается как детерминированный прежде всего не экономическими, а социальными и культурными факторами, в котором происходят изменения и в сфере культуры, предполагающие возможность конвергенции культуры массовой и элитарной. Подчеркивается, что массовая культура выполняет компенсаторную и рекреационную функции, способствует снятию социального напряжения, уравнивая возможности и выступая признаком демократизации. Элитарная же культура начинает восприниматься не как закрытая культурная форма, чуждая широким слоям общественности, а как эталон, ценность которого в сознании людей высока. Таким образом, личность в таком типе общества не ограничена узкими рамками примитивной формы культуры и не отчуждена от высокой в силу ее недоступности, а имеет возможность выбора. Как раз эти явления Э. Тоффлер обозначил как индивидуализацию личности и демассификацию культуры [9].

В концепциях постиндустриального и информационного общества большое значение придается информации и знаниям, которые становятся основными факторами производства. Подчеркивается, что в обществе такого типа происходит интеграция новейших информационных технологий и социального порядка, изменения происходят и в сфере самоидентификации личности. Человек больше не рассматривается как частица безличной «массы», он более самостоятелен, критически анализирует информацию, менее подвержен манипулированию.

Стоит отметить, что в концепциях постиндустриального общества современные информационные технологии рассматриваются преимущественно как часть «индустрии развлечений», они функционируют в сферах стандартизированного мышления по законам масскульта, основная цель которого состоит в достижении коммерческого успеха.

Информация, поступающая от средств массовой коммуникации, часто лишена смысла и имитирует его, либо искажает, создавая иллюзорную гиперреальность. Эта проблема была осмыслена в исследованиях одного из теоретиков постмодернизма Ж. Бодрийера. Характеризуя современное состояние общества, Бодрийер отмечал, что ценности предшествующих стадий развития растворяются в новой социальной организации, универсальным признаком которой выступает повсеместное распространение «симулякров». «Симулякр» в концепции исследователя представляет собой некую социокультурную реальность, обладающую неподлинным, иллюзорным смыслом. При этом для нынешней фазы, регулируемой кодом, господствующим типом «симулякра» выступает «симуляция». Согласно воззрениям исследователя, массовая культура создает некое виртуальное пространство, способное имитировать константную действительность посредством «симулякров» и «гиперреального». Подобный процесс копирования мира необходим для его восприятия. «Сегодня же вся бытовая, политическая, социальная, историческая, экономическая и т.п. реальность изначально включает в себя симулятивный аспект гиперреализма: мы повсюду уже живем в “эстетической” галлюцинации реальности» [1, с. 256]. Согласно Бодрийеру, эпоха постмодернизма представляет собой эпоху нарастающей симуляции, где «симулякр» — это модель объекта, который в действительности не существует или давно забыт или утрачен, грань между знаками и реальностью постепенно стирается. В качестве универсальных признаков «симулякров» исследователь выделяет скрытость истинных мотивов симуляции и ее универсальность, проникновение во все сферы общества.

Массовая культура создает не совпадающие с реальными явлениями подобию и формирует на их основе мировосприятие человека. Таким образом, современная культура рассматривается как продуцирующая «симулякры» истории, природы, общественного мнения, политики, социальности, где означаемое реальность с реальностью как таковой не соотносится.

Заключение. На нынешнем этапе развития в силу существенного усложнения обще-

ства и появления разнообразных культурных форм тем не менее можно констатировать доминирование массовой культуры, для которой характерны определенная заданность культурных объектов, их широкая тиражируемость и массовое потребление. Она ориентируется на повседневность и связана с такими моделями поведения, как достижение успеха любыми средствами, стремление к комфорту и т.д. Так или иначе недооценивать эту форму культуры невозможно в силу того, что ее носителем выступает большая часть общества.

Помимо этого, в информационном обществе складывается новая система ценностей, обусловленная технологическими изменениями, выдвиганием ценностей знания и информации, которые становятся основными факторами производства. С другой стороны, ценностные ориентации предопределены и соответствующими социокультурными установками, связанными с субъективизацией социальных процессов, трансформацией мотивации и характера потребления, которые ведут к демассификации и индивидуализации. Важной особенностью ценностей становится их символическая природа, основанная на статусных аспектах, в то же время существенной чертой обмена выступает не экономический, а символический характер.

Можно говорить о тенденции персонализации культуры, связанной с утратой личностью черт «массового индивида», стремлением к самовыражению и обретению идентичности. В условиях совершенствующихся технологий и повышения уровня жизни массовая культура подстраивается под все более дифференцирующиеся потребности аудитории, предлагая ей разнообразные, престижные и глубоко индивидуализированные продукты.

Таким образом, специфика потребляемой культуры становится иной: массовая продолжает существовать как универсальная форма, выполняющая развлекательную и компенсаторную функции с ориентацией на персонализацию запросов аудитории. В то же время элитарная культура перестает существовать как закрытая и недоступная массам, но, напротив, выступающая в роли эталона и культурного образца. Более целесообразным представляется установление диалога между данными видами культуры — это могло бы способствовать взаимообогащению, пре-

одолению негативных проявлений массовой культуры и развитию культуры в целом.

Список источников

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
2. Гердер И.Г. Идеи к истории философии человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
3. Лебон Г., Тард Г. Психология толп. Мнение и толпа. М.: Институт психологии РАН, КСП+, 1998. 416 с.
4. Манхейм К. Диагноз нашего времени. Очерки военного времени, написанные социологом. М.: ИНИОН, 1992. 254 с.
5. Ницше Ф. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 830 с.
6. Ницше Ф. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 829 с.
7. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2002. 509 с.
8. Пономарев П.А., Тищенко И.А., Якунина И.С. Культурный иммунитет российского общества в научном дискурсе // Вестник ЮРГПУ (НПИ). 2021. №3. С. 270–280.
9. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
10. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. М.: Э, 2016. 96 с.
11. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. СПб.: Алетейя, 1997. 222 с.
12. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. 1, 2. М.: Наука, 1993. 672 с.
13. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. М.: АН СССР, ИНИОН, 1978. 210 с.
14. Horkheimer M., Adorno T.W. Kulturindustrie. Aufklärung als Massenbetrug. Frankfurt am Main: Fischer Verlag GmbH, 1987. 312 p.

References

1. Bodrijjar Zh. Simvolicheskiy obmen i smert' [Symbolic exchange and death]. Moscow: Dobrosvet, 2000. 387 p. (In Russ.).
2. Gerder I. G. Idei k istorii filosofii chelovechestva [Ideas for the history of philosophy of mankind]. Moscow: Nauka, 1977. 703 p. (In Russ.).
3. Lebon G., Tard G. Psihologija tolpa. Mnenie i tolpa [Psychology of crowds. Opinion and the crowd]. Moscow: Institut psihologii RAN, KSP+, 1998. 416 p. (In Russ.).

4. Manhejm K. Diagnostika nashego vremeni. Oчерки voennogo vremeni, napisannye sociologom [Diagnosis of our time. Wartime essays written by a sociologist]. Moscow: INION, 1992. 254 p. (In Russ.).
5. Nicshe F. Sochinenija v 2-h tt. [Works in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Mysl', 1990. 830 p. (In Russ.).
6. Nicshe F. Sochinenija v 2-h tt. [Works in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Mysl', 1990. 829 p. (In Russ.).
7. Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass [The Uprising of the masses]. Moscow: AST, 2002. 509 p. (In Russ.).
8. Ponomarev P.A., Tishhenko I.A., Jakunina I.S. Kul'turnyj immunitet rossijskogo obshchestva v nauchnom diskurse [Cultural immunity of the Russian society in scientific discourse]. *Vestnik JuRGPU (NPI)* [Bulletin of the SRSPU (NPI)]. 2021; (3): 270–280. (In Russ.).
9. Toffler Je. Shok budushhego [Shock of the future]. Moscow: AST, 2002. 557 p. (In Russ.).
10. Frejd Z. Psihologija mass i analiz chelovecheskogo Ja [Psychology of the masses and analysis of the human ego]. Moscow: Je, 2016. 96 p. (In Russ.).
11. Frejd Z. Totem i tabu. Psihologija pervobytnoj kul'tury i religii [Totem and taboo. The psychology of primitive culture and religion]. Saint Petersburg: Aletejja, 1997. 222 p. (In Russ.).
12. Shopengaujer A. Mir kak volja i predstavlenie [The world as will and representation]. Vol. 1, 2. Moscow: Nauka, 1993. 672 p. (In Russ.).
13. Jaspers K. Istoki istorii i ee cel' [The origins of history and its purpose]. Moscow: AN SSSR, INION, 1978. 210 p. (In Russ.).
14. Horkheimer M., Adorno T.W. Kulturindustrie. Aufklärung als Massenbetrug. Frankfurt am Main: Fischer Verlag GmbH, 1987. 312 p.

Статья поступила в редакцию 26.02.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 12.04.2024.

The article was submitted on 26.02.2024; approved after reviewing on 20.03.2024; accepted for publication on 12.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Якунина Инна Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Экономика и управление» Шахтинского автодорожного института (филиала) Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Шахты, пл. Ленина, 1

Inna S. Yakunina — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of «Economics and Management» Department, Shakhty Road Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

1 Lenina sq., Shakhty, Russia

Тищенко Ирина Александровна — доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Экономика и управление» Шахтинского автодорожного института (филиала) Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Шахты, пл. Ленина, 1

Irina A. Tishchenko — Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of «Economics and Management» Department, Shakhty Road Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

1 Lenina sq., Shakhty, Russia

Тищенко Юлия Геннадьевна — кандидат социологических наук, специалист Учебного управления, Ростовский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Нахичеванский, 29

Yulia G. Tishchenko — Candidate of Sociological Sciences, Specialist of the Training Department, Rostov State Medical University of the Ministry of health of the Russian Federation.

29 Nakhichevansky str., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

16+

Свободная цена

Издатель и учредитель: Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Телефон: (8635) 25-51-54

Сайт: www.vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU

E-mail: vestnik-npi@yandex.ru

Отпечатано в типографии ИД «Политехник» Южно-Российского государственного
политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная

Усл. печ. л. 28,83. Уч.-изд. л. 31

Тираж 500 экз. Заказ № 46-0310

© Составительство. Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, 2024